

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Завьялова Анастасия Ивановна

**ВЕЩИ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории культуры
факультета культурологии РГГУ
Антонов Дмитрий Игоревич

Москва 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВЕЩИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ	24
1.1. Материальные объекты в исследованиях религиозной инфраструктуры	25
1.2. Циркуляция, товаризация и режимы ценности религиозно значимых предметов.....	38
1.3. Символический статус вещей в христианской культуре.....	50
1.4. Приглашающая материальность: аффордансы храмовых вещей.....	65
ГЛАВА 2. ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АКТОРЫ, ЦЕНЗУРА И ИНФРАСТРУКТУРА	74
2.1. Православный приход в современных российских контекстах	75
2.2. Церковная цензура и факторы оценки вещей в храмах	89
2.3. Церковные распорядители как агенты цензуры	100
2.4. Дарители и пользователи: механизмы циркуляции вещей в православных приходах	107
ГЛАВА 3. ВЕЩИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ПРИХОДОВ	128
3.1. Символически значимые предметы с неопределенным статусом в инфраструктуре православных храмов	129
3.1.1. Вотивные дары.....	130
3.1.2. Цветы	140
3.1.3. Записки святым	148
3.1.4. Вещи, символически связанные с Церковью	154
3.1.5. Священный мусор	159
3.2. Как приходы работают с вещами: спектр культурных практик.....	167
3.3. Инфраструктурные стратегии приходов: кейс-анализ	179
3.3.1. Храм-витрина: стратегия демонстрации.....	179
3.3.2. Музей в храме. Стратегия коллекционирования	210
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	232
ПРИЛОЖЕНИЕ	274

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

После распада СССР Русская православная церковь Московского патриархата (РПЦ МП¹), наряду с другими религиозными организациями, полноправно вернулась в публичное пространство и укрепила свой статус в российском обществе. В публичном дискурсе этот процесс часто именуется «религиозным ренессансом»². С 1990-х гг. началась (и продолжается до сих пор) многоаспектная «рематериализация» православия. После принудительной советской секуляризации, закрытия, опустошения и разрушения храмов в стране развернулись реконструкция и строительство. Восстановление и возведение храмов, монастырей, часовен сопровождалось не менее активным формированием их материальной среды³ – и в интерьере, и на прилегающих территориях. Появлялись новые публичные пространства для религиозных практик и взаимодействий. Возрождались церковные искусства, ремесла, музеи; производство религиозных образов и предметов благочестия становилось массовым. В храмы возвращались утраченные реликвии, а наряду с ними возникали новые почитаемые объекты. Параллельно шли процессы (ре)конструирования многих утраченных или ушедших на периферию в советский период религиозных практик⁴. Пересборка *религиозной инфраструктуры*⁵ стала важным

¹ В дальнейшем в тексте, наряду с аббревиатурой РПЦ МП используется ее сокращенный вариант – РПЦ.

² Конец советской эпохи и начало постсоветской плотно связаны на риторическом уровне со сломом и возрождением, хотя исследователи советского атеизма и постсоветской десекуляризации показывают, что трансформация не была одномоментной. См., например: [Агаджанян 2011; Агаджанян 2019; Кормина, Штырков 2015; Смолкин 2021 и др.].

³ Под материальной средой мы понимаем комплекс материально-технических условий и артефактов, который складывается в определенном православном приходе. В ряде случаев понятия «материальная среда» и «инфраструктура» употребляются как синонимы (см. подробнее об этих терминах в разделе 1.1.).

⁴ Говоря о (ре)конструировании, мы имеем в виду, что многие религиозные практики в ходе восстановления религиозной жизни в России после распада СССР были не просто возобновлены, но переосмыслены и адаптированы к современным реалиям, то есть в некотором смысле они всегда сконструированы заново. Тематике (ре)конструирования православных религиозных практик посвящен исследовательский проект Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени (УНЦ ВИСИНВ) РГГУ, начавшийся в 2019 г. Проблематика исследований, которые разрабатывает УНЦ ВИСИНВ, довольно широка: особенности конструирования храмового пространства и топография природных святынь, практики взаимодействия с реликвиями и сакральными образами, votivные практики, практики апроприации силы, связанные представления о незримом присутствии благодати в материальных объектах; наконец, советские иконы и комплексные иконы XIX в. (киотки, фолежки), их роли и особенности функционирования в СССР и современной России. Проблематика стала ключевой в рамках конференций-биеннале «(Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве», организуемых УНЦ ВИСИНВ в РГГУ с 2021 г.

⁵ В работе термин «религиозная инфраструктура» используется для обозначения социотехнических условий существования современных православных сообществ, включающей также сети взаимодействий между человеческими и нечеловеческими агентами

явлением современной православной культуры. Приход как базовая единица Церкви, его богослужебные, социальные и хозяйственные практики формировались в новых материальных условиях.

В то же время в последние десятилетия на волне материального и онтологического⁶ поворотов в социальных и гуманитарных науках материальность веры стала все чаще интересоваться исследователей. Особое значение приобрело направление «материальная религия» (*material religion*), а также исследования религиозной инфраструктуры. Оба эти направления унаследовали многое из акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло и др.). В рамках материальной религии и инфраструктурного подхода объекты рассматриваются не только как носители сакральных смыслов или культурных ценностей, но и как активные участники социальных процессов. В религиозной сфере вещи понимаются не только как значащие и репрезентирующие, но «живущие», по-своему агентные и влияющие на «миры веры», «жизненные миры» людей. Инфраструктурный подход подчеркивает роль материально-технических условий, в которых формируется и происходит социальная циркуляция – людей, вещей, идей. Во многих исследованиях материальной религии религиозность понимается как результат взаимодействия людей с предметами, играющими роль «сенсуальных форм» (в терминологии Б. Майер). Материальные объекты рассматриваются как медиа, посредством которых вера рождается в чувственном опыте людей.

Параллельно с постсоветской реставрацией православной инфраструктуры во многих российских научных работах православие начало осмысляться как особая материальная среда. Храмы, церковные здания и другие религиозные пространства, а также реликвии, одеяния,

(сверхъестественными – Бог/ангелы/святые и физическими – вещами) [Кормина, Хонинева, Штырков 2022]. Применяя инфраструктурный подход к православному христианству, мы рассматриваем *православную инфраструктуру*, имея в виду материальную среду и сети отношений, связанные с РПЦ МП. Более подробно о данной терминологии см. раздел 1.1.

⁶ Материальный поворот, или поворот к материальности, – тенденция в социо-гуманитарном знании, возникшая в связи с работами Б. Латура, М. Каллона, Дж. Ло, А.-М. Мол, К. Кнорр-Цетины, А. Гелла, М. Стратерн и др. В целом же это рамочный термин для целой плеяды научных направлений, которые объединяет интерес к материальности и «требование нередукционистской проблематизации вещиности социального мира» [Вахштайн** 2006]. Что касается так называемого онтологического поворота, то, как и в случае с материальным поворотом, исследователи отмечают множество его вариаций (со сторон объектно-ориентированных онтологий, со стороны спекулятивного реализма, со стороны исследований науки и технологий и др.). В этом исследовании мы, в основном, подразумеваем под онтологическим поворотом таковой в антропологии; его связывают с именами Э.В. де Кастру, Ф. Дескола, Э. Кона и др. Однако ряд исследователей отмечает, что разделение материального и онтологического поворотов носит непоследовательный характер, и под этими определениями часто подразумеваются одни и те же тенденции [Вахштайн** 2015; Мол 2018: 13–16; Сивков 2022; Hazard 2013 и др.]. См. также: [Подорога 2016]. *В.С. Вахштайн внесен Министерством Юстиций РФ в список иноагентов 22 апреля 2022 г. Здесь и далее по тексту это отмечается двумя астерисками (**).*

литургические предметы и т.п. были концептуализированы не просто как репрезентанты и внешние проявления веры, но как условия ее реализации.

Церковь как институт стремится формировать и контролировать различные аспекты православного «мира веры». Материальная среда православия часто выстраивается «сверху». Совместными усилиями архиереев, настоятелей храмов, светских заказчиков, архитекторов пространство храмов конструируется как пространство святынь и дорогостоящих религиозных объектов. Однако не менее активно православная инфраструктура достраивается «снизу», через практики, в которые включены многие другие акторы: приходское сообщество, окказиональные посетители храмов, паломники, светские туристы и т.д. Этот процесс играет важнейшую роль для инфраструктуры современных православных приходов. Именно через вернакулярные практики прихожан и посетителей храмы оказываются наполнены различными вещами и зачастую обретают ярко выраженную инфраструктурную специфику.

В современных православных кругах практика приносить различные вещи в храмы часто обозначается как «церковный принос» или просто «принос». В различных формах эта практика существовала с первых веков легализованного христианства. На протяжении своей многовековой истории она трансформировалась, а в постсоветскую эпоху обрела новые характерные черты. Понятием «принос» зачастую описывают не только процесс дарения/принесения вещей, не только место, где их можно оставить в церкви, но и сами предметы, которые попадают в храмы благодаря активности прихожан и других посетителей⁷.

Весь комплекс предметов, которые люди приносят в храмы, можно разделить на четыре группы (хотя границы между ними зачастую бывают подвижными).

Первую группу составляют значимые и дорогостоящие объекты, включая иконы и реликвии, которые преподносят в дар церквям и монастырям богатые вкладчики. Вторая группа объединяет предметы, которые имеют утилитарное значение и быстро распределяются или используются в храмах на соответствующие «нужды» (денежные приношения, стройматериалы, одежда, еда «на помин» и т.п.). К третьей относятся предметы, которые приносят в дар святым/иконам (букеты, украшения, благодарственные записки и многое другое). Четвертая

⁷ Нужно отметить, однако, что однозначной трактовки этого слова не сложилось: разные акторы вкладывают в него разное значение. Где-то под приносом понимают только продукты, принесенные на панихиду для поминовения усопших. В других храмах это слово закреплено за вещами, которые прихожане приносят на обмен или утилизацию. В третьих принос – это одежда и обувь, которую посредством Церкви жертвуют нищим и обездоленным. Некоторые священники трактуют слово максимально широко, и тогда оно означает любое пожертвование верующего человека – и строящийся на спонсорские деньги храм, и продукты, которые приносят на панихиду, и пожертвованные в дни Пасхи куличи и крашеные яйца и т.д. В работе мы используем понятие «церковный принос» для обозначения локусов, практики и самих объектов, так как в языке носителей традиции это наиболее распространенные значения слова.

включает вещи, ненужные их прежним владельцам, порой низкостатусные, но с религиозной точки зрения значимые: старые книги и календари, руинированные иконы, сувениры и другие предметы, как-либо связанные с православием/Церковью.

Все эти типы предметов, будь то реликвия, старое Евангелие или строительные кирпичи, могут появляться в храмах благодаря активности прихожан и определяться церковными акторами как дар («вклад», «принос»). Однако на этом схожесть заканчивается. Вокруг предметов этих разных объектов выстраиваются совершенно разные практики, взаимодействия и инфраструктуры.

Высокостатусные объекты (святыни) почитают, размещают на маркированных местах в храме, выстраивают для них навесы, киоты, помосты и т.п. Они оказываются в центре практик по дистрибуции благодати (к ним прикладывают предметы для освящения, фотографии для исцеления больного и т.д.) [Антонов 2018; Антонов 2021 и др.]. Утилизация таких предметов в случае их необратимой порчи предполагает особые ритуализированные действия. Утилитарные предметы, напротив, почти никогда не наделяют какими-либо особыми качествами. Их раздают или используют по назначению, а затем, если необходимо, утилизируют наравне с бытовым мусором, помещая в урны и контейнеры.

Предметные дары святым/иконам и сдаваемые в храмы (ненужные владельцам) вещи, в которых люди считают связь с Церковью, занимают промежуточное положение в этой негласной иерархии. С реликвиями их объединяют представления о материализованной святости – незримой благодати, наполняющей предмет. Эти представления, характерные для христианской культуры с момента ее возникновения, широко распространены среди современных верующих. Благодатью, как ее понимают носители традиции, могут быть наделены несколько типов объектов. Во-первых, те, что были освящены (иконы, кресты, литургические предметы, многие вещи, продаваемые в церковных лавках и т.п.). Во-вторых, те, которые взаимодействовали со святынями (мощами, почитаемыми иконами, церковным алтарем и др.) – контактировали с ними физически или находились рядом и «напитались» их благодатью (специально изготовленные контактные святыни, бутылочки от мира или елея, упаковки и ценники от освященных вещей и проч.). Как контактные святыни (*брандеа*⁸) нередко воспринимают votivные дары иконам, цветы, которыми украшают почитаемые образа, записки,

⁸ Изначально латинским словом *brandeum* (мн.ч. *brandea*) обозначался покров, который полагают на раку святого, или ткань, в которую заворачивают его мощи или их частицы, то есть материю, контактирующую со святым телом или его фрагментами. Брандеум был одним из типов контактных реликвий [Brandium 1981: 590]. Сейчас в исследовательской литературе слово «брандеум»/«брандеа» встречается как синоним любой контактной реликвии. Один из современных примеров такого рода реликвий – платы, освященные на святых мощах, которые могут вставляться в иконы. См.: Икона прп. Сергия Радонежского с частицей плата, освященного на его мощах // Дивеевские товары. URL: <https://clck.ru/3S8Jdn> (дата обращения: 26.02.2026).

подсовываемые к реликвиям (так называемые записки святым). Все они, после передачи в храм, оказываются в непосредственной близости к святыням и, как предполагается, обретают их благодать. В-третьих, это объекты, которые *содержат на себе* знаки, отсылающие к христианству – изображения и тексты (церковные книги, православные календари, сувениры и т.д.).

Так как приношения святым/иконам и многие предметы религиозного быта воспринимаются как наполненные благодатью, их безусловно отделяют от утилитарных вещей. Как и реликвии, они часто требуют к себе особого отношения и особого обращения (благочестивого *relic-related behavior* [Hooper 2014: 194]). Ярче всего это проявляется в практиках их утилизации, которые оказываются идентичными практикам утилизации высокостатусных реликвий, а не бытового мусора. Для регулярного избавления от переизбытка таких вещей, особенно если они больше не могут быть использованы в силу их ветхости («священный мусор»), создают особые инфраструктурные объекты: специальные хранилища, колодцы, печи и т.п. С другой стороны, как и утилитарные объекты, эти предметы не почитают, не позиционируют так, как реликвии. Их не используют в богослужбных и молитвенных практиках. Многие из них в церквях могут накапливать, хранить или перемещать большими партиями, набивая в пакеты и складывая в мешки как обычные бытовые предметы.

Высокостатусные объекты (мощи, иконы, реликвии, богослужбные атрибуты, предметы храмового интерьера) обладают более устойчивым положением в обозначенной иерархии и, чаще всего, стабильным местом в пространстве храма. В то же время менее значимые вещи (освященные предметы из церковных лавок, принесенные прихожанами религиозные артефакты, дары святым / иконам, записки святым и др.) оказываются более подвижными во всех смыслах – как в плане изменчивости значений, так и в пространстве. В разных ситуациях и контекстах ценность этих предметов может ставиться под сомнение и заново определяться – с опорой на то, какие возможности они могут предложить человеку, вступающему с ними в контакт. Святость и значимость этих вещей как будто «мерцает», проявляясь в одних ситуациях и исчезая в других. Эти объекты часто включаются в практики циркуляции – перемещают, распределяют, обменивают или, напротив, выводят из обращения. Благодаря своей подвижности и, зачастую, существованию на периферии церковного пространства, предметы такого рода не слишком заметны случайному посетителю храма.

Кроме того, они, как правило, ускользали от внимания исследователей. Значимые реликвии и утилитарные вещи неоднократно становились предметом научного анализа – первые в трудах по истории Церкви и христианскому искусству, вторые в работах, посвященных экономике РПЦ. Однако дары иконам и предметы, попадающие в храмы в силу их символической связи с православием, не изучались систематически, что сформировало заметную

лакуну в исследованиях современной материальной среды и инфраструктуры православных храмов.

Объекты из этих двух категорий, с одной стороны, обладают сакральной материальностью, а с другой – не являются статусными реликвиями. В этой работе мы будем обозначать их обобщающим термином *символически значимые вещи с неопределенным статусом*⁹. Именно эти вещи¹⁰, а также связанные с ними люди, идеи и взаимодействия оказываются в центре нашего исследования.

Роль этих вещей сложно переоценить – хотя бы в силу их повсеместного распространения, массовости и разнообразия. Постоянное обращение этих предметов в приходе во многом определяет повседневную жизнь храма, выстраивает множество социальных взаимодействий и культурных практик. Вокруг этих объектов формируется особая инфраструктура – невидимая на первый взгляд, но важная часть любого православного храма. Это выводит нас на вопросы о том, как вещи провоцируют означивать их, приписывать им особый статус и включать их в определенные практики (пассивно накапливать или избирательно коллекционировать; открыто демонстрировать или хранить не на виду; обменивать, утилизировать и т.д.), формировать вокруг них определенные *инфраструктурные стратегии*¹¹.

Постоянная циркуляция широкого круга символически значимых вещей в приходах, формирование вокруг них особой церковной инфраструктуры и обширного комплекса социокультурных практик до недавнего времени не привлекали внимания исследователей. Выявить и описать эти масштабные процессы – важная и актуальная задача. Ее решение позволит понять, как формируется, живет, осознается и меняется материальная (при)церковная среда в России.

Хронологические и географические рамки исследования

⁹ Во избежание стилистических повторов мы используем синонимичные конструкции: значимые вещи с *подвижным* статусом, *мерцающим* статусом, *неоднозначным* статусом и др. Кроме того, наряду со словом «вещь» употребляются также термины «предмет» и «материальный объект». Употребление слова «вещь» в таком синонимическом ряду не является уникальным и широко распространено в англоязычных публикациях по материальной религии (например, в работах Б. Майер, У. Кина и др.), где *thing* и *material object* выступают как взаимозаменяемые понятия.

¹⁰ Не ко всем из изучаемых нами объектам применимо понятие «артефакт». Если понимать под артефактами искусственные объекты в противовес естественным [Красноглазов 2007], то в это определение не входят многие группы изучаемых нами объектов: цветы и троицкая зелень; вода, используемая в православных обрядах; пыль и грязная вода от уборки храмов и др. Поэтому в работе чаще употребляются определения «вещь», «материальный объект» и т.п.

¹¹ Под этим термином в работе понимаются локально вырабатываемые и устойчивые материально-технические решения и комплексы действий, посредством которых в конкретном приходе организуются, регулируются и распределяются потоки символически значимых вещей с неопределенным статусом.

В хронологическом плане наше исследование сфокусировано на ситуации последних пяти лет. Основной корпус анализируемых материалов относится к 2020-м гг. Однако явления и процессы, о которых идет речь, зародились или сформировались в их современном виде после исчезновения СССР, массового открытия храмов и всего комплекса изменений, которые пришли в церковную жизнь после этого. Это можно проследить по отдельным исследованиям и материалам, опубликованным этнографами, антропологами, религиоведами и историками за последние 30 лет. Соответственно, наше исследование рамочно охватывает постсоветский период российской истории и включает ряд источников, относящихся к 1990–2010-м гг.

В географическом плане исследование включает в основном регионы европейской части России. Основную источниковую базу диссертации составляют материалы, собранные в 2021–2026 гг. автором работы индивидуально¹², а также в составе рабочей группы Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени факультета культурологии РГГУ¹³ (далее – УНЦ ВИСиНВ или Центр) под руководством Д.И. Антонова. Сотрудники Центра изучают религиозные практики в современной России с 2019 г. Мониторинговые исследования актуальной православной традиции проводились в храмах и монастырях РПЦ в Московской, Ленинградской, Вологодской, Новгородской, Тверской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Брянской, Смоленской, Воронежской, Липецкой областях, в Пермском, Красноярском крае, респ. Мордовии. Дополнительно мы привлекаем источники из православных регионов Северного Кавказа (Владикавказ).

Углубленная полевая работа была проведена автором диссертации в городах: Москва, Санкт-Петербург, Вологда, Тверь, Брянск, Воронеж, Нижний Новгород, в соответствующих областях, а также в Липецкой области (исключая Липецк). Эти регионы представляются важными по нескольким причинам. Во-первых, процессы восстановления/создания православной инфраструктуры проходили здесь быстрее и интенсивнее, чем в Зауралье, Сибири и на Дальнем Востоке [Абрамов, Давыдов 2025]. Во-вторых, по сравнению с другими регионами европейской части России, это крайне насыщенные в религиозном плане области: «сакральная география» выстраивается здесь из множества известных храмов, монастырей и почитаемых природных объектов. Наконец, важно, что в пяти из этих регионов массово изготавливали

¹² Данная группа источников обозначена в ссылках аббревиатурой ПМА (полевые материалы автора).

¹³ Полевая работа была проведена в рамках 15 экспедиций, в которых участвовала автор работы (2021 г. – Нижегородская обл.; 2022 г. – Нижегородская, Ярославская, Новгородская и Тверская области; 2023 г. – Владимирская, Нижегородская, Липецкая, Воронежская, Новгородская и Тверская области; 2024 г. – Ярославская, Тверская, Нижегородская области, респ. Мордовия, 2025 г. – Вологодская обл.), а также в ходе многочисленных полевых выездов. Собранные при этой работе группа источников обозначена в ссылках аббревиатурой ПМЦ (полевые материалы Центра).

фольговые иконы-киотки. В Тверской и Вологодской областях это происходило в XIX – начале XX в. [Антонов 2025; Антонов, Доронин 2025], а в Нижегородском, Липецком и Воронежском регионах – в советские годы [Антонов, Доронин 2022; Антонов, Доронин 2023 и др.]. В постсоветской России фольговые иконы оказались включены в практики церковного приноса и начали активно циркулировать в храмах.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – материальная среда современных православных приходов России.

Предмет – символически значимые вещи с неопределенным статусом, циркулирующие в православных приходах современной России.

Цель и задачи

Цель настоящей работы – провести комплексное исследование символически значимых вещей с неопределенным статусом, а также культурных практик, в которые они включены в современных приходах РПЦ МП.

Для достижения цели необходимо решить ряд задач:

- разработать теоретико-методологическую базу для анализа материальной среды современных приходов РПЦ МП и роли символически значимых предметов с неопределенным статусом в ее формировании;
- выделить особенности современной инфраструктуры приходов Русской православной церкви;
- исследовать практику церковного приноса, а также механизмы, приводящие к ее формированию;
- описать акторов-людей, которые участвуют в практиках, связанных с символически значимыми предметами (дарителей, распорядителей, пользователей);
- выявить специфику и составить типологию символически значимых предметов с неопределенным статусом, циркулирующих в приходах РПЦ МП;
- проанализировать культурные практики, связанные с этими вещами, которые складываются в православных храмах;
- выявить стратегии включения таких предметов в материальную среду православных приходов и проиллюстрировать взаимодействие этих стратегий на примере конкретных храмов.

Источниковая база

Исследование основывается на следующих основных группах источников:

- 1) *Устные источники* – корпус интервью, собранных автором работы индивидуально (ПМА) и в составе рабочей группы сотрудников УНЦ ВИСИНВ РГГУ (ПМЦ). Интервью проводились в городских, сельских и монастырских приходах РПЦ. Основными респондентами были люди, которые непосредственно участвуют в создании и работе современной православной

инфраструктуры (церковные *модераторы*¹⁴): священнослужители, церковные работники, монахи, монастырские служащие. Прихожане, паломники, окказиональные посетители храмов тоже включены в этот процесс, но не на уровне модераторов. На сегодняшний день интервью с ними составляет меньшую часть корпуса текстов, собранных мной и исследовательской группой сотрудников УНЦ ВИСИНВ.

Всего в 2021–2026 гг. с указанными группами собеседников было проведено более 220 интервью: как в блиц-формате, так и глубинных, полуструктурированных, продолжавшихся от 15 минут до двух с половиной часов. Этот тип источников позволяет получить информацию об устройстве и специфике «вещной жизни» современных православных приходов, о сложившихся в них культурных практиках, связанных с предметами из церковного приноса, о взаимодействии людей, вещей и идей.

2) *Визуальные источники* – фото и видеоматериалы автора работы и сотрудников Центра. Кроме того, привлекаются фотографии, размещенные в печатных публикациях о некоторых храмах, а также на сайтах исследуемых приходов и в их соцсетях, в некоторых случаях – с сервиса «Яндекс.Карты», а также из архивов других исследователей – В.Ю. Коровина (Воронежский государственный университет), Д.В. Остапенко (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Корпус составляет около 500 фотоснимков и более 30 видеороликов. Подобранные визуальные материалы созданы в разные годы (с конца 1990-х гг. до настоящего момента) и позволяют отслеживать изменения, происходившие в организации (при)церковного пространства различных храмов РПЦ. Кроме того, для диахронного сравнительного анализа мы обращаемся к фотографиям С.М. Прокудина-Горского, запечатлевшего интерьеры православных церквей на рубеже XIX – начала XX в.¹⁵ Все эти источники фиксируют особенности визуального облика изучаемых объектов и контексты их непосредственного бытования, позволяют проследивать синтагматические и парадигматические связи между объектами, сложившиеся в приходах, а также изменение этих связей во времени.

3) *Письменные источники* – в первую очередь, цифровые письменные свидетельства о жизни православных приходов, высказывания представителей Церкви и других православных акторов, опубликованные на сайтах и в социальных сетях изучаемых церквей и епархий РПЦ, на православных форумах, на сервисах и порталах, в интернет-изданиях, аффилированных с РПЦ.

¹⁴ Для обозначения людей, которые распоряжаются вещами из церковного приноса (прежде всего священников, к которым попадают «возвращенные» церкви, ненужные прежним владельцам иконы, а также церковных работников, которые занимаются их хранением, сортировкой и утилизацией), я буду использовать термин *модераторы*, введенный ранее в одной из работ [Антонов, Завьялова 2024: 139].

¹⁵ Подборка визуальных источников была составлена из материалов каталога с сайта: Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского». URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/index.php> (дата обращения: 26.02.2026).

Основные привлекаемые сайты: православный портал «Азбука веры»¹⁶, электронная версия православного журнала «Фома»¹⁷, портал «Православие.ру»¹⁸, интернет-издание «Православие и мир»¹⁹, сайт совета по культуре Московского патриархата²⁰ и др. Все описанные материалы находятся в открытом доступе.

К этой же группе источников относятся информационные заметки российских новостных порталов (Москва.24²¹, РИА Новости²² и др.) о событиях в российской православной жизни, а также обсуждения вопросов, связанных с христианской верой, на неправославных интернет-сервисах вопросов и ответов (Яндекс.Кью²³, Ответы Mail²⁴ и т.п.). В работе также используются отзывы на храмы, в которых автор работы проводила полевую работу, оставленные посетителями на сервисе «Яндекс.Карты»²⁵.

Помимо цифровых письменных высказываний священников и верующих мирян, мы привлекаем некоторые русскоязычные книги, пособия и брошюры о правилах поведения в храмах, о «воцерковлении», этике православной жизни и т.п., изданные православными издательствами [Азы православия 2014; Дронов 1994; Островский 2017; Хопко 1991]. В исследование включены также печатные публикации об истории исследуемых православных приходов [Акиншин, Коровин 2019; Матвеев 2020; Толоконникова 2012 и др.]. Источники из этой группы содержат нарративы относительно практик жертвования вещей Церкви, а также наставления о «правильных» дарах Богу и указание на «неправильные», что позволяет провести анализ современной православной этики обмена.

4) *Артефакты* – религиозные атрибуты из «церковного приноса», собранные сотрудниками УНЦ ВИСИНВ в ходе экспедиций 2021–2026 гг. Это объекты, которые были пожертвованы информантами в коллекцию Центра для научного исследования. Среди них – иконы различных периодов производства и техник изготовления (в том числе «советские иконы» [Антонов, Доронин 2023]); христианская литература; рукописные тетради с молитвами; православная сувенирная продукция и т.д. Детальное изучение этих предметов позволило сделать выводы о материалах и физическом состоянии многих объектов, которые попадают в принос благодаря активности прихожан.

¹⁶ Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁷ Православный журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁸ Портал «Православие.ру». URL: <https://www.pravoslavie.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁹ Интернет-портал «Православие и мир». URL: <https://www.pravmir.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁰ Патриарший совет по культуре. URL: <https://psk-mp.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

²¹ Новости Москвы – Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

²² РИА Новости. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

²³ Сервис «Яндекс.Кью». URL: <https://yandex.ru/q/> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁴ Сервис «Ответы Mail». URL: <https://otvet.mail.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁵ Сервис «Яндекс.Карты». URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 26.02.2026).

5) *Нормативно-правовые документы* – устав Русской православной церкви [Устав РПЦ 2000] и типовой устав православного прихода как местной религиозной организации [Типовой устав прихода 2009], на юридическом уровне устанавливающие нормы приходского хозяйствования.

Теоретико-методологические основания работы

Методологическую основу диссертации составляет комплекс исследовательских подходов, главным образом тех, которые сложились в русле материального поворота – материальная религия и исследования религиозной инфраструктуры. Привлекаются также работы по семиотике и антропологии христианского искусства, а также семиотика культуры, концепции вернакулярной религиозности и др. Далее мы кратко обозначим релевантность этих направлений для нашего исследования; более подробно о методологии и используемых понятиях пойдет речь в главе 1.

Исследуя материальную среду современного православия с позиций новой социологии и онтологии общества, мы прибегаем к концепциям, разработанным в рамках теории обмена²⁶, социологии вещей²⁷, а также новой материальности²⁸. Проводниками в исследование символически значимых объектов в церкви для нас стали работы представителей направления «материальная религия»²⁹. Кроме того, мы опираемся на наработки, сделанные в последние годы исследователями религиозной инфраструктуры³⁰.

При анализе пространства православных храмов, материальности и агентности религиозно значимых вещей, особенностей их взаимодействий с людьми, нами использованы концепции исследователей, изучающих семиотику и антропологию христианского искусства и

²⁶ Здесь и далее: в тех случаях, когда мы ссылаемся на обширный ряд работ по определенной теме, и располагать их по принципу от более к менее значимым затруднительно, для удобства используется алфавитный порядок. [Бремон Д'арс 2006; Бурдые 2001; Годелье 2007; Леви-Стросс 2000; Малиновский 2015; Поланьи 2002; Салинз 1999; Салинз 2018; Ссорин-Чайков 2012; Scott 1976; Ssorin-Chaikov 2013].

²⁷ [Бодрийяр 2001; Бодрийяр 2006; Копытофф 2006; Сэмпсон 2024; Сэмпсон 2024а; Appadurai 2013; Empire of Things 2001. См. также другие статьи из сборника: Social Life of Things 2013].

²⁸ [Де Кастру 2025; Деланда 2018; Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2008; Каллон 2017; Кнорр-Цетина 2006; Латур 2006; Латур 2006а; Латур 2006б; Латур 2014; Ло 2006; Ло, Мол 2017; Мол 2018; Akrich, Latour 1992; Blewett, Wayne 2016]. См. об этом также: [Баранов 2016; Вахштайн** 2006; Вахштайн** 2015; Волкова 2019; Соколовский 2016; Соколовский 2016а; Соколовский 2017; Щепанская 2011; Pels, Hetherington, Vandenberghe 2002]. См. также: [Подорога 2016].

²⁹ [Keane 2003; Keane 2014; Key Terms 2015; Meyer 2009; Meyer 2001; Meyer 2020; Meyer, Houtman 2012; Meyer et al. 2010]. См. о методе также [Панченко 2019; Панченко, Хонинева 2019; Форум 2022; Штырков 2022].

³⁰ [Кормина 2022; Hoelzchen, Kirby 2020; Hoelzchen, Kirby 2024; Kirby 2024; Burchardt 2023; Lackenby 2024]. Об инфраструктурном подходе см. также: [Сивков 2023; Кормина, Хонинева, Штырков 2022; Larkin 2013].

реликвий³¹, в частности понятия «образ-объект», «иеротопия», «телесность икон/реликвий», «механизмы циркуляции» и др.

Находясь в области исследований религиозной культуры, мы опираемся на теории религии и религиозности, а также религиозной повседневности, актуальные для современного междисциплинарного религиоведческого поля³². Отправной точкой многих положений нашей работы стали выводы, сделанные в ходе дискуссий о соотношении «народной» и «официальной» форм религиозности³³, в которых особое значение приобрели концепции «проживаемой» и «вернакулярной» религии³⁴.

В контексте исследования механизмов семиотизации в православном христианстве, мы привлекаем труды по семиотике культуры в версии московско-тартуской школы (прежде всего исследования Б.А. Успенского³⁵). В разных контекстах важными для нас оказываются также семиотический подход к исследованию материальной культуры, разработанный в рамках советско-российской этнографии традиционной культуры³⁶ и интерпретативный подход к культуре К. Гирца³⁷.

При полевой работе были использованы антропологические методы (интервьюирование и включенное наблюдение³⁸, методы работы с артефактами³⁹). Сбор материала осуществлялся с опорой на этику полевого исследования⁴⁰. Камеральный анализ источников устного и письменного происхождения был осуществлен с применением методов кейс-стади, техник нарративного и семиотического анализа, элементов контент- и дискурс-анализа [Леонтович 2011].

Степень изученности проблемы

³¹ [Антонов 2014; Антонов 2014а; Антонов 2018; Антонов 2021; Антонов 2023; Антонов 2024; Антонов 2024а; Бельтинг 2002; Бельтинг 2018; Баше 2005; Баше 2021; Габричевский 2002; Иванов 2003; Лидов 2000; Лидов 2009; Лидов 2009а; Лидов 2013; Лосев 1993; Лосев 1994; Майзульс 2021; Майзульс 2023; Майзульс 2024; Нора 1999; Рехт 2014; Флоренский 1993; Фридберг 2026; Фуллертон 1996; Baert 2018; Baert, Itebeke, Watteeuw 2017; Geary 2013; Harland 1996; Hooper 2014; Schmitt 2002].

³² [Бахман-Медик 2017; Бергер 2019; Зиммель 1996; Кормина, Панченко, Штырков 2017; Панченко 2022; Панченко 2024; Серто 2013; Трубина, Саид 2020; Узланер 2020; Харви 2020; Чиркова 2016; Штырков 2021; Asad 2001].

³³ [Левин 2004; Панченко 2002; Панченко 2012; Штырков 2006; Мягкова 2007 и др.].

³⁴ [Primiano 1996; Лютаева 2023; Недзьведзь 2016].

³⁵ [Успенский 1998; Успенский 2002; Успенский 2006 и др.]. См. также: [Лотман 1992; Лотман 1994; Топоров 1993; Топоров 1995 и др.], а также [Колесов 1986].

³⁶ [Байбурун 1981; Новик 1998; Токарев 1970 и др.; см. также Ионин 2010].

³⁷ [Гирц 2004]. См. в том числе: [Астахова 2013].

³⁸ [Квале 2003; Леонтович 2011; Рогозин, Ипатова, Галиева 2020].

³⁹ [Антонов, Доронин, Завьялова 2024].

⁴⁰ [Мороз 2008; Панченко 2011; Щепанская 2003; Форум 2006; Зависка 2006 и др.].

Наше исследование затрагивает широкий круг вопросов: о современной российской культуре, о православной инфраструктуре, ее структурных элементах в динамике их развития, об устройстве и механизмах конструирования сакрального пространства в восточнохристианских храмах, о реликвиях и их социальном функционировании. Все эти темы освещались в ряде исследований.

Различия в советской и постсоветской культурах на примере разных типов объектов рассматриваются в работах историков, антропологов, фольклористов, культурологов⁴¹. Во многих из этих текстов разрабатывается понятие «советская вещь» и определяются ее отличительные особенности, среди которых – кустарное создание, бриколажность, долгая социальная биография и, соответственно, почти всегда – отложенная «смерть». В России после 1990-х гг. многие советские вещи оказываются в статусе «ненужных», «несовершенных», «немодных» и т.п. Поэтому в сферу внимания исследователей попадает и их «посмертная участь» и локусы, куда вещи перемещают после того, как они отслужили свой срок⁴².

Биографиям религиозно значимых артефактов традиционно уделяется внимание в антропологических исследованиях. О статусе «новых» и «старых» вещей в различных религиозных культурах написаны работы фольклористов, этнологов, культурных антропологов⁴³. В последние годы концепт «сакрального мусора» как особой категории (религиозно) значимых объектов получает осмысление в рамках исследований по материальной религии⁴⁴. Под сакральным (священным) мусором обычно понимаются изношенные, пришедшие в негодность предметы, которые не могут быть использованы в социальной практике, но которые не могут быть уничтожены наряду с бытовыми отходами. Последнее определяется тем, что такие вещи связаны с историческими личностями, обнаружены в местах трагедий или имеют отношение к религиозной сфере (например, содержат на себе сакральные тексты⁴⁵). О практиках музеефикации христианских артефактов, о музее как особом символическом пространстве и этапе в «жизни» вещи, о музейном режиме существования объектов также написано немало⁴⁶.

⁴¹ [Антонов 2024б; Антонов 2024в; Антонов, Доронин 2023а; Архипова*, Кирзюк 2024; Бойм 2023; Волков 1996; Голубев 2022; Гурова 2004; Гурова 2005; Гурова 2018; Дёготь 2005; Лебина 2015; Орлова 2004; Разумова 1999; Сальникова 2025; Сулейманова 2017, Шпаковская 2000; Шпаковская 2004; Щепанская 2011; Эпштейн 2003 и др.]. Этой теме посвящен также сборник статей «XX век: Эпоха. Человек. Вещь» [Вещь XX века 2001]. *А.С. Архипова внесена Министерством Юстиций РФ в список иноагентов 26 мая 2023 г. Здесь и далее это отмечается астериксом (*)*.

⁴² [Утехин 2004; Бредникова, Кутафьева 2004; Елютина, Ивахнова 2014].

⁴³ [Агапкина 2012; Байбурун 1996; Виноградова 2012; Валенцова, Виноградова 2004; Доронин 2022; Doronin 2018; Дьяконова, Молодякова 2010 и др.].

⁴⁴ [Chidester 2014; Paine 2014; Stengs 2014; Triplett 2017].

⁴⁵ [Death of Sacred Texts 2010].

⁴⁶ [Байбурун 2004; Байбурун 2024; Долак 2018; Кирьянова 2022; Мороз 2020; Осокина 2018; Церковные музеи 2019; Шевкунов 2015; Paine 2013].

Религиозный ренессанс в постсоветской России, возрождение приходской жизни подробно были описаны и проанализированы в публикациях по социологии религии⁴⁷. Некоторые авторы фиксировали и осмыслили процессы, происходившие в социально-экономической жизни (при)церковных сообществ⁴⁸, а также практики встраивания православных институтов в современную культуру⁴⁹, использование ими цифровых каналов коммуникации⁵⁰. Учитываются при этом и конфликтные ситуации⁵¹. Большой интерес неизменно вызывают новые формы (ре)конструируемые традиции⁵². Этим темам посвящен ряд сборников статей⁵³.

Инфраструктурными исследованиями занимается сегодня ряд научных центров России⁵⁴. Конкретные объекты, составляющие православную инфраструктуру, изучали многие советские и российские ученые – как на исторических⁵⁵, так и на современных материалах. Самое пристальное внимание было уделено сельским почитаемым местам и объектам, а также ландшафтными святыням, в том числе связанным с локально почитаемыми подвижниками⁵⁶. Разрабатывались концепты топографии/топики святынь⁵⁷, кризисных сетей⁵⁸, сакральной географии⁵⁹, комплексных святынь⁶⁰. Во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. под

⁴⁷ [Емельянов 2018; Емельянов, Юдин*** 2018; Забаев 2005; Забаев 2012; Забаев, Зуева, Колошенко 2018; Дубин 2006; Ларкина, Юдин*** 2015; Чеснокова 2005 и др.]. *Г.Б. Юдин внесен Министерством Юстиций РФ в список иноагентов 19 января 2024 г. Здесь и далее по тексту это обозначается тремя астерисками (***)*.

⁴⁸ [Агафонова 2011; Данилов 2025; Дубовка 2020; Зарубина 2001; Кнорре 2012; Кнорре, Мурашова 2019; Кормина 2011; Митрохин 2000; Митрохин 2001; Митрохин 2006; Михайлов 2014; Панков 2023; Розанова 2005; Снеговая 2011; Тарабукина 2000; Тошева 2006; Тошева 2011; Caldwell 2005; Dubovka 2018; Köllner 2011; Köllner 2013; Tocheva 2011; Tocheva 2014]. См. также статьи из сборника: [Антропология денег 2013].

⁴⁹ [Агаджанян 2011; Агаджанян 2019; Кормина, Штырков 2011; Кормина, Штырков 2015; Русселе 2011; Смолкин 2021 и др.].

⁵⁰ [Островская 2020; Радченко 2021; Radchenko 2022; Щедрина 2019].

⁵¹ [Абрамов, Давыдов 2025; Рязанова 2022; Шенк 2007; Борусьяк 2008; Кузнецов 2020; Myzelev 2021 и др.].

⁵² [Кормина 2006; Кормина 2019; Kormina, Shtyrkov 2011; Сергазина 2006 и др.].

⁵³ Например: [Религиозные практики 2006; Новые церкви 2007; Приход и община 2011 и др.].

⁵⁴ См. публикации сотрудников МАЭ РАН, исследующих инфраструктуры и мобильности в Сибири и российской Арктике, к примеру: [Гончаров 2024; Давыдов 2018; Давыдов, Боброва 2024; Давыдов, Березницкий, Шульгина 2025 и др.].

⁵⁵ [Антонов 2022а; Антонов 2025; Антонов, Сукина 2026; Антонов, Доронин 2025; Беглов 2021; Белова 2004; Бернштам 2007; Веселовский 1941; Доронин 2024; Доронин 2024а; Майзульс, Зотов, Антонов 2022; Тарасов 1995 и др.].

⁵⁶ [Кормина 2003; Кормина 2006; Мороз 2019; Панченко 1998; Филичева 2003; Шеваренкова 2001; Шеваренкова 2001а; Шеваренкова 2003; Штырков 2003; Panchenko 2014 и др.].

⁵⁷ [Виноградов 2003; Виноградов 2019].

⁵⁸ [Щепанская 1999; Щепанская 2019].

⁵⁹ [Липатова 2006; Липатова 2018; Липатова 2018а; Липатова 2019].

⁶⁰ [Антонов 2024; Доронин 2022а; Доронин, Завьялова 2022; Доронин, Завьялова 2022а].

влиянием материального поворота в исследованиях религии в работах российских ученых происходит переосмысление многих из этих понятий⁶¹.

Научные работы, которые затрагивают проблематику проявления религии в городском пространстве, обнаруживают характерные черты религиозности, формирующейся в современных мегаполисах⁶² и малых городах⁶³. Исследуются не только элементы православной инфраструктуры, почитаемые объекты и локусы⁶⁴, но и новые пространства, где может манифестироваться православная культура (магазины с церковной продукцией в торговых центрах, кофейни и т.п.)⁶⁵. Кроме них – практики сакрализации светского пространства и выстраивания (и отстаивания) православной идентичности в городском пространстве⁶⁶. С другой стороны, в исследованиях городской среды выделяются работы о религиозной архитектуре и ее роли в образе/бренде современных российских городов⁶⁷.

Материальная среда, в которой существуют современные православные сообщества, часто оказывалась в поле исследовательского внимания⁶⁸. За последние десятилетия на материалах из различных российских регионов было написано множество работ о православных святынях и о современных практиках их почитания⁶⁹. Некоторым объектам, стоящим в центре нашего диссертационного исследования, также были посвящены отдельные работы. Существуют публикации о современной вотивной традиции и дарах⁷⁰, о цветах, которыми украшают иконы⁷¹, о записках святым и схожих коммуникативных практиках⁷², о некоторых предметах из числа тех,

⁶¹ [Кормина 2022; Кормина, Хонинева, Штырков 2022; Панченко 2019 и др.].

⁶² [Куксин 2024].

⁶³ [Грамотчикова 2024; Давыдова 2015].

⁶⁴ [Антонов, Завьялова 2026; Мороз 2014; Мороз 2015].

⁶⁵ [Дуцев 2023; Налётова 2006; Остапенко 2024; Остапенко 2025 и др.].

⁶⁶ [Сукина 2022; Радченко 2025].

⁶⁷ [Пепеляева 2025; Петров, Гардер 2019 и др.].

⁶⁸ В последние годы многие российские конференции включают междисциплинарные секции о материальности веры (конференции Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ; Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ; ЕУ СПб; «Векторы», Конгресс антропологов и этнологов России и др.). См., к примеру: [Антонов, Доронин, Завьялова 2025; Реконструирование практик 2025; Российская антропология 2017 и др.].

⁶⁹ [Антонов, Доронин 2021; Мороз 2024; Мороз, Семиврагова 2021; Цеханская 2013; Чистяков 2006; Hanganu 2010 и др.].

⁷⁰ [Антонов 2023; Антонов 2023а; Антонов, Завьялова 2023].

⁷¹ [Кизей 2014].

⁷² [Громов 2024; Громов, Ипполитова 2011; Кормина, Штырков 2008; Мороз 2009; Мороз 2013; Филичева 2006; Филичева 2006а].

которые верующие приносят на утилизацию в храмы⁷³; о вернакулярном, «вещном» конструировании храмового пространства в постсоветской России⁷⁴.

Несмотря на то, что современным религиозным практикам и материальным объектам, включенным в них, посвящен широкий круг исследований, комплексный анализ материальной среды современных российских храмов/приходов до сих пор не был проведен. Соответственно, остается непроясненным целый ряд важных вопросов, в числе которых – сложное устройство современной православной инфраструктуры и роль практики приноса, а также материальных объектов с неоднозначным семиотическим статусом в ее формировании и современных трансформациях.

Научная новизна исследования

В исследовании впервые выявлен, систематизирован и проанализирован обширный комплекс вещей, циркулирующих в современных российских приходах РПЦ МП и обладающих подвижным семиотическим статусом. Описаны акторы, взаимодействующие с этими вещами, инфраструктура, которая формируется благодаря им, а также связанные с ними социокультурные практики. Исследованы разные принципы оценки предметов такого рода и то, как эти принципы реализуются (порой конкурируя) в современных российских храмах. Впервые проведен анализ церковного приноса как социального и культурного феномена, значимого для жизни современных православных приходов. Проведенная работа позволила раскрыть ряд важных процессов, происходящих в жизни российских православных сообществ.

В диссертации анализ материальной среды приходов РПЦ проводится с позиций, предлагаемых материальным поворотом в социально-гуманитарных дисциплинах. Комплексы отношений между материальными объектами и людьми, реализующиеся в храмах РПЦ, концептуализированы с опорой на инфраструктурный подход к изучению религии. Это позволило применить новейшие разработки в области исследования религиозных практик к анализу актуального этнографического материала.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что в нем на обширном материале показана работа православной инфраструктуры и роль вещей в повседневных практиках современных приходов. Результаты, полученные в ходе исследования, помогают глубже понять эволюцию христианской практики церковного приноса, ее актуального состояния и перспективы развития. Они позволяют реконструировать актуальные механизмы, лежащие в основе практик

⁷³ [Антонов 2022б; Антонов 2022в; Антонов 2022г; Антонов 2025; Антонов, Доронин 2023; Антонов, Доронин 2025; Антонов, Завьялова 2024; Антонов, Тюнина 2022; Антонов, Тюнина 2022а; Горюшкина 2021; Доронин 2023; Коровин 2025 и др.].

⁷⁴ [Антонов 2020; Антонов 2023г].

жертвования и дарения, а также стратегии означивания предметов материального мира в современной православной культуре. Это представляется важным шагом в исследованиях проживаемых, вернакулярных форм религиозности в постсоветской России и динамики их взаимодействия в (при)церковной среде. Выводы, сделанные в ходе работы, могут быть важны и при анализе других культур и религиозных традиций.

Исследование может представлять практическую значимость для специалистов по истории России и православной Церкви, культурной антропологии и антропологии религии, культурологии, религиоведения. Его материалы могут быть использованы как в дальнейших научных разработках в области православной культуры, так и при подготовке лекций, семинаров и спецкурсов по антропологии религии, истории, семиотике и этнографии христианской культуры, религиоведению, материальной религии.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертация соответствует паспорту ВАК по специальности 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства» по направлениям исследований: 2. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры, 5. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры, 6. Культурно-историческая память и культурное наследие, 24. История российской культуры конца XX – начала XXI века, 27. История христианской культуры, 37. Взаимное влияние культуры и экономической, социальной, политической жизни государства и общества в отечественной и всеобщей истории.

Апробация работы

Результаты исследования изложены в 14 публикациях – статьях⁷⁵, тезисах конференций⁷⁶ и методическом пособии, написанном в соавторстве с Д.И. Антоновым и Д.Ю. Дорониным⁷⁷.

⁷⁵ Включая: 1) 6 статей в рецензируемых научных журналах, включенных в Белый список и/или рекомендуемых ВАК [Завьялова 2026; Завьялова 2026а; Завьялова 2026б; Антонов, Завьялова 2026; Доронин, Завьялова 2022; Доронин, Завьялова 2023], в том числе 4 статьи с грифом «5.10.1 Теория и история культуры, искусства (культурология)»; 2) 2 статьи в рецензируемых научных журналах, индексируемых Scopus и WoS [Антонов, Завьялова 2024; Антонов, Доронин, Завьялова 2025] и др. ([Антонов, Завьялова 2023; Доронин, Завьялова 2022а]).

⁷⁶ Завьялова А.И. Вотивные дары в современных российских храмах // Антропология религии: Материалы XXII Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / Сост. Н.С. Петрова, Н.В. Петров. М., 2022. С. 32–33; Завьялова А.И. «Второе тело» праведника: исследование комплексных святынь юго-запада Нижегородской области // Антропология Фольклористика Социоллингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2022. С. 18–20; Завьялова А.И. «У вас тут целая коллекция!» – «Да, мусора хватает»: церковный принос в инфраструктуре храмов Русской православной церкви // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.). М.: РГГУ, 2025. С. 58.

⁷⁷ [Антонов, Доронин, Завьялова 2024].

Материалы диссертации были представлены также в 18 докладах в университетах и научных центрах России. Кроме того, промежуточные выводы обсуждались в рамках регулярных научных семинаров УНЦ типологии и семиотики фольклора РГГУ и УНЦ ВИСИНВ РГГУ.

Список основных конференций: I–III Всероссийская с международным участием научная конференция «(Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве» (21–22 ноября 2025 г., 21–22 ноября 2023 г., 19–20 ноября 2021 г., Москва, РГГУ); XVI Конгресс антропологов и этнологов России (2–6 июля 2025 г., Пермь); III–IV Всероссийская научная конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях» (28–30 ноября 2024 г., 24–26 ноября 2022 г., Москва, РГГУ); II Международный научный симпозиум «Визуальная теология. Репрезентация культурной идентичности» (1–2 октября 2023 г., Великий Новгород, НГУ им. Ярослава Мудрого); Межрегиональная конференция с международным участием «Музей под открытым небом: современность и перспективы развития» (6 октября 2023 г., Нижний Новгород, Волго-Вятский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина – Арсенал); XXIII международная Школа по фольклористике и культурной антропологии «Прикладная антропология сегодня» (28 апреля – 4 мая 2023 г., Нижний Новгород); XXII Международная школа по фольклористике и культурной антропологии «Антропология религии» (8–13 октября 2022 г., Великий Новгород); X–XI Всероссийская научная конференция «Антропология Фольклористика Социоллингвистика» (16–18 марта 2023 г., 18–19 марта 2022 г., Санкт-Петербург, ЕУСПб); Всероссийская научная конференция «Современные методы изучения культуры – XIV» (15–16 апреля 2022 г., Москва, РГГУ); VIII Всероссийская с международным участием конференция молодых исследователей «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (4–5 марта 2022 г., Москва, РГГУ).

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Статус вотивных даров, цветов, записок святым, а также «возвращенных» Церкви объектов и «священного мусора» в церковной среде не задается институциональными предписаниями и церковными канонами, но формируется перформативно. На оценку предмета влияют одновременно несколько факторов: представления о благодати (способности объекта быть носителем сакральной силы и передавать ее другим объектам через контакт); режимы ценности, определяющие значимость вещи в конкретном культурно-историческом контексте; материальные аффордансы объекта (его физические свойства, приглашающие к определенным действиям). Соответственно, неопределенность статуса рассматриваемых нами символически значимых предметов связана не столько с их имманентными свойствами, сколько со способами и контекстами их циркуляции в современных православных храмах. Значения этих вещей утверждаются, отрицаются и «пересобираются» в ходе социальных взаимодействий. Как

следствие, один и тот же объект в условиях разных православных приходов может функционировать как контактная реликвия, достойный дар или священный мусор.

2) Современный православный приход представляет собой сложную инфраструктурную сборку, функционирующую на пересечении различных светских ценностных ориентаций, административно-финансовой зависимости от епархии, рыночной логики религиозных услуг и идеологии «чистого дара». В этих условиях формируются локальные вариации приходской жизни и, в частности, практики обращения с вещами. Разные типы храмов (кафедральные соборы, монастыри, городские, пригородные и сельские церкви) имеют свою инфраструктурную специфику и, соответственно, свои стратегии работы с материальными приношениями. Так, более экономически состоятельные и статусные храмы, как правило, выстраивают сложные системы фильтрации вещей, и многие предметы здесь могут быть оценены как нежелательный балласт. В то же время в более бедных приходах каждый принос может становиться существенным ресурсом. Успешность и стабильность практик, связанных с символически значимыми объектами с неопределенным статусом, зависит от инфраструктурных и человеческих особенностей и возможностей прихода.

3) Церковная цензура – совокупность локально-специфичных правил и практик фильтрации, оценки и регулирования потоков вещей – это ключевой механизм, определяющий судьбу символически значимых предметов с подвижным статусом в православных приходах. Настройки этого фильтра зависят от множества факторов, включая тип прихода, его локализацию, позицию настоятеля и, в особенности, доминирующие семиотические идеологии – способы видения и оценки вещей, распространенные в современном российском обществе. Можно выделить пять таких идеологий (историческая, антикварная, семейная, модернизирующая и идеология «опасной вещи»), которые могут наслаиваться и конкурировать, определяя локальный режим ценности в каждом конкретном храме. При этом ключевыми агентами цензуры выступают настоятель, задающий общие правила, и «младшие» распорядители (церковные служители, работники, волонтеры), непосредственно реализующие фильтрацию вещей и управление ими в повседневной приходской практике.

4) Символически значимые предметы попадают в современные православные храмы благодаря трем основным механизмам, которые определяют траектории движения вещей и их статусные трансформации. Эти механизмы – дар (осознанное и чаще открытое приношение вотивов, цветов, записок как благочестивых «жертв»), символическое возвращение (передача ненужных, но сохранных предметов в Церковь как в «дом» для любых православных вещей) и сдача на утилизацию (принос руинированного «священного мусора», требующего ритуализованного уничтожения). Выделение этих механизмов позволяет преодолеть понимание церковного приноса исключительно как практики дарения и показать, что мотивации людей,

приносящих вещи в церкви, могут существенно различаться. При этом окончательная судьба вещи определяется не столько первоначальной интенцией дарителей, сколько работой церковной цензуры и инфраструктурными возможностями конкретного прихода. После того, как вещи попадают в храм, они могут выводиться из обращения благодаря действию других механизмов. Наряду с ритуализованной утилизацией символически ценные предметы могут покидать церковь через дарение (передача брандеа/евлогии паломникам; дар вещи ученым для изучения), продажу (антикварам), свободную раздачу (прихожанам) и воровство. Эти каналы вывода замыкают цикл циркуляции, возвращая вещи в «мирское» пространство – в дома новых владельцев, частные коллекции, музеи, исследовательские архивы или на черный рынок.

5) Инфраструктурные решения, создаваемые в приходах для работы с символически значимыми вещами из приноса (киоты, вазы, сундучки, ящики, столы, полки, склады, печи, колодцы и т.д.), не просто обслуживают практики обращения с вещами. Они активно участвуют в формировании самих практик и играют роль материализованных «фильтров» церковной цензуры. Конструкция киотов (закрытые или открытые, с зазорами или без) либо поощряет практику подкладывания записок и размещения вотивов, либо блокирует ее. Стационарные вазы у икон говорят о поощрении в храме цветочных даров, а наличие столов для обмена программирует возможность внутрицерковной рециркуляции «возвращенных» предметов. Дифференциация локусов для разных типов вещей – отдельные киоты, помещения, печи и колодцы для разных «фракций» священного мусора – материализует иерархию ценностей, принятую в конкретном приходе, и определяет программу действий новых церковных работников. Эти материальные элементы зачастую эффективно действуют вовсе без вербальных запретов и предписаний: они не просто зримо свидетельствуют о правилах, но и делают определенные практики физически невозможными или, напротив, «приглашают» к их совершению через определенные аффордансы, считываемые людьми. При этом инфраструктурные решения всегда локальны: они не копируются автоматически, а вырабатываются в каждом приходе «под себя», отражая его специфику – тип, историю, активность общины, позицию настоятеля и доминирующие семиотические идеологии.

6) Каждое церковное сообщество символически и физически регулирует потоки поступающих в храмы вещей с неопределенным статусом, что находит выражение в различных культурных практиках и инфраструктурных стратегиях – демонстрации, коллекционировании, распределении, хранении, утилизации и вытеснении. Эти стратегии редко существуют в чистом виде, чаще они совмещаются и влияют друг на друга. Анализ того, как они сочетаются и конкурируют в рамках одного прихода, как какая-либо из них начинает доминировать или терять актуальность, дает нам возможность выявлять многие актуальные процессы и явления, которые происходят в современных приходах.

Структура работы

Диссертация включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, приложение. Первая глава посвящена теоретическим аспектам, методам, применяемым в диссертации, а также осмыслению вещей в контексте исследований религиозной культуры в целом и христианской культуры в частности. Во второй главе рассматривается устройство современного православного прихода и его инфраструктура, практики и вещи, связанные с церковным приносом, а также социальные агенты, которые модерируют принос в приходах РПЦ МП. В третьей главе представлен анализ символически значимых вещей с неопределенным статусом, культурных практик, связанных с ними в приходах, а также стратегий интеграции такого рода вещей в православную инфраструктуру на примере двух православных приходов. В заключении подводятся итоги проведенной работы и определяются перспективы будущих исследований. В приложении размещены избранные визуальные источники, иллюстрирующие тезисы работы.

ГЛАВА 1. ВЕЩИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ

Как уже было сказано, в сферу нашего внимания в диссертационном исследовании попадает особый круг церковных вещей – символически значимые предметы с неопределенным статусом. К этой категории относятся:

- votivные дары иконам (которые в источниках средневекового и синодального периодов часто фигурируют как «привесы» и «приклады»);
- цветы, которыми прихожане одаривают образа святых и которые играют роль дара и украшения одновременно;
- записки святым (просительные, благодарственные, иногда исповедальные), которые верующие оставляют в храмах у почитаемых реликвий;
- сохранные объекты, в которых угадывается связь с церковью (символически «возвращаемые» в храм объекты);
- руинированные или низкостатусные предметы, считающиеся «священным мусором»: пришедшие в негодность иконы и другие христианские изображения, распятия, нательные кресты, православные сувениры и т.д.

В фокусе данного исследования оказывается процесс циркуляции таких предметов в православных храмах и монастырях современной России. Нас интересует, как эти объекты попадают в церковное пространство (через практику «приноса»), как вокруг них выстраиваются культурные практики приходских сообществ, какие инфраструктуры (от киотов и ваз до складов и специальных печей) создаются для работы с ними. Особое внимание мы уделяем тому, как различные включенные в практику приноса человеческие агенты – настоятели, священники, церковные работники, прихожане – интерпретируют статус этих вещей, вступают по их поводу в конфликты или, напротив, выстраивают консенсусные взаимодействия.

Мы начнем с того, что рассмотрим концепции, позволяющие анализировать такого рода вещи, а также те социокультурные практики, в которые они встроены. Для этого мы обратимся к «материальной религии» и инфраструктурному подходу, а также к теории обмена и разработанной в ее рамках концепции циркуляции. Затем, с опорой на исследования по антропологии реликвий и христианского искусства, мы сфокусируемся на значимости связанных с Церковью объектов и различиях в их семиотическом и аксиологическом статусах. После попытаемся определить, какие знаки в «телесности» вещей могут быть считаны в православных контекстах и как их интерпретация может влиять на отношение людей к объектам.

1.1. Материальные объекты в исследованиях религиозной инфраструктуры

Вещи изучали и изучают с различных позиций социальные и экономические историки, экономисты, социологи, искусствоведы. Анализом объектов в социокультурной среде занимаются и многие субдисциплины социальной и культурной антропологии. Это один из ключевых источников для археологов⁷⁸. Музееведы акцентируют внимание на материальных объектах как инструментах для создания исторического нарратива и разговора о различных репрезентируемых культурах [Байбурин 2024; Долак 2018].

Различные теории материализма и «вещности» вырабатывались в рамках многих социальных и философских теорий (в марксизме, феноменологии, культурной критике потребления и т.д.). Особое внимание вещам уделяют такие научные направления, как культура повседневности⁷⁹ и культурная история⁸⁰. Для многих российских специалистов после распада СССР стал актуальным вопрос о специфике *советских вещей* и советской культуры потребления в целом (см. подробнее в разделе 1.2.).

В отечественной науке еще в 1920-е гг. осмыслением и философским конструированием понятия «вещь» занимались представители религиозно-философской традиции (А.Ф. Лосев⁸¹, о. П. Флоренский⁸², А.Г. Габричевский⁸³ и др.). Советские этнографы развивали исследования материальной культуры, описывая одежду, пищу, жилище (так называемая этнографическая триада), транспорт изучаемых этнических групп. Фиксирование (с ювелирной точностью) и осмысление предметно-материального мира не были самоцелью – ученых интересовали социальные отношения, складывающиеся *по поводу* вещи [Токарев 1970]. Энциклопедическая насыщенность описаний в методологии исторического материализма создавала иллюзию полноты знания об этнографической реальности.

Культурные значения, закрепленные за отдельными материальными объектами, и их изменение в диахронной перспективе были предметом пристального интереса исследователей, работавших в поле исторической семантики и семиотики культуры (Ю.М. Лотман⁸⁴, В.Н.

⁷⁸ В рамках американской традиции археология является частью антропологии, в отличие от российской науки, где археология – отдельная от антропологии дисциплина.

⁷⁹ О некоторых аспектах «вещи» как части культуры повседневности: [Чиркова 2016].

⁸⁰ См. например, труды из программы издательства «Новое литературное обозрение»: «История зеркала» С. Мельхиор-Бонне, «Русская ёлка» Е. Душечкиной, «История ёлочной игрушки» А. Сальниковой, «Политическая история брюк» К. Бар, «Волосы. Иллюстрированная история» С. Дж. Винсент, «Россия в шубе. Русский мех: история, национальная идентичность и культурный статус» Б. Шапиро и Д. Ляпина, «Джин. История напитка» Ричарда Барнетта, «Абсент» Ф. Бейкера и т.д.

⁸¹ См. работы: «Вещь и имя» [Лосев 1993: 802–880], «Философия имени» [Лосев 1993: 613–801], «Самое само» [Лосев 1994: 299–526] и др.

⁸² [Флоренский 1993] и др.

⁸³ [Габричевский 2002] и др.

⁸⁴ См. работы: [Лотман 1992; Лотман 1994 и др.].

Топоров⁸⁵, Б.А. Успенский⁸⁶, В.В. Колесов⁸⁷ и др.). Размышления о вещи в российской философии получили новый импульс благодаря работам В.А. Подороги, прежде всего его тексту «Вопрос о вещи: Опыты по аналитической антропологии» [Подорога 2016].

Современные исследователи культуры уделяют особое внимание тому, как вещи функционируют в разных модальностях: подарок [Ссорин-Чайков 2012; Ссорин-Чайков 2012а], экспонат в музее [Байбурин 2024, Долак 2018; Raine 2013], семейная реликвия [Разумова 1999], ритуальный предмет [Байбурин 1981], товар [Бредникова, Кутафьева 2004; Шпаковская 2004], багаж [Сулейманова 2017], объект исследования [Баранов 2016], ветошь [Сэмпсон 2024], мусор [Елютина, Ивахнова 2014] и т.д. Каждая из этих модальностей предполагает актуализацию различных граней того, что есть и чем может быть *вещь*. Она потенциально может исполнять множество функций, от утилитарных до символических, а также совмещать их⁸⁸. В рамках изучения культуры повседневности разрабатывается и ценностная проблематика: предполагается, что в человеческом быте в «любой вещи, как бы ни было подчеркнуто ее назначение, наряду с ее практической функцией есть и иная, аксиологическая» [Чиркова 2016: 47].

Все эти исследования задают необходимый историко-идейный контекст для нашего анализа. Однако в целом предлагаемый этими разными дисциплинами и научными программами взгляд на объекты физического мира не выходит за рамки парадигмы, в которой «человек есть мера всех вещей»⁸⁹. В контексте нашей работы более релевантным представляется иной подход.

С 1980-х гг. в социальных и гуманитарных науках наблюдается эпистемологический сдвиг, выразившийся в перенастройке исследовательских оптик в отношении материальности мира [Баранов 2016; Вахштайн** 2006; Вахштайн** 2015; Pels et al. 2002 и др.]. Переосмысление связей между людьми («субъектами») и миром (состоящим из «объектов»), которые характерны для онтологии модерна, произошло в рамках целого ряда подходов⁹⁰. Общим для этих новых

⁸⁵ См., к примеру: [Топоров 1993; Топоров 1995].

⁸⁶ См.: [Успенский 1998; Успенский 2002; Успенский 2006 и др.].

⁸⁷ К примеру: [Колесов 1986].

⁸⁸ Разделение «вещности» на две составляющие, материальную («вещную») и знаковую стало одним из общих мест в семиотике материальной культуры в русле тартусско-московской семиотической школы. См.: [Байбурин 1981]. О семиотике материальной культуры в сравнении с подходом, предложенным Латуром и его коллегами, см.: [Соколовский 2016а].

⁸⁹ В конце XX в. в отечественной науке продвигалась также идея науки о вещах – «реалогии», или «вещеведения». Предложение было высказано М.Н. Эпштейном в статье «Реалогия – наука о вещах» в журнале «Декоративное искусство» (1985, № 6). Под этим термином М.Н. Эпштейн предлагал понимать «гуманитарную дисциплину, изучающую единичные вещи и их экзистенциальный смысл в соотношении с деятельностью и самосознанием человека» (курсив мой. – А.З.) [Эпштейн 2003: 346].

⁹⁰ Среди них: ««акторно-сетевой подход», «онтологический поворот», «спекулятивный поворот», «объектно-ориентированные исследования», «новый материализм», «материальная семиотика»,

направлений научной мысли оказывается «их объект-центричная перспектива, уравнивающая в правах субъект и объект, человека и вещь» [Баранов 2016: 25], а также нематериальные явления [Вахштайн** 2015]. Кроме того, из этой перспективы проблематизируется и переопределяется традиционное для наук о культуре разделение ее на «духовную» и «материальную» составляющие [Ионин 2010]. Мы будем обозначать эту смену оптик термином *материальный поворот*⁹¹.

Главным основанием критики модернистской онтологии в материальном повороте оказался ее репрезентационизм⁹², идущий от Р. Декарта и И. Канта, при котором «вещи в себе» всегда и неизбежно оказывались соизмеримыми человеку образами самих себя. Неминуемо происходила редукция «разнообразия миров к различиям интерпретаций или точек зрения (перспектив) на единственный... мир» [Соколовский 2017: 16]. Внимание к вещам привело к пересмотру привычных границ социального мира (и «мира» в целом⁹³). В результате философы, социальные исследователи, антропологи начали по-новому осмыслять и концептуализировать социальность (Б. Латур⁹⁴, М. Каллон⁹⁵, Дж. Ло⁹⁶, А. Мол⁹⁷, К. Кнорр-Цетина⁹⁸ и др.), «материальную культуру» и вещьность. Разработки этой тематики, в основном внутри философии и социологии, привели к перестройке методологии и теоретического аппарата во многих научных дисциплинах. Для нас важен, кроме прочего, отказ от антропоцентрической перспективы в осмыслении (и описании) реальности, предлагаемый «новыми онтологиями».

“новый эмпиризм”, “поворот к материальному”, или даже “неоанимизм”, “французский поворот” и “симметричная антропология”» [Соколовский 2017: 3] и т.д.

⁹¹ Хотя в научной литературе существует дискуссия, можно ли считать «поворот к материальности» существенным эпистемологическим сдвигом отдельно от онтологического поворота, в важных для нас с методологической точки зрения современных работах о материальности религии (см. ниже) акцент делается именно на материальном повороте (используется понятие *material turn*). Поэтому в настоящей работе мы ограничимся только «эмансипацией» материальности [Вахштайн 2015**], не переходя полностью на позиции радикальной материальной семиотики, предложенной Б. Латуром и его последователями [Соколовский 2016a].

⁹² Как отмечают исследователи, в российской науке (в частности, в этнографии, предметом которой всегда была именно материальная культура) изучение вещей часто ведется на основе тартуско-московской, а не латуровской семиотики, и во многих случаях остается на антропоцентричных позициях [Баранов 2016; Соколовский 2016a].

⁹³ В оптике онтологического поворота «культура» фактически расширяется до онтологии. Разница культур, в том числе в способах означивать границы между «человеческим» и «вещным», специфичные для каждой культуры, начинает осмысляться иначе. Люди по-разному означивают вещи, потому что живут в онтологически разных мирах, где законы семиозиса работают на разных основаниях [см., например, де Кастру 2025].

⁹⁴ См. по-русски следующие работы: [Латур 2006; Латур 2006a; Латур 2006б; Латур 2014 и др.].

⁹⁵ См.: [Каллон 2017; Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2008 и др.].

⁹⁶ См., например: [Ло 2006].

⁹⁷ См., например: [Мол 2018; Ло, Мол 2017].

⁹⁸ См.: [Кнорр-Цетина 2006].

Вещи в концепциях материальной религии. Участие вещей в формировании различных форм социальности оказалось одной из тем, крайне актуальных в современных социо-гуманитарных исследованиях. Новые подходы, предложенные материальным поворотом, были восприняты и в сфере исследования религии.

Среди исследователей религиозных культур и практик вопрос о соотношении «мира вещей» и «мира людей», материального и духовного/психического (декартовских *res extensa* и *res cogitans* соответственно) был проблематизирован и развернут в полемику, учитывая, что на протяжении длительного времени религию и материальность описывали скорее как явления, принадлежащие к разным областям – «духу» и «материи» [Meyer, Houtman 2012]. В рамках *материального поворота* в религиоведении эта парадигмальная дихотомия устраняется, и религию перестают воспринимать как «развоплощенный» (*disembodied*) феномен [Hoelzchen, Kirby 2020: 2]. Наоборот, оптика материального поворота предлагает сконцентрировать исследовательское внимание на мире объектов и материальной среде, и на том, как они формируют социальные «миры веры», определяют религиозную жизнь сообществ. Это влечет ряд других интересных и проблемных вопросов, касающихся понимания религии в современных социо-гуманитарных исследованиях⁹⁹.

Наиболее заметное междисциплинарное течение в рамках материального поворота в религиоведении получило название «материальная религия». Инициатива и ведущие роли в создании этого направления принадлежали группе ученых: антропологу Б. Майер, историку искусств Д. Моргану, археологу К. Пейну, исследователю религии Б. Плейту и другим. Институционально движение оформилось в 2003 г. [Meyer et al. 2010: 208], когда был создан рецензируемый научный журнал «Материальная религия» (*Material Religion*)¹⁰⁰.

В статье 2010 г. редакторы объясняют свою задумку желанием вернуть материальность в изучение религии, «дематериализацию» которой они связывают с символической антропологией К. Гирца¹⁰¹. Как указывают авторы, до рубежа 1980–1990 гг. в исследованиях религии наблюдалась тенденция изучать только текстовые источники (пренебрегая визуальными) и

⁹⁹ См. подробнее: [Кормина, Панченко, Штырков 2017; Форум 2022; Штырков 2022; Asad 2001 и др.].

¹⁰⁰ Журнал «Материальная религия» выходит 5 раз в год, выпускается британским издательством «Тейлор и Фрэнсис» (*Taylor & Francis*) (ранее – издательством «Берг Паблишеры» (*Berg Publishers*)). Главный редактор – Эндрю Коутс (*Andrew Coates*). Издателей интересуют материалы по «материальной культуре и связанным с ней практикам, таким как ритуалы, коммуникация, церемонии, наставничество, медиация и др.». См.: *Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief* // Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rfmr20> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁰¹ См.: [Гирц 2004]. О понимании религии у Гирца см., например: [Астахова 2013]. О критике «интерпретативного поворота» в рамках онтологического и материального поворота: [Соколовский 2016а; Соколовский 2017].

фокусироваться на исследовании различных религиозных институций в европейском и североамериканском контексте [Meyer et al. 2010: 207]. Всё изменилось под влиянием «визуального» и «материального» поворотов в социо-гуманитарном знании, а также благодаря повышенному вниманию к проблемам музеефикации культурного наследия среди ученых. В кругах специалистов из разных дисциплин возрос интерес к материальности религиозной культуры, а фокус их внимания расширился, чтобы включить и незападные культуры (особенно под влиянием антропологии и археологии, которые традиционно изучали эти сообщества).

Б. Майер так формулирует главный тезис материального подхода к исследованию религии: «Если кратко, нет такой вещи, как имматериальная религия. Религия не может обойтись без вещей, мест или тел, равно как и без теорий о материальности» [Meyer et al. 2010: 210]. Предлагая «материализовать исследования религии» (*materialize the study of religion*), редакторы журнала имеют в виду начать задаваться новыми вопросами, например: «как религия осуществляется материально?», а не просто «в каких материальных формах она существует?» [Meyer et al. 2010: 209]. Такая постановка проблемы заставляет признавать, что «вещи, их использование, их оценка и обращение к ним не являются чем-то добавленным к религии, а скорее неотделимы от нее» [Meyer et al. 2010: 209], что справедливо даже для самых аскетичных и спиритуальных (*other-worldly*) религиозных традиций [Keane 2014: 314].

Материальные объекты переместились в авангард исследований как непосредственные и «основные формы источников, а не просто иллюстрации теологических или книжных положений» [Meyer et al. 2010: 208]. При этом артефакты оказываются не просто следами материальных практик (*material practice*) эпохи и культуры, в рамках которых были созданы и использовались, но конституентами этих практик. Этот подход довольно сильно реконцептуализирует само понятие религии, делая его менее трансцендентно-ориентированным [Meyer, Houtman 2012].

В контексте идей Б. Латура (и других представителей акторно-сетевой теории), религию можно понимать как «матрицу или сеть компонентов, состоящую из людей, божественных существ или сил, институтов, вещей, мест и сообществ» [Meyer et al. 2010: 209]. Функционирование этой сети – процесс создания «жизненного мира» (*life-world*)¹⁰², в котором религия – та сила, которая приводит этот мир в работу и поддерживает его. Вера существует и распространяется потому, что сложилась устойчивая сеть: «характерный набор отношений между акторами, где каждая сторона этой сети акторов обладает элементом агентности» [Meyer et al. 2010: 209]. Если рассматривать религию в таком ракурсе, она окажется «совокупностью

¹⁰² В работах Б. Майер термин *life-world*, видимо, отсылает к понятию *Lebenswelt* Э. Гуссерля и к трудам по феноменологической социологии А. Шюца.

материальных объектов, практик, индивидуальных и социальных тел¹⁰³» [Meyer et al. 2010: 209]. Таким образом, вещи в этом подходе зачастую предшествуют религиозному опыту и во многом определяют его.

Именно эта проблематика выходит на первый план в работах, посвященных «материальной религии». Если религия – это один из возможных путей, каким конструируются жизненные миры, то какие (разные) жизненные миры формируются и поддерживаются разными религиозными атрибутами в разных религиозных системах? В какую сеть они сплетены? Каким образом «религия проявляется в материальной культуре¹⁰⁴ – образах, религиозных и литургических предметах, архитектуре и сакральном пространстве, произведениях искусства и артефактах массового производства»¹⁰⁵? Как все эти предметы и материальные практики участвуют в создании «миров веры» (*the worlds of belief*)¹⁰⁶? Какие эпистемологические и эстетические парадигмы организуют чувственный опыт восприятия вещей в рамках «сети веры», которая делает сакральное элементом социальной реальности [Meyer et al. 2010: 209]?

В целом обеспечение возможности божественного присутствия в жизни группы является ключевой функцией материальной среды для религиозного сообщества. Религиозные культуры выработали (и продолжают это делать) многообразие «эстетических форм – музыкальных, визуальных, речевых, которые должны обеспечить надежную сцепку между миром материальным, населенным людьми, и миром невидимым» [Кормина 2022: 168]. Б. Майер, акцентируя медиатизированность любой веры, предлагает рассматривать материальные объекты (реликвии, предметы религиозного искусства, одеяния...) и нематериальные явления (запахи, звуки, свет, аффекты...) как *сенсуальные формы*, которые выполняют роль медиаторов мистического: «Сенсуальные формы – это относительно фиксированные способы воззвания к трансцендентному и организации доступа к нему, предлагающие структуры повторения для создания и поддержания связей между верующими в контексте конкретных религиозных режимов. Эти формы передаются и разделяются участниками; они вовлекают религиозных

¹⁰³ Под «социальным телом» в данном случае понимается некоторое воображаемое сообщество, с которым человек может себя идентифицировать, потому что их тела как медиа позволяют им получать похожий социальный опыт – то, как они воспринимают себя, других и «божественное». Для «материальной религии» в целом характерна концентрация на телесном опыте и сенсуальности веры. См., например, о сенсуальных режимах взаимодействия с сакральным: [Meyer 2009; Meyer 2011].

¹⁰⁴ О различных проявлениях религиозности в связи с материальностью объектов и среды см.: [Key Terms 2015].

¹⁰⁵ About this journal / Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief // Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rfmr20/about-this-journal#aims-and-scope> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁰⁶ About this journal / Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief // Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rfmr20/about-this-journal#aims-and-scope> (дата обращения: 26.02.2026).

исполнителей в конкретные практики поклонения и играют центральную роль в формировании их как религиозных моральных субъектов и сообществ» [Meyer, 2011: 29–30].

Таким образом, исследователи в рамках «материальной религии» сосредотачиваются на том, что «сакральные объекты, вещи, субстанции, ароматы, прикосновения, жесты, звуки и облачения выступают легитимными медиаторами, обеспечивающими сближение верующих с миром трансцендентного или сверхъестественного» [Форум 2022: 31]. Однако такая концентрация на присутствии и его медиации, по справедливым замечаниям М. Буркхарда [Burchardt 2023], Б. Кёрби [Kirby 2024] и Я. Хёльцхен [Hoelzchen, Kirby 2024], ретуширует значимость тех объектов и процессов религиозной повседневности, которые не являются «сенсуальными формами». Среди них – «строительные материалы для храмов, дороги, используемые для шествий, вода, необходимая для религиозной гигиены, и электричество, используемое для освещения молитвенных комнат» [Burchardt 2023: 181] и проч. Поэтому было бы нежелательным огрублением редуцировать сложно организованное устройство храмов до медиатизированного сакрального пространства. С развитием этой проблематики связано появление работ, в которых религия концептуализируется как *инфраструктура*.

Материальная культура православного прихода в контексте инфраструктурного подхода. В акторно-сетевой теории, а также в исследованиях науки и технологий (*Science and Technology Studies, STS*) инфраструктура обычно понимается как сеть разнообразных физических форм, которая «обеспечивает циркуляцию товаров, людей и идей в пространстве», а также создает окружающую среду повседневной жизни различных человеческих сообществ [Larkin 2013: 328]. Однако приставка «инфра-» (от лат. *infra* – ниже, под) указывает нам и на невидимые процессы или движения, которые происходят в этой сети. Поэтому в определение инфраструктуры (в широком смысле этого слова) стоит включать также:

– *формальные и неформальные нормы*, в соответствии с которыми взаимодействуют люди и материальные объекты. Они могут быть эксплицированы, а могут существовать как латентная система поведенческих ориентиров. Инфраструктуры автоматизированы: их существование «не зависит от целенаправленного внимания или текущих действий людей, чьи практики они делают возможными» [Kirby 2024: 99]. Поэтому часто правила, по которым функционирует инфраструктура, вовсе не осознаются участниками взаимодействия до тех пор, пока они не будут нарушены.

– *нетехнологические элементы*: идеи, смыслы, представления, способы трактовки знаков (семиотические идеологии, см. ниже), знания, воспоминания, культурные компетенции, эстетические идеалы, порядок властных отношений и т.п. Все эти факторы коммуникации, относящиеся к сфере воображения, инкорпорированы в инфраструктуры и воплощены в ней [Kirby 2024: 97]. Соответственно, инфраструктуры предзаданы культурными факторами.

– *практики*, в результате которых происходит «работа» инфраструктуры. Инфраструктура «живет» через действия: без них она была бы мертвой неподвижной конструкцией и не могла бы выполнять свои функции. Практики включают, с одной стороны, привычки, обычаи, ритуалы, а с другой – импровизации, «поломки» и спонтанные изменения. Следует учитывать как формальные, так и неформальные грани взаимодействий (в терминологии М. де Серто, «стратегии» и «тактики» [Серто 2013]), осуществляемые в рамках конкретной инфраструктуры, так как «работа инфраструктуры» в полной мере подразумевает *любое действие*, которое способствует или мешает ее функционированию. В свою очередь, инфраструктуры программируют определенные порядки практик.

– «*автоконструкции*» (*autoconstructions*), т.е. объекты, которые создаются не проектами, финансируемыми государством или другими организациями, ответственными за обеспечение сообществ, но обычными людьми [Burchardt 2023]. Пользовательские версии инфраструктуры должны учитываться в не меньшей степени, чем сценарная версия и первоначальный дизайн, тем более что именно на пересечении этих двух режимов использования инфраструктуры часто возникает пространство конфликта. Можно сказать, что в оптику инфраструктурного поворота встроена концепция *вернакулярной религии* (*vernacular religion*), важная для современных исследователей, которые концентрируются на создании и проживании религии верующими.

Эта методология была предложена американским фольклористом Л.Н. Приммиано. В его трактовке «вернакулярный» значит «индивидуальный», «личный», «частный». Приммиано подчеркивал: «Действительно, существуют тела и агентности нормативной, предписанной религии, но нет объективно существующей практики, которая выражала бы "официальную религию". Никто, никакая особая религиозная элита или член институциональной иерархии, ни Папа Римский, ни Далай-лама Тибета, ни патриарх Стамбула, ни главный раввин Иерусалима, не живет "официально" религиозной жизнью в чистом виде. Сами члены такой иерархии верят и практикуют вернакулярно, даже занимая наиболее институционально нормативные должности своей религиозной традиции» [Primiano 1996: 46]. По Приммиано, наблюдаемая (например, при полевой работе) религия и есть вернакулярная, живая религия, вне зависимости от того, кто наш собеседник – священник, монахиня, церковный староста или сторож.

В последнее время инфраструктурный подход приобрел внимание многих зарубежных¹⁰⁷ и российских¹⁰⁸ исследователей. Изучение инфраструктуры подразумевает, что материальные

¹⁰⁷ См. работы М. Гилли (Gilli M.), Б. Кёрби (Kirby B.), С. Коулмана (Coleman S.), С. Люрманн (Luehrmann S.), С. Пальмизано (Palmisano S.), С. Рока (Rock S.), Г. Татео (Tateo G.), Л. ван Тонгерена (van Tongeren L.), К. Хандмана (Handman C.), Я.М. Хёльцхен (Hoelzchen Y.M.), А. фон Шницлер (von Schnitzler A.) и др.

³⁸ Например, в пятый номер «Антропологического форума» за 2022 г. вошла подборка статей российских исследователей о религиозных инфраструктурах (под редакцией Ж.В. Корминой,

условия должны быть рассмотрены как не просто то, что поддерживает и сопровождает жизнь сообществ, но то, что определяет и формирует ее. В таком подходе инфраструктура оказывается не «подмостками», а «благоприятным условием» (*enabling condition*)¹⁰⁹ [Hoelzchen, Kirby 2020: 1], даже целой «"экологией", составленной из людей, предметов, технологий, идей, правил и возможностей, – которые она *собирает* и распространяет в пространстве» (курсив мой. – А.З.) [Hoelzchen, Kirby 2020: 1]. Инфраструктура выстраивает систему отношений между людьми и вещами и определяет, где и как происходит распределение ресурсов. Помимо того, что инфраструктуры обеспечивают наше существование, они «как правило, стремятся быть чем-то еще» [Сивков 2023: 121], поэтому можно назвать инфраструктуру самостоятельным актором социального поля, так как она способна «создавать особые типы действующих лиц и взаимодействий» [Hoelzchen, Kirby 2020: 1] сама по себе.

Еще одна важная характеристика инфраструктуры, на которую указывают исследователи, это ее динамичность. О ней одновременно можно и нельзя говорить как о «структуре», потому что она находится в процессе вечного становления, приближения к какому-то идеальному состоянию. В ракурсе материального поворота инфраструктура может быть стабильной, лишь пока повторяется цикл стабильных отношений внутри нее. При этом делать прогнозы о будущих изменениях или их отсутствии сложно, так как любая трансформация связей означает изменение сети [Соколовский 2016а: 109]. Соответственно, инфраструктуры постоянно «инфраструктурируются» (*infracructuring*) [Burchardt 2023], то есть пребывают в процессе «пересборки» отношений и связей внутри сети [Латур 2014]. Говорить о том, что этот процесс когда-то подойдет «к концу» тоже приходится с оговорками, так как «посмертная жизнь» инфраструктур в случае их устаревания, разрушения и опустошения не может быть признана оконченной в полной мере. С разрушением наступает новый этап в пересборке – инфраструктуры просто обретают новые конфигурации [Kirby 2024: 98].

Итак, указанные характеристики инфраструктуры как феномена позволяют исследователям делать ее не только объектом изучения, но инструментом анализа. Так, в качестве инфраструктуры могут быть рассмотрены даже такие формы организации, которые не были задуманы как инфраструктуры или вовсе не подчиняются «нормативным режимам инфраструктурного порядка» [Kirby 2024: 99]. Последние связаны с устройством и характерными чертами «прототипических» инфраструктур. К ним относятся, к примеру, железнодорожные линии, дороги, каналы, системы водоснабжения, электрические сети, IT-сети и т.д. [Kirby 2024: 100]

Е.А. Хониневой, С.А. Штыркова). Журнал «Неприкосновенный запас» в первом номере 2023 г. выпустил «фрагментарный глоссарий инфраструктур» (под редакцией Д.Ю. Сивкова).

¹⁰⁹ Ср. с *felicity conditions* у Латура.

Все эти характеристики вполне применимы к *религиозной инфраструктуре*. Однако, прежде чем дать определение этой концепции, сделаем ряд предварительных замечаний.

Во-первых, когда дело касается жизни религиозных сообществ, вопрос об инфраструктуре особенно неоднозначен. Религия и инфраструктура часто воспринимаются как противоположные по значению понятия. Их долгое время разносили на разные полюса, выстраивая ряд привычных оппозиций: традиционное/современное, духовное/материальное, субъект/объект, макро/микро, культура/природа и т.д. Однако, как показывают работы последних лет, религия может быть продуктивно осмыслена как особая инфраструктура¹¹⁰.

Во-вторых, религию невозможно мыслить как замкнутую на самой себе область, ретушируя ее связи с другими гранями жизненного мира, повседневности, культурного обихода, а равно и с современными реалиями и технологиями, потому что «в этнографической реальности религиозная и нерелигиозная сферы социального праксиса зачастую не отделены друг от друга» [Кормина, Хонинева, Штырков 2022: 9].

В-третьих, сложность религиозной инфраструктуры определяется еще и тем, что для верующих людей и сообществ инфраструктурная «экосистема» не ограничивается одним лишь «человеческим» регистром и «земным» миром. Для них в не меньшей степени реальна инфраструктура невидимая – «небесная, состоящая из агентов и логик, управляющих жизнью вещей и людей» [Кормина 2022: 167]. Горний мир, с одной стороны, мыслится как имеющий свою структуру и организацию (порой сложную и многими конкретными нитями связанную с различными агентами земного мира). С другой стороны, он должен в определенных формах проявляться в мире земном, активно взаимодействуя с ним, на что направлены усилия и стремления верующих: паломничества, молитвы, взаимодействия с реликвиями, создание брандеа (объектов – носителей благодати) и т.д.

Таким образом, инфраструктурный подход к религии позволяет исследователям особое внимание уделять *инфраструктурным практикам*, или процессу рутинного «инфраструктурирования религии» (*infrastructuring religion*), то есть действиям, которые обуславливают религиозную жизнь на постоянной, ежедневной основе: «производству, обслуживанию и эксплуатации обычных предметов материального мира» [Burchardt 2023: 181], «профанной» реальности. При этом учитывается, что «религиозные смыслы и представления о трансцендентном сталкиваются с механизмами бюрократизации, с различными инвестициями..., с криминальной экономикой» [Burchardt 2023: 181] и другими «нерелигиозными» явлениями.

¹¹⁰ См., к примеру, подборку кейс-исследований религии в методологии инфраструктурного подхода, опубликованную в журнале *Religion, State & Society* (Vol. 52. Is. 2–3), в том числе статью [Lackenby 2024].

Можно сказать, что в рамках этого подхода исследователи комплексно анализируют сборки/ассамбляжи [Латур 2014; Деланда 2018], чтобы понять, как божественное измерение «возникает» через социальную и материальную практику «благодаря переплетениям (*entanglements*) осязаемых и неосязаемых вещей: тел и зданий, звуков и пространств, аффектов и артефактов, практик и предписаний, идей и институтов, текстов и технологий» [Hoelzchen, Kirby 2024: 88] или вопреки всем этим актантам¹¹¹.

Следовательно, в качестве определения «религиозной инфраструктуры» в данной работе используется следующее: это *социотехнические конфигурации*, маркированные как «религиозные» или как «светские», являющиеся «условием практик медиации, посредством которых священные существа и трансцендентные реальности обретают присутствие» [Kirby 2024: 105]. Эти конфигурации перманентно изменчивы, а также естественным образом пересекаются с другими конфигурациями, которые вовлекают людей в нечто более масштабное, чем есть их «религиозная жизнь» [Kirby 2024: 100].

Понятие религиозной инфраструктуры может объединять множество социальных сетей, сообществ и объектов, множество «субстратов» (пользуясь терминологией Б. Ларкина [Larkin 2013]) религиозного поля. Внимание к инфраструктуре как сетевому явлению позволяет расширять ряд объектов анализа – потенциально – до бесконечности. У инфраструктуры (как и у *сети* Латура [Латур 2006б]) нет заранее заданных пределов. Их устанавливает взгляд исследователя, они зависят от его задач в конкретной работе.

С другой стороны, при определении пределов того, что есть религиозная инфраструктура, а что ей уже не является, исследователям следует руководствоваться восприятием и практиками обозначения этих границ, которые сложились у самих представителей традиции, наших собеседников. Эти границы могут быть нестабильными, даже случайными и ситуативными, а разные участники социального взаимодействия могут определять их по-своему. Маркировка границ также может зависеть от того, где и когда происходит разговор, т.е. различаться от случая к случаю [Kirby 2024: 102].

Различным аспектам и элементам православной инфраструктуры, сакральной географии и топографии посвящены работы российских ученых: Д.И. Антонова¹¹²,

¹¹¹ «Актант» в трудах Б. Латура – понятие, которое используется для описания агентности материального как эквивалентной агентности человеческой. Понятие заимствовано им из структуралистской семиотики А.-Ж. Греймаса, куда оно попало из трудов французского лингвиста Л. Теньера. Согласно Теньеру, «актанты – это *существа или предметы* [курсив мой. – А.З.], участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [Вахштайн** 2006: 26]. Это понятие помогает исследователям преодолевать разрыв между «субъектом» и «объектом», который стараются нивелировать в рамках материального и онтологического поворота.

¹¹² Например: [Антонов 2023г; Антонов 2024в; Антонов, Сукина 2026 и др.].

В.В. Виноградова¹¹³, Д.Ю. Доронина¹¹⁴, Д.Г. Дубовки¹¹⁵, Ж.В. Корминой¹¹⁶, А.М. Лидова¹¹⁷, А.П. Липатовой¹¹⁸, А.Б. Мороза¹¹⁹, А.А. Панченко¹²⁰, Т.Б. Щепанской¹²¹, и др. Мы, в свою очередь, остановимся на том, какие границы применения термина подразумеваются в настоящей работе.

В фокусе нашего внимания – *символически значимые вещи с неопределенным статусом в современных православных приходах, те способы, которыми они конституируют социальные отношения*, а также те культурные практики, которые при этом складываются в православных приходах. Символически значимые объекты, вместе с другими церковными предметами, создают пространство современных российских храмов как место для таких взаимодействий, в которые включены люди, материальные предметы и незримые агенты (Господь, ангелы и святые). Один из ключевых вопросов – как и почему принос символически значимых вещей осуществляется в храмах? Какие для этого существуют «условия возможности» [Burchardt 2023: 189]? Соответственно, в качестве единицы анализа рассматривается материальная среда конкретного православного прихода – локальная *сборка*, которую я предлагаю называть *церковной инфраструктурой*.

Под церковной инфраструктурой в этой работе понимается совокупность социотехнических условий, в которых функционирует отдельно взятый православный приход. Имеется в виду комплекс связанных друг с другом (экономически, юридически, пространственно, символически и на прочих основаниях) сакральных и хозяйственных локусов, а также действий, осуществляемых с ними и вокруг них. *Границы инфраструктуры* определяются границами материальной среды храма/прихода, как их понимают постоянные члены и окказиональные посетители. Наряду с указанным словосочетанием в этом же смысле мы используем другие: храмовая инфраструктура, инфраструктура церкви/собора/монастыря и т.п. При этом предполагается, что церковные инфраструктуры связаны между собой как сеть и составляют *православную инфраструктуру*.

Мы сфокусируемся на инфраструктурах конкретных церковных пространств. Это позволит нам проследить, какие взаимодействия складываются между символически значимыми предметами (вещами) и человеческими агентами в современной религиозной среде, какие практики выстраиваются вокруг разных типов материальных объектов, какие узлы церковной

¹¹³ Например: [Виноградов 2003; Виноградов 2019 и др.].

¹¹⁴ Например: [Доронин 2022; Доронин, Завьялова 2022; Доронин, Завьялова 2022a и др.].

¹¹⁵ Например: [Дубовка 2020; Dubovka 2018 и др.].

¹¹⁶ Например: [Кормина 2003; Кормина 2006; Кормина 2012; Кормина 2019; Кормина 2022 и др.].

¹¹⁷ Например: [Лидов 2000; Лидов 2009; Лидов 2009a; Лидов 2013; Лидов 2016 и др.].

¹¹⁸ Например: [Липатова 2006; Липатова 2018; Липатова 2018a; Липатова 2019 и др.].

¹¹⁹ Например: [Мороз 2006; Мороз 2014; Мороз 2024; Мороз, Семиврагова 2021 и др.].

¹²⁰ Например: [Панченко 1998; Panchenko 2014 и др.].

¹²¹ Например: [Щепанская 1999; Щепанская 2019 и др.].

инфраструктуры собираются вокруг предметов с неопределенным статусом. Рассматривая эти вопросы, мы поймем, как православная религиозность осуществляется, осознается и переживается в некоторых важных, но неочевидных областях.

Именно настройки инфраструктуры в православных приходах обеспечивают активный или, наоборот, минимальный приток вещей в церковном приносе. Инфраструктура отвечает за циркуляцию вещей с неопределенным статусом, ее фильтры определяют, будут ли они приняты в приходе, оценены по достоинству и встроены в местные культурные практики. Чтобы прояснить работу этих фильтров, необходим теоретический фрейм, который позволит объяснить, как и почему меняется статус вещей, попадающих в орбиту церкви. В центре нашего внимания окажется понятие циркуляции. Оно позволит рассматривать церковь как один из узлов в сложной сети перемещений людей, предметов и значений, где каждая новая транзакция обмена может стать поворотной точкой в судьбе вещи.

1.2. Циркуляция, товаризация и режимы ценности религиозно значимых предметов

Циркуляция (в русском языке также используется слово «обращение») – один из ключевых терминов в социокультурных исследованиях, посвященных взаимодействию людей и вещей.

Практики обмена вещами в разных культурах оказывались в центре внимания классиков антропологии: Б. Малиновского¹²², М. Мосса¹²³, К. Поланьи¹²⁴, М. Салинза¹²⁵, К. Леви-Стросса¹²⁶, М. Годелье¹²⁷ и др. В исследованиях, имеющих экономико-антропологическую специфику, обмен часто редуцируют до экономического и обозначают этим понятием цепочки транзакций, в которых предметы меняются на другие (финансово эквивалентные) предметы, «обычно на деньги» [Копытофф 2006: 134].

Однако обмен – больше, чем просто экономический феномен. Он регулируется культурными нормами, и его сложно рассматривать вне связи с другими социальными процессами. Чем можно и нельзя обмениваться, как устанавливается эквивалентность обмениваемых ресурсов, каков этикет этих практик, кто может в них участвовать, а кто из них исключен – все эти вопросы культурспецифичны. Ответы на них имеют темпоральное измерение и разнятся у разных сообществ.

Соответственно, в самом широком смысле циркуляция может означать все общественные отношения, рассмотренные как непрерывные транзакции между людьми, объектами и идеями, из которых состоит социальная практика.

С опорой на классические идеи, в современных теориях обмена особое внимание уделяется циркуляции материальных объектов между различными владельцами и культурными контекстами, а также тому, как в транзакциях обмена меняется статус вещей [Копытофф 2006; Appadurai 1986; Empire of Things 2001 и др.]. Фокус на циркуляции позволяет увидеть в динамике то, что при статичном рассмотрении кажется устойчивым свойством предмета – его ценность, «сакральность» или, напротив, «секулярность» в рамках конкретного культурно-исторического контекста.

Из такой перспективы становится очевидно, что смыслы, которыми наделяются вещи, не имманентны самим вещам. Знаковое содержание, которое несет предмет, не ограничивается теми нарративами, которые были связаны с ним/заложены в нем при изготовлении: оно преобразуется в процессе «обращения, локальной адаптации, взаимодействия людей с этим объектом и его

¹²² [Малиновский 2015].

¹²³ [Мосс 2011].

¹²⁴ [Поланьи 2002].

¹²⁵ [Салинз 1999].

¹²⁶ [Леви-Стросс 2000].

¹²⁷ [Годелье 2007].

восприятия пользователями на уровне аффективных и концептуальных схем» [Meyer et al. 2010: 208–209]. Означенность объектов претерпевает изменения в результате смены сопутствующих условий: места существования и применения, владельца/распорядителя, способа использования и т.д.¹²⁸ Семантика материальных объектов складывается перформативно «в их формах, в их использовании, в их траекториях» [Appadurai 1986: 5].

Если рассматривать объекты в качестве актантов – равных людям партнеров по социальным взаимодействиям, – то окажется, что не только человеческие отношения вызывают циркуляцию вещей, но и наоборот: «Вещи обмениваются и *циркулируют* [курсив мой. – А.З.], неся в себе ценности и силу, структурирующие человеческие отношения» [Meyer et al. 2010: 209]. В этом контексте понятие «циркуляция» помогает продемонстрировать, как вещи медиатизируют распространение идей, в каких формах смыслы становятся достоянием общности [Larkin 2013: 329], а также как материальные объекты и пространства собирают вместе людей, практики и значения.

Циркуляция и культурные биографии вещей. Обращение материальных объектов, рассматриваемое в исторической динамике – традиционное поле исследования в рамках социальной истории вещей. В этом подходе основное внимание направлено на выявление «продолжительных исторических сдвигов и динамических трансформаций» [Гурова 2004] материальной культуры. Историки прослеживают, какие изменения происходят с вещами в рамках «длительного времени» (*la longue durée*)¹²⁹. В исторической перспективе предмет может множество раз менять контексты своего существования. Однако анализировать социальную жизнь предметов и их историю можно и в рамках времени меньшей длительности. Два модуса истории вещей – макро- и микроуровень – находятся во взаимном влиянии: «Социальная история складывается из кратковременных биографий, а биографии, в свою очередь, аккумулируются и ведут к изменению истории» [Гурова 2004].

Синхронный анализ социальности объектов может быть осуществлен в рамках *культурно-биографического подхода*, сформулированного в работах американских антропологов А. Аппадурай и И. Копытоффа¹³⁰. Особое значение в этой методологии приобретают концепции социальной карьеры объектов (*social careers of objects*)/социальной биографии вещей (*social biography of things*)¹³¹. Изучение культурных биографий вещей подразумевает исследование

¹²⁸ См., например, интересную в этом отношении работу Э. Сэмпсон об обуви, написанную в том числе с опорой на методологию материального поворота [Сэмпсон 2024a].

¹²⁹ См. классические исследования французского историка Ф. Броделя.

¹³⁰ К примеру: Appadurai 1986; Копытофф 2006. Обе работы впервые опубликованы в 1986 г. в сборнике *The social life of things: Commodities in cultural perspective*.

¹³¹ См. о важности «биографии» вещи (т.е. любой информации о ее социальной жизни) для ее этнографического изучения и музеефикации: Баранов 2016: 26–28.

конкретных предметов материального мира и тех изменений, которые происходят с их статусом в пределах их (относительно короткой) социальной жизни [Appadurai 1986: 34]: от создания/производства («рождения») до утилизации («смерти»).

Культурная биография вещи может быть исследована как биография человека и будет включать различные элементы и контексты: «При выяснении биографии вещей можно задавать вопросы, аналогичные тем, что задают о людях: каковы в социологическом плане биографические возможности, допускаемые "статусом" вещи, данной эпохой и культурой, и как эти возможности реализуются? Откуда эта вещь взялась, и кто ее сделал? Какова была ее карьера, и что люди считают идеальной карьерой для подобных предметов? Каковы общепризнанные "эпохи" или периоды в "жизни" этой вещи, и как они культурно маркированы? Меняется ли использование вещи с течением времени, и что с ней случится, когда она исчерпает свою полезность?» [Копытофф 2006: 137]. На чем фокусироваться при изучении биографии конкретного предмета – решение исследователя.

Для нас важно, что культурно-биографический подход позволяет сфокусироваться на ключевых, поворотных моментах в жизни предмета. Акцент может при этом быть сделан на «телесности» вещи, потому что именно «благодаря своей материальности предмет не только сохраняет связи с первоначальной средой, но и создает и поддерживает их со всеми последующими контекстами, в которые он помещается»¹³² [Баранов 2016: 32]. В теории обмена А. Аппадурай и И. Копытоффа акцент сделан на «одной из фаз в цикле жизни некоторых вещей» [Appadurai 2013: 17] – товарной (*commodity phase*). В их оптике любые объекты, которые циркулируют в социальном пространстве, могут быть названы товаром (*commodity*): *товар* – это что-то, чем можно обмениваться¹³³. Потенциально любая вещь может стать товаром (товаризоваться), но не все существующие вещи есть товары, т.е. это не онтологическая характеристика вещи и не категория предметов в целом – это этап биографии. Та или иная вещь в течение своего жизненного цикла может оказываться в статусе товара и выходить из этого статуса в определенном контексте и при определенных обстоятельствах [Копытофф 2006: 134].

Нас интересует один конкретный, но критически важный этап в жизни связанных с христианской культурой вещей – момент их «импорта» из одной культурной среды в другую: из домашнего/частного/светского мира в церковное пространство – то есть та короткая фаза, в

¹³² Здесь Д. А. Баранов ссылается на работы Сьюзан М. Пирс (Susan M. Pearce), представительницы Лестерской школы музеологии.

¹³³ Согласно Аппадурай, товар (*commodity*) – это всё, чем можно обмениваться, вне зависимости от того, что за тип операции представляет собой обмен (бартер, рыночный обмен, дарообмен). С этой точки зрения, дарообмен – часть общего процесса обмена товарами. Этот расширительный взгляд на обмен и товары не всегда согласуется с мнением других исследователей этого поля. Вероятно, в этом контексте слово 'commodity' следует переводить на русский не как «товар», а как «ресурс».

которой они обмениваются (и даже потенциально могут товаризоваться). Именно в точке этого перехода, когда вещь меняет владельца и контекст существования, происходит ее переоценка, пересмотр статуса, а значит – запускаются механизмы, делающие ее значимой или, напротив, лишаящие ее этой значимости. Попад в храм, определенная вещь может обрести ценность тогда, когда она не ценится в других контекстах. Пространство церкви выступает в нашем исследовании как контекст для такой переоценки¹³⁴.

Но чем именно определяется эта переоценка? Почему одна и та же вещь может быть воспринята как реликвия, контактная святыня, достойная жертва и, напротив, как ненужный предмет, неверный дар, объект для утилизации? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к концепции режимов ценности А. Аппадурай.

Режимы ценности и конфликтность обмена. Режим ценности (*regime of value*) – совокупность культурных допущений относительно ценности объекта (товара), под влиянием которых осуществляется обмен между двумя сторонами транзакции – «покупающим» и «продающим». Как замечает Аппадурай, «степень согласованности ценностей может сильно варьироваться от ситуации к ситуации и от товара к товару» [Appadurai 2013: 15]. Иными словами, значения объектов-«товаров» (т.е. обмениваемых объектов) не фиксированы, а постоянно обсуждаются, пересматриваются и изменяются в контексте социальных практик.

Разница в режимах ценности становится очевидной именно в момент обмена. Поэтому в теории Аппадурай обмен – это точка конфликта, напряжения и различия, а не точка согласия и единства сторон [Ссорин-Чайков 2012: 76]. Чтобы обмен случился, необходимо «культурное разделение» допущений о значениях вещи и, соответственно, ее стоимости. В столкновении разных культурных логик и рождается новая оценка вещи.

Классическая иллюстрация этого тезиса – ситуация, когда человек приносит в ломбард фамильную реликвию. Для владельца этот предмет будет наполнен сентиментальными и мемориальными смыслами, создающими его уникальность (один режим ценности). Ювелир же воспримет ее просто как «товар», которым пополнятся его полки, занятые другими подобными «товарами» (другой режим). Однако эти два человека не чужды культурам друг друга, иначе они не оказались бы в одном пространстве взаимодействия, когда один агент предлагает оценить другому принадлежащую ему вещь. Для успешной транзакции стороны должны найти общий язык, и этот процесс переговоров и есть та социальная практика, которая переопределяет статус вещи¹³⁵.

¹³⁴ Другим примером такого локуса может быть музей [Байбури 1981; Байбури 2004; Байбури 2024; Долак 2018], комиссионка / барахолка [Бредникова, Кутафьева 2004], антикварный магазин [Шпаковская 2000] и даже место у мусорной урны [Утехин 2004].

¹³⁵ Пример взят из: [Копытофф 2006: 154].

В нашем случае аналогичное напряжение может возникнуть в момент, когда верующий-даритель приносит какую-то свою вещь в храм. Отдавая старую «советскую» икону или православный календарь, он может руководствоваться разными мотивами: желанием сделать благотворительный вклад, стремления благочестиво избавиться от ветхой, но «намоленной» вещи и др. Для него предмет может представлять высокую личную или духовную ценность. Представитель церкви (настоятель, работник лавки, завхоз), принимающий этот предмет, оценивает его исходя из совершенно иных критериев: эстетического соответствия интерьеру храма, функциональной пригодности, вернакулярно определяемой «каноничности», наличия свободного места и т.п. Здесь сталкиваются как минимум два режима ценности – «личный/мемориальный» и «институциональный/канонический». Именно в этом столкновении решается судьба вещи: попадет ли она в число почитаемых, займет место в хранилище, отправится в печь для утилизации, будет отдана нуждающимся и т.д.

Однако описанное напряжение определяется не только локальными и ситуативными контекстами¹³⁶, но и более «широкими» культурными и историческими рамками. Поэтому, когда обмен случается, задействуется довольно сложная механика. Режимы ценности маленького масштаба зависят от более сложных культурных контекстов и более глобальных режимов ценности, в том числе государственных: «традиционная логика потребления небольших сообществ тесно связана с более широкими режимами ценности, определяемыми крупномасштабными политическими структурами» [Appadurai 1986: 30]. Изменения в ценностных режимах и в их соотношении чутко следуют за различными социальными и экономическими трансформациями.

Конфликт между режимами ценности, о котором писал Аппадурай, достигает своего апогея в ситуациях, когда объектом обмена становится сакральное – то, что (как предполагается многими; см. ниже) должно быть изъято из товарного оборота.

Циркуляции сакральных объектов: мощи и иконы в исторических контекстах. У различных сообществ складываются свои представления о том, какие вещи могут, а какие не могут участвовать в циркуляции. Современная Церковь заботится о том, чтобы святыни, хотя бы на уровне дискурса, не наделялись товарным статусом. В определенном смысле религиозно значимый предмет никогда не может считаться товаром: символически значимые вещи относятся к тем, «товаризация которых публично запрещена» [Копытофф 2006: 145].

Но почему сакральное должно быть исключено из оборота? Ответ на этот вопрос дает французский антрополог М. Годелье в работе «Загадка дара» (*L'Énigme du don*, 1996). Анализируя культуры традиционных обществ, он показывает, что в любом из них существует категория

¹³⁶ См. анализ таких контекстов: [Ссорин-Чайков 2012].

вещей, которые нельзя ни продать, ни подарить – их можно только хранить. Это так называемое «сакральное». Им могут быть как материальные объекты (амулеты, реликвии, земля предков, тотемы и проч.), так и элементы интеллектуальной культуры (тайные знания, мифы и т.п.). Сакральное выступает «якорем» социального порядка. На объекты, считающиеся сакральными, опирается идентичность группы; они связывают людей с богами, предками и сверхъестественным миром [Годелье 2007]. Такие вещи хранят не потому, что они бесполезны, а напротив – потому что они бесценны. Их значимости настолько велика, что они не имеют соизмеримого эквивалента и потому принципиально не могут быть обменены.

Иными словами, исключение религиозного из товарных отношений свойственно любой человеческой культуре: «обществу нужно выделить некоторую часть своего окружения, пометив ее как "священную"; и уникализация [растоваривание – А.З.] – один из способов осуществить это. Культура гарантирует сохранение однозначно уникального характера некоторых вещей» [Копытофф 2006: 145]. Это принципиальная позиция, потому что так происходит утверждение и переподтверждение сакральности религиозно значимых предметов: то, что уникально и необмениваемо, то и бесценно. Поэтому ценные в религиозном смысле вещи – всегда растоваренные (*decommoditized*) объекты¹³⁷.

Однако «растоваренность реликвий» – скорее их символическое/дискурсивное свойство, которое не препятствует реальному обмену ими, а иногда и включению их в финансовые операции. Яркий пример – мощи мучеников, которые с первых веков христианства стремились получить все сообщества верующих. Мощи не только получали в дар, но обменивали, выкрадывали, забирали в качестве военного трофея, покупали и т.п.

Американский историк-медиевист П. Гири в статье «Сакральные товары: циркуляция средневековых реликвий» (*Sacred commodities: the circulation of medieval relics*, 1986) предлагает посмотреть на мощи святых как на товар – значимый обменный ресурс. Он отмечает: «хотя реликвии почти повсеместно считались важными источниками личной сверхъестественной силы и были главным объектом религиозного поклонения по всей Европе с VIII по XII в., их покупали и продавали, крали или делили на части, как и любой другой товар» [Geary 2013]. Чудотворными останками стремились обмениваться, потому что они были широко востребованы. То, что формально бесценно, оказывалось ценным и жизненно нужным для многих.

¹³⁷ Включение религиозных / магических предметов и услуг в денежные отношения, монетизация, часто рассматривается как недопустимый / оскорбительный / профанизирующий шаг. На уровне дискурсов и практик этого часто избегают многие «магические специалисты» (знахари, целители и т.п.), а также обращающиеся к ним люди даже в современной городской культуре (помогают «безвозмездно», принимают не «плату», а «пожертвования», «дары» и т.п.). См. подробнее в разделе 2.1.

Нормативный способ приобрести реликвию – получить ее в дар от представителя церковной или светской власти. Однако такой механизм часто подразумевал установление патрон-клиентских отношений между дарителем и получателем. Когда последнему не нужны были подобные отношения или когда он не мог получить желанное таким способом, он пользовался иными методами.

Гири приводит важное наблюдение: смена контекста влияла на сакральный статус объекта. Реликвия, полученная в дар, украденная или купленная – реликвия с разным символическим статусом. В случае добровольной передачи мощей в дар у получателя мог возникнуть вопрос: если это чудотворная святыня, почему ее решили подарить? Та же проблема возникала при продаже: если это ценно, почему это продают? Наименьшее число сомнений вызывало воровство или захват – зачем было рисковать ради чего-то незначимого?

Это ставило перед сообществом ключевой вопрос: действительно ли ценно то, что попало к ним как реликвия? Гири пишет, что этот вопрос возникал постоянно и всегда требовал решения. Поэтому циркуляция, как правило, приводила к тому, что в новом контексте от мощей ждали переподтверждения их ценности: «Когда реликвия перемещалась из одной общины в другую, будь то в результате дарения, покупки или кражи, было невозможно одновременно и надежно передать ту функцию или значение, которыми она обладала на своем старом месте... Простого перемещения было недостаточно – новоприобретенная реликвия должна была проявить себя. Она должна была сама продемонстрировать свою аутентичность, которая была поставлена под сомнение самим фактом ее перемещения» [Geary 1986]. Когда мощи оказывались в новом месте, должны были начаться чудотворения – главное доказательство подлинности святыни.

Гири приходит к выводу, что циркуляция символически высокоценных культовых вещей была потенциально бесконечным циклом: поток чудес после обретения реликвии постепенно уменьшался, и ценность приходилось периодически подтверждать путем повторного перемещения или «обнаружения».

Христианские реликвии в средневековой Европе функционировали в рамках двух систем оценок: они были и желанными носителями благодати, и экономически ценным ресурсом-товаром. Приобретая их, можно было надеяться не только на божественное заступничество, но и на установление важных социальных связей. Для верующих одно никогда не исключало другого. Наблюдения Гири показывают также, что символическая ценность объекта непостоянна, и некоторые транзакции могли быть организованы для того, чтобы создать возможность переподтвердить ее.

Помимо всего прочего, для сообщества, обладающего значимой реликвией, она становилась ценнейшим символическим капиталом (в терминах П. Бурдьё [Бурдьё 2001]). Находясь в церкви или монастыре, мощи притягивали почитателей и паломников, что означало

«путь к благополучию и расцвету», потому что топография реликвий влияла «на паломнические маршруты, а вместе с ними на торговлю, экономику и строительство» [Gears 1986]. Так, не будучи товаризованной вещью напрямую, христианские реликвии проявляли себя как ресурсные в экономическом плане объекты.

Отношение к реликвиям, как его описал Гири, наглядно показывает: даже несмотря на дискурсивно «растоваренный» статус, циркулирует то, что ценится, чем хотят обмениваться и что хотят иметь. Символически значимые вещи традиционно наделены высокой значимостью для сообществ, и их стремятся заполучить различными способами, в том числе коммерческими. В жизни христианских артефактов также может наступать «товарная фаза». В концепции Гири «товаризация» реликвий объясняется их символической высокоценностью.

Однако это не всегда так. Многие описанные сценарии исторически изменчивы, актуализируются в одни эпохи и маргинализируются в другие. В ситуации, когда сакральные объекты находятся в церковной среде, они являются уникальными, не коммерциализируемыми напрямую вещами. Но попадая в цепочку сделок, они могут оказываться в иной системе ценностных координат. То, что для христианского сообщества является реликвией, совершенно не обязательно будет воспринято как значимое вне «естественной» сферы существования такого объекта. Оцениваемый по иным критериям в других обстоятельствах, он может оказаться ничтожным по стоимости или, напротив, дорогостоящим; может выводиться из циркуляции или товаризоваться.

Яркий пример – судьбы икон в СССР. В советское время на государственном уровне декларировалась символическая не-ценность религиозных артефактов как таковых. Однако отнюдь не все они были выведены из обращения. Практики, сложившиеся вокруг этих дискурсивно «неценных» объектов, были крайне многообразными. В то время как одни иконы сжигали (т.е. безвозвратно выводили из обращения как «идеологически вредные» объекты), другие музеефицировали, третьи коллекционировали, четвертые – продавали на внутреннем рынке и за рубеж. Пятые выносили из храмов и прятали по домам, чтобы спасти от «осквернения» – но это, разумеется, делали люди, не разделявшие декларируемые властью установки.

Здесь мы имеем дело с синхронно различными режимами ценности. Для большевиков многие иконы были значимы постольку, поскольку они могли сгореть в акте публичного иконоклазма, выгодного с точки зрения советской пропаганды. Это «режим 1», в котором обмен не предполагается вовсе, а значимость заключена в перформативном акте разрушения – демонстрации не-ценности объектов. Одновременно самые древние иконы музеефицировали как «историческое наследие русского народа»¹³⁸. Это «режим 2», предполагающий перемещение в

¹³⁸ Подробнее об этом: [Кормина, Штырков 2015; Смолкин 2019: 400–424].

специальные ведомства и сохранение икон как исторически и художественно значимых артефактов. С еще одной точки зрения, они имели экономическую стоимость, поскольку у них был (заграничный) покупатель [Осокина 2018.]. Это «режим 3», в рамках которого иконы выходили на международный или внутренний рынок, где их позиционировали как экономически ценные объекты. В то же время, религиозные образа продолжали быть ценными в религиозном смысле – для верующих людей («режим 4»). Иконы спасали из церквей, помещали в дома, сохраняли практики их почитания, продолжали отмечать праздники, связанные с чтимыми образами и т.д.

Таким образом, не только в разные эпохи и в разных регионах, но и в разных сообществах в одном историческом контексте может происходить как возрастание, так и ослабление статуса определенных религиозно значимых вещей. Кроме того, они могут оказываться символически высокоценными в другой знаковой системе и начать исполнять иные значимые функции. Высокая или низкая оценка почитаемых объектов, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на то, как они функционируют и перемещаются в цепочках транзакций. При этом высокий религиозный статус полностью не исключает возможности коммерческого обращения объектов, а также не гарантирует их высокой обменной стоимости. Последняя зависит от многих меняющихся факторов.

Понимание этих механизмов циркуляции окажется важным, когда мы будем анализировать, как символически значимые вещи попадают в современные храмы.

Макросдвиг: от советского к постсоветскому режиму ценности. В нашем исследовании изменение модуса существования вещи и ее статуса определяется не только ее перемещением (из мира в церковь) и сменой «светского» и «религиозного» режимов ценности, но и изменениями, которые произошли в отношении к вещам после распада СССР. Для нас принципиален макросдвиг, который случился после распада СССР. Он определил различия между советской и постсоветской *культурами материальности* (*cultures of materiality*), то есть между двумя разными способами сосуществования людей и предметов. Историки и антропологи фиксируют фундаментальное различие в отношении к вещам в эти два периода [Голубев 2022; Гурова 2018; Дёготь 2005; и др.].

Как отмечает исследовательница повседневности О.В. Гурова, в советский период вещи функционировали «в режиме постоянного, непрекращающегося потребления... Бессмертие, постоянство – модус существования советской вещи, суть которого – в неизменности и незаменимости, в бесконечной возобновляемости функционирования предметов». В ситуации

хронического дефицита «потребление вещей в советской культуре сопровождается бесконечным возвращением их к жизни» [Гурова 2004]¹³⁹.

Постсоветский режим ценности, напротив, связан с логикой общества потребления западного типа. Здесь, вслед за Ж. Бодрийяром [Бодрийяр 2001; 2006], можно говорить о том, что вещи функционируют в рамках концепции новизны. При высоких оборотах производства продолжительность жизни вещи мала, а скорость обращения высока: «потребление связывается с разрушением вещи и с максимально быстрым завершением ее функционального цикла» [Гурова 2004]¹⁴⁰. Когнитивная установка на модернизацию и рационализацию приводит к тому, что «старые вещи» постоянно стремятся заменить новыми [Антонов, Завьялова 2024].

В постсоветском российском обществе циркуляция – смена владельцев и контекстов существования – для любой вещи может быть совершенно нормальным явлением. Постоянное, более или менее быстрое обновление предметного мира вписано и в уклад повседневности православных приходов. Храмы РПЦ сегодня также функционируют в общей логике *экономики циркуляции (economy of circulation)*, в рамках которой происходит бесконечное обращение недолговечной продукции массового производства.

В XIX – начале XX в. выпуском религиозных атрибутов занимались многие промышленные центры, от мелких региональных до крупных общероссийских. Например, в селах Вязниковского уезда Владимирской губернии во второй половине XIX в. было налажено массовое, поточное (миллионами экземпляров) производство «расхожих» икон, прежде всего фольговых икон-киоток, которые распространяли и по всей стране, и за пределы Российской империи [Тарасов 1995; Доронин 2024; Доронин 2024а]. В советский период по-настоящему массовым церковное производство быть не могло, и большинство религиозных атрибутов создавалось кустарно. На постсоветском же пространстве, с учетом современных технологий и материалов (часто синтетических), масштабы такого производства, скорость и объемы выпуска новой продукции оказываются значительно выше и советских, и дореволюционных. Крупнейшее в современной российской православной индустрии предприятие «Софрино»¹⁴¹, а также и другие производители, огромными партиями выпускают массовую религиозную продукцию, которая распространяется и в России, и в православных странах за рубежом¹⁴². Это и разнообразные иконы, и нательные кресты, и украшения, в том числе сувениры с христианской символикой, и

¹³⁹ URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/prodolzhitelnost-zhizni-veshhej-v-sovetskom-obshchestve-zametki-po-socziologii-nizhnego-belya.html> (дата обращения: 26.06.2026).

¹⁴⁰ URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/prodolzhitelnost-zhizni-veshhej-v-sovetskom-obshchestve-zametki-po-socziologii-nizhnego-belya.html> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁴¹ Интернет-страница предприятия: <https://sofrino.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁴² Кроме «Софрино», в России и странах СНГ сейчас действует несколько сотен производств, которые специализируются на церковном товаре и свечах [Митрохин 2006: 160].

различные контактные реликвии¹⁴³ и т.д. В храмах этот товар «за пожертвование» приобретают прихожане.

Когда эти церковные предметы и вещи с религиозной символикой приходят в негодность, их «возвращают» в церковь (см. раздел 2.4) на утилизацию и заменяют новыми, купленными здесь же. Так выстраивается и раз за разом воспроизводится активный производственно-потребительский цикл, из-за которого православные храмы регулярно получают различные церковные предметы, «пожертвованные» (или, в светском дискурсе, «сданные») прихожанами. Церковные модераторы (настоятели, старосты и др.) вынуждены как-то работать с постоянным притоком подобных вещей.

Совмещение этого глобального постсоветского режима ценности (с его установкой на новизну и ускорение жизненного цикла вещей) с церковными представлениями о святости/благодатности религиозных предметов и создает ту уникальную ситуацию, которую мы наблюдаем. Вещи, произведенные в советский период (например, советские иконы-киотки), или просто старые предметы с христианской символикой, в постсоветской России постепенно утрачивают свою ценность. Попадая в храм, они оказываются на пересечении двух разнонаправленных логик: логики сакральной значимости и логики эстетической и функциональной непригодности (продиктованной постсоветским рынком и модернизацией церковного пространства¹⁴⁴). Столкновение этих разных систем оценки порождает тот самый подвижный статус, который делает наши объекты исследования столь эвристически ценными.

Обмен – всегда зона напряжения, где сталкиваются разные режимы ценности. Но в случае с религиозными предметами мы имеем дело с особым парадоксом, который не полностью объясняется этой теорией. Вещи, которые люди приносят в храмы – руинированные иконы, обломки крестов, старые календари, засохшие цветы – часто не имеют никакой обменной ценности. На «светском» рынке они были бы признаны мусором. В церковном пространстве их могут оценивать так же, но при этом они обретают особый статус, благодаря которому от них нельзя избавиться как от обычного мусора. Утилизация таких вещей становится ритуализованным действием, для которого нужна особая инфраструктура (см. разделы 3.1.5. и 3.2).

Что происходит в момент этого перехода? Какая сила превращает «ветошь» в нечто, требующее благоговейного обращения? Очевидно, что в дело вступает иная логика оценивания, нежели та, что описана Аппадурой. Это логика, в которой ценность вещи определяется не ее рыночной стоимостью или утилитарными свойствами, а ее причастностью к иному, сакральному измерению. В православной культуре эта причастность описывается через понятие благодати.

¹⁴³ Например, «шапочки, освященные на мощах Серафима Саровского» (см. Приложение, ил. 1).

¹⁴⁴ См. подробнее в главе 2.

Предмет, соприкоснувшийся со святыней – даже самый ветхий и неказистый – уже не может быть «просто мусором». Чтобы понять природу «мерцающего» статуса многих церковных вещей, который мы зафиксировали ранее, нужно разобраться в том, как влияют представления о благодати на ценность и оценку вещей в христианской культуре.

1.3. Символический статус вещей в христианской культуре

Символический статус вещей в культуре. В разных дисциплинарных подходах к изучению культуры (археологии, этнографии, музеологии, искусствоведении и др.) долгое время существовало жесткое противопоставление «духовной» и «материальной» культуры. «Культовые вещи» как предметы, «отмеченные в сфере сакрального» [Байбурин 1981: 215], относили к первой категории, противопоставляя их утилитарным предметам быта, объектам материальной культуры. Эта оппозиция воспроизводилась и в музейных экспозициях, где экспонаты распределялись по «“функциональным блокам”: одежда, жилище, пища, религия, верования» [Байбурин 1981] и т.д.

Однако такое разделение, удобное для классификации, мало что дает для понимания живой традиции, в которой оппозиция «духовного» и «материального» часто совершенно не актуальна. Во-первых, как замечает А.К. Байбурин, любая вещь обладает не одной функцией, а целым «набором, пучком функций, среди которых есть и практические, и символические» [Байбурин 1981: 215]. В одной семиотической системе (например, в ритуале) предмет может осознаваться знаком, а при выпадении из этой системы вновь становиться «просто вещью». Кроме того, в любом сообществе и в повседневности каждого индивида ситуативно происходит распределение объектов между разными когнитивными категориями – значимости, важности, нужности, полезности и т.д. Байбурин описывает это как постоянное распределение предметов физического мира между двумя полюсами на шкале «вещи – знаки», где вещи – объекты, «знаковые свойства которых стремятся к нулю», а знаки – предметы «с наивысшим семиотическим статусом» [Байбурин 1981: 216]. В разных сообществах вырабатываются различные методы выделения знаковых, ценных предметов из ряда других вещей, а также способы, которыми можно трансформировать этот особый статус¹⁴⁵ (например, перемещение в иной контекст).

Этот подход важен для нас, поскольку он снимает онтологическое противопоставление «сакральных» и «профанных» вещей и показывает перформативность семиотического статуса: один и тот же предмет в разных контекстах может обладать разной ценностью. Наша задача – понять, как в православной культуре осуществляется эта классифицирующая деятельность и какую роль в ней играют представления о благодати.

О значимости предмета для сообщества или отдельного человека свидетельствует прежде всего поведение людей по отношению к нему. Поэтому социальный антрополог С. Хупер предлагает исследовать значимость вещей на уровне социальных практик. Он называет

¹⁴⁵ К примеру, изображения значимых политических или религиозных персонажей лишают агентности путем выкалывания глаз, стирания лиц (как в римской практике *damnatio memoriae*) и т.п. См., например: [Антонов 2013].

особое поведение людей по отношению к некоторым объектам «сопутствующим реликвиям поведением» (*relic-related behavior*) и демонстрирует на многих примерах, что это кросс-культурный феномен: «Во всех религиях сохраняются фундаментальные сходства в практике, если не в доктрине: люди периодически собираются в особых местах, часто связанных с умершими, чтобы петь/танцевать/совершать обряды, произносить формулы и делать подношения источникам силы» [Hooper 2014: 194]. Антропологический анализ социальных практик показывает, что с религиозными атрибутами, в отличие от бытовых вещей, зачастую обращаются как с более значительными – их выделяют, маркируют, наделяют особыми функциями, используют в особых случаях (праздниках, ритуалах) и т.п.

В православной культуре эта выделенность зачастую относится практически к любому церковному объекту. Церковная утварь, элементы облачения, цветы и ветки, которыми украшали храм, – в сфере религии ценность той или иной вещи зависит от того, «насколько велика ее способность символизировать нечто более важное, чем она сама» [Байбурин 1981: 217]. Однако, как мы увидим далее, в случае с христианскими/православными святынями дело не ограничивается репрезентацией. Образ не просто *означает* святое – он становится его *вместилищем*.

Агентность и телесность реликвий. В контексте христианства при описании знаковых объектов чаще всего речь идет о *реликвиях* или *святынях*. При этом, как замечают многие исследователи, понятие «реликвия» не имеет четких границ. Историки, искусствоведы, антропологи и религиоведы изучают почитаемые объекты с разных позиций, и единого определения не существует.

В этой работе мы будем понимать под реликвиями предметы, которые в рамках взаимодействий акторов религиозного поля оцениваются как символически высокостатусные и благодатные (чудотворные) – то есть способные распространять сакральную силу и оказывать влияние на окружающее пространство, людей, животных и предметы. Слово «святыня» в таком контексте оказывается синонимом реликвии, однако в языке современных верующих «святыней» зачастую называют гораздо более широкий круг объектов (порой даже вообще всё, так или иначе связанное с Церковью)¹⁴⁶.

Для понимания природы реликвий ключевое значение имеют исследования, сложившиеся на стыке истории искусства и антропологии. Американский историк искусства Д. Фридберг в

¹⁴⁶ В православной традиции как о святынях говорят о храмах, монастырях, о почитаемых ландшафтных объектах, о мощах святых, об объектах библейской истории (Туринская плащаница, пояс Богородицы и т.д.), а также о святой воде. «Святынькой» называют землю с могилы, камни, воду из святого источника и т.п. Слово «реликвия» обычно относится к меньшему числу объектов. Чаще всего реликвиями называют мощи святых, вещи, принадлежавшие героям христианской истории и почитаемым праведникам, иногда – иконы.

своей известной книге «Сила образа: восприятие искусства в Средние века и раннее Новое время» (*The Power of Images: Studies in the History and Theory of Response*, 1989) показал, что верующие во все эпохи стремились не просто смотреть на изображения, молясь или медитируя, но физически взаимодействовать с ними [Фридберг 2025]. Немецкий историк культуры Х. Бельтинг в не менее известной книге «Образ и культ. История образов до эпохи искусства» (*Bild und Kult Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst*, 1990) проследил, как в средневековой культуре образы функционировали в качестве культовых объектов, наделенных присутствием святого [Бельтинг 2002]. Французский медиевист Ж.-К. Шмитт предлагал говорить о средневековых изображениях как об образе-теле [Schmitt 2002], привлекая внимание исследователей к вещественности любого почитаемого предмета, будь то мощи, скульптура, икона, литургический предмет и т.д.

Безусловно важной для наших целей представляется концепция *образа-объекта*, предложенная французским медиевистом Ж. Баше. Исследователь подчеркивает, что средневековый образ – это «не только послание, которое кому-то транслируется, но и объект, вовлеченный в социальные практики и наделенный действенной силой (*efficacité*)... образ неотделим от материальности своего носителя, от своего бытия как объекта» [Баше 2021: 101]. Взаимодействие с религиозным образом означает коммуникацию с его формой, обладающей физическими характеристиками и чудотворными свойствами: «Именно потому, что образ является объектом, его можно скрывать или открывать с помощью занавесей, одевать, украшать драгоценностями или цветочными гирляндами, носить в процессиях, целовать, соскабливать с него материю, избивать, бросать под ноги или даже съедать» [Баше 2021: 103].

Таким образом, то, как люди воспринимают значимые объекты и взаимодействуют с ними, и делает эти объекты *религиозными* атрибутами. Объект, ценный с религиозной точки зрения, не просто репрезентирует что-то значимое; он сам, его материальная составляющая и есть это значимое. Именно с материальностью образа, его физическим «телом» верующие часто стремятся войти в контакт.

С. Хупер предлагает расширительное понимание реликвий, распространяя его за пределы собственно религиозной сферы. Для него реликвии – это любая материальная манифестация «особых личностей» (*special personages*): богов, предков, королей, святых, героев, знаменитостей. Он выделяет три типа реликвий:

- *реликвии-тела* (*body relics/corporeal relics*) – останки плоти, целые или фрагментированные;
- *контактные реликвии* (*contact/touch relics*) – предметы, соприкасавшиеся с телом или другими реликвиями персонажа либо находившиеся в непосредственной близости от них;

- *реликвии-образы (image relics/substitute relics)* – изображения или предметы, которые эквивалентны телу персонажа и/или заменяют его [Hooper 2019: 196].

Хупер объединяет эти категории, поскольку на уровне социальных практик во многих культурах, включая традиционные христианские, образы воспринимаются как материальное воплощение изображенных персонажей и потому эквивалентны телесным или контактным реликвиям. Эта теоретическая рамка позволяет нам рассматривать в едином поле и мощи святых, и почитаемые иконы, и предметы, соприкасавшиеся с ними.

Антропологи указывают также, что многие предметы материального мира в определенной культурной логике начинают восприниматься как партнеры по коммуникации, полноценные акторы¹⁴⁷. Значимый объект не просто чудотворно-материален, не просто репрезентирует больше, чем он сам, он также выступает как физическое, земное вместилище сверхъестественного агента. Любой предмет религиозного культа оказывается тактильной формой, земным воплощением трансцендентного мира.

Сказанное в полной мере относится к христианским изображениям, которые многие исследователи (особенно при анализе католических традиций, где не был столь развит культ икон) отделяли от «реликвий» и считали лишь репрезентациями святого, а не самостоятельными святынями. Многие теологи с первых веков христианства действительно утверждали, что изображения и скульптуры – это лишь земная репрезентация священной истории, Бога, святого или «небесного мира» в целом. Однако исследователи фиксируют, что большинство верующих – православные и католики, клирики и миряне – во все эпохи на практике часто обходились с ними как с объектами, которые обладают самостоятельной агентностью. Для христиан важно, что у религиозных предметов, в том числе изображений, есть физическое «тело», с которым можно вступать во взаимодействие. Когда образ воспринимается как значимый объект, материальности которого приписывается сверхъестественная *сила*, с ним стараются коммуницировать множеством разных способов.

Чтобы разобраться в истоках представлений об агентности и благодатности христианских святынь, обратимся к истории их почитания.

Истоки почитания христианских реликвий: мощи, иконы и артефакты как «объекты силы». В дохристианских античных традициях материальный носитель изображения играл значимую роль в практиках почитания сверхъестественных агентов. С предметами,

¹⁴⁷ Часто в исследованиях можно встретить, что предметы с такими свойствами характеризуют как о фетиши [Новик 1998; Keane 2014], а онтологию, в которой существуют люди, занятые поиском «материальных носителей сакрального», называют «магическим материализмом» [Агаджанян, Русселе 2006: 24].

репрезентирующими богов или выдающихся личностей (в том числе целителей, атлетов, полководцев), взаимодействовали как с земными «телами» этих персонажей. То есть коммуникация с образом выстраивалась как общение с физическим объектом, который, как считалось, обладал качествами изображенного трансцендентного персонажа.

Как пишет историк классического искусства М.Д. Фуллертон, апологеты традиционных греческих и римских культов верили, что статуи богов и героев могут «говорить, петь, двигаться, покрываться испариной, кровоточить или плакать» [Фуллертон 1996: 12] и даже предсказывать будущее. Происхождение многих изваяний было связано с чудесными событиями. Они считались явленными свыше, нерукотворными и чудотворными, способными исцелять от болезней. К ним стремились прикоснуться, их украшали и омывали, одаривали за помощь или подвергали суду и расправе за причинение вреда человеку.

Иными словами, в античной культуре многие статуи были чудотворными образами-объектами (в терминологии Ж. Баше). При этом обычно считалось, что действия статуй – это проявление воли и силы божеств, а не самих фигур. Однако, по мнению Фуллертона, к объекту религиозного почитания древние греки и римляне могли относиться с трех позиций: статуи или живописные образы в различных обстоятельствах воспринимались «как символическое выражение идеи божества, как место обитания божества или как само божество» [Фуллертон 1996: 11].

Описанные выше контактные практики предполагались и в отношении другого вида образов – стел, рельефов и бюстов императоров Римской империи. Х. Бельтинг отмечает: «В императорском культе образа личность и ее изображение были приравнены» [Бельтинг 2002: 196]. Во-первых, изображение обожествляемого властителя было репрезентацией его власти и символом ее присутствия на местах. Во-вторых, образ правителя предполагал чествование и поклонение, как если бы славу воздавали правителю, который был объектом ритуального почитания [Бельтинг 2002: 123]. Поэтому «образу оказывали почти все те почести и ему принадлежали все те права, которые подобали самому императору» [Бельтинг 2002: 126]. Это были объекты, не только *представляющие* силу и агентность, но и *обладающие* ей. Можно сказать, что изображения императора были субститутами его личности и на полных правах замещали его присутствие. Статуи, как будто это был сам властитель, встречали в городах, преклоняли перед ними колени и присягали им на верность, к ним несли свечи и лампы с ладаном, а отказ почитать образ приравнивался к оскорблению императора и рассматривался на правовом уровне как государственная измена¹⁴⁸.

¹⁴⁸ При этом, как показывает П. А. Харланд, подобные практики не следует однозначно интерпретировать как поклонение самому императору, как знаки его обожествления: в строгом смысле слова. В одних случаях речь шла о почитании самого правителя, в других – его *genius*'a

Отношение к почитаемому образу как к земному «телу» неземного актора или императора повлияло на формирующуюся христианскую обрядность и закрепилось в ней. М.Д. Фуллертон отмечает: «образы... и в языческой, и в христианской культурах выполняли те же самые функции, как минимум на уровне популярных верований» [Фуллертон 1996: 12]. Х. Бельтинг приходит к выводу, что формы почитания христианских реликвий и икон восходят к ритуалам с культовыми изображениями правителя [Бельтинг 2002: 127].

Другой важной стороной культа реликвий в христианстве стала идея о *благодати* – незримой божественной *силе*, которая способна влиять на окружающее пространство и контактирующие с ним субстанции (исцелять, улучшать что-либо, защищать от вредоносного воздействия и т.п.). Корни этого представления ведут нас, с одной стороны, к античной религиозной культуре (и к некоторым ближневосточным, оказывавшим на нее влияние), с другой – к культу мощей, который с первых веков распространения христианства занимал значимое место и в практиках простых верующих, и в трудах теологов.

Ранние христиане воспринимали тела погибших за веру мучеников как вместилище их душ, где они будут прибывать до всеобщего воскрешения. Культ тел святых подвижников распространился под влиянием идеи, что «если плоть святого – место его пребывания на земле, а сам мученик может помогать людям после смерти, то его тело целительно» [Антонов 2023б: 19]. Множество историй демонстрировало неразрывную связь святого с его телом.

На христианский культ мощей повлияли и ближневосточные религиозные представления о том, что мощи способны изливать чудотворную жидкость и сохранять свою благодатную силу даже при разделении на части. Французский историк средневекового искусства Р. Рехт назвал эти представления «орендизмом» [Рехт 2014: 96–97]. То, что мощи могут проводить «небесную благодать в земной мир» воспринималось как дар за прижизненные подвиги праведника. Свидетельства о чудотворной силе мощей наполняли средневековые тексты. В самом русском слове «мощи» заключены коннотации силы (могущества) святой плоти [Антонов 2023б: 17–21].

После легализации христианства в Римской империи распространилась практика освящать с помощью мощей храмы, наполняя их божественной благодатью¹⁴⁹. Со временем тела усопших праведников начали разделять на частицы. В христианской традиции «считается, что части тела сохраняют живительную силу изначального тела и что она не уменьшается при

(личного божественного покровителя), а в третьих – о выражении политической лояльности без строгого религиозного содержания. Таким образом, одни и те же ритуальные действия по отношению к изображению императора не имели единого значения: для одних участников они могли быть религиозным почитанием, для других — формой почести и признания власти. [Harland 1996].

¹⁴⁹ Эта традиция действует до сих пор: церкви освящают частицей мощей, вшитой в антиминс, который размещают на престоле.

фрагментации. По своей сути они являются изначальным телом с присущими ему способностями и качествами» [Hooper 2014: 197]. Частичками мощей освящали пространство, использовали их как защитное или лекарственное средство. Иногда их вмешивали в краску, чтобы написать икону, или совмещали с изображениями в иконах-реликвариях.

Однако потребность в реликвиях (для храмов, для сообществ верующих и для личного использования) была столь велика, что разделение тел святых не было способно удовлетворить потребность в них – даже для освящения церквей. Важнейшую роль начали играть контактные реликвии: предметы, с которыми святой взаимодействовал при жизни, особенно личные вещи: «С помощью предполагаемого действия контагиозной или симпатической магии, или “священного заражения”, предметы, к которым прикасался, использовал или создавала особая личность, или которые касались ее останков, передавали им особенность основного тела [Hooper 2014: 197]. По контактному пути благодать передавалась и от мощей. Чудотворной силой обладала и вода, смытая с тел почивших праведников, и любой предмет, бывший с ними в контакте. Так «производились» все новые контактные реликвии.

С распространением христианских религиозных образов в V–VI вв. благодатным начали считать не только мощи, но и изображения святого. Образы воспринимались как субституты мощей. Это были написанные краской или вырезанные из разных материалов, но такие же «тела» святых: «Тело материальное и тело изображенное оказывались подобными, изофункциональными объектами» [Антонов 2021: 14]. С ними взаимодействовали по тем же принципам, что со святыми мощами, а до этого – с изображениями римских богов: «целовали, украшали и одевали, обвешивали дарами, а иногда наказывали» [Антонов 2023б: 19]. В восточном христианстве эти практики чаще были связаны с плоскостными образами, в Европе – с круглой скульптурой.

Осуждение таких практик стало причиной иконоборческих кампаний в Византийской империи. Однако разработанное в противовес иконокластам учение о почитании образов как репрезентантов первообразов, легитимировало эти традиции. Особое значение изображения обрели в восточном христианстве после Седьмого Вселенского собора, прошедшего в 787 г. В восточном христианстве почитание религиозных образов было догматизировано на богословском уровне, за ним закрепились новые значения.

В некотором смысле, почитание мощей и прославление икон были неотделимы друг от друга – иногда в буквальном смысле. Х. Бельтинг пишет, что тело константинопольского святого Даниила Столпника († 493), закрепленное вертикально, почиталось как икона [Бельтинг 2002: 80]: «плоть усопшего заменила его рукотворный образ» [Антонов 2018: 11]. В тех регионах христианского мира, где мощей изначально не было, – например, в русских землях в первые века после христианизации, – именно образы становились основными реликвиями [Антонов 2021: 14].

С иконами, со скульптурами, с книжными миниатюрами и храмовыми фресками делали то же, что совершали с мощами, в том числе разделяли на части, чтобы обладать одним из фрагментов. С образов соскабливали краску, стремясь присвоить благодать, заключенную в малейшей частице святости, от крестов отламывали щепки («кража святого») [Антонов 2021: 11]. Нередко это вело к порче реликвии или образа и осуждалось церковными властями, благодаря чему у нас сохранились свидетельства этой практики. Существовали и одобряемые, нормативные способы создания брандеа: «В Византии и на Руси воду, смытую с почитаемых икон и других реликвий, а следовательно, впитавшую благодать, раздавали людям (для этого появился специальный чин омовения иконы). Огарки свечей и масло из лампад, горевших перед чудотворным образом, разбирали и использовали как целебное средство» [Антонов 2023б: 22].

Именно с невидимой энергией, заключенной в реликвии, верующие стремятся взаимодействовать и контактировать, когда целуют святости и касаются их: «Регулярное приложение к образам в церкви зачастую воспринимается не только как жест поклонения/почитания, но и как действие, благотворно влияющее на человека» [Антонов 2018: 17]. Кроме того, представление о благодати как о силе, которая физически воздействует на материю¹⁵⁰ и которой можно манипулировать, лежит в основе важнейших для православия обрядов: рукоположения в священники, освящения церкви. Во время *хиротонии* священников посвящаемому для передачи апостольской благодати епископ возлагает на голову свои руки и омофор. При рукоположении в епископский сан на голову архиерея возлагают святое Евангелие. Освящение новых православных храмов происходит, когда в здание вносят частицы святых мощей и помещают их основание алтаря и/или в антиминс на алтаре.

Практики апроприации силы. Д.И. Антонов в серии своих работ¹⁵¹ выделяет следующие формы коммуникации с реликвиями и иконами: поклонение; молитва; реципрокная модель – одаривание с просьбой о помощи или в благодарность за нее; апелляция к иконе (реликвии) как к свидетелю, гаранту справедливости и т.п.; принуждение к чуду (провокативное наказание образа); месть (непровокативная агрессия, расправа) и, наконец, *апроприация силы*. Под последним понимается широкий круг манипулятивных практик, которые направлены на «присвоение, использование и перенесение на новый объект [тело человека или какой-то

¹⁵⁰ Известны средневековые реликвии, явившиеся «отпечатками» чудотворной энергии на предметах – Мандилион (и европейский Плат святой Вероники), Керамион, Туринская плащаница. Современные примеры материального воплощения благодати более многочисленны. Это прежде всего образы-«отпечатки», оставшиеся на стекле киота, в который помещена икона, на церковных стенах и других предметах [Антонов, Доронин 2021].

¹⁵¹ См. работы: [Антонов 2018: 15; Антонов 2021: 10–11; Антонов 2023б: 25–29].

предмет-посредник. – А.З.] силы», источаемой сакральным объектом (мощами, иконой) [Антонов 2018: 16]¹⁵².

С первых веков христианства на благодатные реликвии – личные обереги и лечебные средства – был высокий спрос: верующие стремились «обрести для личного пользования фрагмент материализованной святости» [Антонов 2023б: 20]. Поэтому реликвии не только собирали, дарили, покупали и крали, но и создавали с их помощью различные дочерние реликвии (брандеа)¹⁵³. Этот механизм «овеществления религии» приводил к постоянному увеличению материального религиозного фонда: «Почитаемые артефакты постоянно умножались – тело святого или предметы, контактировавшие с ним, распространяли святость по христианской Ойкумене и помогали создать новые сакральные предметы» [Антонов 2022б: 14]. Это происходило путем приложения, прикосновения или приближения к материнским святыням – при этом иконы и мощи воспринимали как равно сильные и действенные [Антонов 2022б: 12].

Благодать могли использовать, либо касаясь самого образа-объекта, либо контактируя с ней дистантно. Она не просто сосредоточена в предмете (мощах святого, иконе или скульптуре), но окружает реликвию, как невидимый ореол¹⁵⁴. Д.И. Антонов использует для описания этого феномена метафору *второго незримого «тела»* святого/святыни: «Взаимодействие с “незримым телом” иконы способно оказать эффект, подобный реальному касанию» [Антонов 2023б: 22] – исцелить человека, отогнать неприятеля, сообщить плодородие полю, прекратить пожар, освятить пространство и т.д. Это породило множество манипулятивных практик¹⁵⁵. Принимая во внимание идею, что благодать распространяется не только от объекта, но и вокруг него, можно объяснить и такие популярные среди верующих практики как «припадение» под икону при

¹⁵² Эти представления и действия характерны не только для христианства: «аналогичные манипуляции производятся с любыми объектами, которые в культуре наделяются силой», в том числе с магическими артефактами [Антонов 2018: 21].

¹⁵³ Иногда для использования в качестве брандеа создают специальные предметы, которые могут копировать материнскую святыню (например, специально изготовленные для приложения к поясу Богородицы «пояски» [Антонов 2018: 23]).

¹⁵⁴ Носители традиции нередко описывают, что ощущение присутствия благодати усиливается по мере приближения к реликвии, т.е. благодать очерчена в пространстве и оказывает влияние на всё, попадающее в сферу ее действия. Кроме того, предполагается, что ее сила пространственно ориентирована: «благодать начинает действовать при *приближении* к объекту или при его *направлении* в необходимую сторону» [Антонов 2021: 15; Антонов 2022б: 32]. О телесном восприятии благодати говорят многочисленные современные нарративы верующих. Ее описывают как ощущение присутствия Бога или святого. Ее воздействие сопровождается определенными соматическими аффектами, которые возникают у людей при нахождении в святых местах и просто рядом с иконами (покалывание, ощущение тепла и т.п.).

¹⁵⁵ Среди них – защитные крестные хода, размещение над воротами образов-защитников города или монастыря, обнесение иконами горящих домов, прогон между или под иконами скота при первом выпасе, размещение икон в современных машинах и т.д. Другие примеры см.: [Антонов 2018].

крестном ходе¹⁵⁶ или проползание под храмовым образом¹⁵⁷. На этом же представлении строится распространенный в православной среде троп о *намоленных иконах*: священный образ, перед которым многие верующие усердно молятся, способен наполняться энергией¹⁵⁸ как контейнер или резервуар.

Благодатью обладают в первую очередь сами реликвии, прежде всего мощи святых и иконы. Однако круг носителей благодати может быть чрезвычайно широк. Любой предмет, находившийся рядом со святыней, может стать брандеумом – дочерней реликвией, воспринявшей силу материнского объекта «благодать автоматически наполняет предметы, находящиеся рядом с образами [и другими реликвиями. – А.З.], причем не только чудотворными» [Антонов 2021: 17]. Поэтому представление о незримой благодати актуально при восприятии многими верующими всего, находящегося в храме, как освященного и «так или иначе связанного с церковью и духовенством» [Антонов 2022б: 32] – вплоть до пыли или воды, которой мыли пол или протирали что-то в алтаре или наосе.

В церкви что – это всё святое, там освящённое, там Святой Дух¹⁵⁹.

... у Серафима Саровского написано, что вообще из храма подметаешь – ничего выбрасывать нельзя, **всё на сжигание**. А Гавриил Ургебадзе говорил, что пылью из храма, с полов, можно умывать лицо. **Вот у нас такая святость**. Это всё с благодарением нужно здесь... **Святыня**¹⁶⁰.

Наделенной благодатью считают свечи, которые горели у чудотворных икон, а также масло из подвешенных к ним лампад. Их и сегодня иногда распространяют – в лечебных целях.

¹⁵⁶ Эта практика распространена не только в России и других постсоветских странах, но и, например, в Румынии [Hanganu 2010]. Описание практики на примере списков Богородичной иконы «Иерусалимская» см. в: [Чистяков 2006].

¹⁵⁷ Такая практика существует в Воскресенском храме в г. Тутаев Ярославской области. Под иконой Спаса XVII в. в постсоветское время был сделан «целебный лаз». Верующие проползают через него три раза в надежде получить исцеление от недуга. Идентичная икона с лазом была создана в Кафедральном соборе Александра Невского в Нижнем Новгороде. См. главу 3, а также: [Антонов, Завьялова 2026].

¹⁵⁸ Современные нарративы о намоленных иконах часто включают терминологию, заимствованную из физики: «...по всей видимости, икона была намоленная, и, соответственно, и молитва, она **аккумулировалась**. То есть если, скажем так, **энергия** какая-то исходит все-таки при молитве тех людей, которые молились на эту икону. И, соответственно, эта икона, может, **аккумулировалась**, может быть, каким-то образом намаливалась» [Антонов 2021: 26].

¹⁵⁹ ПМЦ. Ж., 1942 г.р., монахиня, Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, с. Кутузовка, г.о. Кулебаки, Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.

¹⁶⁰ ПМЦ. Ж., ок. 45 лет, работница церковной лавки Успенской Адмиралтейской церкви, г. Воронеж. Зап. в 2025 г.

Также «впитывает» благодать троицкая зелень, верба, освященные пасхальные яйца, оставшаяся от них скорлупа и т.п.

Иногда как объекты, заключающие в себе чудотворную энергию, воспринимаются любые христианские изображения (например, печатные фотографии храмов), и предметы, содержащие христианскую символику и тексты (книги, календари и т.п.). Благодать может передаваться и по симпатическому принципу, поэтому «изображения благодатных религиозных объектов (храмов, монастырей, реликвий и т.п.) использовались в религиозном обиходе, даже если они не являлись евлогиями и не прикладывались к материнской святыне» [Антонов 2022б: 32], т.е. не были брандеа. Соответственно, в практикуемом православии благодатным может считаться практически всё, что имеет отношение к христианству, его символике, а также практически все предметы, находившиеся в храме.

Почитаемые природные локусы носители традиции тоже часто описывают как пространства, напитанные силой Господа или святого¹⁶¹. Сакральным место делает благодать, которая была когда-то «оставлена» святым подвижником и продолжает ощущаться в пространстве. Место может накопить силу благодаря прижизненному и/или посмертному присутствию тела праведника¹⁶². Границы святого места размыты, как не ясны и границы

¹⁶¹ Ж.В. Кормина предлагает немного другое понимание и описание распространённой благодати. Следуя за концепцией распределенной индивидуальности (*distributed personhood*) социального антрополога А. Гелла, исследовательница рассматривает реликвии как «распространенную личность» святого, которая оказывается источником благодати. Она пишет: «Тело святого обширнее, чем анатомические останки человека. Продолжением тела является и место его первого захоронения <...>, и его посмертное жилище – рака или гробница. Продолжением тела святого является и место его упокоения – часовня или храм» [Кормина 2019: 88]. В пример Кормина приводит часовню Ксении Петербургской, которая «видится верующим как своего рода тело этой святой» [Кормина 2019: 88]. С опорой на свои этнографические наблюдения, Ж.В. Кормина настаивает, что постройка «является не метафорическим и даже не метонимическим обозначением этой святой; она является ею, ее телом» [Кормина 2019: 89]. Часовня Блаженной Ксении оказывается в таком описании тем же «телом», что мощи святой. К ее стенам паломники стремятся прикоснуться или отколотупнуть кусочек штукатурки так, как если бы они прикасались к святым останкам. В логике апроприации силы, предложенной Д.И. Антоновым, такой локус был бы описан как место, которое благодать наполняет, превращая в брандеа (а возможно и окружает, как второе невидимое «тело», если есть соответствующие нарративы и практики) – так же, как это происходит с иконами и другими реликвиями. И тогда дело оказывается не только в наличии мощей (на чем акцентирует внимание Ж.В. Кормина). С визуальными образами святых – субститутами их реальных тел – верующие взаимодействуют посредством идентичных практик. Изображения, мощи, реликвии, могилы праведников, часовни и другие почитаемые объекты материального мира воспринимаются как наполненные и окруженные незримым благодатным «телом». Описываемое исследовательницей явление гораздо более универсально, чем вариация почитания мощей, и имеет множество разных проявлений. При этом отколупывая кусочки материальной святыни, чтобы унести с собой брандеа, верующие вряд ли думают, что фрагментируют «само тело» святой или святого – такие нарративы, если и встречаются, явно будут казусами, а не правилом.

¹⁶² См.: [Доронин 2022а; Доронин, Завьялова 2022; Доронин, Завьялова 2022а].

благодати, исходящей от мощей и икон. Однако не только прикосновение к почитаемым предметам в священном месте, но нахождение в нем и даже приближение к нему влияет на людей и на предметы, которые оказались в некой очерченной зоне.

В концепции религиозной инфраструктуры, в том виде, в каком она появляется в русскоязычных работах¹⁶³, представления о благодати вписаны и в другую концептуальную рамку. Сакральный локус – часть экосистемы религиозной инфраструктуры. Однако ощущение присутствия божественной энергетики в каком-то святом локусе – наличие в нем «разлитой благодати» – «не бывает раз и навсегда установленным, очевидным для всех фактом, даже если речь идет о широко почитаемой святыне или распространенной религиозной практике» [Кормина 2022: 168]. Обеспечение ее присутствия – то есть поддержание «в рабочем состоянии» определенной экосистемы – задача религиозного сообщества. То есть люди поддерживают «божественное присутствие в жизни группы» [Кормина, Хонинева, Штырков 2022: 12] в особых локусах с помощью определенных действий. Именно практики верующих определяют работу невидимой инфраструктуры, частью которой оказывается божественная благодать: «чтобы место или предмет были святыми... недостаточно словесных доказательств, таких как рассказы о чудесах или этиологические предания о происхождении святыни, которые дискурсивно ее создают. Присутствие благодати обеспечивается специфической жесткой инфраструктурой и трудом вовлеченных в ее создание и поддержание людей» [Кормина 2022: 168]. Паломничества, крестные ходы – практики, которые выстраивают связь между «небесной» инфраструктурой и «земной», и присутствие благодати становится свидетельством надежной работы этой экосистемы¹⁶⁴.

Несмотря на широту круга потенциальных носителей благодати, далеко не все они признаются «правильными» и допустимыми. Постоянно рождавшиеся (и рождающиеся до сих пор) новые типы бренда и новые практики апроприации благодати сразу включались в дискурсивное поле споров о том, что «правильно» и допустимо, а что «суеверно» и неправильно.

¹⁶³ Имеются в виду работы: [Кормина 2022; Кормина, Хонинева, Штырков 2022].

¹⁶⁴ Пример сакрального локуса, вписанного в определенную систему земной инфраструктуры – так называемые камни Серафима Саровского. В народной агиографии юго-запада Нижегородской области многие валуны, которые люди встречают в местных лесах, связываются с именем подвижника и образуют обширный сакральный ландшафт в этой местности. Камни Серафима известны своей целебной силой; на них стремятся полежать, прикоснуться к ним больным местом [см.: Шеваренкова 2001; Шеваренкова 2001a]. На некоторых валунах можно увидеть выдолбленные пустоты: паломники постоянно пытаются унести с собой часть святыни (см. Приложение, ил. 2). По нарративам местных жителей мы понимаем, что для них камень, очевидно, не «тело Серафима», как это описала бы Ж.В. Кормина. Говорят, что святой когда-то стоял на них, совершая свой молитвенный подвиг, они «впитали» его святость и продолжают ее транслировать. Это «контейнер благодати», и носители традиции описывают его не как буквальное тело праведника, а как предмет, который «излучает» его силу.

Такого рода дискуссии начались с первых веков христианства¹⁶⁵. Оценки почитаемых объектов как «правильных» и «неправильных» конкурировали и «в Средние века, и в Новое время, с наибольшей остротой – в периоды иконоборчества, от византийского иконоклазма до протестантской “войны с образами”, когда само почитание материальных святынь подвергалось тотальной критике, а объекты почитания стремились истребить» [Антонов 2021: 19].

Нужно оговорить, что ни ранее, ни на современной этапе идеи «об агентности и чудотворной силе изображенного (резного, литого...) “тела” святого ни в коей мере не были отличительной чертой “народного” или “низового” христианства. Их разделяли в равной степени малограмотные верующие и ученые книжники, миряне и клирики, представители церковной и светской власти... Обратную позицию отстаивали лишь редкие богословы, мнение которых не могло возобладать» [Антонов 2024: 67]. Поэтому в процессы производства, циркуляции и использования предметов-носителей благодати были на равных включена светская и церковная власть, епископы, священники, простой народ. В этой инфраструктуре появлялись свои модераторы, порой шла борьба за статусность разных материнских святынь и разных типов брандеа. Священники осуждали какие-то типы брандеа (пыль, мох, отломанные куски иконы) как «чародейство», «язычество» или «суеверие», но предлагали вместо этого свои, «правильные» (воду, смытую с иконы, евлогии, шипы с тернового венца и т.д.).

Как и в Средневековье, сейчас дистрибуция святости посредством предметов-брандеа порождает те же этические и практические коллизии. У современных клириков точно так же разнятся взгляды на практики апроприации силы: «Одни, апеллируя к средневековым христианским историям о почитаемых брандеа и чудесах, происходивших по контактному принципу, стремятся легитимировать практики апроприации в своем приходе и использовать их для привлечения максимального числа прихожан и паломников... Другие священники склонны оценивать такие действия как “наивную веру”, “народные” или даже суеверные и эзотерические практики, стремление к материальному чуду вместо упования на Бога. Эти полярные векторы легко проследить и в современной христианской литературе, и в популярных передачах, адресованных широким кругам верующих» [Антонов 2021: 19], и на православных форумах¹⁶⁶. Реликвии, брандеа и другие символически значимые предметы включены в комплекс практик, которые могут быть как осуждаемыми, так и совершенно легитимными – «границы между осуждением и одобрением проходят по-разному и остаются подвижными» [Антонов 2021: 20].

¹⁶⁵ Например, в то время как культ мощей активно развивался, богослов Иоанн Златоуст утверждал, «что не только разделять, но даже выкапывать и перезахоранивать тела умерших – дело нечестивое, и такие мысли внушает людям “демон гробокопательства”» [Иванов 2003: 121–122].

¹⁶⁶ См. мнения о чудотворной силе икон: Как вы чувствуете силу икон? // Яндекс.Кью. URL: <https://clck.ru/3S6Wcu> (дата обращения: 26.02.2026).

Споры о том, что можно, а что нельзя делать со святыней – это споры не столько о том, как именно проявляется благодать (в ее способности – по Божьей воле – наполнять объекты практически никогда не сомневаются), но скорее о том, как устроена вера и какие поведенческие модели (не)должны ее воплощать.

Полевые материалы дополняют концепцию апроприации силы современными наблюдениями. Благодать, заключенная в чудотворном объекте, не может ослабнуть или иссякнуть в результате «копирования». Чтобы она «ушла» из контактной реликвии, необходимы специальные ритуализованные действия, профанизирующие предмет (об этом ниже). В некоторых случаях можно, видимо, говорить об «исчезновении» благодати в представлениях верующих.

Так, в Храме Христа Спасителя в Москве в церковной лавке есть объявления на русском и трех иностранном языках, гласящие, что освященные иконы, предназначенные для продажи, не допускается трогать руками (см. Приложение, ил 3). Спросив об этом запрете продавщицу, я получила такой ответ: «Если каждый потрогает, благословение уйдет»¹⁶⁷. Мы имеем дело с представлением, что сила благодати «рассеивается» при контакте и может пропасть. Чтобы этого не происходило, в церковных лавках собора иконы были загорожены стеклом (похожим на те, какие появились во многих общественных местах в России после пандемии COVID-19), которое препятствует контакту с образами.

Схожий разговор состоялся в Благовещенском кафедральном соборе г. Воронежа. Гуляя по территории храма, на двери уличной церковной лавки я заметила лист с печатной надписью: «Церковная утварь освящена. Возврату и обмену не подлежит» (см. Приложение, ил. 4). Когда я задала об этом вопрос продавщице, она объяснила, что прикосновение «грешных рук» оскверняет святыню, поэтому ее уже не примут обратно:

[Почему нельзя возвращать освящённые вещи, церковную утварь обратно?] Почему в магазин нельзя возвращать трусы, носки? Почему? [Потому что их носили?] Ну, так а это то же самое. **Освящённая вещь. Она освящённая, правильно? На ней пребывает Святой Дух.** Вот мы берём своими руками, **мы уже своими грешными руками её осквернили,** правда? Говоря по-русски. А потом чё? Я её назад отнесу – пускай другой пользуется?¹⁶⁸

Сегодня представления о благодати реликвий (в первую очередь мощей, икон), которая не только наполняет их, но и распространяется вокруг как незримое «второе тело», остаются

¹⁶⁷ ПМА. Ж., ок. 50 лет, работница одной из церковных лавок в Храме Христа Спасителя, г. Москва. Зап. 17.01.2025 г.

¹⁶⁸ ПМА. Ж., ок. 40 лет, работница церковной лавки в Благовещенском кафедральном соборе, г. Воронеж. Зап. 04.04.2025 г.

актуальными в православных (и католических [Майзульс 2021]) сообществах. Неудивительно, что в практики апроприации силы включаются всё новые типы брандеа.

Вещи-носители незримой божественной силы требуют к себе особого отношения. В частности, они не подлежат профанной утилизации – их нельзя просто выбросить, как бытовой мусор (см. раздел 3.1.5).

При этом религиозно значимые объекты дифференцируются по их семиотическому статусу – не все из них одинаково ценны для верующих. Здесь возникает вопрос: если любая материя в определенных условиях становится благодатной, то почему не все предметы такого рода могут быть использованы как брандеа? Почему одни вещи почитают и апроприируют их благодать, а другие исключают из таких практик? Ответ на эти вопросы требует аналитического инструмента, который позволил бы объяснить противоречие между материальным статусом объекта и его символическим значением, между возможностями, заложенными в самом предмете, и практиками, которые разворачиваются вокруг него. Таким инструментом выступает понятие аффорданса.

1.4. Приглашающая материальность: аффордансы храмовых вещей

Аффорданс (от англ. *affordance* – возможность действия, ожидаемое назначение) – это свойство предмета или окружающей среды, которое позволяет использовать их определенным образом, рождая взаимодействие между потенциалом окружающей среды и способностью действующего в ней актора. Термин был введен американским психологом Дж. Гибсоном для обозначения возможностей, которые экологическая среда предлагает животному или человеку. Ключевая идея Гибсона, которую он называет «радикальной гипотезой», заключается в том, что «“ценности” и “смыслы” вещей в окружающей среде могут быть непосредственно восприняты» [Gibson 1986: 127]. Иначе говоря, мы воспринимаем не абстрактные качества объекта, а то, что с ним можно сделать. Идеи Гибсона используются во многих исследовательских направлениях¹⁶⁹.

Так, рассматривая в своих исследованиях физические следы изношенности на обуви, исследовательница материальной культуры Э. Сэмпсон показывает, что «определенные типы поверхностей, материалы или комбинации материалов создают желание и через это – определенный набор субъект-объектных отношений» [Сэмпсон 2024: 19]. Поэтому концепция аффордансов позволяет говорить об активности вещи в социальной практике. Модусы ее влияния могут быть разными по силе и интенсивности: «между причинностью в полном смысле слова и абсолютным небытием может существовать множество метафизических полутонов. Вещи могут не только “детерминировать” или служить “фоном человеческого действия”, но еще и допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т.д.» [Латур 2014: 102].

Однако важно подчеркнуть: аффорданс не детерминирует действие абсолютно и однозначно. Как поясняет американский антрополог У. Кин, «объективно реальные свойства стула позволяют использовать его как стремянку, подставку для шляп, но именно человек решает, реагировать ли на них, и если да, то какие из них использовать и с какой целью» [Keane 2014a: 315–316].

Для анализа значимых предметов, связанных с представлениями о благодати, понятие аффорданса открывает несколько важных возможностей. Прежде всего, оно (но лишь отчасти) помогает объяснить разнообразие реакций на внешне сходные объекты. Почему два похожих объекта могут обладать разной значимостью в глазах верующих? Кин предлагает ответ на примере икон: «Материальная икона обладает всеми характеристиками других объектов: прочностью, формой, размером, весом и расположена в определенном месте... Тот факт, что

¹⁶⁹ В методах дизайна, изучении цифрового интерфейса, концепциях новой материальности, «материальной религии», в проекте AIME (*An inquiry into modes of existence*, Исследование модусов существования) антропологии Нововременных и Модерна Б. Латура. См: [Волкова 2019; Латур 2014: 102; Akrich, Latour 1992: 261; Blewett, Wayne 2016; Keane 2014, 2014a; Meyer, Houtman, 2012; Meyer et al. 2010].

качества объединены в одном объекте, порождает неопределенное количество возможностей – в зависимости от того, на какой аспект фокусируется практика или размышление» [Keane 2014a: 317]. Материальная уникальность каждой вещи, даже типологически сходной с другими экземплярами, создает потенциальную основу для дифференциации статусов. Два предмета могут быть изготовлены по одному образцу, но их разная сохранность, разные следы использования, разное происхождение (один куплен в лавке, другой получен от умершей родственницы, третий найден на месте разрушенного храма) открывают разные возможности для взаимодействия и наделения смыслом.

Кин предлагает концепцию *семиотических идеологий*, чтобы объяснить, почему у разных людей и сообществ складываются разные способы считывать аффордансы. Под семиотическими идеологиями он понимает «допущения, как негласные, так и эксплицированные, которые руководят людьми в том, как они ищут знаки в мире, воспринимают их и отвечают на них – или как они этого не делают» [Keane 2014a: 314]. Эти допущения основываются на представлениях о том, что такое знак, как знаки функционируют в мире, каким агентам приписывается способность означивать вещи и явления и др.¹⁷⁰

На материале почитания мощей и икон в восточном христианстве Кин выделяет две семиотические идеологии, которые он приписывает клиру и мирянам¹⁷¹. Для первых характерна «репрезентативная» идеология, в соответствии с которой реликвии ценны не сами по себе, а как свидетельства горнего мира. Их задача – научать верующих, напоминать о духовном спасении. Для так называемой «фетишистской» идеологии, которую Кин связывает с крестьянами, мир этически насыщен и полон знаков; вещи важны своей материальностью, тактильностью, способностью быть посредниками в коммуникации с нечеловеческими агентами.

Концепция семиотических идеологий может быть чрезвычайно полезна, когда нужно разобраться в разнообразии способов семиотизации одних и тех же вещей разными людьми, независимо от того, к какой социальной группе они относятся. Почти любые обширные

¹⁷⁰ Проблема различий в интерпретации знаков имеет давнюю традицию изучения. Так, Б.А. Успенский в работе о церковном Расколе XVII в. описал конфликт как вызванный «не собственно догматическими, но семиотическими и филологическими разногласиями» [Успенский 2002: 313]. Для противников реформы было характерно отношение к знакам как к данным напрямую от Бога, неотделимым от содержания; для сторонников – как к условности, которая может быть изменена без ущерба для святости. Эти же установки актуальны и сегодня: «одни считают “единственно верными” все нюансы современных обрядов, другие полагают, что повышенное внимание к обрядам – установка “наивная”, “народная”, “законническая”, “фарисейская”» [Антонов, Завьялова 2024: 141].

¹⁷¹ Однако, как показывают исторические исследования, «священство» никогда не было единым монолитным слоем, разделяющим общие представления, чуждые «народу». И священники, и представители светской элиты, и «народ» зачастую участвовали в общих обрядах и одинаково использовали реликвии для решения насущных проблем. См., к примеру: [Антонов, Сукина 2006: 6–13; Левин 2004: 6–34; Панченко 1998: 17–69; Панченко 2012: 277–279, 300–302].

социальные группы включают носителей разных семиотических идеологий. Верующие люди из разных социальных страт интерпретируют знаки и оценивают вещи порой непредсказуемым образом: в их вернакулярных картинах мира сталкиваются, конкурируют и накладываются друг на друга различные установки на интерпретацию материальности объектов. Поэтому в данной работе мы будем рассматривать семиотические идеологии как интерпретативные позиции, «режимы зрения» [Панченко 2024: 18], не привязанные к конкретным социальным группам (см. подробнее раздел 2.2).

Понятие «аффорданс» позволяет также прояснить, как «приглашения и провокации» материальности связаны с символизацией, и при этом не редуцируемы друг к другу. Как отмечает этнограф Д.А. Баранов, «в результате символизации предмета некоторые его “природные” свойства превращаются в “культурные” признаки, то есть тому или иному свойству придается символическое значение в зависимости от культурного контекста... Важно, что вещь перестает быть “нейтральной”, ее... признаки связаны с оценкой, так как культурные значения формируются на основе соотнесения их (признаков) с концептами добра-зла и жизни смерти, а также на основе коннотаций и оценок тех носителей признаков (т.е. объектов), которые связаны с положительными или отрицательными значениями» [Баранов 2016: 35]. Аффорданс позволяет проследить, как именно это происходит: материальные свойства создают возможности для символизации, но конкретная реализация этих возможностей зависит от культурного контекста, этических норм и практик сообщества¹⁷².

Например, У. Кин пишет: «Материальные свойства икон и всего, что их окружает, включая места, в которых они находятся, и действия, которые люди совершают по отношению к ним и с их помощью, служат основой для дальнейших действий и размышлений о них» [Keane 2014a: 317–318; см. также Keane 2014]. Это означает, что деревянная резная икона, настенная роспись, маленькая печатная бумажная иконка и киот с множеством мелких предметов приглашают к разным типам взаимодействия уже в силу своих свойств, пространственного расположения, размеров, материалов, из которых они созданы и т.п. Поэтому от первой можно отломить щепку, со второй соскоблить краску и унести с собой (как паломники откалывают кусочки от камней Серафима Саровского; см. Приложение, ил. 2), третью – приложить к больному месту, четвертую – наполнить мелкими предметами-брэндеа, создавая своеобразное «гнездо» как хранилище для вторичных святынь [Baert 2018; Baert, Iterbeke, Watteeuw 2017]. Однако не менее важны культурные установки пользователя.

Таким образом, введение понятия аффорданса позволяет решить ключевую аналитическую задачу – объяснить, почему религиозные предметы не равнозначны, с опорой на

¹⁷² В связи с этим У. Кин предлагает говорить не просто об аффордансах, но об этических аффордансах предметов и среды [Keane 2014a].

их физические свойства и социокультурные практики, в которых они участвуют. Разные материальные носители обладают разными аффордансами: они приглашают к разным действиям, предлагают разные возможности для коммуникации с сакральным, по-разному располагаются в пространстве, по-разному могут быть фрагментированы, перенесены, включены в новые контексты. Эти материальные различия создают потенциальную основу для дифференциации статусов, функций и способов почитания, которая актуализируется в конкретных контекстах. Аффорданс позволяет говорить о значимости материального носителя, не сводя символическое к материальному, но и не отрывая его от «вещественных» характеристик.

В анализе конкретных форм религиозной материальности понятие аффорданса позволяет увидеть, что некоторые объекты обладают особым инфраструктурным потенциалом – аффордансом вместилища, «гнезда» или «ниши». Это относится в том числе к пространству современных православных храмов. Их архитектурные «ниши» и киоты со стеклом, в которые часто убраны иконы, оказываются приглашением чем-либо их наполнять (устанавливать в ниши новые реликвии; подсовывать в щели киота записки; размещать под стеклом votivные дары и т.д.) [Антонов 2023г; Антонов 2024]¹⁷³.

Кроме того, множественные аффордансы вещи обуславливают трансформацию ее функций во времени – то, как один и тот же предмет может переходить из категории утилитарных в категорию почитаемых или музейных. Антрополог И.В. Утехин замечает по этому поводу: «Некоторым вещам везет больше – со временем они превращаются в ценный антиквариат, в вещь “для глядения” ... Удивительным образом такая возможность заложена уже в момент ее появления на свет, ведь нет такой вещи, которая не следовала бы в какой-то мере принципу “не хлебом единым...”. И потому у всякой даже вполне практической вещи есть свое *лицо* [подчеркивается «телесность» вещи, курсив мой. – А.З.], и однажды это лицо может стать важнее прямого предназначения» [Утехин 2004]¹⁷⁴. Аффорданс позволяет говорить о том, что возможности будущих трансформаций значения в некоторой степени «заложены» в материальных свойствах предметов, хотя актуализируются они лишь в определенных социальных условиях. Так, старость и ветхость иконы становится важнейшим аффордансом для разных оценок и практик (превращение в антиквариат, передача церкви, утилизация и др.) [Антонов, Завьялова 2024] (см. подробнее в разделах 3.1.4 и 3.1.5).

¹⁷³ Как показывает Д.И. Антонов на примере киотных икон XIX – начала XX в. [Антонов 2024: 96] и Д.Ю. Доронин на примере советских икон, эти идеи актуальны и для частного пространства и домашних образов: «киот сам по себе – как своего рода “ниша для святого” – был потенциальным вместилищем для украшений и небольших семейных реликвий (венчальных свечей, крестиков и пр.)» [Доронин 2023: 177].

¹⁷⁴ URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/1/lyubimye-veshhi.html> (дата обращения: 26.02.2026).

Пригодность к использованию в целом оказывается важным аффордансом, который влияет на конструирование ценности вещей в христианских сообществах. В зависимости от того, как вещь будет оценена в церкви, храмовые служащие могут продолжить ряд транзакций циркуляции, а могут и закончить ее, уничтожив вещь. Здесь важную роль играет физическое состояние предмета. Чтобы продолжить функционировать, он должен быть оценен как пригодный к использованию – может быть, в новом статусе и новой роли. Когда по материальным показателям и уровню сохранности вещь оказывается непригодной ни для использования, ни для обмена, она выводится из обращения. О.Ю. Гурова подчеркивает: «“Гибелью” вещи становится утрата функциональной значимости, социальной ценности, способности приносить пользу, будь то утилитарный или символический смысл» [Гурова 2004]¹⁷⁵, поэтому «обесмысливание» вещи часто приводит к ее физическому уничтожению.

Однако аффордансы могут вступать в противоречие друг с другом и приглашать к разным оценкам и действиям. Особенно отчетливо это противоречие заметно, когда речь заходит о предметах, которые должны покинуть социальное пространство, – об утилизации того, что когда-то было носителем благодати. Старинный церковный предмет, с одной стороны, призывает к почитанию как реликвия или брандеа (например, «намоленная» икона), с другой – его физическое состояние может оказаться таким, что он сам будет настойчиво «предлагать» владельцу от него избавиться. То же противоречие аффордансов может возникнуть, если какая-то утилитарная вещь стала невольным носителем благодати (например, тряпка, которой мыли пол в храме). Это бытовой предмет, он вряд ли будет использован как брандеа, так как такой «носитель благодати» имеет в культуре слишком низкий статус» [Антонов 2022б: 33] (к примеру, связан с уборкой, соприкасался с грязью). Но одновременно такая тряпка не может быть утилизирована вместе с обычным мусором.

Как отмечает Д.И. Антонов, такие коллизии со статусом объектов могут возникать в разных культурах, при этом «предметы такого рода стремятся устранить, ликвидировав эту нежелательную двойственность – для этого прибегают к особым, ритуализированным действиям... это означает необходимость ликвидировать физическое тело объекта, не осквернив при этом... незримую благодать» [Антонов 2022б: 33]. Когда речь идет о бытовых предметах и мусоре, которые не могут быть использованы как брандеа, благочестивое уничтожение способствует ликвидации знаковой двойственности вещей. Утилизировать предмет с неоднозначным статусом (часто – в огне) или «опалить» огнем, если материал не горюч, – значит, почтительно отнестись к невольно перешедшей на них благодати. Православные форумы предлагают такую интерпретацию: «сжигая истлевшую от времени или испорченную после

¹⁷⁵ URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/prodolzhitelnost-zhizni-veshhej-v-sovetskom-obshhestve-zametki-po-socziologii-nizhnego-belya.html> (дата обращения: 26.06.2026).

стихийного бедствия икону, на которой не видно ни ликов, ни обозначений, мы сжигаем лишь материальный носитель, чтобы сама святыня каким-то случайным образом не подверглась поспрашиванию»¹⁷⁶.

Для сакральных/освященных/значимых объектов, если они пришли в негодность или если необходимо, чтобы они больше не функционировали в социальном пространстве, локальные культуры разрабатывают специальные стратегии благочестивого уничтожения, которые приобретают ритуализованный характер. Только посредством «отменяющего» ритуала освященный предмет может быть «отделен» от благодати и возвращен в разряд «профанных» вещей, которые могут быть утилизированы обычным способом.

Ритуализованной утилизации подлежит та категория символически значимых объектов, которую в современной православной среде иногда называют «церковным мусором» или «священным мусором». Это самые разные вещи, которые употреблялись в церковном обиходе, но либо пришли в негодность, либо заведомо предполагают утилизацию (как грязная вода, тряпки, веники). В разряд священного мусора попадают как значимые, ритуальные предметы (руинированные иконы, церковные одеяния, утварь, изображения с религиозной символикой), так и бытовые (швабры, губки, упаковки от моющих средств), которые использовали в храме. Последние, хотя изначально никак не были связаны со сферой религиозного, какое-то время находились в храме или даже контактировали с реликвиями, и таким образом невольно «напитались» чудотворной силой. Священный мусор занимает парадоксальную позицию: на шкале знаковости он высок – ценность ему придает незримая благодать; на шкале материальной ценности он низок – это действительно мусор, предметы, которые не пригодны к дальнейшему использованию и тем более к почитанию.

Этот конфликт можно описать и в терминах аффордансов. С одной стороны, бытовые предметы из храма обладают аффордансом «быть носителем благодати»: они находились в сакральном пространстве, контактировали со святынями, их материальность (в восприятии людей) «помнит» это соприкосновение. С другой стороны, они обладают аффордансом «быть мусором»: их свойства (ветхость, испачканность, низкая утилитарная ценность, ассоциация с грязью и уборкой) продолжают «предлагать» их выбросить. Эти два приглашения вступают в неразрешимое противоречие: предмет призывает и к почитанию, и к уничтожению одновременно. Именно для разрешения этого конфликта и требуется ритуализованное уничтожение.

Если принимать во внимание представление об апроприации благодати, становится очевидным, что практически любая вещь, связанная с Церковью, может обрести символическое

¹⁷⁶ Непопираемое место // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/nepopiraemoe-mesto> (дата обращения: 26.02.2026).

значение, даже если на денотативном плане она представляет собой бытовой мусор. Оппозиция «ритуальный – бытовой» в этом случае переворачивается и пересматривается. Практически значимые предметы получают символическую нагрузку и наоборот – с ритуальными объектами приходится обходиться утилитарно, в частности – определенным образом избавляться от них.

Важно подчеркнуть, что символический статус предметов из «церковного мусора» в разных локальных православных сообществах оценивается по-разному, даже если они относятся к одному типу (тряпки; изношенные одеяния священства; старые иконы). Его определению часто предшествуют сомнения. Символическая ценность зависит от многих факторов, относительно неустойчива и постоянно переопределяется. Обычно нужен прецедент для закрепления соотношения между символическим и утилитарным для предметов одного типа. Оценка символического статуса конкретных вещей часто зависит от значимого лица – священника, который своим авторитетом может разрешить сомнение: является ли данная вещь носителем благодати, требующим особого обращения, или же это просто мусор, который можно утилизировать обычным способом? Эта вариативность возвращает нас к ключевой идее Кина: аффордансы создают возможности, но актуализация этих возможностей зависит от социальных факторов, культурных установок и авторитетных мнений. В зазоре между приглашением и действием разворачивается сложная работа сообщества по определению ценности вещей и выработке правил обращения с ними.

В первой главе была выстроена теоретико-методологическая рамка, позволяющая рассматривать вещи не как пассивные объекты, «фон» религиозной жизни, но как активных участников социокультурных практик в поле современного православия.

Мы установили, что вещи в православной культуре не обладают фиксированным статусом: их значения и функции формируются во взаимодействиях, зависят от контекста и могут меняться во времени. Тем самым ценность вещей оказывается результатом постоянной деятельности сообщества в сфере их оценки, классификации и включения в различные сценарии действий.

Обращение к инфраструктурному подходу позволило определить православный приход как сложную материально-пространственную сборку, в которой взаимодействуют люди, вещи и трансцендентные агенты. Материальные объекты – как святыни, так и утилитарные предметы и технические устройства – не только обслуживают быт сообществ и медиатизируют коммуникацию с Божественным, но и задают их структуру, направляют действия и формируют устойчивые связи между участниками. Этот подход позволяет увидеть, как элементы материальной среды не просто обслуживают различные приходские практики, но и программируют их. Появление в храме вещей оказывается триггером для трансформации как

среды, так и практик. Из этой перспективы мы будем подробно анализировать символически значимые вещи с неопределенным статусом в третьей главе.

Привлечение теорий циркуляции и концепции режимов ценности показало, что перемещение вещей в церковную среду является частью их культурных биографий и сопровождается сменой владельцев и систем оценки. Даже сакральные объекты – вещи, которые часто воспринимаются как уникальные и необмениваемые, – исторически были включены в процессы циркуляции. При этом обмен непосредственно влияет на ценность религиозно значимого объекта: в новых контекстах их значение может усиливаться и ослабевать. В современных условиях обращение вещей в религиозной сфере интенсифицируется. Высокая скорость обновления предметного мира и массовое производство религиозной продукции приводят к концентрации в приходах большого количества различных вещей, чья ценность подвергается постоянному переопределению.

В христианской культуре на статус вещей влияют представления о благодати как о силе, которая наполняет материальные объекты, может распространяться от них в пространстве и влиять на все, с чем соприкасается. В этой логике реликвии и изображения выступают не только как репрезентации горнего мира, но как носители сакральной силы, и их «телесность» становится принципиально важной для верующих. Круг потенциальных носителей божественной энергии может быть очень широким, однако не все они будут одинаково значимы в представлениях носителей традиции.

Понятие аффорданса позволило уточнить, каким образом материальные свойства вещей влияют на их ценность для современных православных сообществ. Объекты не просто включены в какие-либо практики – они сами провоцируют интерпретации, «предлагают» определенные варианты обращения с ними. Спектр возможных стратегий означивания и культурных практик может быть весьма широк. Однако его ограничивают культурные контексты, в которых вещь существует, а также семиотические идеологии, сквозь призму которых люди оценивают материальные объекты. В то же время разные акторы могут видеть разные знаки в одних и тех же вещах. Или, чем примечательны изучаемые нами символически значимые вещи, объект может сочетать противоречивые аффордансы, которые приглашают к разным действиям. Особенно это заметно на примере предметов из категории «священного мусора», которые одновременно воспринимаются как носители благодати и объекты, подлежащие утилизации.

Следствием коллизий, которые могут возникать между разными считываемыми аффордансами одного и того же объекта, оказывается то, что статус исследуемых нами предметов никогда не определен окончательно. Он может варьироваться в рамках различных церковных инфраструктур, а также трансформироваться вслед за пересборкой этих инфраструктур (изменением материального положения прихода, сменой настоятеля, обретением

новых реликвий и т.д.). Отсюда – разнообразие практик взаимодействия с вещами, которое мы можем наблюдать сейчас в повседневности православных приходов.

Таким образом, в современной практике приноса актуализируются многие традиционные механизмы обращения с сакральными предметами, которые сложились исторически в христианской культуре. Однако в реалиях постсоветской России они обретают новые особенности и характерные черты.

Во второй главе мы обратимся к специфике культуры современного православного прихода – пространства, где множество акторов (священники, церковные работники, прихожане, окказиональные посетители и др.) вступают во взаимодействия, связанные с вещами, чей статус требует постоянного уточнения и согласования.

ГЛАВА 2. ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АКТОРЫ, ЦЕНЗУРА И ИНФРАСТРУКТУРА

Православный приход – это сложный узел, в котором переплетаются экономические, административные, символические и социальные процессы. Именно здесь, в повседневных действиях конкретных храмов и общин, решается, какие вещи будут приняты как благочестивый дар, какие – отвергнуты как «мусор» или «суеверие», а какие получают новую жизнь в церковном пространстве. Понимание того, как устроен приход, какие факторы влияют на его существование и развитие, кто является ключевыми акторами в этой инфраструктуре, – необходимое условие для анализа механизмов, регулирующих потоки вещей. В этой главе мы рассмотрим приход не как абстрактную единицу церковной структуры, а как живую, постоянно меняющуюся сборку человеческих и нечеловеческих актантов, чьи взаимодействия формируют те практики обращения с вещами, которые станут предметом нашего анализа в дальнейшем.

2.1. Православный приход в современных российских контекстах

Понятие «православный приход» является ключевым для анализа современной культуры и повседневной жизни Русской Православной Церкви, однако оно многозначно и требует уточнений. В научном и церковном дискурсе «приход» выступает одновременно как базовая социально-экономическая единица Церкви, юридическое лицо, совокупность прихожан, община¹⁷⁷ (место «насыщенной солидарности» [Агаджанян 2011: 28]) и даже как синоним храма. Кроме того, в разные эпохи это слово означало совершенно различные формы церковной социальной общности, что важно учитывать при анализе современных процессов [Бернштам 2007: 5; Агаджанян 2011].

Для нашего анализа, сфокусированного на материальной жизни прихода – организации пространства, потоках пожертвований (приносов), утилизации освященных объектов, – ключевым является вопрос о том, как сами вещи и среда формируют приходскую культуру и комплексы локально-специфичных приходских практик. Через такие практики материальное выступает активным участником, а не пассивным фоном церковной жизни.

Поэтому мы будем рассматривать приход, во-первых, как *место* (*place*), как его определяют исследователи материальной религии: точку «объединения тел и объектов, площадку для их организации в театры для самовыражения, куда люди приходят, чтобы почувствовать себя частью чего-то большего» [Meyer et al. 2010: 209]. При всей неуволости и текучести современных границ церковных сообществ приход собирает людей (и вещи) вместе. В церкви как в *месте* объединяются соответствующие практики, с помощью которых человеческие агенты взаимодействуют с вещами (или наоборот, вещи взаимодействуют с людьми) и с трансцендентными агентами. Во-вторых, для нас приход – это локализованная в пространстве социотехническая сборка, работающая и трансформирующаяся в условиях вернакулярной церковной инфраструктуры. Это среда, которая не просто обслуживает, но и формирует практики, регулирует потоки людей и вещей, воплощает иерархии символической ценности и т.д. Материальные условия храма – архитектура, расположение икон, церковные лавки, объявления на стенах, ящики для пожертвований – создают возможности для возникновения специфических социальных сетей.

¹⁷⁷ Слово «община», характерное для крестьянской культуры, начало применяться к церковным сообществам деревенских приходов во второй половине XIX в. – после отмены крепостного права. Понятие утвердилось даже в церковно-православном языке (устном и письменном) [Бернштам 2007: 6–7]. Сейчас в православном дискурсе за словом «община» закрепились негативные коннотации («община = сектантская община»). Подробнее: *Котрелев, Ф. (диак.)* Что делает приход общиной? Опыт пастырей и прихожан // Нескучный сад. 07.01.2012. URL: <https://www.nsad.ru/articles/chto-delaet-prihod-obshhinoj> (дата обращения: 26.02.2026).

В то же время, каждый приход – это локальное сообщество, определяющее собственные практики инфраструктурирования религии. Здесь сходятся для взаимодействия и изменяют друг друга в ходе этого процесса разные человеческие акторы, их специфические идеи о вещах и системы оценок объектов. Поэтому приход – это часто пространство напряжения. В нем постоянно сталкиваются различные логики: канонические предписания, административный контроль епархии, регулярные практики прихожан и стихийные действия захожан, утилитарные задачи поддержания порядка и экономические интересы. Успешное лавирование между разными логиками и своевременное разрешение конфликтных ситуаций определяет жизнеспособность прихода. Как мы увидим далее, в анализе практик с символически значимыми предметами – от регламентации вотивов до утилизации старых икон – это напряжение тоже может ярко проявляться.

На практики, в которые включаются символически значимые предметы в современных православных храмах, влияет множество ценностных матриц и ориентиров, сосуществующих в современной постсекулярной культуре. В этом разделе мы рассмотрим российские контексты, определяющие повседневную практику современных приходов РПЦ. Это позволит нам вплотную приблизиться к условиям, в которых существуют и циркулируют вещи.

Приходы РПЦ в эпоху постсекулярности. Сейчас православные верующие могут обращаться к довольно широкому набору поведенческих паттернов, ориентируясь в своей жизни и деятельности. П. Бергер в рамках теории секуляризации указывал, что сперва в области экономики, затем в политике поступки людей начинали определяться нерелигиозными мотивами, и наконец в области самой религии «религия» перестала быть единственным дискурсом и моделью репрезентации жизненного опыта [Бергер 2019]. Ж.В. Кормина и С.А. Штырков, рассуждая об этом, замечают: «Если до начала модернизации в обществе существовала монополия на порождение смыслов и этой монополией обладала доминирующая религиозная институция (Церковь), то в модернизируемом социуме эта монополия рушится» [Кормина, Штырков 2008: 157]. У Церкви появляются соперники в виде как других религиозных организаций, так и нерелигиозных институций, которые тоже претендуют на право производства смыслов.

При этом ни у одной из этих институций нет полного права «на символическое упорядочение мира» [Кормина, Штырков 2008: 157]. Плюралистичность дискурсов, которыми оперируют современные религиозные учения и идеологии, – одно из последствий эпохи секуляризации для современной культуры [Панченко 2024: 7]. Многие специалисты приходили к выводу о мозаичности «религиозной картины мира» и о том, что разнообразие «религиозных» практик, существующих в человеческих сообществах, создает сложность даже для какого-либо

универсального определения религии¹⁷⁸. Критика, в том числе и классического противопоставления «религии» и «не-религии» (магии, науки, нью-эйдж практик, политических, коммеморативных и других практик [Панченко 2021: 5–11; Панченко 2024]), оформилась в «постсекулярный поворот» [Узланер 2020].

В этих конкурентных условиях акторы «религиозного поля» ведут борьбу за статусность и доминирование какого-то индивидуального взгляда над всеми другими мнениями и паттернами, иногда — не только в «религиозных» сообществах. С опорой на российские социологические исследования подчеркнем: в самом православии сегодня существует множество различных дискурсов, предлагающих «свои, часто различные словари мотивов "правильного" православного действия», которые, помимо прочего, сочетаются у мирян и клириков с «различными дискурсами, описывающими мотивацию к действию в современном мире вне православия» [Забаев, Зуева, Колошенко 2018: 42–43]. Из-за того, что в постсекулярном обществе «православное поле» достаточно разомкнуто вовне, в нем «сегодня работает множество акторов, действующих в разных институциональных логиках» [Забаев, Зуева, Колошенко 2018: 43].

Постсекулярная ситуация определяет неразрывную связь религиозных организаций со всеми сферами жизни общества, включая и правовую, административную, и экономическую.

Юридически-административные основы существования прихода. Современный юридический статус прихода закреплён в «Уставе Русской Православной Церкви»¹⁷⁹ [Устав РПЦ 2000] и «Типовом уставе местной религиозной организации православного прихода»¹⁸⁰ [Типовой устав прихода 2009]. Согласно этим документам, приход является «каноническим подразделением» РПЦ и представляет собой «общину православных христиан, состоящую из клира и мирян, объединённых при храме» [Устав РПЦ 2000]. Приход регистрируется как юридическое лицо — «местная религиозная организация» (МРО), цель которой — «совместное исповедание и распространение православной веры» [Типовой устав 2009]. Приход не является самоуправляемой организацией: он подчинён епископу, чья власть преобладает над властью приходского священства и мирянами. Архиерей имеет широкие полномочия: он может отстранять настоятеля, налагать на приход церковные взыскания, устанавливать налоги и сборы в пользу епархии [Абрамов, Давыдов 2025: 118].

Необходимый минимум для образования прихода — десять прихожан (учредительное собрание), прошение которых принимает правящий архиерей. Приход обладает обособленным

¹⁷⁸ Например: [Штырков 2021; Asad 2001]. Обсуждение этой проблемы в российском контексте см., к примеру, в: [Кормина, Панченко, Штырков 2017; Форум 2022 и др.].

¹⁷⁹ Принят на Архиерейском Соборе 2000 г., с поправками, внесенными Архиерейскими Соборами 2008 и 2011 гг., а также исправлениями и дополнениями 2013, 2016 и 2017 гг.

¹⁸⁰ Принят Священным Синодом Русской Православной Церкви 10 октября 2009 г.

имуществом на праве собственности или безвозмездного пользования, однако в случае выхода из юрисдикции РПЦ лишается прав на это имущество. Для нашей проблематики важно, что регистрация МРО предполагает привязку к конкретному населенному пункту, то есть приход очерчен в пространстве границами принадлежащего ему земельного участка и построек [Типовой устав 2009].

Исторически приход в России понимался как первичное церковно-административное и территориальное звено, объединявшее всех православных, проживавших на определенной территории [Бернштам 2007: 9]. В синодальный период жизнь прихода подвергалась строгой регламентации: «учреждение и закрытие прихода являлись прерогативой Синода, но право установления границ между приходами предоставлялось епархиальному архиерею. Приходской причт обязан был вести списки наличных прихожан» [Цыпин 2020]. Однако эта модель в конце XIX – начале XX в. переживала кризис в связи с урбанизацией: «Городские приходы формировались по-новому: появилась возможность индивидуального выбора прихода; приходы были многословными; они оказывались в "конкурентной среде"»¹⁸¹ [Агаджанян 2011: 21]. Переход от обязательного приписного членства по принципу общежительства к добровольному участию был зафиксирован Поместным Собором 1917–1918 гг., определившим приход как общину определенного храма, «целью которой является спасение ее членов» [Агаджанян 2011: 22]. В советский период традиционная приходская структура была разрушена, что привело к необходимости формировать навыки выживания локальных общин. В этот период увеличилась роль мирян в сохранении православной церковности [Агаджанян 2011: 26]¹⁸².

В постсоветское время приход окончательно перестал строиться по принципу обязательного территориального членства, превратившись в добровольное объединение. Такой характер церковной общинности закономерен, учитывая высокую мобильность современных

¹⁸¹ Существование организаций РПЦ в конкурентной среде сейчас также играет важную роль в том, как они выстраивают свой публичный образ и экономическую деятельность. Приходы нередко (латентно) конкурируют друг с другом за прихожан, спонсоров, а известные монастыри ведут «кампании» для привлечения паломников и туристов [Кормина, Штырков 2008] (как это было и в Средние века [Geary 1986]). Для этого используют и исторические, архитектурные объекты, и реликвии [Мороз 2006; Антонов, Завьялова 2026]. Так, в Переславле-Залесском на шоссе, пересекающем город, много лет висит крупный баннер, показывающий Корсунский крест и информирующий проезжающих, что он хранится в Никольском женском монастыре. Указатели на автомобильных дорогах показывают съезды к храмам и монастырям, а информационные баннеры и фотографии привлекают к ним внимание так же, как к другим (в этом ряду) туристическим объектам. Сайты храмов и монастырей перечисляют, демонстрируют и описывают уникальные реликвии, хранящиеся там; публикуют истории, связанные с историей и архитектурой церкви/монастыря; рассказывают о чудесах и помощи, которую люди получали здесь и т.п.

¹⁸² Как отмечают исследователи, современные процессы в православных приходах так или иначе определяются «административными режимами и адаптивными навыками, выработанными в церковной среде» в советский период [Агаджанян 2011: 19].

верующих, особенно в городах [Абрамов, Давыдов 2025; Куксин 2024]. Формально не приписанные к приходу, православные верующие могут выбирать храм в соответствии с собственными потребностями и даже участвовать в жизни нескольких приходов одновременно [Куксин 2024]. Следовательно, границы приходского сообщества оказываются разомкнутыми, подвижными и текучими.

После реформ патриарха Кирилла в конце 2000 – начале 2010-х гг. крайне неустойчивой стала и позиция настоятеля. Он исполняет распоряжения правящего архиерея и решения епархиальных органов, что ставит приходских священников в сильную зависимость от священноначалия, власть которого «оказалась непререкаемой и постоянно усиливалась в течение... постсоветских десятилетий» [Агаджанян 2011: 28]. Архиерей обладает правом снимать и переводить настоятелей на новые места. Сейчас «ротация» священнослужителей происходит постоянно – это условие работы «единой церковной структуры» [Абрамов, Давыдов 2025: 85]. При этом, однако, реальная регламентация приходской жизни сверху остается традиционно достаточно слабой [Агаджанян 2011: 21], что создает пространство для локальных вариаций в сфере управления и самоорганизации.

Экономика РПЦ в системе религиозной экономики. РПЦ в современной России – полноправный и вполне успешный экономический агент, а также организация со своей «корпоративной культурой»¹⁸³. Исторические исследования показывают, что православная Церковь никогда не была исключена из экономических отношений¹⁸⁴. В Средние века Церковь владела землями и зависимыми крестьянами; собирала налоги и подати; покупала, продавала, закладывала недвижимость и земли; занималась промыслами, владела торговыми лавками в

¹⁸³ Иногда РПЦ прямо называют «корпорацией», а ее внутренние структуры и процессы часто сравнивают с армейскими [Абрамов, Давыдов 2025: 295; Кнорре, Мурашова 2019: 205; Русселе 2011: 308 и т.д.]. Не исключает иерархическая структура РПЦ и денежных отношений между священниками и священноначалием. В Уставе РПЦ 2000 г. зафиксировано, что доходы епархии формируются за счет регулярных отчислений из бюджета приходов. Однако в некоторых случаях такая практика может напоминать регулярный «сбор дани» с настоятелей [Кнорре, Мурашова 2019]. Такой порядок финансирования усиливает и без того серьезный разрыв между благосостоянием городских и сельских приходов. Преодолеть этот разрыв получается только в тех епархиях, где установлена система дотирования: городские приходы, получающие большие суммы пожертвований, отчисляют часть доходов в пользу сельских приходов, которым объективно сложнее поддерживать стабильный уровень доходов и, следовательно, жизни. Благодаря такому подходу «во всей епархии [установлена. – А.З.] единая сетка зарплат». Однако это «скорее эксперимент, чем повторяющаяся практика» [Абрамов, Давыдов 2025: 127].

¹⁸⁴ Более того, она «имеет многовековую практику хозяйственной деятельности, которую до конца не прервали даже десятилетия антицерковных коммунистических репрессий» [Митрохин 2000: 57]. Как социальный институт на протяжении своей многовековой истории она функционировала не только в логике дарообмена, но одновременно и в иерархической, и в рыночной сфере (если пользоваться классической типологией К. Поланьи [Полани 2002]), а отдельные церковные акторы следовали различным вариантам экономической интеграции.

городах и целыми предприятиями. В синодальный период и в XX в. многое менялось, но экономика не исчезала из сложной сети отношений Церкви с миром. В секуляризованных государствах, не оказывающих религиозным организациям достаточную финансовую помощь, Церковь включается в различные виды экономической деятельности¹⁸⁵. При этом, как демонстрируют исследователи, элементарные единицы РПЦ – приходы – с 1990-х гг. по настоящее время постоянно сталкиваются с материальными трудностями и часто вынуждены решать их самостоятельно [Абрамов, Давыдов 2025; Митрохин 2000; Митрохин 2001; Митрохин 2006; Тошева 2011 и др.]. Поэтому тему циркуляции символически значимых вещей невозможно изучать в отрыве от экономических процессов, происходящих в приходах РПЦ.

В современной ситуации «религиозные институты становятся рыночными агентами, а религиозные традиции – потребительскими товарами» [Розанова 2005: 25]. Это справедливо и для современной ситуации, хотя зачастую с трудом согласуется с логикой и этикой православного обмена¹⁸⁶. В основанной на механизмах рынка постсоветской экономике религиозная организация часто воспринимается как один из «производителей услуг». Эта логика оказывается важной и для прихожан, которые часто «оценивают религиозные учения и конгрегации не только в соответствии с их теологическими посылами, но и в соответствии с тем, какая церковь или религиозное движение предлагает наиболее привлекательный набор товаров», т. е. «применяют “анализ затрат и выгод” к своему религиозному участию» [Caldwell 2005: 26]¹⁸⁷.

Однако экономика Церкви часто воспринимается как моральная (в духе Дж. Скотта¹⁸⁸), а не материальная. Обмен в православной среде часто описывают как нерыночный: религиозная

¹⁸⁵ В международном опыте существуют примеры успешного взаимодействия светских государств и религиозных организаций по экономическим вопросам. См. об этом: [Агафонова 2011; Данилов 2025].

¹⁸⁶ Экономические метафоры не редки в современных социокультурных и антропологических исследованиях религиозных сообществ и локальных культур, в том числе православных. Здесь они выполняют роль «расколдовывания» экономических практик РПЦ и привлекают внимание к тому, что современная Церковь неминуемо оказывается включена в «секуляризованную» повседневность, а также привлекает различные «рыночные» механизмы для обеспечения своей жизнедеятельности. См., например: «Письма верующих как *реклама*...» [Кормина, Штырков 2008], «Место веры или *центр услуг*?...» [Куксин 2024] и т.д. Культура прихода (не только православного) может быть исследована как корпоративная, т.е. в духе антропологического анализа бизнес-корпораций [Панков 2023].

¹⁸⁷ Современных верующих (и других посетителей) привлекает в конкретном приходе не только его «услуги», но и конкретные материальные объекты, которые на сенсуальном уровне во многом воплощают религию, служат «эмоциональными опорами» духовного опыта. Это чудотворные реликвии (мощи, иконы, брандеа), визуальные образы, церковная утварь, создающие определенную «атмосферу» храма [Куксин 2024]. Кроме того, свою роль могут играть доступная стоимость треб и товаров из церковной лавки [Тошева 2011], а также благотворительные программы, системы взаимопомощи [Caldwell 2005] и т.д. Последние для некоторых людей могут оказываться инструментом серьезной экономической поддержки и даже выживания.

¹⁸⁸ См. об этом: [Scott 1976].

сфера понимается как «царство чистого дара» [Кормина 2019: 139]. Поэтому любые христианские «услуги» и православные «товары» на практике «выводятся из сферы экономики» [Кормина 2019: 39]¹⁸⁹. Есть у этого механизма и юридическая сторона. На правовом уровне те денежные потоки, которые поступают в Церковь в статусе «пожертвований», не облагаются налогами [Тоcheva 2014: 2]¹⁹⁰. Логика дара часто видится определяющей для (экономической) жизни православных сообществ¹⁹¹. Хотя они действительно регулярно организуют свою деятельность и хозяйственные отношения по реципрокной модели – «при построении церковного прихода, при привлечении пожертвований, при оказании помощи нуждающимся, а также в социальной работе» [Емельянов, Юдин*** 2018: 10], даже дарообмен в церковной экономике может принимать разные формы¹⁹². При этом в отношении (рыночной) «экономики» в христианской среде существуют негативные установки: считается, что «в церковную жизнь, основанную на даре Христа, не должно привноситься само понятие "торговли", как в корне ей

¹⁸⁹ Здесь действует механизм, характерный для многих религиозных сообществ: деятельность религиозных специалистов часто дискурсивно и символически исключается из экономических (денежных) отношений. См. об этом, в частности, работу Д.Ю. Доронина, а также совместную статью А.Б. Мороза и Н.В. Петрова в сборнике: [Антропология денег 2013].

¹⁹⁰ Это зафиксировано и в Типовом уставе, в разделе «XI. Имущество и средства прихода»: [Типовой устав 2009].

¹⁹¹ К идеализации реципрокной модели обмена склонны и некоторые современные исследователи [Емельянов, Юдин*** 2018; Ларкина, Юдин*** 2015; Забаев, Зуева, Колошенко 2018]. Следуя за православным дискурсом, они фокусируются на позиции священника и называют его ключевым актором в «земных» дарообменных практиках. Как фигура, репрезентирующая Христа, священник выполняет роль руководителя общины, т.е. сочетает в себе две (на взгляд авторов) противоречивые функции. То, что иерей выступает от лица Церкви и Бога, делает его «отстраненным» участником, незаинтересованным в личной выгоде, «исключенным» из системы и одаривающим паству от лица Бога и общины. Одновременно для пасторской роли священника важны личный авторитет и связь с паствой, престиж. Это сближает его, по мнению Г.Б. Юдина*** и Н.Н. Емельянова, с бигменом – неформальным харизматическим лидером [Емельянов, Юдин*** 2018]. Они выдвигают тезис о существовании «пасторской модели дарообмена»: священник выступает как первоначальный даритель, запуская обмен дарами. При этом он сам не принимает в нем заинтересованного участия, но способствует солидарности и гарантирует, что дары будут направлены в нужное русло и никаким образом не окажутся «десакрализированы». Однако «пасторская модель дарообмена» при соотнесении с действительным положением вещей оказывается лишь идеальной формой, желанной нормой, к которой современные православные священники, как правило, могут лишь стремиться [Кнорре 2012: 204–206]. В современном церковном пространстве различные акторы – клирики, прихожане, спонсоры и др. – выстраивают множество разных финансовых отношений и руководствуются не только нормативными христианскими представлениями, но и множеством других, совершенно рациональных, а порой и неформальных социальных факторов. Реальность оказывается совсем не такой однозначной, как это представляется в «идеализированных» описаниях исследователей.

¹⁹² Исследователи отмечают, что «в действиях православных акторов проявляются самые разные смысловые оттенки дарообменных практик – и буквальный расчет, и дарение таким образом, что акт дара должен быть немедленно забыт, и построение сети передариваний..., и паразитирование на схемах дара и смирения в иерархии / клиентеле» [Забаев, Зуева, Колошенко 2018: 53].

противоречащее»¹⁹³. На этом фоне многие считают денежные процедуры и экономические взаимодействия объективно существующим пороком христианских организаций.

Противоречия между реалиями экономических отношений РПЦ и логикой дара делают эту сферу деятельности Церкви весьма конфликтной. Во многих контекстах разговор о финансовой стороне церковной жизни вызывает неприятие и критику как клириков, так и людей, оценивающих церковную организацию «со стороны». «Экономизация» православной жизни и обогащение института Церкви часто обсуждается в публичном пространстве как ее «обмирщение» или «корруптированность» [Кормина 2019: 139]. Истинная православная жизнь, в представлении как некоторых священнослужителей и воцерковленных людей, так и критиков РПЦ, наоборот, должна быть сопряжена с аскетизмом. В современной богословской позиции РПЦ, как об этом пишут исследователи, «материальные блага сами по себе не осуждаются и даже часто ценятся, но только в сочетании с проявлением верующими стремления к самоограничению» [Тошева 2011: 281].

Представители Церкви часто вовсе исключают православие из товарно-денежных отношений (на уровне дискурса), нередко считают разговоры об экономике, денежных операциях и т.п. некорректными¹⁹⁴ или вовсе предпочитают не распространять информацию о хозяйственном обеспечении прихода [Кнорре 2012: 17]. Поэтому «экономическая сторона повседневной жизни отдельных верующих, церковных общин и Церкви в целом оказывается принципиально непубличной» [Кормина 2019: 139]¹⁹⁵.

Устав РПЦ при этом открыто обсуждает материально-имущественные аспекты приходской жизни и закрепляет их легитимность. Документ вменяет в обязанность общине заботу о материальном содержании причта и храма [Устав РПЦ 2000]¹⁹⁶, определяя таким образом прихожан через перечисление обязательств [Агаджанян 2011: 28]. Участие прихожан (в т.ч. богатых донаторов) в материальном обеспечении храма было исторически основой его существования [Бернштам 2007: 6]. И сегодня это так, хотя у прихода появляются и

¹⁹³ Московское Общество, 1876. С. 64. Цит. по.: [Емельянов, Юдин*** 2018: 22].

¹⁹⁴ См., например: Давыдов, А. Г. «Церковь не может быть источником дохода» // Медиапроект «С-Т-О-Л». 20.10.2023. URL: <https://s-t-o-l.com/material/47963-puteshestvie-prihodskogo-ustava/> (дата обращения: 26.02.2026); Цуканов, И. Почему в Церкви берут деньги? // Православный журнал «Фома». 25.05.2021. URL: <https://foma.ru/pochemu-v-cerkvi-berut-dengi.html> (дата обращения: 26.02.2026); Свечников, Д. Почему в церкви идёт торговля иконами, свечами, книгами и молебнами? // Интернет-издание «Православие и мир». URL: <https://www.pravmir.ru/vopros-otvet/pochemu-v-cerkvi-idyot-torgovlya-ikonami-svechami-knigami-i-molebnyami/> (дата обращения: 26.02.2026) и др.

¹⁹⁵ По этой причине и в нашей полевой работе разговор со священниками и церковными работниками о (денежных) пожертвованиях и доходах прихода зачастую оборачивался их смущением и уходом от ответов.

¹⁹⁶ Глава XVII. Приходы. Параграф 33 // Устав Русской православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98935> (дата обращения: 26.02.2026).

дополнительные источники дохода (сторонний заработок священников, пожертвования паломников и туристов и др.) [Абрамов, Давыдов 2025: 151; Кнорре 2012].

Способность прихода приносить доход означает его автономность, что особенно важно при частой смене настоятелей [Абрамов, Давыдов 2025: 88]. Поэтому приходы испытывают постоянную потребность в привлечении ресурсов. С учетом современных реалий, в «Типовом уставе МРО» допускается привлечение доходов не только от пожертвований, но и от деятельности в сфере сельского хозяйства, от предпринимательской деятельности, соответствующей целям деятельности Прихода, а также от доходов по акциям, иным ценным бумагам и банковским вкладам. Поэтому церковные организации могут создавать православные бренды и «мерч»¹⁹⁷, православные кофейни [Остапенко 2024; Остапенко 2025], сельскохозяйственную продукцию под собственными торговыми марками, организовывать православные ярмарки [Налётова 2006] и т.д. Источники приходских доходов складываются в том числе благодаря практике приноса.

При этом нельзя забывать, что, когда мы говорим об экономике религиозной организации, мы имеем дело не только с собственно экономической – земной – деятельностью (материальное измерение¹⁹⁸), но и с реципрокным обменом между верующими и Небесами (символическое измерение) [Кормина 2022: 17]. В этом заключается особенность любой религиозной экономики.

Православная экономика тоже выстраивается с учетом двух этих измерений и необходимости согласованной работы между ними. Взаимодействие «земной» деятельности и ее символического измерения может быть охарактеризовано как «экономика спасения»: финансовые ресурсы и трудовые усилия верующих служат главной цели (которая эксплицируется разными способами) – обретению небесного заступничества при жизни и после

¹⁹⁷ Два ярких примера – деятельность московских приходов: церкви Антипы Пергамского в Колымажном переулке (бренд «изделий, вдохновленный христианскими смыслами и церковной традицией «АНТИПА+ЛАВКА») и Софийского собора на Софийской набережной (бренд религиозных ювелирных украшений «София»).

¹⁹⁸ В научной литературе одним из понятий, которыми обозначают «земное» измерение экономических отношений Церкви, является «церковная экономика» [Митрохин 2001; Митрохин 2006; Кнорре 2012 и др.]. Система церковной экономики включает экономику прихода, епархии, и Московского патриархата, причем каждый элемент «имеет свои собственные источники финансирования и расходы, которые мало связаны друг с другом [Митрохин 2006: 123]. В эту систему включена и сфера контактов между православным и светским хозяйством, а также многие другие типы экономических отношений акторов и институтов, ассоциирующих себя с православием. Анализ устройства современной православной «корпоративной среды», трудовой этики и экономической культуры православных приходов, взаимодействию церкви с бизнесом и другим аспектам православной экономики посвящены работы многих исследователей [Забаев 2012; Зарубина 2001; Кнорре 2012; Митрохин 2001; Митрохин 2006; Снеговая 2011; Русселе 2011; Тошева 2011; Köllner 2011; Köllner 2013; Tocheva 2014 и др.]. См. обзор русскоязычных научных работ по экономике РПЦ в: [Забаев 2005].

смерти¹⁹⁹. Экономика спасения всегда была важнейшим элементом православной Церкви²⁰⁰, определяющим многое в ее инфраструктуре. В постсоветской России ее роль по-прежнему крайне велика. Денежное спонсирование прихода, регулярное украшение храмов, votivные (экстраординарные) дары²⁰¹, прием еды и одежды на социальные нужды, пожертвование кирпичей на строительство церкви и подобные практики также могут быть рассмотрены как предметные проявления экономики спасения. Соответственно, тема пожертвований, включая практику приноса, оказывается центральной для самого существования прихода и – шире – реципрокных отношений с Небесами. Для данного исследования символический пласт религиозной экономики играет существенную роль, как и пласт «объективной экономики», которая выражается «в зримых сделках» [Копытофф 2006: 135].

Таким образом, реальная экономическая жизнь современных приходов формируется на пересечении как минимум трех логик. Во-первых, это логика дара, описанная выше как идеальная норма. Во-вторых, это иерархическая логика: Русская православная церковь – это строгая вертикаль власти, где настоятель обязан отчислять средства в епархию, его положение неустойчиво и зависит от священноначалия, что создает финансовые отношения, далекие от идеи «чистого дара». В-третьих, это рыночная логика, в которой приход неизбежно оказывается игроком на «рынке религиозных услуг», а прихожане и окказиональные посетители – экономическими агентами, обеспечивающими его финансовую стабильность. Приход оказывается в сложном поле напряжения между идеологией дара, административным принуждением и рыночной конъюнктурой, что напрямую влияет на оценку поступающих вещей и на обращение с ними.

Сборки приходской инфраструктуры в постсоветской России. Приход неразрывно связан со зданием церкви, в которой проводит богослужения настоятель прихода и окормляются прихожане. Современные храмы РПЦ существуют в широком диапазоне состояний – от экономически процветающих и инфраструктурно развитых до находящихся на грани выживания.

Для стабильного существования прихода и развития его инфраструктуры важно несколько факторов. Как отмечают исследователи, основной из них – это его *местоположение* (мегаполис, малый город, село и т.д.). От *населенности* локации (региона, города, деревни) и *территориальной доступности* храма зависит количество прихожан и посетителей, а значит и

¹⁹⁹ В таком понимании термин «экономика спасения» используется Д.И. Антоновым [Антонов, Сукина, 2026].

²⁰⁰ Ради молитв о спасении души в монастыри не только вкладывали деньги, земли, имущество, зависимых крестьян и т.п., но и участвовали в различных социальных, трудовых практиках, включая работу на монастырь или храм, предоставление им различных нематериальных ресурсов и т.п. [Веселовский 1941; Антонов, Сукина, 2026].

²⁰¹ О разделении даров на регулярные и экстраординарные см.: [Антонов 2022a].

доход прихода. Как замечают П.С. Абрамов и А.Г. Давыдов, значим также статус прихода в иерархии РПЦ [Абрамов, Давыдов 2025: 153]. Кроме того, важную роль играет *возраст* прихода. Для старых, особенно – не закрывавшихся в советское время храмов характерны более сплоченные и стабильные приходские коллективы, высокий уровень экономической автономности, а также значимое «положение в местном сообществе и налаженные связи с благотворителями и местными руководителями» [Абрамов, Давыдов 2025: 243]. Молодые приходы обычно пополняются за счет прихожан старых, так как новые храмы возводятся, чтобы увеличить доступ населения городов к богослужениям. Они «часто располагаются в депрессивных или спальных районах». У таких приходов могут быть проблемы с приростом прихожан и посещаемостью [Абрамов, Давыдов 2025: 249].

Все эти факторы взаимосвязаны и в комплексе влияют на приход, в том числе на то, какую роль в структуре его доходов играют практики приноса и значимы ли они вообще для церковной жизни.

В постсоветской России (вос)создание храмов и формирование их материальной среды происходило в разных темпах. Этот процесс можно условно разделить на три этапа. Первый связан с возобновлением работы храмов, переданных Русской православной церкви (РПЦ), в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Прежде всего храмовые постройки восстанавливали как литургические пространства: «Здание освящали, организовывали алтарную часть (престол с антиминсом, жертвенник), отделяли её иконостасом» [Антонов 2023г: 95]. Первые религиозные образа и другие вещи, необходимые для благоустройства моленного пространства, появлялись в храмах во многом благодаря священникам и прихожанам. Некоторые из этих вещей изначально происходили из церкви – люди приносили из домов иконы, богослужебные книги и литургические предметы, которые сохраняли там после разрушения храмов большевиками. Другие предметы были созданы в советские годы из подручных материалов и функционировали в домашнем пространстве (иконы, лампы, кресты), а затем оказались в открывшихся храмах²⁰².

²⁰² Многие из этих вещей ранее были частью актуальной повседневности верующих, в том числе поддерживали среду «Церкви, ушедшей в народ», в советские годы. Основной, доминирующий вид таких артефактов – это *советские иконы*. Термин был введен Д.И. Антоновым и Д.Ю. Дорониным в 2021 г. [Антонов 2022г; Антонов, Доронин 2022 и др.]. Речь идет об иконах-киотках, которые советские мастера кустарно изготавливали в разных регионах СССР, копируя и «переизобретая» в новых социальных, материальных и политических условиях дореволюционные фольговые иконы. В 1990-е гг. эти моленные образа заполнили открывшиеся церкви: их часто использовали в качестве первых икон, в том числе формировали из них иконостасы. Однако со временем их статус изменился: «Небольшие образа, украшенные фольгой, на церковных стенах зрительно оказывались мелкими, рядом с писаными иконами смотрелись пёстро и аляповато, а по соседству с настоящими металлическими окладами их фолёжный декор мог выглядеть как дешёвая поделка» [Антонов 2023г: 96]. Церковное пространство начало вытеснять советские иконы, как и другие предметы, больше не актуальные

Третьи были церковного производства – и дореволюционного, и советского – но предназначались для домашнего использования (как разные типы недорогих икон конца XIX и XX вв.). Все это определяло эклектичность материальной среды российских храмов при их открытии.

На втором этапе, в конце 1990-х и 2000-е гг., быстро развивавшаяся церковная индустрия начала массово обеспечивать церкви новыми иконами, киотами и другими необходимыми предметами: «Массовый запрос вызвал к жизни активное развитие иконописи и монументальной живописи, привёл к формированию школ, артелей и мастерских. Церкви украшались и обретали современный вид» [Антонов 2023г: 96]. Финансово успешные приходы быстрее других начинали оформление своих храмов: «создавали иконостас по разработанному и согласованному проекту, заказывали росписи стен, новые единообразные иконы и киоты для них» [Антонов 2023г: 95]. Храмовое пространство начало организовываться эстетически и унифицироваться. При этом значительная часть вещей, функционировавших в храмах, становилась ненужной. Старые вещи выходили из употребления, их заменяли современными аналогами – продуктами возрожденной православной индустрии.

Третьим шагом, который прослеживается во многих церквях с 2010-х гг., стало наполнение храмов реликвиями, формирование их как «пространств святынь». Священники, спонсоры, прихожане приобретали и привозили в храм разные почитаемые объекты, мощи и контактные святыни, «что быстро превратило многие православные церкви в храмы-реликварии» [Антонов 2023г: 95]. В каждой церкви выстраивалась своя иеротопия [Лидов 2009а], особая «топография» святынь. Кроме того, возобновились многие традиционные практики, связанные с дарением вещей Церкви: создание ктиторских икон, принесение votivных даров, обычай украшать храмовое пространство тканями, цветами и т.п. [Антонов 2020; Антонов 2023г; Антонов 2024].

Благодаря этим процессам старые церковные вещи (за исключением особо почитаемых), а также все те атрибуты домашнего благочестия, которые верующие принесли в храмы, оказывались невостребованными, вытеснялись на периферию в церковных сообществах. Для многих настоятелей они превращались в ненужный балласт. Их причисляли к «церковному/священному мусору» (см. об этом раздел 3.1.5), перемещали на склады, часовни, в прихрамовые амбары или утилизировали.

Если на первом этапе многие российские храмы и монастыри существовали в общих условиях – восстанавливались постепенно силами общины и их материальными вкладами, то с течением времени их инфраструктуры сильнее дифференцировались. Теперь все православные приходы существуют в разных типах сборок.

для приходской повседневности, на часовни, в (при)храмовые хранилища или в локусы, предназначенные для утилизации церковных вещей.

В самом общем виде многообразие современных приходов можно представить через следующую типологию²⁰³.

1. *Кафедральные соборы* – основные узлы в инфраструктуре РПЦ. Обычно располагаются в крупнейших городах епархий (часто – в районных центрах). Кафедральный храм областного центра обычно становится главным собором митрополии²⁰⁴. De jure управление кафедральным собором осуществляет ключарь, но de facto главным лицом является епископ или митрополит. В связи с тем, как устроена система финансовых потоков РПЦ, именно от кафедральных храмов «требуется особые финансовые вложения через епархиальный сбор и церковные закупки», т.е. они несут особые финансовые обязательства перед епархиями [Абрамов, Давыдов 2025: 197].

Как правило, кафедральные соборы отражают благосостояние епархии и оказываются наиболее экономически состоятельными и инфраструктурно развитыми [Митрохин 2006: 133; Абрамов, Давыдов 2025: 197], включены в среду, популярны у горожан и туристов [Митрохин 2006: 135]. Они доступны в рабочие дни, их посещает значительное число людей. В таком соборе большой состав сотрудников и причта (в сумме 25–50 человек) [Митрохин 2006: 133–135]. При некоторых кафедральных соборах действуют крупные объекты православной инфраструктуры: дома причта, киоски с православными товарами, епархиальный паломнический центр, частично или полностью спонсируемые собором православные учебные заведения (школа, училище или семинария), газета, благотворительная организация или др. Они также финансируют восстановление бедных приходов и монастырей [Митрохин 2006: 135–136]²⁰⁵.

2. *Монастыри* в иерархии статуса, развитости инфраструктуры и экономической автономности следуют непосредственно за кафедральными соборами [Абрамов, Давыдов 2025: 198]. Многие монастыри превращаются в хозяйственно-финансовые центры, «производящие продукты питания и даже крема» [Абрамов, Давыдов 2025: 199]. Ключевыми факторами успеха монастырей являются «умение выстраивать долгосрочные отношения и качественный подбор кадров» [Абрамов, Давыдов 2025: 266]. Монастыри включают множество построек, иногда – несколько приходов, большое число насельников. Обители с богатой историей ставятся

²⁰³ Типология составлена на основе классификаций, предложенных Н. Митрохиным [Митрохин 2006: 133–136] и П. Абрамовым и А. Давыдовым [2025: 196–220; 243–253] и дополнена нашими собственными наблюдениями.

²⁰⁴ Соответственно, главный храм РПЦ – кафедральный собор «митрополии над митрополиями» – Московского патриархата: Храм Христа Спасителя (Москва).

²⁰⁵ Особой формой прихода, близкой по статусу к кафедральным соборам, является *архиерейское подворье*: «В таком случае архиерей может быть официально указан как настоятель, а фактическое управление осуществляет его представитель. Такой приход служит основной платформой для начинаний архиерея, не являясь при этом кафедральным собором. Как правило, архиерейскими подворьями становятся крупные и богатые храмы в развитых городах» [Абрамов, Давыдов 2025: 198].

значимыми точками на паломнических и туристических картах. Они привлекают множество посетителей, даже если расположены в труднодоступных местах.

3. *Городские соборы и церкви* – основные типы приходов РПЦ (как в России, так и в странах СНГ). Храмы в районных центрах и крупных городах, как правило, прибыльны в финансовом отношении. Это позволяет приходу содержать «тот или иной объект православной инфраструктуры (благотворительную столовую для бездомных, воскресную школу)» и/или помогать «развиваться какому-то бедному приходу» [Митрохин 2006: 133]. В городских приходах, как правило, непостоянное, но довольно высокое число постоянных прихожан. Количество посетителей городских церквей значительно увеличивается в воскресные дни и крупные церковные праздники (Рождество, Пасха).

4. *Пригородные храмы* – это храмы в ближайшем пригороде: в поселках и крупных селах. Если они находятся «рядом с крупными автомобильными трассами или большими городами», либо рядом с кладбищами, то они держатся «на плаву за счет горожан» [Митрохин 2006: 133–134].

5. *Сельские церкви* обычно представляют собой наименее обеспеченную категорию приходов. Их число велико, и все они, как правило, построены давно: «В XIX в. в рамках государственной программы, сочетавшейся с ростом доходов деревенских жителей, там было построено множество однотипных храмов» [Митрохин 2006: 133]. В советские годы они могли играть значимую роль и не закрываться, однако в современной России, где велик отток жителей из сел в города, такие приходы практически не могут содержать себя сами [Данилов 2025]. Число служащих из причта и работников редко превышает пять человек (обычно работу храма поддерживает семья настоятеля). Верующих на праздничных службах не превосходит 20–30 человек, на воскресных их может быть в несколько раз меньше. Состав прихожан обычно не увеличивается. Многие сельские приходы существуют за счет дотаций из областных центров, но часто – за счет «жертвенности священнослужителя и церковных работников, которые готовы работать за очень маленькую зарплату» [Митрохин 2006: 134], и все равно находятся «на грани рентабельности» [Абрамов, Давыдов 2025: 251]. Нередко сельский священник становится настоятелем не одного, а нескольких приходов, и в каждом из них приходская жизнь едва теплится [Абрамов, Давыдов 2025: 251–252].

Все эти типы приходов представляют собой различные материальные и социальные среды, в которых по-разному выстраиваются и практики обращения с вещами. В богатых храмах потоки пожертвований требуют сложной системы учета, сортировки, распределения, а в бедных каждый принос может стать существенным вкладом в выживание общины. Кроме того, в этих разных типах инфраструктур вырабатываются свои способы оценки вещей – их символического наполнения, материальных свойств и экономической ценности. Об этом сейчас и пойдет речь.

2.2. Церковная цензура и факторы оценки вещей в храмах

В контексте настоящего исследования проблематика сосуществования внутри православных сообществ разных способов оценки материальных предметов приобретает свою специфику. Религиозное поле не гомогенно, внутри него (со)существовали и (со)существуют различные, зачастую противоречивые мнения, позиции и практики. Часто исследователи склонны сводить эти различия к дихотомиям: христианство/язычество, официальная/народная религиозность, религия «виртуозов»/верования «простецов», религия/магия и др. [Панченко 2012: 5]²⁰⁶. Однако «ученые, занимающиеся изучением *народной культуры и народной религии* [курсив мой. – А.З.], пользуются (хоть и отчасти) аналитическим аппаратом тех людей, которые решали далеко не исследовательские задачи» [Штырков 2006: 8] – то есть следуют за дискурсом представителей Церкви.

Церковь функционирует как властный механизм, стремится в разных областях определять, что есть «канон», а что – нет, и поддерживать означенную ей систему норм. Поэтому второй компонент указанных дихотомий конструируется обычно именно религиозными элитами, причем по апофатическому принципу – «как то, что не соответствует постулируемой религиозной норме» [Панченко 2012: 5–6]. В сфере оценок многообразных форм религиозной жизни предполагается, что «религия где-то существует как чистый элемент, который каким-то образом трансформируется, даже загрязняется под воздействием человеческих сообществ» [Primiano 1996: 39]²⁰⁷. Так институт церкви всегда осуществлял социальный контроль, в том числе над «образом жизни своих пасомых и подданных». Определение многих идей и практик «как специфически "народного"» [Штырков 2006: 8], «суеверного», а, следовательно,

²⁰⁶ Идея специфичности «народной» («языческой») культуры, отличной от городских «высоких» христианских практик, возникла еще в трудах Тертуллиана и Августина. Ее по-своему поддерживали европейские романтики, вслед за ними – русские интеллектуалы XIX в. На ней настаивали и советские исследователи, «разоблачавшие» религиозность как необразованность и суеверность, свойственную простому народу, которым цинично манипулировали образованные «служители культа» [Левин 2004: 9]. В отечественной науке «неинституциональные» формы религиозности получали такие обозначения как «народное христианство (православие)», «двоеверие», «пережитки язычества» и т.д. Такой подход можно наблюдать в трудах Е.В. Аничкова, А.Н. Веселовского, Н.М. Гальковского, В.В. Иванова, Н.М. Маторина, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др.

²⁰⁷ Замечу, что описанная позиция звучна и важна в современном религиозном поле. Многие настоятели, с которыми я беседовала, во время интервью так или иначе артикулировали подобное мнение. Один из ярких нарративов возник, когда речь зашла о старинных и намоленных иконах: [Почему старые иконы хотят увезти из дома?] **Суеверие**. Знаете, как бывает: дом покупают. И не хотят, чтобы икона была у них. Вот и все <...> Человек, понимаете, ведь **много чего поначитается**, и кто-то, может... **суеверия, вот, это**. И нужно куда-нибудь деть. <...> А вот... **ну шас много, всякие суеверия, знаете, начитаются в интернете всякие, все, шо угодно, все шо угодно!** И, шо интересно, ведь говоришь – не очень-то и верят... [ПМЦ. М., 1964 г.р., священник, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.].

неправильного – важный инструмент такого контроля. Поэтому, когда мы пытаемся назвать что-то «официальным мнением Церкви» (разумеется, если речь идет не о догматике), «оценкой православного сообщества» или «общеправославной практикой», мы должны помнить, что в действительности это мнение, оценка или практика, которые различные церковные модераторы (зачастую не епископат, а акторы более низких регистров) стремятся утвердить в качестве таковых с помощью различных властных инструментов – и которые зачастую оспаривают другие акторы в Церкви.

Несмотря на попытки многих исследователей отойти от дихотомии «официального»/«народного»²⁰⁸ и ее вариаций, эти противопоставления показывают себя как очень устойчивый, практически самовоспроизводящийся конструкт. Отчасти причина в том, что образ жизни, дискурсивные и поведенческие практики у изучаемых сообществ («городских» и «деревенских») иногда сильно отличаются. Отчасти – в постоянных стремлениях церковной институции переподтверждать свою власть через дискурсивное утверждение сложившихся границ. Однако эти границы оказываются проницаемыми, и между «народным» и «официальным» происходит постоянный взаимообмен культурными формами²⁰⁹. Система норм динамически изменяется не только под влиянием реальных практик клириков и мирян, но под воздействием самых разных социальных процессов. В итоге религиозные институции «только репрезентируют себя как "стабильные" образования и гаранты стабильности... Они меняются вместе с социальным миром и сами меняют его» [Штырков 2006: 12].

²⁰⁸ Споры об использовании указанной терминологии ведутся в научном сообществе с 1970-х гг. Многие исследователи предлагали переозначить или «пересобрать» дихотомии. Так появились новые термины (к примеру, «традиционная религия», которая, однако, должна быть противопоставлена какой-то «современной») и новые бинарные оппозиции (универсальная/локальная религия, предписанная/практикуемая религия и т.д.). В этих новых определениях, однако, предлагавшие их ученые не отходили от «дюркгеймианской традиции, подразумевающей насилие коллективного над индивидуальным» [Штырков 2006: 11]. Появлялись и триединые модели: например, религиозные институции – священные тексты – популярные практики у У. Кина [Keane 2014a]. Другие специалисты вовсе отказывались от противопоставлений, концентрируясь на изучении «религии» как индивидуального и коллективного религиозного опыта. В этой парадигме существуют термины *личная религия* (*personal religion*), *проживаемая* (живая) религия (*lived religion*), повседневная религия, *вернакулярная* религия, *частная* религия, и т.д. А.А. Панченко писал о цепочке: религиозный опыт – институции – практики, также уходя от традиционных оппозиций [Панченко 2002: 70–77]. В методологии инфраструктурного поворота антагонизм между «официальным» и «народным», «нормативным» и «маргинальным» снимается, потому что инфраструктура – это пространство, где эти идентичности и практики пересекаются, интегрируются друг в друга и реконфигурируются, теряя свои границы [Hoelzchen, Kirby 2020: 8]. Инфраструктуры как материальная база повседневной социальности обращают наше внимание не на то, как это «должно работать» (например, согласно канонам и догматам), а как это работает в действительности.

²⁰⁹ См. анализ этого обмена, например, в [Сибирева 2006].

Этот плюрализм и внутренняя борьба за норму подводят нас к вопросу: кто и как определяет, что есть «правильное» обращение с вещью в храме, и какие механизмы задействуются для утверждения тех или иных оценок? Для выявления этих установок нужно обращаться к микроконтекстуальному анализу того, как определение значения и ценности вещей происходит в локальных сообществах и конкретных практиках. При этом необходимо смотреть на индивидуальные действия, обращенные к вещам, на вернакулярные мотивировки и объяснения.

В связи с этим мы вводим понятие *церковной цензуры*. Под этим термином понимается совокупность локально специфичных правил и практик, воплощающих эти правила, ориентируясь на которые и осуществляя которые приходское сообщество производит оценку и контроль деятельности прихожан и окказиональных посетителей. В результате этой работы часть практик, которые верующие (и неверующие) «приносят» в (при)храмовую среду, отбраковывается и называется «суеверием», «язычеством» или «ересью», тогда как другая принимается, апробируется и в конце концов инкорпорируется в «тело» церковной инфраструктуры. Посредством создания правил церковной цензуры каждый храм вырабатывает свой особый способ работы с тем, что принято называть «народной религиозностью» – с различными действиями, осуществляемыми мирянами. В нашем случае это напрямую относится к практике приноса (например, к традиции приносить записки святым).

В этом смысле примером работы церковной цензуры может быть известный кейс часовни Ксении Петербургской на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. На часовне с 1930-х гг. существует обычай оставлять записки святой с просьбами и благодарностями, с которым настоятели прихода Смоленского храма периодически пытаются вести борьбу [Филичева 2006]. При этом священноначалие легитимизирует другие практики почитания блаженной Ксении, которые, однако, тоже оказываются связанными с письменной коммуникацией. В отличие от практики «подсовывания» бумажных записок в часовню, подача заздравных и заупокойных записок, а также отправка в Смоленский храм и публикация писем о чудесах, произошедших по молитвам святой Ксении, поощряется. Для работы с письмами верующих в постсоветское время была даже организована «всенародная приемная блаженной Ксении Петербургской» [Кормина, Штырков 2008] – специальные церковные работники отвечают за ведение переписки с почитателями святой. Таким образом, с одной стороны, церковь (по имеющимся данным, безуспешно) искореняет традицию подачи записок в часовню в связи с «неправильностью» этого действия, но с другой – пытается установить себя как официального посредника между святой и верующими, и при этом посредничестве весьма схожие практики уже трактуются как «правильные». Культ святой Ксении Петербургской, широко распространенный и известный, важен для институциональной политики репрезентации и для экономики

Смоленского храма. В такой ситуации очевидно нежелательны инициативы многочисленных почитателей, которые не проходили бы через храм, церковную лавку и не включали бы «заказ» треб и молебнов Ксении.

Церковную цензуру проще всего описать с помощью метафоры фильтра. Этот фильтр имеет определенные вернакулярные «настройки», уникальные для каждого прихода. Настройки зависят от множества факторов: от типа прихода (кафедральный собор, монастырь, сельский храм), от его локации и истории, от состава прихожан, от финансовой обеспеченности и др. Но очень часто – от человеческих установок.

В первую очередь цензурные правила вырабатывают авторитетные лица – настоятель, другие члены причта, староста, казначей или другие агенты, мнение которых приходское сообщество считает важным. Обычно речь идет о мнении настоятеля как главного лица в приходе и авторитета во всех приходских (не только в религиозных) вопросах²¹⁰. Если мы говорим о монастырях, эту роль исполняет игумен/игуменья²¹¹.

Организуя и поддерживая определенные богослужебные и бытовые практики в своих приходах, священник руководствуется, безусловно, не только знаниями, полученными из текстов и в семинариях, но и личным опытом, эмоциями, идеями, представлениями о здравом смысле и т.д. Оценки эти сильно зависят от его человеческих и административных установок. В идеальной модели, описанной, например, немецким социологом Г. Зиммелем в эссе «Как возможно общество» на примере католического священника, индивидуальное должно в слугителе Церкви полностью «прятаться» под собственно религиозной ролью: «церковная функция полностью скрывает и поглощает индивидуальное для-себя-бытие» [Зиммель 1996: 518]. Однако в реальных социальных практиках иерей участвует, разумеется, не как некий идеальный актер. Любой священник – социальный агент, руководствующийся личными представлениями, некоторой своей вернакулярной системой оценок.

Хотя священники в целом представляют «официальное» православие, транслируемые ими установки могут сильно отличаться. И эти различия «могут затрагивать даже базовые онтологические допущения» [Keane 2014a: 312]. В итоге практические и административные вопросы, связанные с циркуляцией вещей, решаются каждым настоятелем на индивидуальном уровне.

То, каким образом приход на уровне инфраструктуры выстраивает свою «вещную жизнь», зависит от установок настоятеля в отношении материальности объектов. Он приносит свою

²¹⁰ Очень часто от церковных работников и членов приходского сообщества можно услышать фразу: «Спросите лучше у священника, он лучше разбирается», даже если речь идет о бытовых вопросах, которые входят в ежедневные обязанности указанных лиц.

²¹¹ Подробнее о церковных акторах см. ниже.

«иерархию ценностей во вселенную вещей» [Копытофф 2006: 149]. Каждый настоятель не только устанавливает правила «приема» объектов в свой храм, но и транслирует в этих правилах собственную установку на интерпретацию материальности церковных предметов и свои ценностные ориентиры.

Однако личные решения людей некоторым образом зависят от культурных установок, распространенных в современной православной (и шире – российской) среде. Социальная действительность по-разному проживается каждым человеком и по-разному отражается в личном опыте. Но индивидуальные миры изменяются под влиянием экономической, политической, технологической, демографической и других динамик. На религиозную сферу прихода безусловно влияют другие опыты и нарративы о них – частные, локальные, глобальные, а также «и прошлые, и современные представления о том, чем должна или может быть религия» [Панченко 2022: 235].

В связи с этим возникают вопросы: какие разные оптики, распространенные в современном российском обществе, могут собираться в сложный и гетерогенный конструкт церковной цензуры? Как проявляется ее работа и как в соответствии с множеством конфликтных правил выстраиваются локальные варианты церковной инфраструктуры?

Мы уже определили, что важная роль здесь принадлежит представлениям о благодати, которой наделены церковные вещи. Следующая часть главы посвящена тому, какие другие способы восприятия и оценки вещей – семиотические идеологии – влияют на церковную цензуру и, следовательно, на циркуляцию символически значимых предметов в православных храмах. Говоря о семиотических идеологиях, мы будем рассматривать не столько «репрезентативную» и «фетишистскую» модели, о которых писал Кин, но другие, важные для нас позиции в отношении материальности, которые задействованы в социальном праксисе у православных акторов и которые удалось выделить по результатам наших собственных исследований [Антонов, Завьялова 2024].

Семиотические идеологии: логики оценки «старых» и «новых» вещей. Анализ нарративов, практик использования, сохранения и утилизации (в церкви) религиозно значимых «старых вещей» показал, как люди – и священники, и прихожане, и городские, и сельские жители, – интерпретируют и означивают их. В основе их представлений и действий лежат пять семиотических идеологий, универсальных и не связанных исключительно со сферой религиозного или с христианскими представлениями о сакральных объектах.

Эти идеологии можно назвать *исторической, антикварной, семейной, модернизирующей и идеологией «опасной вещи»*. Они сложились под влиянием очень конкретных культурно-исторических обстоятельств и характерны скорее не для каких-то отдельных социальных кругов

и групп, а для современного российского общества в целом (хотя у разных идеологий есть и свои «типичные», наиболее частые носители).

Эти семиотические идеологии работают как разные режимы видения. В «старых» объектах одни и те же аффордансы – ветхость, утраты, следы разрушений, или аляповатость, «немодность» – могут провоцировать людей на разные оценки и действия. Один и тот же предмет может быть наделен разными сетями дополнительных значений. Рассмотрим, какие критерии и представления лежат в основе этих семиотических идеологий.

Историческая семиотическая идеология настраивает оптику человека таким образом, что знаки старины в любом предмете превращаются в свидетельства его исторической/культурной значимости, принадлежности к какой-то другой, несовременной, ушедшей эпохе. Эта установка на интерпретацию знаков делает старые вещи исторически ценными свидетельствами. Здесь играет большую (хотя и не единственную) роль временная дистанция. Вещи маркируются как «"уходящая натура", "следы прошлого", "историческое наследие", "культурные корни", "утраченная красота"», а дефекты считаются «как признаки аутентичности, "крафтовости", индивидуальной неповторимости» [Антонов, Завьялова 2024: 141]. Эта идеология ярко проявилась в 1960-е гг. в среде советской интеллигенции²¹² и сегодня распространена среди горожан, ученых, реставраторов, некоторых священников. Последние ценят, например, самодельные религиозные атрибуты советских лет как свидетельства выживания веры в эпоху гонений.

С исторической семиотической идеологией, как мы увидим, отчасти связана стратегия накопления старых вещей в храмах и напрямую – практика создания церковных музеев при различных институтах РПЦ²¹³.

Антикварная семиотическая идеология родственна исторической, но подразумевает другую прагматику. Элементы порчи также считаются здесь как знаки старины, но кроме того – и именно это играет ключевую роль – как знаки возможной товаризации. Это приводит к тому,

²¹² В этот период советская интеллигенция начала привлекать общественное внимание к тому, что «исторические корни» и «культурное наследие» страны находятся в забвении, исторические (преимущественно церковные, находящиеся в «деревнях») объекты руинированы и требуют внимания, спасения, изучения и охраны. С исторической оптикой оказался связан процесс реставрации памятников «церковной старины», развернувшиеся во второй половине XX в., а также создание заповедников деревянного зодчества, исторического моделирования старинных ремесел и, как следствие, познавательного туризма. Подробнее о распространении «деревенской темы» и увлечении «сельской стариной» в контексте советского секулярного производства исторического наследия, связанного с православием, см., например: [Голубев 2022: 120–167; Кормина, Штырков 2015; Смолкин 2019: 404–424 и др.].

²¹³ Здесь играет роль не только историческая ценность церковных артефактов, но значимость музея как института, позволяющего репрезентировать определенные смыслы. Подробнее см. в разделе 3.2.

что «старые вещи» начинают специально искать с целью монетизации, либо же пытаются намеренно состарить предметы, чтобы символически увеличить их ценность. Ее носители – профессиональные и окказиональные торговцы, продавцы на онлайн-площадках («Авито», «Мешок» и др.), а также воры, «черные антиквары» и другие охотники за древностями, которые зачастую действуют (полу)криминальными методами. Наполненные старыми иконами и другими потенциально ценными предметами храмы, особенно региональные, сельские, активно притягивают внимание последних.

«Семейная» семиотическая идеология позволяет видеть в старых вещах «наследие, материализованную память о родственниках, домашние реликвии» [Антонов, Завьялова 2024: 147]. До революции эта идеология была характерна для дворян и купцов. В их среде ценились долговечные, дорогие и драгоценные предметы, которые могли прослужить много лет (тогда как в крестьянской среде их оказывалось крайне мало²¹⁴) и которые переходили по наследству, воплощая материальную, символическую историю семьи/рода. В XX в. социальным слоям, в которых была распространена эта идеология, и самому материальному миру, связанному с богатыми домами, был нанесен удар советской властью. Последняя устанавливала новые образцы повседневности [Волков 1996], где не было места ни семейным реликвиям, ни их обладателям и ценителям. Катаклизмы XX в. – революция, голод, войны – привели к тому, что многие дома разоряли, старые и дорогие вещи массово уничтожали, разрушали.

В постсоветских селах «нарративы памяти, связанные с материальным семейным наследием, встречаются не так часто... Статус семейной ценности могут иметь один-два предмета – к примеру, украшение, доставшееся от матери, или дореволюционная книга – но бывает, что таких вещей не оказывается вовсе» [Антонов, Завьялова 2024: 148]. Иконы часто оказываются в роли таких «контейнеров памяти». Но и в XX, и в XXI вв. старые семейные вещи активно вытеснялись из домов (см. ниже) – их обменивали, продавали или убирали на чердаки, в чуланы и сараи, где они быстро приходили в негодность²¹⁵.

²¹⁴ Это различие можно проследить на материале расхожих домашних икон XIX в., украшенных фольгой. Сейчас до нас доходят, например, хорошо сохранившиеся и более качественно сделанные фолжные иконы-киотки – те, что изготовлялись для богатых домов. При производстве таких образов использовалась более дорогая фольга – плотная и качественно гальванизированная. Они продолжают циркулировать на рынке и до сих пор выглядят достаточно презентабельно – их вешают даже в отреставрированных церквях. В крестьянских избах были распространены гораздо более дешевые домашние иконы с убором из очень тонкой фольги или даже из позолоченной бумаги, имитирующей фольгу. Образцы дешевых крестьянских икон XIX в. гораздо труднее встретить в наши дни, потому что они быстро разрушались от времени. См. об этом: [Доронин 2023].

²¹⁵ В постсоветское время часто встречаются нарративы о том, что иконы или другие артефакты были «чудесным образом обретены» на чердаках, в сараях и т.п.

Часто эта семиотическая идеология не доминирует, но наслаивается на следующую, модернизирующую. В результате от старой и ненужной в быту вещи предпочитают избавиться – но, если она воспринимается как семейная ценность/реликвия, способы такого избавления усложняются. Ее стремятся подарить близкому человеку, передать «кому-то в семье». А если вещь как-то связана с религией, ее – что важно для нашего исследования – часто относят в храм и монастырь. Эта стратегия «возвращения» когда-то ценного семейного объекта церкви для многих владельцев становится предпочтительной, «благочестивой» альтернативой как бессмысленному хранению на чердаках и антресолях, так и простому выбрасыванию; позволяет «скрыть» факт избавления от самого хозяина («я не выбросил, я передал на сохранение»).

Модернизирующая семиотическая идеология наделяет все, в чем считаются знаки «старого», противоположными качествами: малозначимости, низкостатусности. Вещи с такими признаками требуют замены – особенно если речь идет о предметах, которые наглядно демонстрируют технологические изменения. Эту тенденцию можно проследить на материале нескольких последних веков. Деревенская культура XIX–XX вв. ориентировалась на модернизацию и более престижные городские модели, отказываясь в ее пользу от собственной «аутентичной материальности» (как ее определяли носители исторической семиотической идеологии). В советские годы эта установка, в силу хронического товарного дефицита (и отчасти – советских идеологических кампаний по борьбе с «вещизмом» и «мещанством» [Бойм 2023: 53–125; Волков 1996; Сальникова 2024: 75–135]), начала доминировать и в городах: «От "старых вещей" легко и охотно избавлялись, чтобы приобрести более современные, актуальные и редкие, как правило недоступные в советской продаже – а следовательно, высокостатусные» [Антонов, Завьялова 2024: 151].

Эта идеология распространена и в Церкви: «Обновление или перестройка/переделка [храмов и церковных интерьеров – А.З.] были совершенно нормативным действием и в Средние века, и в Новое время, и в начале XX в.» [Антонов, Завьялова 2024: 151]. Реставрацию воспринимают здесь не как «утрату аутентичности» или «порчу» исторических объектов (как это часто описывают носители исторической идеологии), а как улучшение. Характерна эта семиотическая идеология и для многих современных священников. Храмы под надзором настоятеля-рационализатора приобретают современные черты – унифицированные иконы современного письма, свежотремонтированные приделы и т.п. Иногда здесь прослеживается и продуманная политика по синхронизации приходской жизни с современными веяниями²¹⁶.

²¹⁶ Так, в храмах устанавливают контейнеры для раздельной сортировки мусора (см. Приложение, ил. 5), сигнализацию, устройства для «пожертвований на храмовые нужды» по QR-коду (см. Приложение, ил. 6) и другие новшества (вплоть до сдачи пространства в аренду для концертов и применения технологий цифрового света [Щедрина 2019]). Технологии цифрового света сейчас активно используются для создания религиозного аффекта и чувства божественного

Эта семиотическая идеология крайне важна для нас, так как она определяет постоянный приток и циркуляцию вещей в приходах. В современной ситуации, когда церковное производство активно обеспечивает храмы и верующих массовой продукцией, все приобретенные (около)церковные артефакты быстро устаревают и теряют ценность в глазах владельцев – им на смену приходят более новые аналоги, автоматически понимаемые как «лучшие». Более того, эта идеология заставляет воспринимать и вещи прошлых веков (имеющие ценность для «историков» и «антикваров») как старый и ненужный балласт. В результате в храмы устремляются потоки вещей. Здесь, под влиянием той же идеологии, они регулярно отправляются на утилизацию.

Семиотическая идеология «опасной вещи» предполагает, что предмет оценивается как «чужой», «неизвестный» и несущий потенциальную угрозу²¹⁷. Обычно люди маркируют так бесхозные объекты. Вера в проклятые вещи – подкинутые, оставленные прежним владельцем – один из устойчивых кросс-культурных паттернов, который проявляется и в традиционных, и в современных обществах. Бесхозные вещи часто воспринимаются как «контейнеры» вредоносной силы, которая способна перейти на человека, коснувшегося их. Эта модель родственна представлениям о благодати: как намоленные иконы накапливают положительную энергию, так «вредоносные» объекты заряжены негативной. Интересно, что предметы с христианской символикой (иконы, кресты и др.) также могут восприниматься как опасные, причем даже верующими людьми. Так, во время одного интервью в заброшенном доме в Липецкой области, местная жительница, регулярно посещающая церковь, рассуждала об оставленных иконах, которые хозяева, переехав, оставили в красном углу:

Люди боятся чужих икон. Снимают, убирают <...> почему в храм носят? Потому что старая икона, <...> если в чужом доме: а мало ли что там, кто там жил, а вдруг там колдуны, а вдруг там какая-то бабушка, какая-то там плохая энергетика <...> кто-то умер, или кого-то убили <...> И говорят: «Ой, нет. Это, наверное, типа тяжелая энергетика, мы не будем такие иконы оставлять» <...> [А лично бы вы, скажите честно, если бы у вас был выбор: свои новые приобрести или унаследовать старые иконы чьи-то?] Ну, если моей семьи, я бы, конечно, оставила... Ну, какие есть, такие и есть, я бы не отнесла. Если бы я купила этот [чужой –

присутствия. В России это нередко происходит во время богослужений в католических храмах. Православные приходы пока не освоили широко эту современную медиа-практику, в отличие от православных церквей за рубежом (например, Греческой православной церкви Святого Николая в Нью-Йорке на территории Национального мемориала Всемирного торгового центра и др.). Однако можно проследить движение в этом направлении: так, в 2020 г. с помощью цифрового света украсили фасады храма Вооруженных сил России в Подмосковье. См. об этом: Главный храм Вооруженных сил украсили подсветкой в виде флага России // Москва24. 22.08.2020. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/22082020/130240?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 26.02.2026).

²¹⁷ Об «опасных вещах» в городской культуре см. [Архипова*, Кирзюк 2024].

А.З.] дом, конечно, я их сниму. [И куда?] Отнесу в храм. [Почему?] Ну, потому что это **чужая икона**. Потому что у меня свои есть, да? <...> Я же не повешу рядом с этими?²¹⁸

Священники часто называют подобные страхи «суеверием», чуждым православной вере: с их точки зрения христианский объект по определению не может быть опасным.

Важно, что семиотические идеологии могут наслаиваться и влиять друг на друга: при доминировании одной, вторая может «просвечивать» сквозь нее, усложняя оценки и действия актора. Так, носители модернизирующей идеологии, считывая знаки «старины», могут действовать по-разному. Они в любом случае избавятся от вещи как от «устаревшего» и ненужного объекта, но либо выбросят ее без сожаления, либо, при фоновом включении семейной идеологии, передадут родственнику, храму или еще какому-то «надлежащему хранителю»; при подключении антикварной идеологии попытаются получить за предмет какие-то деньги как за «старину» (при этом не усматривая в этой старине реальную ценность – как правило, такие вещи выставляют на «Авито» и ждут хоть какого-то покупателя, «барахольщика») и т.п.

В современной постсоветской России все пять названных идеологий продолжают играть важную роль, конкурировать между собой, наслаиваться и определять множество практик, связанных с церковным приносом. Их сонастройка в рамках приходской культуры определяет локальный режим ценности.

Ситуативный фактор изменения ценности вещей. На примере советских икон во время экспедиций с сотрудниками УНЦ ВИСиНВ мне не раз удавалось наблюдать еще один фактор, влияющий на формирование ценности символически значимых предметов.

Статус любой вещи – даже не религиозно значимой – повышается, когда ею начинают интересоваться акторы, которые не принадлежат к «своей» социальной группе, местной традиции. Характерно, что для локальных православных сообществ советские иконы являются нормальной частью повседневности, не привлекают особого внимания, и в их отношении действует принцип «слепоты к привычному» (homeblindness). Однако появление «чужака» иногда меняет правила игры. Незнакомец способен в некоторой мере *остраннить* культуру для ее носителя через сам диалог, так как «коммуникативная ситуация интервью в достаточной степени отличается от тех ситуаций, которые мы признаем “естественными” для изучаемой культуры» [Панченко 2001: 8]²¹⁹.

«Незнакомцы в деревне», которые часто оказываются носителями исторической и антикварной семиотических идеологий, привносят свои оптики в культуру, для которой эти

²¹⁸ ПМЦ. Ж., 1972 г.р., с. Черепянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.

²¹⁹ На тот факт, что исследователи воздействуют на изучаемые ими процессы, этнографы и фольклористы стали обращать внимание в связи с постколониальной оптикой и еще одним культурным поворотом – рефлексивным. См. подробнее: [Бахманн-Медик, 2017].

модели интерпретации не характерны. Приезжие – как исследователи (антропологи, этнографы, историки, фольклористы), так и антиквары, охотники за стариной – акцентируют внимание на этих предметах и выстраивают вокруг них коммуникативные события, т.е. размещают эти предметы в новой семиотической системе. В результате происходит перекодировка значений, и в глазах самих носителей традиции советские иконы (и другие предметы) повышаются в статусе.

Приведем один характерный пример из нашего экспедиционного опыта 2023 г. В Великом Новгороде мы столкнулись с ситуацией, где наш интерес к советским иконам привел к изменению оценки настоятелем старой иконы-киотки. Пока мы совместно рассматривали декор, никто из нас, антропологов, активно не эксплицировал исследовательскую проблематику. Мы задавали вопросы и участвовали в коммуникации минимально, чтобы не «подсказывать» собеседнику ни оценки, ни принципы описания иконы. Однако знакомство и рассказ о предмете нашего интереса уже задал вектор восприятия. Начав разговор настороженно, священник постепенно увлекся, начал изучать устройство иконы, обнаруживать детали и в итоге сказал: «Вы мне открыли глаза на это сокровище». Из пассивного хранителя он превратился в активного модератора, решившего «заняться» старой киоткой. Эта ситуация показывает, что семиотические правила поля, обычно довольно устойчивые, способны ситуативно меняться под влиянием разных ситуативных факторов, включая вмешательство исследователя, что важно учитывать в полевой работе.

* * *

Описанные семиотические идеологии – историческая, антикварная, семейная, модернизирующая и идеология «опасной вещи» – действуют не в абстрактном пространстве, а в головах конкретных людей, которые каждый день принимают решения о судьбе принесенных в церковь предметов. Эти люди – церковные модераторы. Для каждого прихода справедлив вопрос: чья оптика возобладает, когда нужно решить, принять ли старую икону, благословить ли votивную практику или разрешить ли записки у иконы? Ответ на этот вопрос зависит от расстановки сил среди церковных модераторов – тех, кто фактически управляет потоками вещей. То, как могут распределяться их роли, мы рассмотрим в следующем разделе.

2.3. Церковные распорядители как агенты цензуры

Настоятель. Роль настоятеля является ключевой во всех процессах, связанных с приходом. Это касается и литургической, и пастырской, и административной частей его обязанностей. В одной из своих функций священник отправляет обряды, в другой – занимается духовным попечением прихожан, а в третьей – несет множество обязанностей по хозяйственной части²²⁰, чего от него требует современная модель организации РПЦ МП [Абрамов, Давыдов 2025; Кнорре, Мурашова 2019].

Конфигурация этих ролей исторически не раз менялась. Так, когда в 1961 г. были приняты изменения к «Положению об управлении Русской Православной Церкви», хозяйственную деятельность сняли с клириков и возложили на исполнительный орган прихода. Однако по результатам Юбилейного собора 1988 г. эти полномочия были вновь возвращены священству [Кнорре, Мурашова 2019: 194], и теперь ответственность за имущество, хозяйственно-административную деятельность, финансовую отчетность прихода полностью лежит на настоятелях.

Показательно, что сейчас от священника зависит экономический успех прихода, и по этому принципу его нередко оценивают в церковной среде, повышают или понижают «по службе». Роль администратора-хозяйственника часто требует от современного настоятеля некоторой коммерческой «жилки» и умения грамотно обходиться с имеющимися ресурсами. Как замечают российские исследователи, современные клирики также оказываются частью федеральной и/или региональной элиты, и вынуждены включаться в законы «имиджевой конкуренции» – на уровне личной репутации и репутации своих приходов. Поэтому пастыри нуждаются не только в поддержке своих прихожан на уровне труда и финансовых ресурсов, но и в спонсорских пожертвованиях – со стороны бизнеса или государственного бюджета. Такая ресурсная зависимость настоятелей вынужденно порождает еще одну роль, которую должен играть современный священник – роль «менеджера-девелопера», побуждающая осваивать «навыки работы со спонсорами», имиджмейкинг, SMM-стратегии продвижения, блоггинг, подавать заявки на гранты и заниматься фандрайзингом. Иными словами – приспосабливаться к конкурентному рынку. В итоге для многих священнослужителей на разных иерархических

²²⁰ Священник осуществляет сразу несколько «экономических» функций в своем приходе. Если пользоваться классификацией К. Поланьи, то на нем оказывается забота и о редистрибуции, и об обмене, и о дарообмене в церковном сообществе. К примеру, с иерархической позиции «священник занимается патримониальным перераспределением ресурсов между остальными членами» [Емельянов, Юдин*** 2018: 16] общины. Он также руководит различными обменами между приходом и различными около- и нецерковными институтами, например, при оплате коммунальных платежей. Наконец, распространение божественных даров – от контактных реликвий до благословения – также один из путей осуществления дарообмена.

уровнях «забота о благолепии и материальном благополучии епархии или отдельных храмов» [Кнорре, Мурашова 2019: 190] оказывается одним из центральных вопросов их деятельности.

Часто священники напрямую заинтересованы в привлечении денежных средств («пожертвований»), а также в обменном ресурсе. В частности, настоятели могут стараться реализовать во благо прихода вещи, которые попадают в церкви благодаря прихожанам.

Юридически, как председатель приходского совета, настоятель «распоряжается имуществом и денежными средствами прихода, в том числе заключает от имени прихода соответствующие договоры и совершает иные сделки», а также играет роль работодателя – «издает распоряжения (приказы) о приеме на работу (увольнении) работников прихода; заключает с работниками прихода трудовые и гражданско-правовые договоры, а также договоры о материальной ответственности» [Устав 2000]²²¹. Ответственность священника по отношению к церковным предметам закреплена и в текстах Писания (Ап. 73; Двукр. 10; Григ. Нис. 8): именно он обязан «оберегать старые богослужебные вещи от злоупотреблений» [Цыпин 2020]. «Настольная книга священнослужителя» также вменяет священнику в обязанность следить за богослужебными предметами и вещами из церковного обихода (мира²²², елея²²³, алтарных покровов²²⁴, свечей²²⁵ и др.) и их правильной утилизацией [Дронов 1994].

Однако часто эти обязанности не вмещаются в круг ежедневных забот священника, и он перепоручает часть задач, связанных с церковными вещами и приносом, «младшим модераторам» – кому-то из причта, церковных работников и – реже – волонтеров. Нормальная ситуация, когда для организации потока вещей настоятели «стараятся регулировать циркуляцию... религиозных атрибутов, вырабатывают специальные практики, назначают для утилизации или хранения ненужных предметов людей из церковной среды» [Антонов, Завьялова 2024: 154]. Иными словами, они настраивают церковную инфраструктуру, чтобы она поддерживала обращение вещей без необходимости постоянного контроля со стороны самого настоятеля. Часто такая инфраструктура значительно разрастается и начинает включать множество разных должностей, функций, практик и правил. Особенно это заметно на примере больших приходов, кафедральных соборов и значимых туристических церквей (см. раздел 3.3.1).

²²¹ Глава XVII. Приходы. Параграф 48 // Устав Русской православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98935> (дата обращения: 26.02.2026).

²²² Как поступают с св. миром... // Дронов М. Настольная книга священнослужителя. Т. 7. URL: <https://clck.ru/3S8Dg5> (дата обращения: 26.02.2026).

²²³ Куда употреблять елеи... // Дронов М. Настольная книга священнослужителя. Т. 7. URL: <https://clck.ru/3S8DnP> (дата обращения: 26.02.2026).

²²⁴ Как поступить с одеждою на престоле, пришедшею в ветхость? // Дронов М. Настольная книга священнослужителя. Т. 7. URL: <https://clck.ru/3S8Drw> (дата обращения: 26.02.2026).

²²⁵ Что делать с остатками от предметов... // Дронов М. Настольная книга священнослужителя. Т. 7. URL: <https://clck.ru/3S8DuX> (дата обращения: 26.02.2026).

Таким образом, священник устанавливает правила приема вещей, их оценки и способы распоряжения ими. Для прихожан он является символическим «хозяином» всего храмового и относящегося к церковной жизни в целом [Антонов, Завьялова 2024: 154], поэтому его (экономическим) стратегиям доверяют. Каждый настоятель создает в своем приходе вернакулярную церковную цензуру, контролирующую приток и отток символически значимых предметов с неопределенным статусом. Его запреты часто (хотя не всегда) играют определяющую роль для всех модераторов более низкого уровня. Так, если священник поручил кому-либо контролировать принос старых икон или поддержал такую инициативу, эта практика будет работать, пока настоятель не изменит своего мнения.

...практика была относительно <фолежных советских> икон: ага, вот есть такой чудака <...> ему интересны эти иконы, он говорит, что они там очень важны, что не надо там их так просто выкидывать [речь идет о создателе церковного музея, чью деятельность санкционировал священник – А.З.]. Вот мы будем, значит, поэтому складировать до последнего, пока он придет и всё это посмотрит. <...> Если вдруг у кого-то из ретивых прихожан возникает желание разобрать самому, значит, на это действует **табу**. Запрет. «Нет-нет-нет. Вот сейчас, значит, <имя> придет, вот он разберёт, а <...> чё он скажет, вот мы это будем <...> делать. Вот это как бы, практика утвердилась. <...> Но если бы не было наложено, значит, вето настоятеля, да? Он сказал: «Без, значит, без <имя> ничего не разбираем». То есть **настоятель сказал – все запомнили**. И как бы вот там всё более-менее **упорядочено**²²⁶.

Учитывая нестабильное материальное положение многих приходов, естественно, что часто настоятели поддерживают практики, связанные с высоко ценимыми в их среде и потенциально товаризуемыми вещами – например, с драгоценными votivными дарами. Они могут даже сами инициировать эту практику – запустить процесс одаривания, привесив к почитаемой иконе свой священнический крест. Епископ может подвесить к иконе панагию. Этот жест может стать еще и частью продуманной визуальной программы церковного пространства. Так, Д.И. Антонов описывал ситуацию в храме свв. Бориса и Глеба г. Боровск, где настоятель вешал большие наперстные кресты к иконам, чтобы единообразно украсить новые храмовые образы. Одновременно он явно стремился стимулировать votивную практику среди прихожан этими первыми, «образцовыми» дарами. Прихожане, имея перед глазами наглядный пример – привешенные кресты и панагии – начали активно одаривать иконы [Антонов 2020: 105]. Жест священника для многих послужил подсказкой, как можно благодарить святого.

²²⁶ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви г. Воронежа. Зап. 06.04.2025.

Совсем другой спектр оценок формируется у многих настоятелей в отношении старых религиозных атрибутов и церковного мусора. В такого рода предметах, попадающих в храмы, могут не видеть никакой ценности. Кроме того, многие приходы просто не справляются с потоком поступающих вещей, и священники создают четкие фильтры для своего церковного приноса.

Чтобы «настроить» принос так, как это видится нужным, настоятели ведут работу и с церковными модераторами, принимающими (или не принимающими) вещи в церкви, и с прихожанами. К примеру, уговаривают людей не отдавать вещи с религиозной символикой в церковь, потому что здесь они не пригодятся и не будут использованы. И предлагают альтернативные варианты – хранить, дарить, утилизировать вещи самостоятельно (объясняя правила благочестивого уничтожения). Часто тенденция к вытеснению ненужных, по мнению настоятеля, предметов оборачивается тем, что люди подбрасывают вещи в церковь, понимая, что официально их здесь не возьмут. Или используют для приноса не храм, а другие связанные с церковью локусы – часовни (городские, сельские, кладбищенские или у источников) или святые родники (об этом подробнее в разделе 3.2.5).

Я не у всех беру иконы. У меня нет такой цели, что взять все иконы, там, сжечь. **Я их уговариваю оставить их.** Пока они имеют свой вид нормальный, пока не рассыпались, то, ну, храните. Потому что это же ваша икона, ваша святыня. Я в храм их не повешу. «А мы вот не хотим». Тогда я предлагаю, иногда сам им предлагаю: если у вас есть свой частный дом, вы сами их аккуратненько утилизируйте²²⁷.

Учитывая статус настоятеля как главы и модератора приходской жизни, можно объяснить, почему с его сменой инфраструктура храма (или монастыря, при смене игумена/игуменьи) может претерпевать значительные изменения: новый человек будет устанавливать собственные правила. Если священник руководит приходом длительное время и занимает активную позицию, многие виды (около)приходской деятельности оказываются организованы им и зависимы от его руководства. Однако сейчас в России такое положение настоятеля устанавливается не всегда и не везде. Церковное руководство может часто сменяться по распоряжению «сверху», и порой у настоятеля просто не бывает времени, чтобы организовать вокруг себя местное сообщество.

Если священник – храмовый законодатель, то «младшие модераторы» – исполнители правил, установленных настоятелем. Они действуют по его благословию: «Все распоряжения, приказы, организационные инструкции, регламентирующие трудовой процесс, в церковных организациях даются не через обычную констатацию того, "что нужно делать", а через

²²⁷ ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, г. Первомайск, Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.

"благословение" – то есть через сакраментальный акт, означающий нечто большее, чем просто инструкции» [Кнорре 2012: 18].

Церковные служители, церковные работники и волонтеры в равной мере могут участвовать в управлении приносом и регулированием циркуляции вещей в церкви. Эти люди непосредственно выполняют поручения настоятелей относительно приноса. А кроме того, они совершают многие действия исходя из собственных представлений. Разумеется, контроль священника над многообразием всех практик, связанных с приносом, не может быть абсолютным. В некоторых приходах настоятели совсем мало вмешиваются в эту сферу. Опишем вкратце этих модераторов.

Младшие *священнослужители* (дьяконы) и *церковные служители* (псаломщики/чтецы, певцы, алтарники/пономари, иподиаконы и звонари) входят в состав причта прихода²²⁸ и подчиняются настоятелю²²⁹. Помимо литургических практик, на них часто возлагают бытовое обеспечение богослужебной деятельности. Состав причта может быть различным, расширенным или крайне ограниченным. В последних случаях часть функций, традиционно закрепленных за служителями, может перераспределяться между церковными работниками и волонтерами.

*Церковные работники*²³⁰ – те, кто трудоустроен в храме (в отличие от *волонтеров*, см. ниже) и/или присматривает за закрепленными за церковью зданиями и помещениями (часовнями, складами и т.п.). Эти люди «отдают свой труд, квалификацию, время ради поддержания церковного прихода, соглашаясь на более низкую зарплату, чем в светской среде» [Кнорре, Мурашова 2019: 201]. В их число входят наемные казначеи (бухгалтеры), продавщицы свечных лавок, повара и пекари, уборщицы, церковные старосты, регенты и певчие, охранники, «консультанты по религиозным вопросам», работники воскресных школ и др. Все они связаны либо с обслуживанием богослужебных практик, либо с хозяйством храма. В основном это женщины, и иногда их обобщенно называют «церковницы»/«свечницы». Как показывает практика, вопросы об их деятельности провоцируют (почти) неизменную апелляцию к

²²⁸ Исторически значение этого слова менялось. Причетниками, т.е., буквально, причисляемыми к клиру, называли тех, кто участвовал в исполнении богослужебных функций, но формально не был рукоположен, не входил в число священнослужителей и церковнослужителей, т. е. канонически не являлся клириком. В современном уставе РПЦ МП причт – все, кто участвует в богослужении. См.: [Цыпин 2020а].

²²⁹ Формально весь причт подчинен епархиальному архиерею. См.: Глава XVI. Приходы. Параграф 22 // Устав Русской православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98935> (дата обращения: 26.02.2026).

²³⁰ «Церковная работа» – словосочетание широкое и вбирающее в себя не только трудовую занятость на приходах, в монастырях и епархиях, но и церковно-мирянские организации, в которых «клирики работают вместе с верующими, не имеющими священного сана». В целом этим словосочетанием могут обозначать всю «совокупность самых различных видов деятельности, характерных именно для людей, соотносящих свою жизнь с Церковью» [Кнорре 2012: 17].

«батюшке» – они осознают и дискурсивно представляют свою деятельность как осуществляемую строго по благословению, хотя на самом деле нередко проявляют инициативу или отступают от правил.

Волонтеры также входят в число модераторов. Хотя они и не являются церковными работниками, они часто выполняют те же функции, только не получают за них зарплату. Это прихожане-активисты, помогающие в трапезной или в уборке храма, смотрители часовен, хранители церковных музеев и библиотек и т.д. Их помощь в храме «носит эпизодический характер и осуществляется не на регулярной основе», они «могут работать бесплатно либо получать благодарность в виде материальной помощи, но их работа в церковном пространстве рассматривается априори как работа на благо Церкви... "во славу Божию"» [Кнорре 2012: 18, 20]. Иногда у волонтеров появляются собственные неформальные должности и строго закрепленные за ними обязанности. Так в церкви Успения Богородицы в с. Суворово Нижегородской области существует «церковная десятка» – десять женщин пенсионного возраста, которые продолжают работать в мирских организациях, но при этом посменно помогают в храме.

Часто в исследовательских работах о приходской жизни термин «церковный работник» объединяет категории собственно работников по трудовому договору и волонтеров, потому что статус человека, исполняющего какие-то обязанности в церкви, не всегда ясен антропологу. В этой работе я тоже буду придерживаться такого словоупотребления, потому что в большинстве случаев мне не известен трудовой статус моих информантов.

Один человек может сочетать в себе несколько должностей и/или обязанностей, которые он выполняет в церкви по поручению настоятеля. Кроме того, при необходимости один и тот же актер может включаться в новые роли, когда церковная инфраструктура реформируется под какие-то нужды. Поэтому не существует строго закрепленного соответствия между конкретной должностью церковного работника и теми практиками, в осуществление которых он включен. Эта настройка осуществляется по-своему в каждом конкретном храме.

Так, в Казанском соборе в Санкт-Петербурге принимать вотивные дары поручено *консультанту по религиозным вопросам*, в соборе Александра Невского в Нижнем Новгороде – *ризничной*, тогда как в других церквях этим обычно занимаются *продавищицы церковных лавок*. Иногда для конкретной практики изобретаются специальные должности. В том же Александро-Невском соборе за принос еды на помин, его систематизацию и распределение отвечает *кладовщица*, а в Храме Христа Спасителя в Москве «*специальная женщина*» должна организовывать сбор вещей для участников специальной военной операции. Утилизацией занимаются преимущественно *уборщицы*, *сторожи* или *охранники*, а вывешиванием даров под стекла киота – *завхозы* или *церковные старосты*. Иногда и тем, и другим заведуют алтарники

(церковные служители). Иногда в цикле «принятие – хранение – перераспределение – утилизация» участвуют разные люди.

По распоряжению настоятелей, все упомянутые категории модераторов могут заниматься перераспределением вещей. Они относят их на часовни или отправляют в сельские храмы. Они организуют сбор перерабатываемых предметов (свечей, пластиковых стаканчиков и бутылок из-под святой воды). Они же занимаются ритуализированной утилизацией церковного мусора.

Практики, связанные с полученными от дарителей предметами, в одних храмах могут быть очень четко и последовательно организованы, тогда как в других – развиваться и осуществляться стихийно. Невозможно однозначно сказать, что в каждой церкви какой-то конкретный работник или волонтер занимается каким-то конкретным типом вещей из приноса. Наличие практики не гарантирует существование отдельной должности.

В некоторых случаях связанная с приносом хозяйственная часть передается настоятелем полностью в ведение работников и членов приходской общины. Когда ясно очерченного круга обязанностей нет, все работники при наличии свободного времени занимаются всем. Иногда контролем за поступлением вещей, их сортировкой и перераспределением не занимается никто. И то и другое способно привести к некоторой дезорганизации прихода на бытовом уровне и неконтролируемым практикам. Поэтому существование церковного приноса порой невозможно отследить вовсе, потому что все спонтанно принесенное также спонтанно и быстро «куда-то девается, рассасывается»²³¹.

Таким образом, циркуляция вещей зависит не только от настоятеля, но и от состава причта, а также наличия достаточного количества организованных работников и волонтеров, которые способны участвовать в регуляции приноса в храме.

Распорядители определяют судьбу предметов, уже оказавшихся в храме. Но сам факт их появления – результат действий *дарителей*²³². Кто эти люди, как они принимают решение отдать вещь в церковь и какие механизмы циркуляции при этом актуализируются – к этим проблемам мы обратимся в следующем разделе.

²³¹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

²³² Далее будет показано, что оставленный человеком в церкви предмет не всегда может считаться даром. Однако дарообмен в православной среде рассматривается как основной способ (экономического) обмена, поэтому мы используем определение «дарители» в качестве условного обозначения для людей, которые приносят в храмы какие-либо вещи.

2.4. Дарители и пользователи: механизмы циркуляции вещей в православных приходах

Из мира в храм: дарители как инициаторы циркуляции. Как уже говорилось, современные православные церкви и монастыри становятся центрами притяжения множества вещей, которые активно приносят в них люди. Однако это делают далеко не только верующие из церковной общины.

Социальный состав современного прихода неоднороден и лишен четких формальных границ. Членство в приходе является неформальной категорией [Агаджанян 2011: 32]. Критерии, по которым человек может считаться прихожанином, довольно расплывчаты. Обычно к ним относят регулярное причастие, исповедание одному духовному наставнику [Агаджанян 2011: 22], регулярное совершение пожертвований для обеспечения жизни прихода [Бремон д'Арс 2006] и ряд других. В новом укладе общества религия стала предметом индивидуального или группового выбора [Агаджанян 2011: 34], и принадлежность к конкретному приходу, так же как степень вовлеченности, становится предметом выбора – часто не столько «по убеждениям», сколько «выбор определенного священника, типа харизмы, богослужебного стиля и стиля духовного руководства» [Агаджанян 2011: 34; о факторах выбора прихода см., например: Куксин 2024].

Можно говорить о существовании «ядра» или «костяка» каждого прихода: причт и относительно постоянная группа, состоящая из воцерковленных мирян²³³, часто выполняющих волонтерские обязанности («послушания»). Причем совместное хозяйствование («домостроительство» [Бернштам 2007: 7]), создание и восстановление церковной инфраструктуры выступают как факторы сплочения общины [Агаджанян 2011: 31].

Вокруг ядра выстраиваются «концентрические круги» из «носителей слабой, рассеянной, непостоянной церковности или вовсе вне церковной православной идентичности» [Агаджанян 2011: 33]. К ним относятся «внешние верующие» – периферийные прихожане, идентифицирующие себя с данным храмом, но участвующие в жизни прихода эпизодически [Абрамов, Давыдов 2025]; захожане – люди, которые «посещают храм... лишь для того, чтобы

²³³ Иногда эту группу обозначают термином «церковные люди». Это самоназвание – его употребляют по отношению к себе активно живущие церковной жизнью верующие, «полностью подчинившие свою жизнь жизни церковной и ограничившие свой круг общения, а по возможности и свой круг деятельности, церковной оградой. Они представляют особую маргинальную группу, очень разнородную по социальному составу и образовательному уровню входящих в нее людей. Число их постоянно растет за счет новообращенных...» [Тарабукина 2000]. Понятие «церковные люди» было введено в научный оборот А.В. Тарабукиной. Как синоним может употребляться термин «прихрамовая среда» / прицерковный круг, также разработанные в текстах А.В. Тарабукиной и активно применяемый исследователями современного православия. И в том, и в другом случае подразумевается особый «режим православной социальности» [Кормина 2011] или «особая субкультура». Иногда «церковными людьми» в научных текстах обозначаются также паломники [Мороз 2006: 307].

поставить свечку перед одной-двумя "полезными" иконами» и часто не привязаны к одному приходу²³⁴ [Митрохин 2004: 38–39]; паломники и светские туристы, которые посещают разных храмы и обители, при этом не становятся частью общины, но тоже экономически включаются в жизнь прихода, оставляют «следы» в его инфраструктуре²³⁵.

Захожане, паломники, туристы²³⁶ (от воцерковленных до неверующих) и другие окказиональные посетители в современных условиях начинают играть значительную роль в церковной экономике, а также в практиках, связанных с религиозными объектами [Мороз 2006]. Это особенно актуально для храмов крупных городов, а также для церквей и монастырей, которые относятся к достопримечательностям и памятникам культуры. Отдаленные от центров городов и людных мест [Тошева 2011: 295], от популярных маршрутов храмы, а также сельские приходы оказываются на периферии этих процессов.

Верующие могут участвовать в церковных отношениях, жертвуя общине и Богу различные свои ресурсы: как трудовые (дар-действие), так и материальные (дар-вещь). В этом плане все жертвы и дары можно разделить на акциональные и предметные. Как отмечали Б.К. Кнорре и А.А. Мурашова, большинство «участвующих в регулярной церковной жизни, как правило, не могут сделать крупные пожертвования, но их одаривание священнику и Церкви состоит в их регулярной или фрагментарной работе, волонтерстве на благо церковного прихода»²³⁷ [Кнорре, Мурашова 2019: 201]. При этом благочестивые действия часто предполагают материальные затраты, а принесение материального дара может быть связано с трудом по его изготовлению, доставке, строительству и т.п. В этом смысле акциональные и предметные дары неразрывно связаны: «И труд, и дорога, и сопровождающие эти действия

²³⁴ Примечательно, что по отношению к захожанам среди постоянных и активных прихожан существуют предубеждения. См., например, высказывание в «Энциклопедии вопросов и ответов о церкви и христианской вере»: «Чтобы захожанин пришел в церковь в “неурочное” для него время, нужно, чтобы жареный петух клюнул, и пребольно» [Гиппиус, Гурьянова 2009: 102].

²³⁵ Паломнические и туристические практики могут играть важную роль не только в трансформации культа святых, но в формировании облика современных храмов и их внутреннего пространства [Антонов, Завьялова 2026; Мороз 2006].

²³⁶ Паломники туристы противопоставляются на том основании, что у этих двух групп различаются «способ времяпрепровождения и мотивации» [Мороз 2006], а также практики по отношению к значимым (архитектурным, ландшафтным, религиозным) объектам. См., анализ этих различий на примере Никитского монастыря в Переславле-Залесском и культа Никиты Столпника: [Мороз 2006].

²³⁷ Ж.В. Кормина пишет, что работа вовлеченных в создание и поддержание православной инфраструктуры людей не просто является жертвой Богу, но обеспечивает присутствие божественной *благодати* на земле. Через дары-действия и дары-вещи, в которых воплощается жертва-усилие, «проявляется мир горний» [Кормина 2022: 168]. В интерпретации Корминой акциональный дар – часть православного *делания*, создающего религиозную инфраструктуру [Кормина 2022]. Это относится и к повседневным усилиям православных, и к экстраординарным трудам: крестным ходам, паломничествам.

молитвы становились неотъемлемой частью дара, его нематериальной составляющей» [Майзульс, Зотов, Антонов 2022: 301].

Что касается мотиваций, с которыми люди приносят в храмы дары-вещи с неопределенным статусом, то она нам далеко не всегда известна, как о ней не всегда знают и церковные акторы. Учитывая, что интервью с дарителями составляют меньшую часть нашего корпуса текстов (так как застать дарителя конкретного предмета и выяснить его мотивацию удается крайне редко), об этих людях и их действиях во многих случаях приходится судить из разговоров с церковными работниками. И из воспоминаний о том, как наш собеседник в прошлом совершал подобное действие, принося некую вещь в храм. Поэтому вопрос о том, что в каждом конкретном случае подразумевал даритель, когда инициировал обмен, приходя в церковь с каким-либо предметом, часто оказывается без ответа. Однако общие закономерности хорошо выявляются благодаря интервью с разными респондентами.

Как правило, первое, что артикулируют модераторы, работающие с вещами в храмах – идея о «благочестивом даре/приношении».

Этика православного обмена. Согласно современной этике, в православной среде действия верующих, включающих разного рода приношения, называют «добровольным пожертвованием» и трактуют, прежде всего, как акт милости и приношение Богу: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его» (Притч. 19:17). Отношения, которые «открываются» актом пожертвования, трактуются как, прежде всего, отношения между человеком и Господом. При этом подчеркивается, что «У Бога ничего нельзя купить» и «Бог ни в чем не нуждается», а милостыня или жертва предназначается «храму». Жертвование показывает, в первую очередь, боголюбивость и благочестие христианина, а кроме того – его готовность быть частью общины и Церкви, даже если для этого нужно «жертвовать собой».

...Бог поминает наших близких не ради того, что мы просто написали их имена и заплатили деньги (Бог ни в чем не нуждается и знает всех нас и наши нужды без записок), а ради нашей любви к ним и доверия к священнослужителям, ради нашего братского **единения со всеми, кто сегодня пришел помолиться вместе с нами** и со всей Христовой Церковью. А те деньги, которые мы подаем вместе с записками, это **вовсе не плата за молитву, а пожертвование на храм**, которое принимается Богом, только если делается с верой во всеведение и всемогущество Божие, в надежде на Его милосердие и с любовью к Нему и ближним [Островский 2017: 375–376]²³⁸.

²³⁸ Это пояснение висит на доске объявлений на территории одного из храмов подмосковного Красногорска. Текст озаглавлен: «Жертва, а не плата» (заголовок в тексте Островского – «Как правильно писать записки»).

На уровне духовно-нравственного воспитания паствы дарообмен (реципрокные отношения) также объявляется единственным достойным способом участвовать в делах Церкви. При этом дарители-жертвователи должны воспитывать в себе определенные качества и соответствующим образом относиться к акту пожертвования. Часто священникам приходится разъяснять этот механизм прихожанам дополнительно, в личных беседах.

Люди еще не понимают до конца, даже те, кто строит, и те, кто жертвует на храм, они еще все-таки считают, что «я жертвую попу, даю **священнику** деньги, я тебе дал деньги». Я им говорю, что **не мне, мне ваши деньги не нужны, вы делаете для людей, для Бога и для своей памяти на века**» [Абрамов, Давыдов 2025: 102].

Этика дарения регламентирована Писанием. Объясняя правила дарения, православные акторы ссылаются, например, на стих из Евангелия от Матфея (6:3): «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Для дарителя это значит «не просто не ожидать и не планировать получить что бы то ни было взамен, но вовсе "не знать"» [Забаев, Зуева, Колошенко 2018: 51], что одарок был предоставлен или ответная услуга оказана. Такие же рекомендации встречаются в текстах об азах православия: «Жертвовать напоказ – грех тщеславия. Не жертвовать просто из жадности – грех скупости» [Гиппиус, Гурьянова 2009: 154].

Другой ориентир для дарителя (как и принимающего дар) – притча о лепте вдовицы, указывающая, что ценность подарков «по логике дарообмена не должна соотноситься с их потребительской стоимостью» [Кнорре, Мурашова 2019: 198]. Также часто упоминаемый в контексте пожертвования сюжет – достойные и недостойные жертвы Авеля и Каина, на примере которого Церковь учит, что «мы Богу должны отдавать лучшее, а не то, что нам не нужно»²³⁹ и что правильный дар – тот, который «отдавать жалко».

И вот, <...> **самое главное, в чём отличались Каин и Авель: один приносил приношения, жертвоприношения из лучших <...> своих плодов, трудов.** Самые лучшие растения отдавал, самые-самые Богу. И «Господи, благодарю тебя, что ты мне всё дал, вот что есть, чем я питаюсь, и чем я вот так живу». **А Каин <...> отдавал в жертвоприношение самое негодное.** Он занимался ягнёночками, это животноводство. Самых больных, дряхлых, старых и так далее. **И Господь, <...> видя вот такое расположение сердца, жертву Каина не принимал.** Вот есть такая картинка Гюстава Доре в Библии девятнадцатого века, где дым от жертвенника Каина, он стелется по земле. <...> Господь жертву не принимает. Это очень важный момент <...> для нашей духовной жизни²⁴⁰.

²³⁹ ПМЦ. М., священник в Успенском соборе, г. Дмитров, Московская обл. Зап. в 2024 г.

²⁴⁰ ПМЦ. М., священник в Успенском соборе, г. Дмитров, Московская обл. Зап. в 2024 г.

Тексты в справочной литературе для недавно воцерковленных также напоминают: «чтобы милостыня имела духовную ценность, она должна быть жертвой» [Хопко 1991: 308]. Иногда подчеркивают также, что жертва станет благочестивой и будет принята Богом, если сам даритель – благочестивый христианин, совершает приношение с добрыми намерениями и просит в молитве за себя или за другого благочестивого православного верующего²⁴¹.

Акцентируя связь дара с определенным «настроением сердца», в том числе подчеркивая, что дар – это «то, что жалко», церковные модераторы порой оценивают приношение по настрою верующего, который этот дар совершает. А учитывая, что последний можно оценивать почти всегда лишь по дискурсивным практикам, некоторые дары могут не принимать, если даритель неверно – с точки зрения модератора – артикулирует свои намерения (к примеру, озвучивая, «это мне не нужно, хочу подарить» или «я отдал за это большие деньги, вы должны это принять»). Однако на практике, по нашим наблюдениям и интервью, дары принимают почти всегда, хотя некоторые действия и слова дарителей могут осуждаться постфактум.

Этические предписания, задающие самые общие ориентиры, на практике материализуются в разные типы «жертв». Одни люди приносят что-то регулярно, и эти приношения встраиваются в рутину церковной жизни. Другие одаривают Бога/Церковь лишь в кризисных ситуациях, когда требуется экстраординарная помощь небесных заступников. Разница между этими мотивациями важна не только для понимания психологии дарителя, но и для церковной цензуры: регулярные и вотивные дары могут оцениваться по-разному и попадать в разные инфраструктурные ниши.

Регулярные и экстраординарные приношения. Многие пожертвования совершаются на регулярной основе (покупка свечей, «тарелочные сборы» в ходе и после служб, украшение икон цветами и т.д.). Такие действия осуществляют как привычный благочестивый акт, «с общей надеждой на помощь и прощение грехов» [Майзульс, Зотов, Антонов 2022: 327]. Однако имеет место и специфическая мотивация даров, возникающая обычно в кризисных ситуациях. Речь идет об экстраординарном одаривании – вотивной практике²⁴². Вотивная («обетная», «заветная», «ответная» в русских вариациях названия) практика известна на Руси со времен принятия

²⁴¹ «...не только тогда неуместна наша просьба, когда мы себя ведем недостойно, но и тогда, когда недостойно ведет себя тот, за кого наша просьба совершается. Вот почему 60 правило Кормчей книги гласит: *«Не принеси приноса, въ Божии жертвенникъ, ни отъ неверныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни отъ прелюбодеи, ни отъ корчемника, ни отъ клеветника, ни отъ лжива послуха, ни отъ волхва, ни отъ потворника, ни отъ игреца (игрока казино, картежника, компьютерного игромана), и злобника. И кто будетъ отъ таковыхъ, а не покаются, ни емли у нихъ приноса»*. Рекомендуются же *«просфироу приносити лишь отъ своихъ духовныхъ детей, житие которыхъ известно»*. Источник: О евхаристическом поминании верных и неверных // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/video/130-liturgicheskoe-prinoshenie/> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁴² Слово происходит от латинского *ex voto* – «по обету».

христианства в X в. [Майзульс, Зотов, Антонов 2022: 297]. Суть ее заключается в том, что человек, желая защититься от беды (болезни, неурожая, засухи, стихийных бедствий и др.), давал обет принести жертву Богу или святому, чтобы получить помощь. Обещать могли не только материальные, но и акциональные дары: совершить благочестивое действие (от прочтения ряда молитв до паломничества или работы на монастырь). Давать обет и совершать соответствующие действия могли в разное время: превентивно, чтобы Бог отвел беду от человека или сообщества; в момент, когда кризисные события уже наступили, чтобы получить помощь в их преодолении; а также постфактум, когда проблема благополучно разрешилась и человек хотел поблагодарить святого заступника и попросить его и в дальнейшем «защищать человека, социальную группу или локус (дом, деревню, город)» [Антонов 2022а: 52]. Обетная практика заключается в двух ключевых действиях: обращение к небесному покровителю с просьбой и обещанием и принесение благодарственной жертвы после получения помощи. При этом вотивное приношение подразумевает и направленность в будущее: «благодарность святому оказывалась залогом того, что он продолжит защищать человека или сообщество» [Антонов 2022а: 52].

Как показывают наши наблюдения, в современной традиции фрейм «обета» (с акцентированным обещанием дара в случае обретения помощи) становится редким. Чаще всего рассказывают о молитве, надежде на помощь, благополучном разрешении кризиса и благодарственном даре, без условий, заранее налагаемых на самого себя. Д.И. Антонов в ходе наших общих полевых исследований отмечал, что это отличает современную вотивную традицию от тех описаний, что часто фигурируют в книжности Средневековья и Нового времени [см. об этом: Антонов 2022а; Белова 2004; Майзульс, Зотов, Антонов 2022 и др.]. При этом сами экстраординарные «жертвы», как и в прошлые века, могут быть очень разными. С просьбой о помощи или с благодарностью за нее храмам могут жертвовать деньги, церковную утварь и многое другое, вплоть до стройматериалов. Однако самым массовым и частым типом даров, как мы увидим, с 2010-х гг. оказываются мелкие, как правило, драгоценные предметы, приносимые иконе и размещаемые на ней/около нее.

Дары такого типа оцениваются положительно практически всегда – за исключением случаев, когда сам предмет кажется модераторам неподходящим. К примеру, бижутерию в качестве дара как правило не принимают. Объясняя это, указывают, что такой дешевый предмет – «недостойное» приношение, дарителю его «не жалко». В сомнительных случаях оценивать могут по разным сопутствующим критериям – к примеру, утилитарная вещь может быть принята как дар, если она идет «от сердца» («больше нечего было дать») и если сделана из подходящих материалов (см. ниже пример с дарами-ложками).

Порой подвергаются цензуре и адресаты, которым дарители непосредственно преподносят какие-то предметы.

Адресаты пожертвований. Жертвуя в храм какие-то предметы, разные дарители подразумевают разных адресатов дара. Ими могут быть: Господь, святой (в том числе местночтимый, как в примере ниже), (персонифицируемая) икона²⁴³, приходская община, священник, Церковь в целом. Для разных адресатов могут предназначаться разные приношения.

[Не рассказал этот <имя>, повесивший крест, почему решил это сделать?] Не знаю. Он говорит: «Я люблю очень блаженных». Я ему ещё рассказала про Мишеньку. И он снял и дал. А батюшка уже повесил его. [А когда отдавал, что сказал?] Я не помню. «Мишеньке». [Мишеньке?] Да. [Не иконе, а прям вот Мишеньке] Мишеньке, да²⁴⁴.

Однако, когда предмет попадает в церковь, мотивация дарителя не всегда определяет траектории его будущего использования. Модераторы распоряжаются полученным даром исходя из своих представлений. Это относится даже к «адресно» приносимым к вотивным дарам. Адресатом вотивного дара часто считают/называют не только конкретную икону или святого, которому дар был принесен, но, во-первых, Господа, во-вторых, храм/монастырь в целом. Любое приношение описывают как благочестивое одаривание Бога и как вклад. В рассказах церковных модераторов эта идея может озвучиваться по-разному. С одной стороны, это позволяет описать практику как более нормативную и правильную – дар конкретной иконе за конкретную помощь некоторые воспринимают как сомнительное действие, «пережиток язычества», «суеверие». А с другой стороны, это подчеркивает, что распорядителем даров является храм/монастырь, то есть настоятель, который может принять решение о продаже таких даров на нужды церкви, об их переплавке на украшение литургического предмета или самой иконы и т.п.

²⁴³ Иконы стали важнейшим адресатом молитв и даров с первых веков христианства на Руси: «Здесь, в отличие от Византии, южной или западной Европы, практически не было реликвий, связанных с тысячелетней историей христианства – тел мучеников и контактных святынь (вещей, которые праведники использовали при жизни или которые прикасались к их святым мощам). Из Византии чаще всего прибывали только их фрагменты. Неудивительно, что именно икона стала основным почитаемым религиозным объектом в русских княжествах» [Майзульс, Зотов, Антонов 2022: 298]. Образа воспринимали как святых защитников. С иконами оказалось связано множество коммуникативных практик, практик апроприации силы (см. раздел 1.3), а также практик одаривания: «С первых веков принятия христианства на Руси распространилась традиция вешать на почитаемую икону небольшие материальные дары – обетные “привесы” или “приклады”» [Антонов 2022а: 59]. Кроме того, из тканей, металлов, дерева изготавливали «одеяния» для изображенного святого. Так на образах появлялись накладные короны, нимбы, пояса, ризы или оклады, закрывающие фигуры святых как одежды – за исключением ликов и открытых частей тела. Сейчас традиция украшения икон накладными элементами ризы или полными окладами мало распространена. Доминируют украшения, вотивы-привесы, о которых мы расскажем ниже. Кроме того, популярным даром иконе/святому оказываются цветочные букеты.

²⁴⁴ ПМЦ. Ж., 1955 г.р., заведует часовней, пос. Октябрьский, Вязниковский р-н, Владимирская обл. Зап. в 2023 г.

[На иконе Божией матери <Толгской> висят подарки. Только этой иконе что-то дарят?] Любой иконе что-то дарят, вот, вам что-то подарили, исполнили какое-то ваше желание, вы от всей души **дарите подарок**. Любой **иконе, к которой вы вот ходили**. [А почему висит тогда только возле её иконы?] А куда им деваться? Человек пришёл, пожелал дары сделать монастырю, **к этой иконе, для этой иконы, значит всему монастырю**, подарил ей подарок. Его повесили. [Вы все вывешиваете подарки?] Ну, в общей сложности да. [А на других иконах почему тогда не вывешивают подарки?] Им не дарят²⁴⁵.

Еще одним важным параметром дифференциации даров является их связь с личностью дарителя.

Именные и анонимные дары. Именные дары предполагают фиксацию имени дарителя и публичное признание его вклада²⁴⁶. Так происходит с крупными донаторскими вкладами и реализуемыми на них реликвиями или предметами церковного интерьера. У таких пожертвований может появиться материальное свидетельство – ктиторская табличка с вкладной надписью, которую размещают на видном месте²⁴⁷. Ценность таких даров, как правило, не подвергается сомнению. Надпись свидетельствует о легитимизации дара.

Принос других символически значимых (не утилитарных) вещей – цветов, записок святым, старых икон и т.п. – как правило, анонимен²⁴⁸, и эта анонимность резко контрастирует с практиками крупных жертвователей. Люди оставляют такие предметы, часто вовсе не вступая в коммуникацию с церковными работниками. Исключение составляют votivные дары иконам – предметы, которые, в силу их экономической ценности, обычно передают из рук в руки. Обычно – в церковную лавку, вместе с запиской: от кого дар и какому образу предназначается. (Иногда таких дарителей просят написать церковную записку, чтобы его упоминали на молебнах как жертвователя).

Если коммуникация все же происходит, дарители, с одной стороны, и настоятель и церковные работники с другой при обмене договариваются о ценности предмета, если обмен происходит лицом к лицу. Приведем пример. В качестве предметного дара иконе принято

²⁴⁵ ПМЦ. Ж., работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2022 г.

²⁴⁶ К числу именных даров относятся ктиторские иконы с указанием имени донатора – практика, возобновившаяся в постсоветское время. Создание такой иконы часто связано с обстоятельствами личной или семейной истории жертвователя.

²⁴⁷ Такого рода «свидетельства» можно встретить во многих российских церквях, от статусных соборов (Храм Христа Спасителя, Казанский собор в Санкт-Петербурге и др.) до региональных церквей (см. Приложение, ил. 7).

²⁴⁸ Для церковной культуры, как кажется, анонимные пожертвования оказываются более предпочтительными. Передача ценности или вклад в церковь, сделанные без специального упоминания имени, сочетаются с христианской этикой дарения, означают смирение и скромность христианина. Большинство типов приноса анонимные, от самых популярных (ящики для пожертвований) до редко встречающихся (когда деньги оставляют у реликвий туристы).

оставлять ювелирные украшения из драгоценных металлов. Дорогое украшение воспринимается как достойный дар. Однако в индивидуальных случаях в церкви готовы принять и поместить у иконы другие, окказиональные вещи. В Знаменском храме пгт. Ардатова (Нижегородская обл.) в киоте иконы Знаменье выставлены чайные ложки (см. Приложение, ил. 8). Дарительница, получившая божественную помощь, хотела отблагодарить за нее и принести что-нибудь в дар иконе, однако, по рассказам церковных работников, подходящей вещи у нее не было. В разговоре с настоятелем храма обсудили предлагаемый дар – ложки. В итоге священник согласился не только принять, но и выставить для демонстрации такую жертву – материально не вполне конвенциональную. Вероятно, потому, что ложки были сделаны из серебра, и хотя по функции они слишком утилитарны, по материалу относятся к драгоценностям²⁴⁹.

[А необычное что-то приносят?] Ложки, вон туда принесли. [А почему ложки?] Она пришла, плакала, сказала: для Божией Матери, но **ей нечего подать**. Можно я подам ложки? Батюшка по своей доброте сказал: можно. [И вы их выставили тоже?] Да. Это было, по моему, практически самый первый знак благодарности. Там что-то было, какие-то цепочки, и вот она пришла и ей так это помогала в суде там или где-то. И вообще ей нечего, теперь есть только ложки. **Ну они, мне кажется, серебряные**²⁵⁰.

О дарителях и их желаниях у нас есть косвенные свидетельства: какой предмет был оставлен; где его оставили; отдали ли его лично или подбросили в церковь и др. При этом вне контекста материальный объект не характеризует своего дарителя, потому что вещи, принесенные с разными целями, могут быть идентичны. Так, дары иконам иногда оказываются аналогичными «жертвам на храм». Например, во Владикавказе в храме пророка Илии у иконы Богородицы «Взыскание погибших» размещены дары-украшения. Но сюда же люди просовывают сквозь щели в киоте денежные купюры, которые в этом контексте играют роль вотива или регулярного дара иконе (см. Приложение, ил. 9). Во многих других российских храмах у икон оставляют монеты (см. Приложение, ил. 10). Иногда их даже размещают под стеклом как вотивные дары с благословения священника. И напротив – в некоторые ящики для денежных пожертвований верующие сегодня опускают не только монеты и банкноты, но и украшения из драгоценных металлов (целые или испорченные, «лом» для переплавки).

²⁴⁹ Возможно здесь также сыграла роль библейская история о лепте вдовицы, которая жертвует последнее, что у нее есть, и в такой жертве не может быть отказано. Однако в нарративе работницы лавки он не прозвучал.

²⁵⁰ ПМЦ. Ж., ок. 35 лет, продавщица церковной лавки храма Богоматери Знаменской, пгт. Ардатов, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.

Близкие по типу и материальным характеристикам «дары» могут оказываться в храме разными путями. Например, один крест передан в лавку как дар иконе, второй был найден на дороге и потому принесен в церковь, третий был брошен в ящик для пожертвования или оставлен в притворе в мешке вместе с другими ненужными церковными атрибутами. Эти три креста – предметы одного типа, но попадают они в храм благодаря различным *механизмам циркуляции* (см. ниже). *Дарение* вещи-ресурса отличается от *символического возвращения* ненужной вещи и *передачи* старой вещи на *утилизацию*.

Механизмы циркуляции: из мира в церковь. Механизмами циркуляции мы, вслед за П. Гири [Gears 2013], называем способы, какими вещи попадают в церковь, и пути, какими вещи церковь покидают. Мы выделяем три основных механизма, благодаря которым вещи оказываются в храме.

Первый механизм – *дар*. В конце XX в. храмы восстанавливались силами общины и личным вкладом каждого: трудовым и материальным. Когда приходская жизнь начала нормализовываться, возобновились и жертвы. Если в советский период массовыми были «тарелочные (или кружечные) сборы», то в постсоветское время помимо них стали устанавливать ящики для денежных пожертвований, а у распятия появился панихидный столик, где оставляют продукты на помин. Возобновились и другие традиционные дарообменные практики, например, изготовление для храма ктиторских икон с дарственными табличками. В 2010-х гг. начала активно развиваться возрожденная вотивная практика [Антонов 2020; Антонов, Завьялова 2023].

То, что сами верующие считают предметным даром, они стремятся принести в церковь открыто. Вотивные дары часто отдают лично настоятелю или передают работникам в свечную лавку, а когда жертвуют цветы – просят вазу и самостоятельно ставят букеты под образа. Другой «открытый» способ – оставить жертву в маркированном дарообменном месте: положить на панихидный столик в случае продуктов, опустить в ящик в случае денежных пожертвований и т.п.

Некоторые «дары» все же подсовывают и оставляют незаметным образом – у почитаемых икон, святых мощей. Так могут поступать с тем предметом, чья материальная, экономическая ценность не слишком велика, например, с церковными записками. Просительные и благодарственные записки не являются «жертвой» и даром в прямом смысле слова. Однако они встроены в систему реципрокных отношений с небесами, так как содержат просьбы к Богу и благодарности за обретенную помощь. Записки с благодарственными словами можно рассматривать как текстовый вотив [Антонов 2023: 20], типологически близкий к распространенным в Средние века и Новое время.

Записки с просьбами или словами благодарности трудно оценить как ценный ресурс; они скорее часть личного, интимного общения со святыми и иконами. В некоторых приходах

подсунутые под реликвии записки воспринимаются негативно, как «магизм» или «язычество», в других к ним относятся уважительно как к легитимной части молитвенной практики прихожан. Однако в некоторых церквях (к примеру, в московском храме на Болвановке [Антонов 2023: 20–21]) их накопление вокруг почитаемого предмета поощряют, так как они способны демонстрировать посетителям, что реликвия/икона чудотворна и помогает многим верующим. В таком случае записки становятся символическим капиталом церкви – желанной и важной для статуса прихода «жертвой».

Наряду с «одариванием» существует другой механизм. В его основе лежит представление о том, что Церковь – это символический «дом» для всех связанных с христианством предметов, а священник – их главный хозяин и распорядитель. Возвращение вещей в церковь верующие люди рассматривают как благочестивый способ избавления от культового объекта, поэтому эту практику можно назвать *символическим возвращением*. Этот механизм обычно действует в отношении вещей, в которых угадывают связь с православием. К таким предметам относится все, что содержит христианские изображения, символы, фрагменты священных текстов, а также такие объекты как лампы, восковые свечи и т.п. Так как современная индустрия постоянно и в большом объеме производит церковную продукцию, а современные верующие постоянно модернизируют свой быт, практика символического возвращения оказывается очень актуальной. Современный церковный принос испытывает сильное влияние этого непрерывного процесса циркуляции вещей постсоветского производства, связанных с православием.

Большинство символически возвращенных Церкви предметов в храме никак нельзя использовать: они предназначены для индивидуальной/домашней практики, т.е. к внутривановой жизни имеют мало отношения. В церквях, как правило, нет специальных помещений для хранения такого рода предметов, поэтому их стараются возвращать в обращение. Во многих российских приходах существует организованный обмен ими: установлены специальные столики или шкафы, часто с табличкой «Во славу Божию». Предполагается, что нуждающиеся в иконах или книгах люди могут взять необходимый предмет бесплатно (иногда – за пожертвование).

Еще один механизм, приводящий к формированию церковного приноса, связан с теми символически значимыми предметами (связанными с Церковью через освящение, апроприацию благодати или по принципу размещения на них определенных изображений и текстов), которые не просто не нужны владельцам, но уже непригодны к использованию. В храмы приносят вещи, явно не годящиеся к употреблению из-за их ветхости (руинированные писанные образа, печатные иконки с выцветшими ликами, поломанные распятия, разорванные книги, сгнившие киоты, разбитые стеклянные лампы и т.п.) или неактуальности (церковные календари за прошлый год, ценники и упаковки от православной продукции, пустые бутылочки от мира, еля или

лампадного масла и проч.). Это передача на *благочестивую утилизацию*. Считается, что именно Церковь должна заниматься утилизацией такого рода предметов, и именно там разбирающиеся люди должны ее осуществлять [Антонов, 2022]. Забота о правильном обращении даже с ветхими религиозными атрибутами считается одной из обязанностей христианина, и чаще всего ее осуществляют таким образом (хотя некоторые благочестиво утилизируют церковный мусор самостоятельно).

«Священный мусор» рассматривается дарителями как ценный главным образом в символическом смысле, поэтому его часто оставляют без непосредственного обращения к настоятелю или церковным работникам с просьбой принять их: либо в специально отведенном для этого месте (если оно организовано в храме), либо в условно подходящем локусе (у дверей, в притворе, у церковного гаража или склада). Из принесенных с такой мотивацией вещей, часто руинированных и ветхих, трудно, а порой и вовсе невозможно извлечь «ресурс», который можно перераспределить внутри общины и каким-то образом использовать. Поэтому к этой практике могут относиться с большой долей скептицизма или вовсе пытаться ее запретить.

Если устойчивой практики церковного приноса в храме не сложилось, то мешки со священным мусором все равно могут приносить, но в этом случае будут оставлять их анонимно, «подбрасывая» храму. Таким же образом верующие могут поступать, когда приносить предметы в церкви эксплицитно запрещено (к примеру, объявлением на двери: «Оставлять старые вещи не благословляется»). При этом подбрасывать могут и находящиеся в хорошей сохранности вещи, которые по разным причинам не нужны владельцу. Все «жертвы» из церковного приноса, не актуальные для прихода, могут либо на долгие годы оседать в (при)храмовых помещениях – хорах, колокольнях, складах, сараях, подвалах и т.д. – либо сразу подвергаться благочестивой утилизации.

Как мы уже говорили, цель дарителя часто не является ключевым фактором для оценки его приношения. Церковная цензура предполагает, что вещь должна быть оценена непосредственно церковными акторами, даже если для дарителя ее значимость не подлежит сомнению. Некоторые священники настаивают, что о любой когда-то принесенной в храм вещи даритель должен немедленно забыть – с такими предметами община может поступать так, как посчитает нужным. Поэтому с какими бы чувствами и желаниями жертвующий не отдал вещь – как дар «от всего сердца» или как «сброс» ненужного имущества, с которым предлагают разобраться другим людям, – ее статус после передачи в церковь меняется. В церкви дар/принос означивают, переопределяют и, исходя из нового статуса, пристраивают. Как будет оценена предметная жертва – вопрос, который решается для каждой отдельной вещи.

Вещи, которые прихожане отдают в церковный принос, могут уже не представлять важности ни для них самих, ни для церковных распорядителей. Однако на них вполне может найтись ценитель.

Из храма в мир: пользователи как новые владельцы. Рассмотрим тех участников циркуляции, которые разными путями и с разными целями присваивают себе вещи, оказавшиеся в храме. В результате действий этих акторов многие семиотически значимые предметы с неопределенным статусом выходят из ведения церкви и возвращаются в «мирское» пространство.

Прихожане и паломники. Церковные вещи зачастую имеют высокую ценность для верующих. Как уже говорилось, в актуальных православных представлениях не только реликвии, но и самые разные объекты, контактирующие с ними, находившиеся около них или просто в храме, наполняются благодатью и обретают значимость: «Можно приложить <предмет к мощам>, и это тоже примет святость»²⁵¹. Как и в прошлые века, предметы, которые контактируют с реликвиями или находятся рядом с ними, по распространенным представлениям, напитываются благодатью материнской святости и превращаются в брандеа.

Прихожане и паломники иногда забирают из храмов объекты, принявшие на себя силу святости: масло из лампад или огарки свечей, горевших у чтимых икон; цветы из флористических композиций, которыми украшают к праздникам иконы и кресты; веточки вербы и Троицкую зелень (траву, ветки и листья березы), находившиеся какое-то время в храме [Антонов 2022б: 34; Антонов 2022в: 23] и др. Через присвоение предмета человек присваивает и благодать, которая накопилась в этих вещах, и может ее использовать. Дома предметы-брандеа используют в целительных практиках (заваривают чай, кладут под подушку, прикладывают к больным местам и т.д.) или просто ставят к другим домашним реликвиям в красный угол. Для паломников оказываются ценными предметы, которые они могут забрать с собой при посещении особенно значимых святых мест. Такие евлогии покупают, получают в дар или берут самостоятельно – как в случае с камнями, землей со святых мест²⁵² и проч. А затем привозят в местные приходы или оставляют на память у себя. Крупные паломнические центры – церкви и монастыри – могут использовать в качестве евлогий вещи, которые им не нужны, но еще могут служить для обмена (см. об этом в разделе 3.1.4, 3.2). Так происходит *дистрибуция святости* – через некоторые вещи из церковного приноса, которые покидают церковь и отправляются в частные пространства (квартиры, дачи, машины) верующих.

²⁵¹ ПМЦ. Ж., ок. 65 лет, работница Храма Всех Святых на Кулишках, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁵² См. об этом, например: [Доронин, Завьялова 2022; Доронин, Завьялова 2022а].

Торговцы. Иногда, для решения финансовых проблем прихода, священники устанавливают связи с антикварами, торговцами, чтобы реализовывать какие-то драгоценные вещи, например, дары-украшения или ненужные им исторические артефакты.

Заинтересованные в экономической выгоде агенты часто сами ищут церковные артефакты, чтобы получить их и перепродать. Антиквары входят в отношения с настоятелями и церковными работниками, чтобы забирать из приноса вещи, которые оказались ненужными в церкви. Доверие здесь играет важную роль. Если священники не разбираются в искусстве, истории и в предметах старины, они, как правило, «подозревают обман и стремятся не подпускать приезжих даже к тем вещам, которые воспринимают как дешевые и ненужные» [Антонов, Завьялова 2024: 146].

Торговцы – носители «антикварной» семиотической идеологии – руководствуются своими правилами оценки и своим режимом ценности. Они могут наделять вещи новыми значениями и по-своему оценивать их монетизируемость. Антикваров нередко привлекают те предметы, которые церковные модераторы не считают ценными и ресурсными. В результате часть предметов из церковного приноса, покидая приходы, оказывается в сфере торговли.

Расхитители. Иногда «охотники за стариной» действуют криминальными методами.

После открытия храмов в 1990-е гг., они стали привлекать внимание разных криминализованных лиц как места, наполненные экономически ценными предметами. О случаях воровства часто рассказывают работники храмов по всей России. Храм могут грабить профессионально, в том числе действуя по заказу криминальных «антикваров», или ситуативно: «Просто алкоголики, наркоманы могут украсть»²⁵³.

«Непрофессиональных» воров интересуют не столько иконы, сколько подвешенные к ним votivные дары – вещи, чья ценность и способность товаризоваться не подлежит сомнению. Нередко после такого инцидента, или услышав об ограблении какой-то церкви в своем городе, настоятели близлежащих храмов распоряжаются снимать с образов украшения, чтобы не спровоцировать воровство в своем приходе – даже если храм охраняется и оборудован сигнализацией.

[И с тех пор никто ничего не дарил иконе?] Очень много было золото. Убрали. [Вы не вывешиваете?] Нет, потому что **решили убрать**, потому что у нас много ходят всякие такие, которые могут, ну, разбить, забрать икону. Много уже у нас в храмах так было... Всё, вот на этих чудотворных иконах **золото нужно от соблазна таких людей убирать**²⁵⁴.

²⁵³ ПМЦ. М., 1948 г.р., настоятель церкви Преображения Господня, с. Вельяминово, Московская обл. Зап. в 2021 г.

²⁵⁴ ПМЦ. Ж., 1951 г.р., работница церкви Святой Животворящей Троицы, с. Троицкая Слобода, Переславский р-н, Ярославская обл. Зап. в 2022 г.

Вещи, покинувшие храм таким образом, оказываются на черном рынке или в частных коллекциях.

Ученые. Среди «собирателей» церковных предметов и модераторов оказываются и ученые. Их деятельность обычно осложнена статусом «незнакомцев», «чужаков», «приезжих». Многие этнографы и фольклористы в своих работах²⁵⁵ отмечают, что для носителей традиции деятельность ученых часто идентифицируется не как научная работа, а как «гастролирование фольклорного ансамбля», административная деятельность, «вынюхивание», чем поживиться, или даже шпионаж [Мороз 2008: 32]. Срабатывают стереотипные модели восприятия: ученого «вписывают» в известные в культуре паттерны. В итоге довольно типичная ситуация, когда «при работе в деревне... собиратель... воспринимается как... скупщик старины ("Вы старые монеты/вещи/иконы принимаете" – нередко приходится слышать на улице), а то, еще хуже, как ее любитель, высматривающий, где что плохо лежит» [Мороз 2008: 32]. В случае с исследователями культуры, как отмечал А.А. Панченко, речь идет скорее «об узурпации символических ценностей», чем о «захвате естественных ресурсов или продуктов труда» [Панченко 2001: 9]. Однако если разговор заходит об иконах или других материальных объектах, убедить собеседника, что ты ученый, а не мошенник, оказывается актуальной проблемой.

Однако, когда сомнения рассеяны, настоятели часто отдают исследователям вещи, которые их интересуют, если эти предметы не слишком нужны приходу. К таким вещам относятся, например, старые иконы, в том числе фолешные, дореволюционные и советские. Сотрудникам УНЦ ВИСиНВ удалось собрать обширную коллекцию этих артефактов, потому что чаще всего они оказывались ненужным балластом для настоятелей храмов. Их непросто хранить и непросто утилизировать (комплексные объекты с несгорающими компонентами требуют целой серии процедур по ритуализованному уничтожению [Антонов, Доронин 2022а]). При этом финансового ресурса из фольговых икон, особенно советских, почти не извлечь – антикварные магазины их, как правило, не принимают.

[Старые, разваливающиеся иконы оставшиеся и прочее – сжигают?] Да, да. [Вот мы хотим попросить, чтобы не сжигали, а нам присылали, хотя бы фотографии, чтобы память сохранить] Нам... на днях, вот вчера сказали, что принесут икону старую большую... Серафима Саровского. А нам уже некуда вешать, так что мы вам можем даже **задарить**...²⁵⁶

²⁵⁵ См., например: [Панченко 2001; Мороз 2008; Щепанская 2003 и др.].

²⁵⁶ ПМЦ. Ж., 1955 г.р., заведует часовней, пос. Октябрьский, Вязниковский р-н, Владимирская обл. Зап. в 2023 г.

Иногда в качестве условия для такой передачи вещей выступает обещание не использовать их неблагочестивыми способами или для обогащения. Это может проговариваться, но чаще всего подразумевается уже до дарения (к примеру, проговаривается самими исследователями как осознаваемая и принимаемая ими установка).

Некоторые краеведы и коллекционеры старины обращаются в храмы, чтобы пополнить свои коллекции интересующими их предметами. В «запасах» некоторых храмов можно встретить обширные залежи некоторых вещей, представляющих интерес для историков, фольклористов, искусствоведов: старые церковные книги, писанные иконы (обычно – в плохом состоянии), иконки хромолитографической печати XIX в., фолешные иконы-киотки разных лет; тетрадки с рукописными молитвами, распространенные в советских селах и др. Все эти предметы когда-то дарители оставили в церковном приносе. Покидая храмы благодаря такому механизму циркуляции, эти вещи оказываются в музеях, университетах, частных собраниях, на выставках, в архивах и т.п.

Обращение символически значимых предметов из современного церковного приноса связывает дарителей, священников, церковных работников, прихожан и паломников, ученых, антикваров – и порой расхитителей – в сети отношений. Циркуляция, в которую вовлечены человеческие акторы и символически значимые предметы, представляет собой цепочки транзакций, в которых вещь меняет владельца на церковного распорядителя, а после – возможно – на нового владельца.

Теперь мы можем обозначить современные механизмы циркуляции, посредством которых символически значимые предметы покидают православные приходы, принимая во внимание мотивации церковных модераторов и пользователей, которые обмениваются ими. Вещи выводятся из обращения внутри храмов путем *дара* (адресного пожертвования), *продажи*, *свободной раздачи* (прихожанам и паломникам, в том числе в качестве евлогий или брандеа) и *воровства*, а также ритуализованной *утилизации*. Свою роль играет и механизм *обмена* значимыми предметами среди прихожан, в котором церковь выступает как необходимый посредник.

* * *

Итак, церковная цензура фильтрует материальные приношения верующих. Ключевой вопрос, возникающий при анализе церковного приноса, – как люди понимают, что следует, а что не следует оставлять в церкви? Как осуществляется обмен этой информацией между прихожанами и церковными модераторами? Ответы на эти вопросы показывают, что представления о «правильном» даре не являются чем-то заранее заданным и вытекающим из христианской этики обмена – они в значительной степени конструируются благодаря практикам

церковных акторов. Абстрактное желание отдать что-либо в храм «во имя Господа» приобретает очень конкретные формы именно в коммуникации с церковной инфраструктурой.

Устройство системы приноса в каждом конкретном приходе зависит от того, как значимость этой практики позиционируют приходские акторы – в первую очередь, настоятель. Посредством устной (в проповедях, в личных беседах) и письменной (в объявлениях на стенах храма) коммуникации церковь рассказывает верующим, что востребовано, что нужно приносить, а какими вещами храм не занимается и приносить их сюда не следует. Об этом же «говорят» посетителям храма вещи, которые уже заняли свое место там: votivные дары и цветы у икон; сундучки для записок святым; столы для обмена ненужными церковными атрибутами и т.д. Вербализация критериев «достойного» и «недостойного» дара и их вещественные проявления-аффордансы напрямую влияют на мотивацию прихожан и определяют, какие типы предметов они жертвуют.

Наиболее наглядным примером такого конструирования мотиваций верующих являются, пожалуй, ящики для пожертвований. Довольно часто в храмах можно увидеть несколько ящиков-жертвенников, каждый из которых снабжен уведомлением о конкретной «нужде»: «На написание иконы», «На благоукрашение храма цветами», «На создание и благоукрашение новых ковчегов для мощей», «На общую свечу», «На ремонт крыши», «На содержание воскресной школы», «На оплату коммунальных услуг» и т.д. (с февраля 2022 г. добавились ящики «Сбор пожертвований воинам, находящимся в зоне боевых действий») (см. Приложение, илл. 11–15, 17–18). Как поясняет церковная работница:

...какая жертва нужна храму, такая там и написана. Есть на общую свечу, есть, вот, собирают, Владыка, мощевичок шас сделать, туда собирают, это отдельно. Всё-всё разное, что какие **требы нужны, какая потребность нужна, то и пишут.** То есть, а вы потом уже **выбираете, куда вам положить**²⁵⁷.

Дифференцируя подобным образом «нужды храма», настоятели решают две задачи: во-первых, они мотивируют прихожан на жертвование вообще, во-вторых, указывают конкретные направления, позволяющие закрывать лакуны в церковной экономике.

Важно подчеркнуть, что процесс конструирования практик церковного приноса (в каждой его вариации) оказывается двусторонним. Желания и практики прихожан могут влиять на то, что настоятель легализует те или иные формы приношений (к примеру, подсовывание записок под иконы или размещение в киоте иконы денег, как в описанных выше примерах). Актуальные для

²⁵⁷ ПМА. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при Благовещенском кафедральном соборе, г. Воронеж. Зап. 04.04.2025 г.

дарителей действия – например, желание пожертвовать старые иконы, «вернуть» их храму, чтобы ими распорядились церковные модераторы – могут привести к тому, что в церкви появится специальный локус (стол, ящик, полка) для определенного типа предметов, а также человек, которого благословят быть ответственным за этот локус и тип предметов. Этот человек выстроит цепочку оценок и действий, наладит циркуляцию этих предметов в самом храме, определит пространства и практики, в которые эти объекты будут встраиваться. В ответ на новые типы вещей, оказавшиеся в храме, может формироваться конкретный блок церковной инфраструктуры. И напротив, практики, оцениваемые негативно, приводят к ужесточению цензуры: появляются запретительные надписи, устные инструкции, а нежелательные приношения удаляются из храма.

Такая «настройка» происходит далеко не всегда. Актуальная для дарителя «жертва» не всегда актуальна для храма. В некоторых (редких) случаях церковная инфраструктура может вообще не откликнуться на жертвы дарителей, и система организованного/модерируемого приноса вовсе не сложится. Пример – ситуация в одном из приходов, где отсутствует какая-либо организация работы с приносом:

Почему в <название села> стихийные приносы? Там просто **не удастся вообще ничего отрегулировать**. <...> там есть какая-то женщина, которая в лавке. <...> она типа староста. Но она ваще не контролирует процесс. Принос, унос. <...> И завхоз занимается чисто сельским хозяйством, животноводством. И там просто <...> **стихия какая-то**. Да? <...> Подошёл тут сосед. И он спрашивает, а куда можно икону принести? – «Ну как куда? Вот в храм». – «А нет, – говорит, – вот здесь у нас такого типа нет» <...> почему? Потому что староста и завхоз вообще этой теме никакого внимания не уделяют. И вряд ли когда-то будут уделять. <...> **Иногда под дверь подбрасывают <вещи>** <...> приходишь: о, бац, пакет в коридоре стоит. Чё за пакет? <...> Я об него споткнулся²⁵⁸.

Этот фрагмент показывает, что отсутствие инфраструктурных настроек – назначенных ответственных работников, определенных локусов, отлаженных практик – приводит к тому, что принос либо не формируется вовсе, либо существует в виде анонимных мешков, создающих дополнительную проблему для церковных работников.

Во всех храмах «тонкие настройки» инфраструктуры отличаются. Одни церкви сами создают условия для того, чтобы в них попадали конкретные вещи и не попадали остальные. Другие ориентируются на просьбы верующих и их желания принести что-то в дар. Важную роль

²⁵⁸ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

в этом зачастую играют локусы, отведенные в (при)храмовом пространстве под вещи из приноса, и сопровождающие их надписи. Они не просто выстраивают инфраструктуру приноса, но уже «на входе» в церковь определяют ее нормы и правила, манифестируют допустимые и недопустимые практики. А в дальнейшем определяют различные способы применения вещей, зачастую идентичных (см. Приложение, илл. 26–30, 32–33).

В акте жертвования происходит взаимное конструирование ценности предметов через договор об этой ценности. Церковная инфраструктура реагирует на жертву дарителя, а даритель подстраивается под нормализованные в церкви способы жертвования. Вернакулярные вариации церковной цензуры зависят как от прихожан, так и от церковных акторов. В комбинации действий одних и усилий других рождаются и переструктурируются практики и способы оценки вещей. Пользователи также вовлечены в этот процесс, и система церковной цензуры может динамически изменяться – в соответствии с их ожиданиями и даже просто под влиянием их появления в приходе. В этом выражается взаимность церковного обмена, лежащая в основе феномена церковного приноса.

* * *

Во второй главе мы рассмотрели православный храм как место, где происходит (пере)определение статуса религиозно значимых вещей, и показали, что этот процесс осуществляется через систему вернакулярных фильтров («церковную цензуру»), которая формируется в каждом конкретном приходе под влиянием институциональных условий и повседневных практик общины.

Анализ показал, что каждый приход представляет собой не просто религиозную общину, существующую в рамках конкретного храма, но сложную социальную и инфраструктурную сборку, в которой пересекаются различные типы акторов, формируются разные формы участия и выстраиваются разнообразные практики взаимодействия с материальными объектами. Соответственно, мы выявили типологическое разнообразие церковных инфраструктур. Кафедральные соборы, монастыри, городские и пригородные храмы, сельские церкви в современной России отличаются не только локализацией и типом строений – они представляют собой разные инфраструктурные сборки.

Мы установили, что социальная структура прихода носит размытый и динамичный характер. Наряду с причтом и «ядром» воцерковленных мирян, в приходскую жизнь активно вовлечены другие участники – «захожане», паломники, туристы и другие окказиональные посетители. Несмотря на разный уровень вовлеченности, все эти группы участвуют в процессах обмена, в том числе через практику церковного приноса, тем самым оказывая влияние на формирование материальной среды прихода.

Ключевую роль в определении статуса и дальнейшей судьбы вещей играют церковные модераторы – прежде всего настоятели и работники храмов. Именно они осуществляют оценку приносимых предметов, принимают решения о том, нужно ли их использовать, распределять, продавать или утилизировать и каким образом это следует делать. И если вещь была отдана в храм, то после акта передачи именно Церковь оказывается инстанцией, фильтрующей поток предметов, регулирующей их дальнейшее обращение и наделяющей их новыми значениями. Для осмысления этих процессов вне бинарной оппозиции «официального» и «народного» православия мы предложили понятие церковной цензуры. Эта система вернакулярных фильтров, варьирующаяся от прихода к приходу, формирует локальные правила обращения с предметами, определяя «правильные» дары и отбраковывая «неправильные».

Анализ механизмов циркуляции показал, что символически значимые вещи попадают в храм различными способами, среди которых ключевыми являются дарение, символическое возвращение и передача на утилизацию. Эти механизмы связаны с предметами, различными по физическим характеристикам и ценности. В результате в церковной среде сосуществуют вещи, ценные в соответствии с различными семиотическими идеологиями (значимые с исторической, экономической, сентиментальной, эстетической, утилитарной точек зрения; как носители благодати, как жертва Богу и т.д.).

Особое внимание было уделено этике православного обмена, в рамках которой дар трактуется как акт, направленный прежде всего на установление отношений между человеком и Богом. Существуют представления о «правильном» даре – его бескорыстии, жертвенности и анонимности, однако они не задают однозначных критериев оценки конкретных приношений. На практике эти параметры оценивания конкретизируются и варьируются в зависимости от локальных условий и интерпретаций церковных акторов.

Вместе с тем процессы циркуляции не ограничиваются перемещением вещей «из мира в храм». Вещи с неопределенным семиотическим статусом оказываются медиаторами отношений между различными акторами социального поля, которые взаимодействуют друг с другом в рамках одного прихода. Некоторая часть предметов вновь покидает церковное пространство, переходя к новым владельцам – пользователям: прихожанам, паломникам, торговцам, исследователям и другим акторам. В ходе этих перемещений вещи включаются в новые режимы ценности, утрачивая или, напротив, вновь приобретая значимость.

Кроме того, мы показали, что практики приноса и использования вещей в приходской жизни формируются в результате двусторонних взаимодействий – между дарителями и церковными модераторами, между разными модераторами, а также между модераторами и различными пользователями. С одной стороны, церковь посредством проповедей, объявлений, а также через организацию пространства задает рамки допустимого и желательного поведения. С

другой – дарители и пользователи своими действиями и ожиданиями влияют на трансформацию этих рамок, инициируя появление новых предметов, локусов для них, культурных практик и форм обращения с предметами (или же новых запретов и предписаний от модераторов). Поэтому церковная цензура предстает не как однажды запущенный механизм, а как динамичная система, которая формируется в конкретных приходских контекстах, отражая как институциональные условия и установки, так и инициативы дарителей и пользователей.

В следующей главе мы рассмотрим, как на практике происходит определение статуса и ценности символически значимых предметов, а также то, какие стратегии взаимодействия с ними выстраивают конкретные православные приходы.

ГЛАВА 3. ВЕЩИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ПРИХОДОВ

В этой главе мы переходим непосредственно к рассмотрению практик, в которые вовлекаются votivные дары, цветы, записки святым, «возвращенные» Церкви религиозные атрибуты и «священный мусор». Если вторая глава отвечала на вопрос «что влияет на судьбу вещей в церкви?», то в третьей главе мы обращаемся к вопросу «как именно эта судьба складывается?». В фокусе внимания – действия церковных модераторов по фильтрации, сортировке, хранению, демонстрации, распределению и утилизации предметов, а также инфраструктурные решения, которыми эти практики обеспечиваются: размещение в храме киотов, ваз, ящиков, столов; создание на прилегающей территории печей, складов и т.д. Мы рассмотрим различные стратегии обращения с вещами и то, как общие принципы церковной цензуры преломляются в конкретных приходских инфраструктурах, а символически значимые предметы становятся не просто объектами, но мотивами возникновения некоторых приходских практик.

В заключение мы детально проанализируем два отдельно взятых кейса – кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде и церковь Воскресения Христова в Воронеже. Выработанная нами методология будет применена к анализу этих храмов, очень разных и очень показательных в плане тех стратегий, которые реализуются и доминируют в каждом из них.

3.1. Символически значимые предметы с неопределенным статусом в инфраструктуре православных храмов

Среди всего многообразия символически значимых предметов с неопределенным статусом существует категория вещей, чья ценность, по крайней мере экономическая, – наименее проблемный вопрос для церковной цензуры. Речь идет о ювелирных украшениях, которые используют как votivные дары, принося их в благодарность за полученную божественную помощь. В отличие от записок, чья легитимность часто ставится под сомнение, или от ветхих церковных атрибутов, воспринимаемых как обуза, такие votivные «привесы» почти всегда оцениваются положительно: они драгоценны материально, могут наглядно выражать благодарность верующих, служат свидетельством чудотворности образа. Именно с них мы начнем наш анализ.

3.1.1. Вотивные дары

Вотивная традиция в последние десятилетия переживает в России бурное возрождение. Одаривание храмовых икон быстро возобновилось после открытия храмов в 1990-е годы, а в 2010-х приняло массовый характер [Антонов 2023а: 14–15]. Сегодня вотивные привесы можно увидеть во многих городских церквях, появляются они и в сельских храмах. За редким исключением эта традиция получает одобрение со стороны настоятелей и архиереев, а иногда даже иницируется ими. В собранных нарративах не раз упоминалось, что первыми подвешенными к иконе дарами были священнический крест или епископская панагия. Судить о мотивации настоятелей, разместивших свои атрибуты у икон, можно только по нескольким свидетельствам. В Борисоглебском храме в Боровске (Калужская обл.) священник разместил кресты у каждой новонаписанной в едином стиле иконы, помещенной в стандартизированный новый киот. Как уже говорилось, это было частью продуманного визуального оформления храмового пространства – и, отчасти, «приглашением» для прихожан одаривать иконы [Антонов 2020: 104]. В Знаменском храме Ардатова (Нижегородская обл.) и в московском Никольском храме в Отрадном нам рассказали о том, что священники повесили кресты из личного благочестия и в благодарность за чудесную помощь. После священнического креста дары стали регулярно приносить прихожане.

[Вы помните, когда начали приносить первые дары иконам?] <...> Вот эту икону [Спиридона Тримифунтского. – А.З.] при мне повесили. [Быстро её начали одаривать?] Ну вот **батюшка повесил**, самый младший батюшка повесил эти кресты [большие священнические кресты. – А.З.], **и все сразу стали быстро обвешивать**. <...> повесил эти кресты сюда, говорит, ну, он его очень почитает, Спиридона. Ну и повесил. И что у него был какой-то знак благодарности, что он подходил к нему, молился, акафист читал, помню²⁵⁹.

[...сказали, что дар от епископа] Да. Это называется панагия. Вот у священников, да, у них есть наперсный крест. <...> А архиереи – епископы, у них есть крест и есть иконка овальная. Она называется панагия. <...> [Зачем её к иконе повесили?] <...> Это больше как знак, как бы знак такой вот признательности, так скажем. Потому что он же не золотой на самом деле <...> Просто он вообще не драгоценный ни разу²⁶⁰.

²⁵⁹ ПМЦ. Ж., ок. 35, продавщица церковной лавки храма Богородицы Знаменской, пгт. Ардатов, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.

²⁶⁰ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

Однако какой бы ни была прагматика священников, дары, размещенные у иконы, часто воспринимаются православными людьми как манифестация ее чудотворности, «силы» и намоленности: «Смотришь и удивляешься, скольких человек исцелила икона, скольким помогла»²⁶¹. Эти воплощенные доказательства чудес зачастую оказываются ценным символическим капиталом для современных приходов, поэтому стремление размещать их у икон неудивительно.

Вотивные украшения – это ценный символический капитал для многих храмов и монастырей. Можно сказать, что наличие даров как визуального знака, хорошо считываемого посетителями церкви, провоцирует дальнейшие цепочки дарообмена и притяжение все новых привесов. Традиция, таким образом, сама себя постоянно воспроизводит и распространяет. В те храмы, где даров не было ранее, их приносят потому, что видели такую практику в другом месте. Вместе с инициальным даром в церкви может закрепиться новая практика.

Тенденция к накоплению и демонстрации вотивных даров стала массовой и заметной в России с 2010-х гг. [Антонов 2023г: 97–98]. Однако через некоторое время, после бурного развития практики, в некоторых приходах пошел обратный процесс: вотивы начали убирать по распоряжению настоятелей. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, некоторые священники усмотрели в такой практике «язычество», «суеверие», архаическую традицию, отвлекающую людей от молитвы и неверно «материализующую» отношение с Господом. Во-вторых, драгоценные привесы стали привлекать внимание воров. После кражи, случившейся в их или соседнем храме, некоторые настоятели распоряжались больше не вывешивать дары. А в некоторых регионах после серии краж такое распоряжение поступало сверху – от епархии²⁶².

В храмах, где практика вывешивать дары к иконам закрепились, можно наблюдать следующий комплекс действий, в которые вовлекаются эти символически значимые вещи.

Во-первых, церковная цензура при приеме украшений работает на фильтрацию «достойных» и «неправильных» даров. Правила цензурирования складываются по-своему в каждом храме, но можно обозначить несколько распространенных критериев. Разрешено приносить в качестве дара нательные украшения (в том числе часы) из золота и серебра, с драгоценными или полудрагоценными камнями (бижутерию обычно не принимают), «снятые с себя» (то есть личные и носившиеся) или новые, например, купленные в местной церковной лавке. Ювелирные украшения не должны содержать нехристианские символы (например, знаки

²⁶¹ Лавданский, А. Зачем на иконы вешают ювелирные украшения? // Православный журнал «Фома». 31.03.2016. URL: <https://foma.ru/zachem-na-ikonyi-veshayut-yuvelirnyie-ukrasheniya.html> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁶² В Воронеже в 2025 г., по словам наших респондентов, вышло официальное распоряжение от Воронежской и Борисоглебской епархии убрать все вотивные дары с икон в связи с участвовавшими случаями краж.

зодиака). Иногда упоминают эмоциональную составляющую дара – предмет должно быть жалко отдавать, его нужно «отрывать от сердца» (что согласуется с описанной выше этикой христианского жертвования). «Чистота помысла» дарителя при этом тоже может приниматься во внимание, особенно если настоятель лично общается с жертвователем.

[Что нельзя вешать?] На иконы? [Да. Какие украшения?] Ну, нехорошие, неправославные. Скажем так. Вот. [То есть, какой-нибудь знак зодиака?] <...> Знак зодиака точно нельзя. Какие-нибудь побрякушки всякие там... Нехорошие, неправославные. [Бижутерию, наверное, нельзя?] Ну, наверное. [А если она выглядит как <настоящее> и от сердца?] Надо смотреть визуально, что это будет. <...> [То есть, если выглядит прилично, можно повесить?] Не, ну **там должен быть ещё какой-то смысл духовный. Если будет что-то нехорошее на примете, что-то такое...** [не повесим. – А.З.]²⁶³.

Отдают принесенное в дар обычно работницам церковных лавок или другим людям, находящимся в храме постоянно (завхозу, ответственному за порядок в храме человеку, дежурному священнику и т.п.) и просят повесить к конкретной иконе.

Обычно передача и прием драгоценностей не требуют никаких официальных заявлений, действий, расписок или документов. Дарителя редко просят специально рассказать о чуде или написать о нем, чтобы удостовериться в правильной мотивации его жертвы или доказать, что он получил помощь по молитве. Дары просто принимают, обещают передать просьбу настоятелю и поступить с украшением по его распоряжению. Но в некоторых (редких) приходах жертвователя обязывают аргументировать свое желание принести дар – просят подтвердить чудо, из-за которого он решил сделать приношение. Самый яркий пример такой цензуры – Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря: здесь отдать украшения к иконе Богородицы «Всецарица» в благодарность за излечение от раковой болезни можно только вместе с официальной больничной справкой о выздоровлении. Без этого удостоверяющего документа украшение примут, но не повесят к образу. Работница собора, с которой мне удалось побеседовать, объяснила, что такое правило нужно, чтобы не возникало конфликтов на почве сомнений в произошедшем чуде и в честности монастыря.

Здесь не принимают и золото, и серебро, и всё что угодно, если <...> не будет медицинских показаний. [Даже так?] Да <...> её лечили, такое-то было состояние, всё, она приехала сюда, помолилась, почитала дома <...> И исцелилась <...> собирается благодарить. И вот к благодарности прикладывается эта справка с больницы. Что это действительно так. Тогда

²⁶³ ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, настоятель Преображенской церкви, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.

только, это, её <дар> вывешивают сюда. А если кто-то хотiт просто дать что-то... [Не возьмут?] Нет, они возьмут <...> но это пойдёт на переплавку. [То есть не повесят в таком случае?] Не повесят, да. [Зачем справка нужна?] Ну, потому что шас вот будут нести – это будет неправда и ещё что-то. Что действительно монастырь не врёт. <...> Что подтверждено медицинскими показаниями. <...> Что это не просто вот так вот: я захотел повесить – я повешу. <...> Там же мы не знаем, исцелились мы, не исцелились. <...> И врачи ли помогли или Бог помог. А здесь – ну, врачи всё уже, отказались с этой онкологией. <...> Бог исцеляет самых безнадежных²⁶⁴.

С вотивными привесами связано еще одно правило церковной цензуры, которое, по нашим наблюдениям, оказывается актуальным для церковной цензуры многих храмов: дары святым и Богу можно приносить только в благодарность за помощь, но никак не «до» этой помощи, надеясь на нее. То есть, согласно современной этике, вотивный дар может быть принесен только постфактум. О «даре ради помощи» часто говорят как о недопустимом «подношении», суеверии, магизме или как о попытке подкупить святого. В некоторых храмах такую рекомендацию могут озвучивать дарителям, разъясняя «что примут от них вещь только в случае, если ее приносят не “заранее”, а в благодарность» [Антонов 2023а: 24].

[Если одаривать икону, то это нужно сдавать вам, с запиской?] Да, но вы понимаете, в чем дело. Если у вас действительно он вам помог в чем-то, а **просто так завешивать <...> серебряными вещами – это считается как ничто. Не нужно этого делать. Он не нуждается в прощении.** А когда это в благодарность приносится – всё-таки это немножко по-другому уже. [Бывает, люди одаривают, чтобы потом помощь получить] Нет, не надо. Вот этого не надо. **Святые взятков не берут.** <...> [Вы не принимаете, если заранее кто-то приносит?] Нет, если заранее – нет. Так и говорим, что святые взятков не берут. Вот если поможет – другое дело, а если Господь не захочет вам в этом деле помочь, бывает же так часто, правильно? А вот, «я принес, а он мне не помог» – это чё?²⁶⁵.

[Как лучше дарить: с благодарностью за то, что случилось чудо, или с просьбой, чтобы случилось?] Не, ну **чуда просить это вообще уже нехорошо.** Обычно человек просит, чтобы, что-то там просит, когда какая-то беда у человека или ещё что-то, мало ли что, и когда получает – в благодарность несёт. А **чуда <ждать> – это уже само по себе ненормально,** понимаете? <...> Или, допустим, человек говорит, вот что-то у меня

²⁶⁴ ПМА. Ж., ок. 65 лет, работница при Спасо-Преображенском соборе Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря, пос. Валаам Сортавальский гор. окр., респ. Карелия. Зап. в 2022 г.

²⁶⁵ ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки храма Святителя Николая Чудотворца в Подкопаях, г. Москва. Зап. в 2021 г.

получилось, а я вот – сделаю. И раз, получилось у него какое-то дело. И он в знак благодарности несёт, он желает, **он думает, помощь ему пришла, и он вешает**²⁶⁶.

Вокруг вотивных даров складывается порой обширный комплекс правил церковной цензуры, потому что на материальном уровне они представляют собой ценные объекты. Передать их церковным модераторам – значит вступить с ними в экономические отношения. Так как вокруг церковной экономики существует множество общественных ожиданий, дарители иногда настроены прагматично: они не хотят, чтобы их личный дар был недостойным образом (коммерчески) реализован, перепродан, распределен на нужды прихода или использован в личных интересах настоятеля. Нам рассказывали о случаях, когда жертвователь приходил в церковь с намерением проверить, висит ли его вотив у иконы, и расспрашивал о его судьбе работников. В разговоре о таких ситуациях информанты озвучивали еще одно существенное цензурное правило, которое согласуется с христианской этикой дарения: принесенная в храм жертва должна быть немедленно забыта.

[Не бывает такого, что потом приходят и спрашивают – а где моя сережка, а что вы с ней сделали?] Нет. А! Это, нет, пожалуй, как-то одни дали <...> И потом приходили и говорили: «А где?» – у нас батюшке. <...> «А вам надо назад?». «Нет, нет!». «А чего тогда? Забирайте, ну, назад». Ну странные люди, да. А чё вот это вот, это чё? Нет, ты даёшь дар – всё, забудь! Вот, видите, как мы, какие мы²⁶⁷.

Пример довольно строгой церковной цензуры в отношении вотивов – Казанский собор в Санкт-Петербурге. Здесь дары концентрируются на чудотворной Казанской иконе Богоматери – ключевой святыни собора (и одной из важнейших для города)²⁶⁸. Процедура передачи даров строго формализована: для совершения такого акта требуется подача заздравной записки для поминовения жертвователя, которая играет роль своеобразного «заявления», запроса на принесение дара. Такая административно оформленная процедура создает бюрократический барьер, ограничивающий поток даров. Решение о размещении конкретных украшений у образа

²⁶⁶ ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, настоятель Преображенской церкви, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.

²⁶⁷ ПМЦ. Ж., 1951 г.р., работница церкви Святой Животворящей Троицы, с. Троицкая Слобода, Переславский р-н, Ярославская обл. Зап. в 2022 г.

²⁶⁸ [Казанская, получается – главная святыня храма...?] Это не то что главная святыня храма, это, можно сказать, главная святыня города. Она и вот рака с мощами Александра Невского, которая в лавре находится. Это главные святыни нашего города вообще. [ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.].

принимается в индивидуальном порядке. Это трансформирует личный благочестивый жест в институционально одобренный и контролируемый акт.

Ну вот вы подходили к Казанской Божией... Видели? Там и серьги, и колечки – кто что. Это тоже индивидуально надо говорить. [Что с этими украшениями делают?] Уже **они решают сами**. <...> Могут повесить, а могут и оклад. <...> **Переплавить**²⁶⁹.

Кроме того, в отношении votivных привесов сложилась специализация ответственности – разные акторы отвечают за разные этапы осуществления практики. Принимает дары и курирует практику «консультант по религиозным вопросам». Контролирует размещение украшений одно из ключевых лиц в иерархии храма – староста, назначенный лично митрополитом ответственным за «всё в соборе». Подвешивание новых даров происходит не каждый год, но в уставленные даты – к праздникам Казанской иконы (4 ноября и 21 июля).

Иногда контроль за приемом даров и их «правильностью» в церкви минимален, цель дарителя не играет существенной роли, и любое принесенное (драгоценное) украшение попадает в храмовую казну: «А **бывает, просто так оставляют**. Бывает кто-то человек умер, приходят, говорят: “Вот у **меня умер человек, а я не хочу, чтобы у меня дома было, даже золото не хочу**”. Вот, бывает и такое²⁷⁰. Несколько раз в полевой практике нам встречался нарратив о том, что женщины приносили обручальные кольца к иконам после развода с супругом, не желая оставлять их у себя. Но будет ли вывешен дар, принесенный с такой мотивацией, к какой-либо из храмовых икон – вопрос, который может по-разному решаться от прихода к приходу. Где-то его действительно могут присоединить к комплексу других украшений, уже висящих на иконе, где-то – реализовать на храмовые нужды (об этом ниже).

Церковные работники не занимаются размещением даров регулярно – это особенно касается паломнических центров и других храмов с большим потоком посетителей. В каждой церкви стараются установить определенные даты, когда ответственный за практику человек будет вскрывать икону и развешивать на ней новые дары. Это происходит обычно перед крупными церковными праздниками (Пасхой, Рождеством) или перед праздником в честь соответствующей иконы. Так, в Казанском кафедральном соборе в Санкт-Петербурге пополнение иконы дарами происходит каждый год либо 21 июля, либо 4 ноября – «на Казанскую». То есть какое-то время церковные работники собирают, накапливают и хранят принесенные прихожанами украшения. Обычно говорят, что они хранятся в сейфе, обычно – с

²⁶⁹ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

²⁷⁰ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

подписями, к какой иконе что нужно повесить. В кафедральном соборе в честь Александра Невского в Нижнем Новгороде ризничная, которую настоятель попросил следить за вотивной практикой, рассказала, что к крупным иконам, к которым затруднен доступ, украшения копят в течение нескольких лет, в отдельном «пакетике» для каждой. В киоты, которые легко вскрываются, привесы могут помещать сразу, как только человек передал свой дар.

Вотивные украшения часто занимают статусное пространство – их размещают непосредственно около икон – чудотворных святынь. При вывешивании даров под стеклом киота иногда действуют правила категоризации и отдельного позиционирования даров: их размещают не стихийно, но в соответствии с эстетическими представлениями человека, ответственного за практику. Дары одного типа могут оказываться рядом – например, на одной цепочке, протянутой поперек киота (отдельные ряды колец, ряды нательных крестов и т.д.; см. Приложение, ил. 16) или, в случае с монетами, на нижней планке, отдельно от других украшений. Поэтому можно сказать, что практики демонстрации даров вписываются в общие тенденции рационализации и украшения церковных интерьеров, инспирированные модернизирующей семиотической идеологией.

Как правило, дары накапливаются в киотах в течение многих лет, их не вынимают и не убирают, наоборот, только пополняют эти коллекции визуальных свидетельств чудес и человеческой благодарности. Порой это приводит к тому, что самые почитаемые образы почти полностью завешиваются украшениями. В дальнейшем из этих украшений могут сделать ризу или оклад для этой иконы, переплавив дары. Формально они останутся на своем месте и продолжают играть ту же роль наглядного свидетельства чудотворности и благодарности. Индивидуальные дары, скопившиеся у иконы, превращаются в коллективную жертву.

... очень много серебряных всяких вещей пошло на вот это вот изготовление ризы. И кстати рады были, что не просто Николая Чудотворца, но его ризу святую. Были очень довольны люди²⁷¹.

Кроме как на ризы, скопившиеся у иконы украшения могут направить на то, чтобы позолотить чашу для евхаристии, изготовить из них лжицу для причастия, заказать новый киот – то есть реализовать их на литургические нужды и благо общины, но не использовать как ресурс для демонстративного показа.

²⁷¹ ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки храма Святителя Николая Чудотворца в Подкопаях, г. Москва. Зап. в 2021 г.

[Инф. 1] Опять же, почему драгоценности приносят. Потому что их потом собирают через какое-то время, переплавляют и могут из них, например, сделать чашу. Или на эти деньги могут купить какое-то там, например, новое облачение. Ну, то есть, это идёт всё равно как жертвы на храм. В любом случае. Они не висят там, как бы, веками. Их снимают, когда они набираются, переплавляют, делают²⁷².

[Инф. 2] У нас переплавили. Сделали в алтарь лжицу и ещё что-то²⁷³.

[Инф. 1] Вот, а у нас чашу, да, позолотили.

[Украшения-дары вешаете?] А вот не, больше не вешаем. Вот щас остался один крест – больше мы не вешаем. Вот. [А если люди приносят?] Приносят, батюшке дают, мы складываем, потом можно из него сделать киот или что-то, понимаете? Вот, что-то нужно. [Уже делали так?] Нет ещё. Нет. [Не накопились, да?] Не накопили ещё.²⁷⁴

...просто, как бы, этого много, особенно вот на той иконе [Казанской Божией матери – А.З.]. А раньше было больше, просто как бы, это как-то тоже нужно со временем куда-то девать. Мы изготовили чашу для евхаристии, из этого из золота, которое было вот на приношении, вот то, что люди приносили, жертвовали, ну, изготовили богослужебную чашу для причастия, вот на которой служат, да, просто.²⁷⁵

В случае, если у храма возникают финансовые трудности, votivные привесы могут товаризовать, чтобы использовать деньги для церкви. Так жертва Богу или святому становится «жертвой на нужды храма».

[Были дары?] Цепи всякие разные благодарственные, серёжки всякие, колечки, всё висело тогда. [Потом сняли?] Была проблема с долгами, в итоге всё это оценили и отдали, так что да.²⁷⁶

[У вас не одаривают иконы украшениями в благодарность за помощь?] <...> У нас эта икона Корсунской Божией Матери... Вот, Корсунской, здесь раньше <...> были немножко другие, там, какие-то позолоченья. Я это взял, чтобы нам, чтобы...Нужно было дело оплачивать...

²⁷² ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁷³ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, флористка, преподавательница курсов храмовой флористики «Отрада» при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁷⁴ ПМЦ. Ж., 1951 г.р., работница церкви Святой Животворящей Троицы, с. Троицкая Слобода, Переславский р-н, Ярославская обл. Зап. в 2022 г.

²⁷⁵ ПМЦ. М., 1998 г.р., алтарник при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁷⁶ ПМЦ. Ж., ок. 55 лет, работница храма Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, г. Москва. Зап. в 2022 г.

А это уже новые повесили <...> [Раньше были другие – что вы с ними сделали?] На нужды храма, потому что срочно... Не хватало. То ли газ там... Чёт такое. Ну там немножко было.²⁷⁷

Полностью убирают votивные украшения с икон, например, в случае, если в приходе появится новый настоятель, который усмотрит в этой практике суеверие, магизм или язычество. Так начал высказываться о дарах, например, настоятель Преображенской церкви с. Вельяминово (Домодедовский р-н, Московская обл.), при котором в храме было запрещено размещать у икон дары. Транслируют такую оценку и другие церковные модераторы.

[У вас одаривание икон происходит?] Нет, нет. У нас нет магизма какого-то в церкви. Мы же не буддисты. Это у буддистов, у них всякие приношения²⁷⁸.

Запрет налагается в экстренных ситуациях. Вотивная практика может «вытесняться» или скрываться (дары будут принимать, но не будут вывешивать у икон) по распоряжению настоятеля. Личным указанием или решением сверху священник может прекратить одаривание, если вотивы как символический капитал будут работать во вред храму и притягивать не паломников и новых прихожан, а нежелательных лиц – расхитителей. Часто можно услышать, что дары сняли во всех храмах в городе после того, как в одном из них был случай (или попытка) воровства. Такого рода новости быстро распространяются как в городском сообществе, так и между близко расположенными селами, и вызывают соответствующую реакцию – дары снимают. Их могут хранить, трансформировать в экономический ресурс (перепродать), направить на изготовление или золочение церковных предметов и др. – сберечь таким образом ресурс внутри общины.

У нас сейчас сняли, потому что было это, покушение, однажды. [У вас даже было?] Да. [Пытались украсть?] Украли даже. Это было уже несколько лет назад. [Из-под стекла?] Да, да. И потом, значит, нам Евналий [настоятель. – А.З.] сказал, чтоб больше не... [Не искушать?] Не искушать. Если жертвуют – <складывать> куда-то в определенное место, пока, вот, не будет такого <оклада>. А то были по районам у нас, пробегали так же. А раньше, сейчас вот замочек сделали, а тогда просто <...> на крючок. И никто не трогал, сколько лет никто не трогал. А потом вот однажды. Был пасхальный день, усмотреть

²⁷⁷ ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, настоятель Преображенской церкви, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.

²⁷⁸ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики «Отрада» при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

невозможно было. <...> И поэтому, чтоб не искушать, **чтобы люди не возмущались, что ихняя жертва ушла незнамо куда**²⁷⁹.

Таким образом, votivные привесы как ценный символический ресурс часто стремятся накапливать и демонстрировать. Эта практика включает описанный ряд действий: сортировку, хранение, развешивание и т.д. Однако в некоторых случаях эти предметы вытесняются из храмового пространства. Стремление многих российских церквей к специальному размещению многочисленных votивов рядом с почитаемыми образами имеет культурное следствие – «возрождение» традиции храмовых икон как комплексных святынь.

Так, размещенные у образа Казанской Божией Матери в Казанском соборе в Санкт-Петербурге votивы становятся неотделимой частью аутентичного образа святыни. Они тиражируются вместе с изображением Богородицы на сувенирной продукции, в аналоговых и цифровых образах Казанской иконы из петербургского собора²⁸⁰. Тем самым votивы не просто вписаны в официальную историю святыни, но играют важную роль в создании уникальности, узнаваемости конкретного списка, неразрывно связанного с имиджем собора. Украшения становятся частью публичного, распространяемого по разным каналам визуального образа. Кроме того, дары оказываются аффордансами для новых подношений: как говорят в соборе, обычно украшения жертвуют только этой иконе.

* * *

Votivные дары, как было показано, могут задерживаться в храмовом пространстве надолго: однажды помещенные в киот, они остаются там годами, а иногда и десятилетиями, формируя устойчивый визуальный образ почитаемой иконы. Однако далеко не все предметы, которыми верующие одаривают святыни, обладают такой долгой «жизнью» в церковном интерьере.

Цветы, как и votивы, выполняют сходные функции – они и дар, и украшение, и свидетельство почитания/благодарности верующих. Они занимают в храмах не менее важное место, чем votivные украшения, но функционируют принципиально иначе. Их жизненный цикл предельно короток: живые растения быстро увядают и не могут годами оставаться у икон – их регулярно убирают. Кроме того, цветы оказываются доступнее для более широкого круга дарителей. Эти факторы создают совершенно иную конфигурацию практик.

²⁷⁹ ПМЦ. Ж., ок. 70 лет, работница лавки церкви Преображения Господня, с. Вельяминово, Московская обл. Зап. в 2021 г.

²⁸⁰ См., например, изображения Казанской иконы из Санкт-Петербургского собора на его официальном сайте: <https://kazansky-spb.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

3.1.2. Цветы

Цветы традиционно, начиная со Средних веков, размещали у икон и почитаемых реликвий; увидеть, как это делали в России XIX – начала XX в. можно по картинам или фотографиям (к примеру, С.М. Прокудина-Горского²⁸¹). На снимках, где запечатлены дореволюционные интерьеры храмов, можно увидеть цветочные венки (вероятно, искусственные и сделанные вручную), которые становились органичной частью иконных комплексов в церкви.

Сейчас практика украшать иконы цветами характерна для множества российских православных церквей, однако для этого используют в основном живые цветы. Традиция имеет два источника: «сверху», когда духовенство заказывает цветочное оформление регулярно к праздникам у флористов, и «снизу», когда букеты приносят к иконам прихожане.

В силу того, что живые цветы имеют недолгий срок жизни, замена увядших букетов новыми происходит регулярно, особенно в монастырях и храмах, часто посещаемых паломниками. В некоторых особенно известных «цветочных центрах» (например, Покровский монастырь в Москве, где розы в больших количествах приносят к мощам святой Матроны Московской) букеты у икон можно видеть постоянно. Эта жертва-украшение часто упоминается в рассказах информантов наряду с практикой ставить у икон свечи как дополнительная или альтернативная.

Как и в случае с вотивами (или обилием свечей) у иконы, наличие цветов выступает в качестве маркера особого почтения верующих к конкретной, чудотворной святыне. Эти объекты служат ориентиром для людей, впервые посещающих храм. Поэтому церковные модераторы включают цветы в практики демонстрации и поощряют желание верующих оставлять букеты у значимых реликвий.

Всегда цветы к этой иконе [Богоматери «В родах помощница». – А.З.] приносят. Значит, люди помощь получают. Но люди же просто так не будут, значит, получают помощь, раз они...²⁸²

²⁸¹ См., к примеру: «Чудотворная икона [Успения Божией Матери], принесенная Пр. Далматом. [1912 год]. Церковь Богоматери Всех Скорбящих Радосте. Далматово. Далматовский р-н. Курганская обл.» // Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского. URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=1658> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁸² ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

Сегодня вот розы большой букет принесли «Скоропослушнице»: «Ой, у меня дочка вышла замуж, мы так рады. Вот она вешала платочек, молились здесь», и вот такой вот букет принесла цветов...²⁸³.

...просто там, <цветы – это> благодарность, что помощь какая-то была²⁸⁴.

[А вот цветок лежит?] Ну вот многие знают, что она [икона Богоматери «Утоли моя печали» – А.З.] почитаемая, поэтому может быть и несут. Очень много заказуют ей свечей, вот, перед ней молятся²⁸⁵.

То, какие цветы следует приносить в дар святому/иконе, обычно не регулируется непосредственно в храме. Однако у дарителей существуют представления о правильном даре, которые были усвоены ими из традиции (письменной или устной). Это относится к типу цветка (например, Богородице часто дарят лилии), а также к символике цвета (предпочтительными считаются белые/светлые бутоны).

[У иконы императора Николая с сыном стоит ваза с цветами. Она там регулярно стоит?] <...> Да, ставят, потому что многие люди хотят цветы поставить, поэтому да. <...> [Каким иконам чаще всего ставят?] Ну, чаще всего, наверное, Богородице. [Цветы тоже какие-то определенные ставят? Или вообще любые?] Ну, не знаю. **Почему-то чаще как-то светлые какие-то там. Хризантемы, розы, там, лилии часто**²⁸⁶.

[Лилии к Казанской принесли?] Да. <...> Ну, может быть, и не к ней. Могли принести и вот <...> <св.той> Екатерине могли прине... Нет, это, наверное, Казанской принесли. [Две иконы стоят рядом, под ними – одна на два образа ваза. По типу цветка работница определила, что букет принесли Богородице – А.З.]. [Цветы любые приносят?] Ну, конечно! Любые цветы. [Лилии – это символ Богородицы?] Ну, да, лилии, да. Ну, вообще, **розы белые. Ну, это... цвет чистоты! Белая роза.** Поэтому, конечно, лучше – белая роза²⁸⁷.

²⁸³ ПМЦ. Ж., ок. 55 лет, работница церковной лавки Смоленского собора, пгт. Выездное, Нижегородская обл. Зап. в 2022 г.

²⁸⁴ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница при храме Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской Сретенского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁸⁵ ПМЦ. М., 1946 г. р., сельский староста, с. Тёплово, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.

²⁸⁶ ПМА. Ж., ок. 60 лет, продавщица церковной лавки Казанского кафедрального собора, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

²⁸⁷ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

Цветы появляются в церквях несколькими путями. Во-первых, к иконам стремятся поставить букеты прихожане-дарители. Это скорее регулярное, а не вотивное приношение (бывают исключения) – способ украсить церковь, образ. Иногда это описывают как послушание, которое взял на себя мирянин, или как «подарок святому»:

Там, Божией матери, Господу приносят <цветы>. Или на день святого, там вот, Николаю Чудотворцу. Бывает, там, день его памяти, приносят. [Цветы как-то символически со святым связаны?] Нет, вот просто. <...> Ну **чтобы красота стояла.** <...> **Как мы друг другу дарим на день рождения** <...> цветы, так и здесь. В день памяти иконы, день памяти какого-то святого, приносят, вот, цветы²⁸⁸.

[Цветов у вас много] Ну, вот это нам пожертвовали. Это нам **регулярно** одни. У нас есть прихожане, которые постоянно, **каждый праздник**. Завтра же Михайлов день. Завтра у нас у всех именинный. <...> Все наши небесные покровители завтра празднуют праздник.²⁸⁹

Во-вторых, церковные модераторы устанавливают в храме ящики-жертвенники с указаниями «На цветы», чтобы собирать именно на эту церковную «нужду» денежные пожертвования (см. Приложение, илл. 17–18). Затем работники сами заказывают букеты и ставят их к иконам. Пожертвованные деньги могут пускать и на создание регулярных флористических композиций.

А это **мы покупаем сами**. Вот сейчас будем украшать иконы. Мы украшаем иконы всегда, ко всем праздникам. Покупаем букеты, делаем. Потому что принесут, не принесут – мы не знаем. Поэтому покупаем сами цветочки. Но очень много, конечно, приносят цветов²⁹⁰.

У них [работниц церковной лавки Высоко-Петровского монастыря в Москве. – А.З.] есть такая определённая копилочка, в которую люди, которые очень любят эту икону, и приносят, там, кто восемьдесят, кто двести рублей, оставляют, и потом девчонки на эти деньги – потом, там, свои, добавляют, – покупают цветы, просто чтобы постоянно были у Казанской иконы²⁹¹.

²⁸⁸ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница при храме Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской Сретенского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁸⁹ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

²⁹⁰ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

²⁹¹ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

Иногда цветы продаются прямо в храме. Церковные модераторы заказывают цветы у поставщиков напрямую, чтобы не привлекать посредников (цветочные магазины). Таким образом финансовые ресурсы верующих концентрируются в храме. Прихожане предложение купить цветы на месте воспринимают как заботу со стороны служителей храма об удобстве молящихся. Живые цветы становятся частью «душевного сервиса» (см. подробнее в разделе 3.3.1.):

Я столько разных икон Божией Матери не видела ни в одном храме! И приятно, что ей можно не только свечки поставить, но и цветы подарить – нижегородский **душевный сервис** и здесь отметились. Приходите восхищаться²⁹².

[У вас там такой холодильник стоит с цветами, и можно за пожертвование поставить такой-то иконе]. Да, да, да. Цветок стоит, там, сколько-то денег, я не знаю, сколько он сейчас стоит. Люди покупают цветы, и ставят к вот такой иконе, к какой поставят. Вы видели, сколько цветов?²⁹³

Внутри по мимо свечей, можно приобрести розы для икон (В нашем городе такого нет) собор наполнен цветами ²⁹⁴

В исключительных случаях цветочный магазин может быть расположен прямо на территории храма, как при церкви Казанской иконы Божией Матери в Тёплом Стане (Москва), где цветочная лавка делит здание с церковной. Цветочная практика может влиять не только на церковную экономику, но и на экономическую инфраструктуру района, где находится известный этой практикой храм. Так, Покровский монастырь в Москве – настолько важный «цветочный» центр, что по дороге к нему от метро можно увидеть десяток флористических лавок.

Когда цветочный букет приносят в церковь верующие-дарители, они либо самостоятельно расставляют цветы в пространстве храма, не привлекая к этому местных акторов, либо просят

²⁹² Отзыв пользователя «Ульяна Штина» на кафедральный собор Александра Невского // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=epw2vm7m2r9emg7egvarrmheww&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

²⁹³ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁹⁴ Отзыв пользователя «Ж Ж» на кафедральный собор Александра Невского // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=j0kh4yk9dueneatru78jxttrvg&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

церковных работников это сделать. В каждой церкви действуют свои правила размещения цветов и контроля за «цветочным приносом». Где-то цветы обязательно должны пройти через руки церковниц, в других приходах можно просто попросить выдать вазу, а иногда вазы стационарно установлены у икон и работницы никак не контролируют распределение букетов.

[Под иконы цветы специально ставят?] Это вот букеты. Нет, это кто-то принёс, и хотят как-то, это дар такой. [Их приносят и вам отдают?] Ну да, просто: **«Поставьте букет, там, к какой-нибудь иконе»**. Ну как благодарность, может быть²⁹⁵.

[Вот рядом с иконой стоят розы в вазе] Нет, это люди просто принесли-поставили. [Тоже как в благодарность?] Да. Бывает, люди просто приходят, ну, какой-то праздник, например. То же, как подарок, просто приносят, что вот, вообще никак к празднику не относящийся оттенок, любой. И ставят просто там. **Говорят, дайте вазу. Ставят туда, куда хотят**²⁹⁶.

В Казанском соборе в Санкт-Петербурге цветочная традиция находится на периферии административного внимания и существует в режиме ограниченной саморегуляции. У некоторых святых стоят стационарные вазы, у других они не предусмотрены. Поэтому возникают такие ситуации, когда даритель отдает в собор букет вместе с вазой, обеспечивая тем самым «инфраструктурное дополнение» к дару.

Многие приносят, приходят и говорят: «Хочу поставить вот тому-то тому-то». Женщина одна пришла, даже принесла и вазу. Потому что, говорит, там вот вазы нет. Вот, возьмите мою вазу, налейте водичку и поставьте букет²⁹⁷.

В храмах, где практика украшения икон и мощей цветами не стимулируется со стороны церковных модераторов специально (например, в сельских приходах), дарители оставляют цветы у икон по собственной инициативе и выбирают локус для этого стихийно. Наконец, работники могут срезать растения с прихрамовых клумб и размещать эти букеты в храме, мотивируя это эстетическими соображениями. Однако часто о цветах можно услышать, что они одновременно и украшение, и дар.

²⁹⁵ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница при храме Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской Сретенского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁹⁶ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.

²⁹⁷ ПМА. Ж., ок. 60 лет, продавщица церковной лавки Казанского кафедрального собора, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

[Кто-то говорит, что цветы – это благодарность, дар какой-то?] Конечно, цветы – это благодарность. [А кто-то говорит, что красиво, чтобы оно было] А что? «**Благодарность**» и «**красиво**» это, по-моему, очень близкие понятия²⁹⁸.

Однако, как бы цветы ни попали в церковь, на них очень часто распространяются представления о незримой благодати. Поэтому все практики, которые описаны ниже, касаются и флористических композиций, заказанных храмом, и даров от прихожан, и срезанных с прицерковных клумб цветов.

Объясняют благодатность цветов по-разному. Во-первых, они освящаются, когда их (не намеренно) окропляют святой водой во время службы. Во-вторых, цветы иногда специально прикладывают к святым мощам, чтобы сделать брандеа и унести с собой частичку благодати из церкви, как это происходит у мощей Матроны Московской. В-третьих, цветы просто находились в сакральном пространстве храма, рядом с почитаемыми реликвиями, и поэтому оказались «напитаны» благодатью. Таким образом, храмовые букеты оказываются символически значимыми объектами.

Для одних церковных работников это может быть безусловным правилом: цветы нужно раздавать, использовать как святыню. Либо, если это невозможно, ритуально утилизировать вместе с «церковным мусором». Другие не склонны «трястись над каждой песчинкой»²⁹⁹. В этих случаях выстраиваются некие «градации» святости: к примеру, цветы, висевшие у икон, более статусны, чем те, что стояли *под* ними. Поэтому первые будут с почтением утилизировать, а другие – просто выбрасывать. Так, в Сергиевской церкви Высоко-Петровского монастыря (г. Москва) я беседовала с работницами, которые разбирали цветочные венки, снятые с икон. Они объяснили, что те цветы, которыми они занимаются, всегда сжигаются в монастырской печи по прошествии праздника. А те букеты, которые регулярно ставят в вазы под иконы прихожане, утилизируют вместе с обычным мусором.

Ну да, некая традиция, что то, что **прикасается к святыне**, то, как бы, утилизировать просто в помойку не хорошо, поэтому называется <...> придавать стихиям <...> Просто это всё нужно сначала разобрать... [А у вас как?] У нас? Ну, примерно точно так же. Ну, губки [имеется в виду пиафлор, на который крепят цветы для создания композиции] – техническая сторона, идёт в мусор, а цветы, по-моему, уже идут в печку церковную. <...> [А те розы, что

²⁹⁸ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

²⁹⁹ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

под Казанской стоят?] Ну да, выбрасывают. Ну <розы>, которые **под** иконой стояли, там **ничего такого сакрального не происходило**, просто они стояли внизу и всё³⁰⁰.

Многие церковные акторы поощряют такое распространение святости с помощью цветов и даже организуют его. Например, Смоленская церковь в Санкт-Петербурге, куда верующие пишут письма, рассказывая о чудесах блаженной Ксении Петербургской или обращаясь к святой с различными просьбами, рассылают адресантам ответы вместе со «святынькой» – лепестком розы, на который капают маслом, освященным на мощах святой [Кормина, Штырков 2008: 156].

Во многих храмах практика раздачи цветов становится частью крестного хода или значимого праздника. В Феодоровском монастыре (Городец, Владимирская обл.) перед началом крестного хода цветы от иконы Божией Матери Феодоровская, которыми она была украшена, сняли. На фотографиях с сайта Нижегородской митрополии можно увидеть, как один из архиереев, присутствовавших на службе, раздавал их прихожанам (см. Приложение, ил. 19)³⁰¹.

Во многих церквях цветами украшают Распятие на Крестовоздвижение. Когда по прошествии праздника флористические венки снимают, из засохших цветов могут скручивать маленькие букетики и предлагать их верующим (см. Приложение, ил. 20). По рассказам некоторых информантов, происходят и окказиональные случаи воровства цветов от икон.

Есть люди, которые сильно верят и для них вот этот вот момент как бы прикосновения, **унести с собой часть прикосновения к иконе**, он для них имеет сакральную ценность <...> цветы, которые вот, Матронушкины, прикладывают, и потом **заваривают из них чай** и [*иронизирует*] съедают их сырыми вместе с чайником. А хорошие цветы могут и **свистнуть**, как это у нас в России бывает³⁰².

Церковная цензура, как правило, благожелательно относится к дарам-цветам: они украшают храм, быстро увядают и удаляются, не создавая особых проблем для храмовых служащих. В конце их красивой, но очень краткой биографии цветы, которые воспринимают как носители благодати, утилизируют ритуализированно – сжигают.

[Что делают с увядшими цветами?] Ну они будут стоять, потом <...> сжигаются, ну куда увозятся. А куда их, если они завянут? <...> там же сжигается. Там же специальные мусорки увозят с подворья. Это не просто же так. <...> там всё сжигается вот наше <церковное>. [А зачем именно

³⁰⁰ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

³⁰¹ В Городце проводили чудотворную икону Божией Матери «Феодоровская» // Официальный сайт Нижегородской митрополии. 14.07.2024. URL: <https://nne.ru/news/v-gorodtse-provodili-chudotvornuyu-ikonu-bozhiej-materi-feodorovskaya/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁰² ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

сжигать?]<...> Не, ну как это. Это **освещено**. Почему там, она куда-то в помойку попадет, и там будут топтать ногами тоже, вы понимаете?³⁰³

Цветы, как и votivные дары, принадлежат к категории «бессловесных» приношений: их символическое значение выражается не через вербальное сообщение, а через сам акт дарения, эстетику и присутствие у святыни (иногда – через покупку в лавке).

Записки святым – иной тип коммуникации с небесным покровителем. Материальный носитель играет вспомогательную роль, уступая место вербальному сообщению, тексту. Отсутствие визуальной привлекательности или материальной ценности у медиума – листка бумаги, а также то, что эта практика может восприниматься как некая вернакулярная альтернатива «официально» подаваемым церковным запискам, делает такие приношения пространством конфликта.

³⁰³ ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при храме Николая Чудотворца в Отрадном. Зап. в 2021 г.

3.1.3. Записки святым

Просительные и благодарственные записки, которые прихожане часто стремятся оставить у почитаемых икон, не являются «жертвой» и даром в прямом смысле слова. Однако они встроены в систему реципрокных отношений с небесами, так как содержат просьбы Богу и благодарности за обретенную помощь. Записки с благодарственными словами можно рассматривать как текстовый вотив [Антонов 2023а: 20], типологически близкий к распространенным в Средние века и Новое время вотивным табличкам с благодарностью святому (аналоги есть и в не христианских культурах – к примеру, синтоистские эма [Дьяконова, Молодякова 2010]).

Традиция записок в советское время была тесно связана с часовнями [Мороз 2013] и могилами почитаемых праведников. С массовым открытием храмов в 1990-е гг. она стала постепенно проникать и туда. Иногда записки адресуют и «псевдосвятым» (то есть не существовавшим, например, «святой Софье» оставляют записки в стене одной из башен Новодевичьего монастыря [Громов, Ипполитова 2011]) и местночтимым праведникам. В храме Илии Пророка в Черкизове (г. Москва) записки во множестве приносят на могилу юродивого Ивана Яковлевича Корейши [Мороз 2014], на московском Введенском кладбище – на место упокоения подвижника схиархимандрита Захарии [Цеханская 2013: 79–83], в Санкт-Петербурге – на часовню святой Ксении Петербургской [Филичева 2006], у Переславля-Залесского (Ярославская обл.) – на расположенную у Троицкой церкви могилу блаженного Мишеньки-Самуила [Антонов 2023а: 15–16] и т.д. Существует множество локусов, где верующие оставляют письменные просьбы и благодарения, причем не только в православной традиции: «записки – это один из универсальных способов, к которому люди прибегают для осуществления коммуникации со сферой сакрального [Филичева 2006]³⁰⁴. Наиболее известный пример, существующий уже несколько столетий, – записки у Стены Плача в Иерусалиме. Схожие действия распространены по всему миру; эта ритуальная практика часто становится частью интерактивного взаимодействия не только с религиозными, но с туристическими и просто примечательными, маркированными локусами [Громов 2024].

Что касается записок в православной культуре, то в храмовом пространстве на уровне институционализированной практики существует традиция подачи заздравных и заупокойных записок через церковную лавку. Однако верующие часто оставляют записки в храме, не обращаясь в лавку и не совершая за них денежное пожертвование – подтыкают их под иконы, засовывают в щели киота, кладут к ракам с мощами и т.д. В упомянутой Ильинской церкви в

³⁰⁴ URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/filicheva2.htm> (дата обращения: 26.02.2026).

Черкизове записки несут не только могилу Корейши [Мороз 2014], но и просовывают в киоты разных икон [Антонов 2023а: 20].

У современных настоятелей отношение к этим практикам очень разное. Чаще «письма Богу» осуждают как «народные» и «суеверные» традиции и запрещают. Так же могут поступать из соображений экономической невыгодности этой альтернативной практики.

Соответственно, из церквей они чаще вытесняются: работники следят за тем, чтобы записки регулярно и быстро убрали из храмового пространства. Но иногда их могут передавать в алтарь, чтобы они были зачитаны во время литургии (если это поминальные или заздравные просьбы). Если их не зачитывают, то не просто выбрасывают, а ритуализированно сжигают, как поступают с оплаченными поминальными и заздравными записками и/или оставленными у могил чтимых подвижников.

[Записки, которые подают для поминовения, – куда их потом?] Их сжигают. [Где сжигают?] В церковных печках. У нас же печки в храме³⁰⁵.

[Что делают с записками, которые приносят к могиле местночтимой старицы?] Я их сжигаю потом³⁰⁶.

В Казанском соборе в Санкт-Петербурге нам рассказали, что прихожане и туристы регулярно подсовывают листочки с записями ко всем иконам, но храмовые смотрительницы собирают их и передают священнику. Практика считается «чисто народным обычаем» и специально не поощряется, но к ней не относятся пренебрежительно: благодарственные и просительные обращения зачитывают во время служб, вместе с переданными из лавки записками. Не зачитывают и сразу отправляют на сжигание только те записки, в которых человек исповедуется, потому что «исповедь не имеет смысла без личного участия»³⁰⁷.

[У «Млекопитательницы» подсунуты записочки под киот] Это... Ну... Не есть хорошо. [Не благословляется, да?] Неа. [Что вы с ними делаете потом? Выбрасываете или отдаёте?] Нет, мы не выбрасываем. Мы им... Они, ребята забирают, чтецы, в алтарь, и они там читают. Нет, такие... Записочки, если оставлены, мы их собираем и на молебн. Или на панихиду.

³⁰⁵ ПМЦ. Ж., 1967 г.р., руководительница воскресной школы, пгт. Гремячево, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.

³⁰⁶ ПМЦ. М., ок. 50 лет, помогает в церкви Пророка Божия Илии, Владикавказ. Зап. в 2021 г.

³⁰⁷ ПМА. М., 1980 г.р., псаломщик, консультант по религиозным вопросам в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

Положим и так. Просто люди некоторые не хотят платить. Или, может, денег нет. Вот, поэтому, ну, это не приветствуется³⁰⁸.

В Казанском соборе традиция оставлять записки у икон, таким образом, носит полулегальный характер. Но в последние годы можно наблюдать, что в некоторых церквях эта традиция институционализируется и легитимируется церковной цензурой. Церкви не только относятся к таким «неофициальным» практикам примирительно, но, можно сказать, создают условия для того, чтобы вовлекать в них все большее число верующих. Где-то, где настоятель благословляет эту практику, их разрешают втыкать в киот иконы (см. пример ниже), где-то для них делают специальные контейнеры. В Богоявленском монастыре в пгт. Мстёра (Владимирская обл.) записки разрешают бросать в стеклянный куб, установленный под скульптурой Николая Чудотворца (см. Приложение, илл. 21–22). В храме Александра Невского в Нижнем Новгороде – кафедральном соборе города – у иконы Матроны Московской установлен сундучок, куда прихожане и посетители собора могут положить записку святой (см. Приложение, илл. 23–24). Эта практика пока редка и может вызывать удивление даже у посетителей храма.

А ещё я впервые увидела перед иконой Матронушки сундучок для записок³⁰⁹.

Уникальный случай – когда записки начинают работать так же, как votivные дары или цветы: их размещение у почитаемой иконы поощряют, записки накапливают, демонстрируют длительное время; они работают как аффорданс, приглашая все новых верующих к этой практике. Так произошло в храме Спаса Преображения на Болвановке в Москве. Несколько лет назад прихожане «принесли» эту практику в храм, к иконе Богородицы «В родах помощница». С благословения настоятеля икона регулярно обрастает сотнями записок от верующих – иногда они распространяются и на висящую рядом икону. Записки накапливаются до тех пор, пока не начинают высыпаться из-под киота. Тогда их все собирают и почтительно сжигают (не зачитывая), но новые «письма» быстро появляются там снова.

[Вот там столько записочек] И записочки ещё у нас вот здесь, это «Помощь в родах». <...>

Это у нас **чтимый образ**. У нас по воскресеньям всегда бывают молебны, даже перед

³⁰⁸ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

³⁰⁹ Отзыв пользователя «Наталья Губерт» на кафедральный собор Александра Невского в г. Нижний Новгород // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=cyeg3k0ugz9qjxq93948rh9rg&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

Великим постом, когда молебны в принципе не служатся. Но поскольку это такая иконочка, которой будущие мамочки, они как бы во все времена года у нас с животиками ходят. Поэтому эта икона... Вот пишут очень много... Раз люди ходят и пишут записочки, потом очень много благодарности бывает. Очень много часто... Это вот сейчас просто так как-то. Всегда цветы к этой иконе приносят. Значит, люди помощь получают. Но люди же просто так не будут, значит, получают помощь, раз они... <...> [Пишут обычно молитвы или...?] Нет, это пишут вообще просто как записочку святой, вот как человеку. [Просто как сообщение?] Да, просто. Да, ну, как бы, какие-то свои просьбы, какие-то благодарности, там, я не знаю что. Когда накапливается много, <...> батюшка их просто оттуда забирает и сжигает вот всё. [Это какой-то ритуал сжигания?] Нет, ну просто люди же пишут, это же **дела интимные, как им можно выбросить?** Это никак, не ритуал, это просто чисто по-человечески сжигаются и всё. Зачем же кто-то будет эти записки ветром разнесёт и кто-то будет их читать? [И никто эти записочки не читает?] Нет, конечно. Даже никто не читает, нет, конечно. И батюшка, конечно. Человек написал, это его, **это он Божией Матери написал. Знает только человек и Матерь Божия, чё он там написал.** [А долго они хранятся?] А вот по мере наполнения, как вываливаться начинают... <...> так их... Раньше у нас никогда не было записочек. А последние, вот, наверное, **года три такая мода пошла**, вдруг стали записки писать. Но **люди пишут, ну пишут, что не скажешь.** [А почему стали писать?] Записки стали... Ну вообще, в принципе, записки... Вот, например, у Ксении Петербуржской в Санкт-Петербурге, там ей всю жизнь записки пишут. Где какие традиции. Это здесь законов таких нет на этот счет. Это просто традиции. У нас вот раньше не писали. А последнее время и к нам эту **традицию принесли.** Люди хотят писать, пишут, если им так душе легче³¹⁰.

В приведенном нарративе видно, как записки и цветы работают в тандеме и вместе составляют комплексную вотивную практику. Просительная записка оказывается молитвой, инициальным действием, цветы – благодарственным, завещающим цикл дарообмена. Записки материализуют просьбы, а цветы свидетельствуют о полученной помощи.

Работница храма подтвердила, что практику пытались запретить, но в конце концов настоятель принял ее. Церковные записки к иконам стали институционализированной традицией в этой церкви. Здесь свою роль сыграла храмовая политика относительно пожертвований: установленной «таксы» на свечи и поминальные записки здесь нет, каждый может подать столько, сколько может. Поэтому «бесплатные» записки-просьбы у иконы встроились в практику добровольного пожертвования без строгого церковного модерирования.

³¹⁰ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

У нас все на пожертвования. Человек пришел – нету денежек. Может и так взять свечечки, может написать записочки. У нас никто ничего не скажет, если без всяких денег. Поэтому... В других храмах по-другому, но везде все по-своему³¹¹.

* * *

Итак, церковные записки начинают занимать в современных храмах схожие с votivными дарами и цветами статусные ниши. Вместе с почитаемым образом эти предметы образуют почитаемый комплекс, гибридную реликвию. Это очень важный шаг к возвращению такого рода предметов в церковное пространство: до революции большинство храмовых реликвий представляли собой комплексные объекты, где икона оказывалась центром притяжения для множества символически значимых предметов [Антонов 2024]. Эта традиция пока не стала повсеместной, и среди священников к ней нет однозначного отношения. Среди части настоятелей, особенно в городском сообществе, распространено мнение, что почитаемый образ – это «темперная живопись на деревянной доске, реже – изображение, созданное в другой технике, но только лишь изображение. Декор мешает видеть “саму икону”, а, значит, чужероден ей; его изобилие говорит о недостатке вкуса и о непонимании смысла и предназначения моленного образа» [Антонов 2024: 63]. Как показал Д.И. Антонов, эта позиция распространилась лишь в XX в., после разрушения комплексных икон большевиками и параллельной музеефикации расчищенных икон, лишенных всех предметов-спутников, на выставках и в музейных залах [Антонов, Сукина 2026: 32–57]. Тем, кто разделяет эту «модерную» оптику, оклады, votивы, цветы и записки могут казаться ненужным дополнением.

Там, значит, цветы... И ты стоишь – **очень сложно молиться на такую икону**. Потому что глаз твой – и мы так, психика наша так устроена, что ты вот эти вот мелочи, ты начинаешь глазами бегать по самому киоту. Ты обращаешь внимание не на икону, а на... ее обрамление. Вот может быть, с религиозной точки зрения – да, это, может быть, не совсем... такой, правильный подход³¹².

Однако для большей части духовенства (по нашим наблюдениям и интервью в разных регионах России) популярные среди прихожан практики оказываются значимыми и ценными с различных точек зрения. Кто-то видит в этом овеществленные молитвы и искренние благодарности верующих, другие – символический капитал и своего рода «рекламу»³¹³ для

³¹¹ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

³¹² ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, радиоведущий, г. Москва. Зап. в феврале 2022 г.

³¹³ Идея практики писем святым как «рекламы» храма в публичном пространстве высказана Ж.В. Корминой и С.А. Штырковым в работе: [Кормина, Штырков 2008].

храма, третьи – древние традиции, которые нужно поддерживать. Как результат – эти практики динамично меняются и развиваются во все новых православных приходах, а «носители традиции охотно откликаются на любое нововведение, исходящее от авторитетного человека или увиденное в сакральном месте» [Мороз 2009].

Теперь обратимся к еще более неоднозначной категории предметов. Одновременно здесь мы переходим от логики *дара* к логике *избавления*, от благодарственных жертв к тому, что люди приносят в церковь для того, чтобы здесь этими вещами распорядились «как нужно»: сохранили, перераспределили или благочестиво утилизировали. В этих случаях перед церковными модераторами – новыми владельцами этих вещей – встают другие задачи.

3.1.4. Вещи, символически связанные с Церковью

В следующих двух разделах пойдет речь о церковных предметах, которые люди «возвращают» в храм, поскольку считают в них связь с Церковью. Их можно разделить на *сохранные* – вещи, которые находятся в относительно хорошем состоянии и могут продолжить циркулировать – и *священный мусор*: предметы, которые даритель или церковные акторы рассматривают как непригодные к дальнейшему использованию. Те и другие вещи часто попадают в храм примерно единообразным способом, но храмовые модераторы по-разному организуют их дальнейшую судьбу.

Среди сохранных вещей, «возвращаемых» в церковь, чаще всего можно увидеть: церковные книги, православные журналы, календари, старые иконы разных типов и периодов создания (домашние, автомобильные, храмовые, хранившиеся дома; дореволюционные, советские, современные покупные и рукодельные – вышитые и проч.), лампы, рушники (снятые с красных углов), распятия, складни, нательные кресты, чётки, различные паломнические/церковные сувениры, пузырьки с неиспользованными елеем и миром, фотографии из святых мест и т.д. Предметы в хорошей сохранности регулярно оказываются в церкви, потому что верующие их заменяют более новыми, отдают приходу излишние вещи, которые не пригождаются, или «сдают» вещи умершего человека.

Вот там есть такие приношения в виде книг. Причём там из таких изданий, современных, но в основном естественно церковные книги <...> пускаются книги на раздачу. <...> там, лампадное масло, например, да? Оно... Его видно, что оно запечатано, то есть оно не вскрыто, там ничего, да? Вот эти всякие паломнические сувениры. <...> Колокольчики там какие-нибудь керамические. <...> В том числе и иконы. <...> Но в основном это вот эти вот автомобильные всякие, такие, современные, да? Вот. Софринские вот эти, ламинированные³¹⁴.

В большинстве приходов такого рода вещи никак не могут пригодиться в храмовом обиходе, потому что они предназначаются для частного использования в домашнем пространстве. Но иногда храмы стараются отсортировать те вещи, которые пригодятся в церковном интерьере или для других нужд.

Вот мы, наша задача какая <была>: нас привлекали <к сортировке мусора> для того, чтобы **сохранить** какие-то цен... Ну, **церковные ценности**, которые могут потом быть **полезны в чем-то – в работе, там, с детьми, с молодежью приходской, в храме повесить на стену...**

³¹⁴ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

Вот. Ну и мы смотрели... <...> мы перебрали, вот я вижу: ага, храмовый образ. Большой. Икона большая. **Если её подреставрировать, её можно там в храм, например, поместить,** да? Вот. Ну и для **каких-то таких образовательных целей.** Сохраняем³¹⁵.

Некоторые церковные предметы могут быть востребованы среди приходской общины. Поэтому прием и обмен (около)церковной атрибутикой нередко организуют и поддерживают в приходе: устанавливают специальные полки, шкафы, столики для «приноса» и обмена. Церковная инфраструктура откликается на нужды дарителей и пользователей. Такие храмы создают своеобразные перераспределительные пункты, организуя обмен церковными вещами (см. Приложение, илл. 25–29). Это может восприниматься как одна из социальных функций, которую поддерживают современные приходы РПЦ.

[Вы не знаете, всегда ли был принос?] Мне кажется, – ну, как мне кажется, – это естественным путём стало происходить. Просто когда церкви начали, как бы, открываться, то церкви естественно... В церкви же не только молитвы, ещё и **социальное служение.** У нас же много разных ещё <дел>, как бы мы... В разных храмах по-разному. И с бездомными, и со страждущими работают, и с детками. И это вот в этой системе социального служения <...> Потому что есть люди, которым необходимы вещи, а есть люди, которым они не нужны. Я так думаю. То есть это никакого официального указа явно на этот счёт, но это <...> просто как бы вот в сфере <...> социального служения церкви, **помощь** как бы. <...> Как **благотворительность** твоя, такая как бы... [Вклад] Да. Ну и потом, это же каждое доброе дело, оно же тоже... Бог-то, Бог-то всё видит. Люди, наверное, как-то подсознательно чувствуют³¹⁶.

Церковные модераторы из разных российских регионов рассказывали нам, что эта практика востребована среди прихожан – они быстро разбирают все вещи с таких полок и столов.

[Приносят же иногда вещи какие-то старые, крестики, может быть] Если это какие-то святыньки, если это крестики, или, там, иконочки, какие-то книжечки, там, с этим самым, ну, обычно там **на полочке выкладывают.** А крестики, как правило, это очень редко бывает. А вот иконочки, вот, **померла какая-нибудь бабулечка,** её иконочки приносят, и вот там выставляют все иконочки. И прихожане, **кто люди захочут, могут себе любую иконочку выбрать,** взять себе. Вот так обычно. [А нет культуры обмена этими иконами?

³¹⁵ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

³¹⁶ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

То есть, взял иконочку, и взамен положил что-нибудь. <...> Просто есть желание, например, там могут быть иконочки каких-то святых, кого, например, у кого-то нет, а хотел бы иметь дома эту иконочку, он себе её возьмет, например. Или какую-то икону Богородицы. Вы же видели, множество <есть> Богородичных икон. Допустим, можно себе взять. Или бывает как память о человеке. Когда прихожанка у нас какая-то, вот недавно умерла, она, конечно, старая, с начала девяностых она здесь восстанавливала храм, она с это... Вот. А все иконочки её принесли, и мы все по себе разобрали по иконочке просто, ну, как бы, в память. Ну, такие, чисто человеческие. Здесь никаких ни команд, ни традиций... Ну, как бы традиции такие, но они чисто человеческие³¹⁷.

Да, раздавать стали, я помню. Кто-то подходит, там, мы разбираем <принос>. Женщина <...> Женщина подходит: «А что это такое? О, икона, а у меня дома нет иконы. А можно взять?» – «Да берите». Она сразу <забрала>. <...> она не повреждена <была>, стекло целое. Вот. Иконография тоже. Куда? На раздачу. И всё это вот на стол выкладывается. И периодически это <людьми> забирается – я просто смотрю по степени обновляемости этого столика. Вот. Иногда фолежные иконы. Иногда приносят на стол, выкладывают иконы. Не в пакетах, а вот кто-то принесёт одну, например, и на стол полагает³¹⁸.

Обычно приходской обмен церковными предметами организован как безвозмездный: любой может взять себе икону или книгу, не оставив ничего взамен. Но иногда на таком столике размещают ящик-жертвенник, подразумевая, что прихожане оставят денежное пожертвование за вещь, которую хотят забрать.

Крупные паломнические центры могут распоряжаться «подаренными» им церковными предметами как ресурсом, например, превращать в *евлогии* – предметы, наполненные благодатью святого места [Антонов, Завьялова 2024: 147]. Забирая вещь с церковного столика, который установлен в известном храме или монастыре, человек не просто берет что-то на память или обретает нужную ему вещь, но и получает брандеа, то есть увозит с собой частицу благодати.

Так происходит, к примеру, в Свято-Николаевском женском монастыре в г. Арзамасе (Нижегородская обл.). В теплое время года здесь выставляют специальный стол, на котором раскладывают различные предметы – иконы, кресты, журналы и пр. Подразумевается, что можно взять что-то из вещей в обмен на денежное пожертвование (ящик стоит рядом). Оставлять деньги за евлогию не обязательно, но хранитель монастырского склада рассказал сотрудникам УНЦ ВИСИНВ, что «в летний период паломники оставляют “сотни тысяч”» [Антонов, Завьялова 2024:

³¹⁷ ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.

³¹⁸ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

147]. Возможно, однако, что такая впечатляющая сумма возникла в рассказе, потому что в той коммуникативной ситуации хранитель видел в исследователях потенциальных жертвователей или покупателей. Скорее всего, он хотел сподвигнуть их к крупному пожертвованию за советские иконы, которые их благословила забрать настоятельница. Однако независимо от сумм, предметы, выложенные на столик, расходятся, а пожертвования в ящике накапливаются. Так старые церковные вещи становятся экономическим ресурсом церкви.

В храмах и монастырях, где существуют собственные церковные музеи, отданные прихожанами старые вещи могут оказаться ценным символическим ресурсом (см. подробнее раздел 3.3.2). Какие-то из них, представляющие историческую ценность, могут перемещать в экспозицию или в фондовое хранение. Такой вариант внутрицерковной циркуляции возможен, однако, если в храме есть сотрудники или волонтеры с исторической оптикой, которые видят в «старинном» научную и/или выставочную ценность. Наличие музея может стать фактором, который будет воспитывать в церковных модераторах внимательность к старинным вещам. Так, хранитель музея при Воскресенском храме в Воронеже упомянул, что не только он, но и другие храмовые служащие вовлечены в формирование музейной коллекции. Будучи знакомыми с существующей экспозицией, они научились определять исторически значимые вещи:

[Отбираете вещи для музея вы?] Не всегда. Теперь здесь **храмовые сотрудники**, назовем их так, <...> **заинтересованы** в этом и всячески способствуют сохранению этих предметов. <...> Охранники могут предупредить, значит, казначея, что, дескать, что-то интересное, да, принесли. Ну, или вообще что-то такое историческое принесли. Вот. Либо сами храмовые сотрудники, ну, во время богослужения, видят, что есть такой принос, да, сохраняют, ждут моего прихода и дальше задают такой **сакраментальный вопрос: «Оно нам пригодится? Да, что-то ценное?»** Ну, имеется в виду, **ценное не по стоимости, а, скажем, по исторической значимости**, что-то для музея, да? <...> обычно, в принципе, **достаточно грамотно распознаются эти вещи**. То есть редко когда было, что принесли какую-нибудь там советскую вещь, восьмидесятых годов, да, вот, и не угадали в ней... Новодел. <...> [То есть, глаз намётан, он не только у вас, но и у тех, кто здесь работает] Да, ну, потому что, да, уже вот витрины, да, в принципе, люди видят – ага, художественное медное литьё, а приблизительно, да, там датировка подписана на этих вещах³¹⁹.

Существуют и приходы, в которых обмен такого рода вещами не организован – их просто хранят в различных (при)церковных помещениях (притворах, хорах, колокольнях, подвалах, сараях, гаражах и т.п.) (см. Приложение, ил. 30). Иногда в таких храмах ждут, что накопленное

³¹⁹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

может как-то пригодиться в будущем, или предвосхищают, что на такого рода вещи (например, на старинные иконы) появится спрос на рынке. Но иногда у бережливости церковных модераторов нет никакого артикулированного объяснения.

В отдельных православных храмах сохранные вещи не отделяют от руинированных, которые подлежат утилизации. Отправляют на сжигание, закапывание и «утопление» всё, что кажется старым, лишним и ненужным. Такой рационалистский подход характерен для тех церквей, где сильна модернизирующая семиотическая идеология.

Во многих крупных соборах, а также в знаковых паломнических центрах практику приема таких предметов, по моим наблюдениям, обычно запрещают, избегая переусложнения церковной инфраструктуры и не допуская появление здесь вещей «сомнительного» вида и статуса. Не относящиеся к храму предметы, даже пригодные к использованию, будут создавать неудобства для посетителей и чрезмерные нагрузки для работников. О запрете приносить такого рода вещи могут оставлять объявления в притворе храма («Оставлять старые вещи не благословляется» и т.п.; см. Приложение, илл. 31–32). Соответственно, здесь подобные предметы вытесняются из храмового пространства вовсе, и символически «возвращенная» дарителем вещь как жертва не воспринимается (в отличие, скажем, от сельских приходов).

Среди принесенных в храм вещей далеко не все могут продолжить циркуляцию. Часть из них находится в таком состоянии, что исключает и использование, и обмен – выгоревшие иконы, рассыпающиеся книги, распятия с утраченными фрагментами и проч. Здесь мы переходим к категории вещей, чья утилитарная ценность равна нулю, но их символический статус требует уделить им особое внимание – сакральному мусору.

3.1.5. Священный мусор

Мы уже упоминали, что большое количество дешевых иконок из пластика, картона, стекла и т.п., а также предметов с религиозной символикой (кружек, подставок, календарей и проч.), производимых «Софрино»³²⁰ и другими предприятиями, приводит к тому, что множество объектов с коротким жизненным циклом – быстро портящиеся, бьющиеся, выцветающие и т.п. – переходят в разряд «мусора». При этом они воспринимаются как вещи, относящиеся к религии и церкви, а следовательно, требующие почтительного отношения и особой утилизации. Фаза «жизни» промышленно произведенных церковных атрибутов сейчас становится всё более короткой из-за избытка товаров. Феномен «церковного мусора» в том виде, в каком он существует сейчас, не мог возникнуть раньше. В СССР – из-за хронического товарного дефицита и невозможности массового производства церковной утвари. В дореволюционной России – из-за не таких значительных масштабов церковного производства, какие наблюдаются сейчас.

Священный (церковный) мусор – подвижная и четко не очерчиваемая общность вещей. Однако, как мы уже упоминали, они разделяются на несколько основных групп:

- освященные объекты (освященное в рамках ритуалов масло, вода от крещения, «ватные палочки после Таинства Елеосвящения»³²¹, ритуальные предметы и т.д.);
- объекты, которые прикасались к святыням физически или находились с ними в непосредственной близости и тем самым впитали их благодать (цветы, которыми были украшены к празднику иконы, горящие у икон свечи, масло с лампад от чтимых реликвий и т.д.);
- предметы-спутники (упаковка от церковной продукции, тара – пластиковые стаканчики от святой воды, бутылочки от елея и мира, ценники и т.п.);
- предметы с религиозными изображениями, священными текстами и христианской символикой (пришедшие в негодность и/или ненужные церковные вещи – иконы с выцветшими

³²⁰ См. описание взаимодействия патриархии, приходов и «Софрино» на критично настроенном к РПЦ МП сайте «Ахилла»: «Нужно помнить, что патриархия требует в обязательном порядке, чтобы епархии закупались товаром в ХПП «Софрино» на определенные, назначенные им суммы, тем самым обеспечивая стабильный поток денег в патриархию. Соответственно епархии требуют, чтобы все приходы в обязательном порядке закупали товар только на епархиальном складе, чтобы избавляться от софринского товара, накручивая на и так недешевый, но малокачественный товар солидный процент. Поэтому никакие конкуренты не могут терпеться ни патриархией, ни епархией. Настоятели храмов, конечно, стараются хитрить, закупать часть товара на стороне, чаще всего в Украине или Греции, но все равно вынуждены выкупать на определенную сумму софринский ширпотреб из епархии. Если архиерей строг в финансовом вопросе, он может присылать внезапные проверки на приходы, которые выяснять, занимается ли батя контрабандой товара или смиренно покупает лишь то, что велено». Цит. по: *Плужников, А.* Церковная лавка «не от епархии»: возможно ли? // Ахилла. 17.05.2019. URL: <https://ahilla.ru/tserkovnaya-lavka-ne-ot-eparhii-vozmozhno-li/> (дата обращения: 26.02.2026).

³²¹ Непопираемое место. URL: <https://azbyka.ru/nepopiraemoe-mesto> (дата обращения: 26.02.2026).

или затертыми ликами; поломанные кресты, церковная литература, полиграфическая продукция, посуда и т.д.). К этой категории могут относить церковные записки: «Их статус определяется не только тем, что они включены в церковное обрядовое действие и находятся в алтаре, но и тем, что на них изображены кресты» [Антонов 2022б: 35];

– объекты, которые просто находились в церкви (троицкая и рождественская зелень, вербы, иногда – пыль с реликвий, песок с храмового пола и т.д.);

– моющие и чистящие средства, которыми убирали храм (вода, которой мыли пол или в которой стирали священническое облачение; тряпки, которыми протирали иконы и другие реликвии; веники, которыми мели полы)³²².

Люди, осведомленные о том, как следует поступать с такими предметами, передают их в церкви на утилизацию.

Мы предупреждаем, если там освящалась, <...> что-то вот из пузырьков, допустим, из-под масла, вот это. Это **только на сжигание идёт**. Только на сжигание. <...> Всё вот, что освящено, предупреждаем, чтобы потом сжигали упаковку. Потому что без этого куда. <...> **Это освящено**³²³.

[Что делают с ценниками из церковной лавки?] Всё вот в печь³²⁴.

Ну вот, условно говоря, просфорки, которые дают на службах, их люди обычно в пакеты кладут. Ну, по идее, конечно, эти **пакеты нельзя выбрасывать**. Нужно их сжечь. Я, например, бывает, что стараюсь тщательно... как можно меньше крошек оставить, желательно не оставить вообще³²⁵.

Если это просто пакет, то взяли и выкинули, и всё. Если такая упаковка, с иконами, то это на сжигание приносят. То есть там, где иконы, кресты. Потому что это часто бывает, например, там – ну вот как видите там, вот с синими бирками, да, это пакетик, но на бирке могут быть, к примеру, слова из Евангелия. То есть **пакет выкинули, бумажку на**

³²² Две последние категории особенно неоднозначны. Украшения, песок, грязную воду и проч. оценивают по-разному в разных храмах: могут либо собирать для ритуализированного уничтожения, либо выбрасывать наравне с обычным мусором.

³²³ ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при храме Николая Чудотворца в Отрадном. Зап. в 2021 г.

³²⁴ ПМЦ. М., ок. 50 лет, помогает в церкви Пророка Божия Илии, Владикавказ. Зап. в 2021 г.

³²⁵ ПМЦ. М., ок. 25 лет, семинарист Сретенской духовной академии, церковь Воскресения Христова и новомучеников и исповедников Церкви Русской при Сретенском монастыре, г. Москва. Зап. в 2021 г.

сжигание в храм или в печку бросили, если у вас есть печка, камин или что-то там <...>.

Это так же, как наклейки с яиц пасхальных, да, знаете сейчас, обтягивающие плёнки – есть с цветами, а есть с иконами. Вот **то, что с иконами, надо, по сути, сжигать**³²⁶.

Иногда на православной периодике или брошюрах печатается специальное предупреждение: перед вами объект, который не стоит использовать «в бытовых целях» или выбрасывать. Лучше отдать его заинтересованному человеку или – «вернуть в храм», чтобы там с ним поступили должным образом (см. Приложение, ил. 33). Так Церковь уведомляет прихожан и других посетителей о том, как следует поступать с недолговечным, но религиозно значимым предметом.

Часто предназначенные для утилизации вещи люди оставляют анонимно у дверей или в притворах храмов в пакетах или мусорных мешках: «...в пищевых одноразовых пакетах заворачивают мелочь (масло, крестики, софринки), иконы приносят в мешках хозяйственных (не мусорных) или в магазинных пакетах (напр., “Озон”)³²⁷». Церковные работники могут сортировать «сданные» предметы. Какие-то будут оценены как хорошие (см. предыдущий раздел), другие, которые не могут быть использованы, определяют на сжигание, захоронение и т.п.³²⁸. Утилизируют прежде всего те вещи, которые подверглись порче и не могут быть восстановлены: «плесень, грибок, жуки-точильщики, повреждение святых ликов, коррозия металла (фольги). Отсутствие стекла не является признаком утилизации (его можно восстановить)»³²⁹.

... у нас два пластиковых контейнера мусора накопилось. Календари – вот эти церковные старые. Что-то там еще, какие-то... Книги... Совсем уже, прям просто, просто ужас-ужас. Плохие, сгнили. Рушники какие-то плесенные были, тряпки какие-то, вот, ну типа рушников тоже. И значит, несколько этих коробок, ну, <ещё> киотов³³⁰.

³²⁶ ПМЦ. Ж., ок. 40 лет, работница церковной лавки, храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке, г. Москва. Зап. в 2021 г.

³²⁷ Из личной переписки. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж.

³²⁸ Редко где, но пластик (бутылочки от масла, стаканчики святой воды) всё же не сжигают, а отправляют на «мирскую» переработку. В целом же забота об экологичной утилизации (священного) мусора, по нашим наблюдениям, не входит в круг насущных вопросов приходской культуры.

³²⁹ Из личной переписки. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Пунктуация сохранена.

³³⁰ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

Если образ плохой сохранности... Ну, он разорван, там, да? На нём какие-нибудь маслянистые пятна. Ну видно, что он просто, да, испорчен. Это сразу идёт на сжигание. То есть мы даже для людей это не выставляем, потому что, ну, это как-то не очень этично. Да. [Если лики целые, то сжигать нельзя?] Ну мы не сжигаем. Может оно как бы... В каком-то народном сознании – те, кто принесли, надеялись, что это будет... Что это сгорит. **Но если икона целая, ну чё её, зачем её. Может, кто-то из неимущих не имеет возможности, там, купить, например, да? Ну чё же она просто <сгорит>. В хорошем сохране. <...>** Вот мы, как бы, такой ящик обычно у нас, вот мы всё туда складываем. Значит, староста приходит, мы говорим: «Так, вот этот коробок <...> гнилые, да, на сжигание. А вот этот коробок на раздачу». И вот они его выставляют. Раздают³³¹.

Но если любой сохранный предмет был оценен как ненужный для храма или прихода, он тоже переходит в разряд вещей, подлежащих ритуализированной утилизации. Так, в российских церквях очень часто сжигают даже те иконы (особенно промышленного изготовления последних десятилетий), на которых изображение святых отчетливо видно и не повреждено, потому что храмовая инфраструктура не способна справиться с «обработкой» больших потоков ненужных вещей.

Практики ритуализированной утилизации разделяются на три основных способа. Они известны во многих традиционных культурах, где их применяют к вещам, задействованным в обрядовых действиях [Валенцова, Виноградова 2004; Виноградова 2012; Доронин 2022; Doronin 2018 и др.]. Во-первых, это сжигание того, что может гореть. Во-вторых, закапывание в землю, в «непопираемом месте», где святыни «не будут попираемы ногами и куда не ходят в туалет люди и животные»³³², например, на кладбище, у деревьев, а в последние десятилетия – нередко в цветочных клумбах. В-третьих, утопление/сливание жидкостей в воду, как правило, в проточную (реку, канал), а не стоячую (и тем более не в канализацию). В зависимости от материалов, из которых сделан объект, выбирается один из этих способов или их комбинация: сожжение и дальнейшее захоронение/утопление пепла и несгорающих частей.

[Тут есть печка?] Да, всегда есть. При любом храме всегда есть. Записки, которые там на поминовение, тоже они не выбрасываются, а тоже сжигаются³³³.

³³¹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девяцкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

³³² Непопираемое место // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/nepopiraemoe-mesto> (дата обращения: 26.02.2026).

³³³ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

[Как утилизируют троицкие берёзки?] Около храма сжигают и закапывают <...> В печке, у нас печки есть, мы сжигаем. Что сжигается, мы в печке всё сжигаем³³⁴.

Обычно в православной среде эти правила распространяются устно, реже – в виде письменных рекомендаций-инструкций (на церковных буклетах или товарах из церковных лавок). Наши респонденты-священники ссылались на «Настольную книгу священнослужителя» [Дронов 1994] как на письменный источник, в котором зафиксированы правила утилизации³³⁵. (В современной католической традиции свод правил об утилизации освященных предметов содержится в Кодексе канонического права 1983 г. (статья 1171) [Антонов 2022б: 36–37].

Если предмет композитный, его дезинтегрируют, и каждую часть уничтожают по соответствующему «правилу христианского благочестия»: закапывают, сжигают, захоранивают или топят пепел. Однажды в интервью уничтожение церковных вещей в огне, закапывание в земле, сливание в воду и развеивание по ветру пепла моя информантка назвала на эзотерический манер: «придание четырем стихиям»³³⁶.

Во многих российских регионах запрещено сжигание какого-либо мусора в черте городов. Поэтому городские храмы и монастыри организуют утилизацию иным образом или отправляют свой священный мусор на сжигание в особые *центры утилизации* (см. подробнее в разделе 3.2). Один храм, куда свозят на утилизацию мусор из воронежских церквей, при мне назвали «глобальной печью»³³⁷. О таких локусах рассказывали многие наши информанты из крупных городов.

Центром утилизации может быть и частное пространство: загородный дом священника, церковного работника, волонтера или даже кого-то членов общины. Так, Знаменский храм пгт. Ардатов, Иверский женский монастырь г. Выкса и некоторые другие храмы и монастыри Нижегородской области отправляют предметы на утилизацию в д. Обход, где живут два местных прихожанина, «братья» (бывшие воспитанники одного детского дома), благословленные настоятелем Знаменской церкви на сжигание церковной атрибутики. (В одном случае нам рассказали, что иконы на сжигание отправили им даже из Благовещенского монастыря Нижнего Новгорода – за 180 км). Настоятель из церкви с. Гремячье (Воронежская обл.) занимается утилизацией сам.

³³⁴ ПМЦ. Ж., ок. 40 лет, работает в церковной лавке Троицкой церкви, с. Тёплово, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.

³³⁵ В этом справочнике говорится лишь о елее, мире и покровцах как о том, что нужно с благоговением сжигать, а пепел – захоранивать. См. сноски 179–182.

³³⁶ ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.

³³⁷ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

И он [настоятель. – А.З.] приехал, я ему говорю: <...> «А это вот две коробки – сжигание. «Что мы будем», – спрашиваем. – «Делать с ними». – «А, ну хорошо. Я их возьму. У меня печь стоит». У него частный такой домик. И печь в огороде стоит, где <...> он записьменки сжигает, этот, воск плавит. Там, на улице у него сделана, уличная печь. Он говорит: «Хорошо, спасибо. Я вот буду сейчас там какие-то записки сжечь, и тогда вот это всё как бы утилизирую». И он забрал эти два контейнера с собой. Вот это как бы **уникальный случай, когда священник сам занимается этой чёрной работой**. [Записки сам жжёт] Да, да. <...> он прям <...> контролирует этот процесс, для него это тоже, как бы... Всё важно, чтобы правильно было... Использовано³³⁸.

Пространством для этих практик может стать и ближайшая часовня (на кладбище, роднике). В редких случаях церковный мусор – как правило такой, который может быстро разложиться и исчезнуть – вывозят просто в природный локус, например, лес.

[Что делают с цветами, которыми украшали иконы?] С цветами это целая просто песня. Они у нас хранятся в пакетах, а потом вывозят за город, в лес, и там, в общем, оставляют³³⁹.

Это близко к практикам, которые можно назвать «отложенной утилизации», когда старые иконы, а иногда кресты, книги и другие вещи оставляют на почитаемом роднике, в открытой лесной часовне или в другом природном локусе. Там они со временем под воздействием непригодных для хранения условий – влаги и низких температур – постепенно разрушаются сами. (Иногда старые домашние иконы оставляют в покинутом жилище, и они старятся и портятся вместе с другой утварью и самим домом). Многие верующие и священники негативно относятся к такой «отложенной утилизации», так как иконы фактически гниют и портятся. Поэтому их нередко собирают, чтобы сжечь, захоронить или погрузить в воду.

Если храмы или монастыри занимаются утилизацией самостоятельно, то их инфраструктура настраивается под ритуализированную утилизацию объектов [Антонов 2022б: 38]. Так возникает целая сеть инфраструктурных объектов: специальные колодцы, «бассейнички», бочки, печки, ямы, контейнеры, коробки, «пещерки» (иногда по два/две, для предметов из разных статусных категорий³⁴⁰). Занимаются утилизацией обычно церковные

³³⁸ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

³³⁹ ПМЦ. Ж., ок. 45 лет, работница церковной лавки храма Святого праведного Иоанна Русского, г. Москва. Зап. в 2021 г.

³⁴⁰ «...разнообразие практик утилизации определяется не только физическими свойствами объекта (твердое/жидкое, сжигаемое/несжигаемое), но и его статусом. Хотя все описанные предметы воспринимаются в традиции как наделенные благодатью, они оказываются

модераторы, специально благословленные на это настоятелем (алтарники, старосты, сторожи, завхозы и т.д.).

В Нижегородской области внимание к таким вещам оказывается особенно высоким, как показала наша полевая практика. Во множестве храмов и монастырей, где мы работали, более статусные и считающиеся более благодатными вещи – освященные предметы, моющие и чистящие средства из алтаря и от икон – отделяют от менее значимых (моющие и чистящие средства из наоса). Эти вещи наделяют разным семиотическим статусом и хранят в отдельных хранилищах (ящиках, сараях), а затем утилизируют отдельно друг от друга – в двух разных церковных печах, в двух разных церковных колодцах. Пепел ссыпают в разнесенные друг от друга церковные ямы³⁴¹. Ведро, веники и прочий инвентарь при этом могут подписывать: «церковный» и «алтарный», чтобы не путать их и через некоторое время утилизировать по-разному (см. примеры инфраструктурных систем для утилизации: Приложение, илл. 34–36). В Воронежской области мне встречался схожий нарратив, только разделяли церковные вещи по их символической значимости не работники церкви, а сами прихожане. По словам моего собеседника, который занимается разбором вещей с церковной атрибутикой из приноса, происходит спонтанная сортировка предметов – «освященные вещи» (остатки просфор, бутылочки от лампадного масла и т.п.) отделяют от икон. Даже если и то, и другое в одном мешке принес один человек, просфоры и бутылочки будут лежать в отдельном пищевом пакете, чтобы они никак не соприкасались с грязными иконами.

... редко когда можно встретить, что в общий пакет с пыльными иконами <...> просто забрасывают пузырьки из-под елейного масла. Всё-таки <...> на уровне рефлексии действует вот такое мнение, что, дескать, это освящено. Но поэтому надо в отдельный пакет всё это завернуть, завязать, причём таким узлом... Потом приходится долго мучиться с этими узлами³⁴².

Однако разрастание, усложнение инфраструктуры под утилизацию священного мусора нужно и выгодно далеко не всем православным храмам, поэтому многие из них делегируют ритуальные практики утилизации особым центрам, «глобальным печам» или прихожанам, а также привлекают мирские организации, занимающиеся вывозом мусора. По этой же причине в

неравнозначными – более статусные предполагают обособленное сожжение и захоронение» [Антонов 2022б: 41].

³⁴¹ Более подробно об этом можно прочитать в: [Антонов 2022б; Антонов 2022в; Антонов, Тюнина 2022а].

³⁴² ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

храмах часто встречаются письменные объявления о запрете на «жертвование» старых вещей (см. Приложение, илл. 31–32).

Предметы, которые прихожане приносят на утилизацию в монастыри и храмы, церковные модераторы (священнослужители, работники), разумеется, не воспринимают как дары или жертвы. Часто эти предметы оказываются чрезмерной нагрузкой для церковных инфраструктур или экономики прихода. Избегают переусложнения крупные городские соборы. В сельских храмах церковный мусор, наоборот, очень часто оказывается основным типом приноса.

[Когда люди приносят в церковь старые вещи, например, иконы старые, которые нужно сжечь, это тоже считается жертвой?] **Нет, наоборот.** Все, что старое, можно в обычные храмы отнести, чтобы там... <...> У нас нет благословения принимать³⁴³.

Ну это в городских приходах [считают обузой старые вещи – А.З.]. Не, **в сельских как-то всё попроще.** Там все всё понимают. Вот, и там как бы распределительная политика действует. То есть принесли, пожертвовали – ну вот, надо передать кому-то другому. То есть **там вещи подольше живут свои жизни**³⁴⁴.

Часто вотивы, цветы, записки, церковные атрибуты и священный мусор сосуществуют в обиходе одного прихода, совместно образуя его предметный ландшафт. Каждое церковное сообщество выстраивает вокруг них собственную систему практик. В этой системе одни предметы накапливаются и выставляются напоказ, другие пускаются в оборот, третьи хранятся, четвертые – утилизируются. За этими действиями просматриваются устойчивые инфраструктурные стратегии. Их анализу посвящен следующий раздел.

³⁴³ ПМА. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при Благовещенском кафедральном соборе, г. Воронеж. Зап. 04.04.2025 г.

³⁴⁴ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

3.2. Как приходы работают с вещами: спектр культурных практик

После анализа отдельных категорий предметов нам необходимо обратиться к приходским инфраструктурам, чтобы показать, как все эти вещи существуют и функционируют вместе. В каждом приходе складывается определенная конфигурация практик, в которую вписаны эти предметы. Мы вводим типологию таких конфигураций, обозначая их как стратегии, каждая из которых объединяет свой набор практик. Эти стратегии не реализуются в чистом «идеальном» виде – как правило, они так или иначе дополняют друг друга, сосуществуя, а иногда отчасти конкурируя. Однако в каждом приходе, как правило, доминирует/ярко манифестируется одна из них.

Демонстрация. В некоторых храмах современной России инфраструктуры настроены таким образом, что символически значимые предметы из приноса намеренно выставляются на обозрение и участвуют в создании иеротопии храма наряду с другими элементами церковного пространства. В первую очередь в практики демонстрации стараются включать более статусные вещи. Как уже говорилось, это votivные привесы и цветы. В единичных случаях – записки святым.

Накопление даров и их размещение у реликвий может активно поддерживаться духовенством как практика, актуальная и для внутренней жизни прихода, и для его финансовой обеспеченности, и для публичной репрезентации деятельности Церкви. Поэтому накопление votивов, прием и заказ цветов могут стать регулярными и стандартизированными практиками, если эти предметы будут пониматься как ценность.

Храмы, аккумулирующие в большом количестве не только чтимые реликвии, но и дары такого типа, оказываются не просто храмами-реликвариями, но «храмами-дарохранилищами», где предметные жертвы играют роль материальных свидетельств божественной помощи, которая была в разные периоды оказана верующим. Vотивы, цветы, а иногда и записки святым становятся значимым символическим капиталом храма. Эти предметы работают как аффордансы и стимулируют прихожан и окказиональных посетителей храма продолжать наблюдаемые практики и умножать количество предметов. Кроме того, в таких центрах мы часто можем увидеть формирование комплексных реликвий – традицию, быстро возродившуюся на постсоветском пространстве [Антонов 2024].

При этом все нестатусные предметы в центрах демонстрации оказываются вытеснены на периферию храмового пространства или вовсе удалены из него. В целом церковная инфраструктура в этом случае работает в логике постоянного обновления и очищения от всего лишнего. В таких центрах настоятель обычно вовлечен во все процессы, в том числе связанные с символически значимыми предметами с «мерцающим» статусом, и в его системе оценок доминирует модернизирующая семиотическая идеология.

Центрами, выбравшими стратегию демонстрации, являются многие «большие сакральные центры» [Бремон д'Арс 2006: 49] – крупные соборы, в том числе кафедральные, например: собор Александра Невского (Нижний Новгород), отчасти – Казанский кафедральный собор (Санкт-Петербург) и др. Но практики демонстрации распространены и в небольших церквях, как городских, так и сельских, к примеру: храм Ильи Пророка в Черкизово (Москва), храм Преображения на Болвановке (Москва), церковь Покрова на Торгу (Вологда), Георгиевская церковь (Старая Русса, Новгородская обл.), храм во имя святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (Боровск, Калужская обл.)³⁴⁵, Смоленская церковь (с. Выездное, Нижегородская обл.), церковь Рождества Богородицы (с. Суворово, Нижегородская обл.) и др.

Распределение. Во многих современных церквях складывается комплекс практик, направленных на организацию обмена символически значимыми предметами между посетителями церкви. Здесь есть два основных типа распределения: по принципу создания брандеа и по принципу обмена.

Практики первого типа обычно развиваются в тех локусах, в которых находятся значимые и широко почитаемые христианские святыни и которые легализуют и иницируют создание контактных реликвий (брандеа) от этих святынь и распространение евлогий. Два ярких примера – Смоленская церковь (Санкт-Петербург) и Покровский монастырь (Москва). Оба связаны с цветочной традицией. Смоленский храм находится на том же кладбище, где и часовня Ксении Петербургской. Там организована «приемная», которая отвечает на письма верующих и рассылает вместе с ответом лепестки роз с миром от мощей святой [Кормина, Штырков 2008].

Покровский монастырь широко известен благодаря перемещенным туда мощам Матроны Московской. О святой говорят, что она любила розы, и по ее известному завету идут к святой «с цветами, как к живой»³⁴⁶. После того, как принесенные верующими цветы «освящаются у мощей»³⁴⁷, сестры монастыря раздают бутоны каждому, кто приложился к раке: «Получается, своего рода, “круговорот цветов”, когда паломники приходят со свежими цветами, а с собой уносят освященные на мощах сухие соцветия как частицу памяти о пребывании в этом святом месте»³⁴⁸. Их забирают домой и используют различными способами как дочернюю реликвию (ставят у иконы Матроны, заваривают из них чай, зашивают в подушку, закапывают стебель в

³⁴⁵ См. об этом: [Антонов 2020].

³⁴⁶ Гуликова, Е. Цветы от Матронушки. Воспоминания одной паломницы // Паломнический отдел Чувашской митрополии. 25.03.2015. URL: <https://putnik.cerkov.ru/2015/03/25/cvety-ot-matronushki-vospominaniya-odnoj-palomnicy/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁴⁷ Зачем Раздают Цветы Людям у Мощей Матроны в Покровском Монастыре / Миры Марты // Яндекс.Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZrsiU_VmK198vMdh (дата обращения: 02.06.2025).

³⁴⁸ Что делать с цветами от Матроны Московской // ЕлицыЗаписки. 08.01.2025. URL: <https://zapiski.elitsy.ru/news/chto-delat-s-tcvetami-ot-matrony-moskovskoy> (дата обращения: 26.02.2026).

почву³⁴⁹ и т.д.). Считается, что к «цветам от Матроны» нужно относиться как к святыне, и не только утилизировать благочестиво, но и хранить соответствующим образом – «с благоговением и верой»³⁵⁰.

Раздачу цветов организуют и в менее популярных храмах. Обычно это городская практика: по нашим наблюдениям, для дистрибуции святости гораздо чаще используют растения, веточки и бутоны из флористических композиций, а не те, что принесли и поставили под иконы прихожане.

Еще один, уже упомянутый нами центр распределения, – Свято-Николаевский женский монастырь в г. Арзамасе (Нижегородская обл.), откуда за пожертвование можно забрать со столика для приноса какой-либо церковный атрибут-евлогию.

Храмы-центры распределения становятся, таким образом, местами, откуда благодать этих реликвий распространяется через брендея и паломников, которые забирают с собой значимые вещи.

Практики второго типа связаны не с дистрибуцией святости, а с внутрицерковным обменом. Это более «прагматичный» вариант, когда одни прихожане оставляют неактуальные для себя вещи на специальных столах или полках (иногда – на скамьях, окнах и т.п.), а другие забирают. Задача церковных модераторов в этом случае – создать место для обмена и привлечь внимание к практике (например, с помощью объявления). Такие места можно обнаружить сегодня повсеместно. Однако чаще столы для приноса – явление, характерное для сельских храмов, которые имеют их почти всегда. В крупных городских соборах это происходит реже, а в отдаленных от центра, в пригородных церквях – чаще (см. примеры: Приложение, илл. 25–29 из малых городов и сел Вологодской, Липецкой, Воронежской областей, а также из Вологды и Воронежа). Чем более выражена стратегия демонстрации, тем менее вероятно, что в приходе будет организован такой локус для обмена.

Коллекционирование. Иногда приходы инициируют практики по активному привлечению, сбору и накоплению каких-либо церковных вещей. Их могут музеефицировать и представлять публике, в результате чего образуется такое культурное пространство, как

³⁴⁹ Что можно делать с цветами от Матроны Московской // Яндекс.Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/X6QSp0ejSBLOclZq> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵⁰ Зачем Раздают Цветы Людям у Мощей Матроны в Покровском Монастыре / Мир Марты // Яндекс.Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZrsiU_VmK198vMdh (дата обращения: 26.02.2026).

церковный музей³⁵¹. Сейчас церковные музеи открываются по всей России³⁵². Музейное движение в церковной среде набирает обороты, влечет создание профессиональных сообществ и изданий³⁵³. В первую очередь это происходит в действующих монастырях. Это, к примеру, музей истории Русской православной церкви в Свято-Даниловом монастыре (г. Москва), Мемориальный музей патриарха Тихона в Донском монастыре (г. Москва), музей-древлехранилище в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, музей Валаамского ставропигиального мужского монастыря в республике Карелия, музей Коневецкого мужского монастыря на о. Коневец в Ленинградской области, музей Нило-Столобенской пустыни и др. Некоторые из них хранят уникальные и обширные коллекции, в других есть лишь редкие экспонаты, связанные с местной «стариной». Крупнейший на сегодняшний момент церковный музей – церковно-археологический кабинет имени патриарха Алексия I – был основан в Троице-Сергиевой лавре³⁵⁴. Музеи православной культуры создаются при семинариях (например, Нижегородская духовная семинария), зданиях епархиального управления (Музей истории Православия на Алтае в г. Барнаул) и других принадлежащих РПЦ структурах.

Возникают музейные экспозиции и в приходских церквях: от храма Христа Спасителя в Москве, кафедрального собора в г. Тутаев Ярославской области, до многих маленьких полуофициальных собраний в российской провинции (к примеру, музей-келья святителя Афанасия, епископа Ковровского в г. Петушки Владимирской области). Локальные церковные музеи часто организуются по инициативе «снизу»: «движущей силой <...> выступают

³⁵¹ Церковные музеи отличаются от других подобных культурных институтов тем, что их «учредителями являются официальные канонические подразделения Русской Православной Церкви – митрополии, епархии, монастыри, приходы, учебные заведения, братства, сестричества, миссии, а также священнослужители, выступающие как частные лица». Первые церковные музеи появились в России в последней трети XIX в. в связи с введением в программу духовных академий курса церковной археологии. Первоначально они существовали только при духовных учреждениях образования, позже были открыты при церковно-археологических комитетах и обществах, православных братствах. После октябрьской революции 1917 г. практически все музеи-древлехранилища были ликвидированы и разграблены, многие предметы были переданы в коллекции светских музеев – исторических, художественных, краеведческих. Наиболее ценные экспонаты оказались в ключевых музейных учреждениях страны, например, в Центральном музее Древнерусской культуры и искусства им. А. Рублёва, музее-заповеднике «Коломенское», Третьяковской галерее и др. Однако после распада СССР в истории церковных музеев наступил новый этап. См.: Церковный музей // Российская музейная энциклопедия. URL: <https://clck.ru/3LmLBv> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵² На сайте совета по культуре Московского Патриархата регулярно появляются новости о создании на территории России новых церковных музеев и учреждений музейного типа. Подробнее: Церковные музеи // Московский Патриархат. Патриарший совет по культуре. URL: <https://psk-mp.ru/407/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵³ См., например: [Церковные музеи 2019; Шевкунов 2015 и др.].

³⁵⁴ Церковный «Эрмитаж»: музей, в котором обязательно стоит побывать // Православный журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/tserkovnyiy-ermitazh-muzey-v-kotorom-obyazatelno-stoit-pobyivat.html> (дата обращения: 26.02.2026).

энтузиасты – архиереи, клирики, иногда миряне из числа прихожан»³⁵⁵, главными «поставщиками» церковных атрибутов для коллекций – прихожане-дарители, а источником – церковный принос.

Коллекция может выполнять различные функции – от сохранения и изучения памятников церковной старины, просвещения прихода по вопросам церковной истории (часто это музеи, создаваемые «снизу») до демонстрации богатств настоятеля/игумена и создания репутации религиозному центру (музеи, создаваемые «сверху»).

Музей предполагает специфические категории оценки предметов, которую в этой работе мы назвали исторической семиотической идеологией. Церковные музеи концентрируются на предметах, которые представляют ценность как «памятники своего времени», «материальные свидетельства», «застывшая память», «контейнеры памяти» и т.д. В числе прочего, большую роль играет возраст вещи. Чем дальше время ее создания от настоящего момента, тем более ценной она становится в глазах людей с историческим мышлением. «Старый» церковный атрибут в музейном пространстве трансформируется в несущий историческую информацию «экспонат», то есть меняет свой статус вместе с «биографическими» обстоятельствами (новые модераторы, новый локус, новые критерии оценки).

Существование коллекции старинных предметов при церкви может приводить к тому, что в приходе распространится и постепенно начнёт «править бал» историческая оптика, характерная для музеев. Организация коллекции ведет к особому вниманию прихожан и церковных работников к вещам, а также к появлению дополнительных акторов – хранителей коллекции, кураторов выставок, реставраторов, экскурсоводов, лекторов и т.д. Символически значимые предметы, пожертвованные прихожанами, будут проходить специфически настроенную церковную цензуру, которая будет ориентироваться на наличие коллекции. Этот процесс мы продемонстрируем ниже на примере Воскресенского храма (Воронеж). Еще один церковный музей, коллекция которого частично образовалась благодаря прихожанам и практике приноса – «Советский союз: вера и люди. Музей и исследовательский центр» при Сергиевской церкви в Крапивниках (Москва)³⁵⁶.

Отдельная категория «центров коллекционирования» – храмы, настоятели которых собирают ценные, по их мнению, иконы, не выставляя их на всеобщее обозрение и не формируя музея. Такие коллекции часто хранят в алтарной части храмов. Это ценный ресурс, которым

³⁵⁵ Кирьянова, О. Г. Музейные учреждения Русской Православной Церкви : современное состояние и перспективы. Доклад на XXVII Международных Рождественских образовательных чтениях. 29.01.2019 // Московский Патриархат. Патриарший совет по культуре. – URL: <https://psk-mp.ru/119660.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵⁶ Музей открылся! // Храм Сергия Радонежского в Крапивниках. 17.10.2017. URL: http://krapivniki.ru/activity/2017_10_15_muzey_otkrytie.html (дата обращения: 26.02.2026).

настоятель распоряжается по своему усмотрению: может переместить какую-то икону в храм, продать, использовав деньги на нужды церкви, передать часть икон для выставки, организуемой учеными и т.п. В рамках проекта УНЦ ВИСИНВ мы не раз работали с такими закрытыми храмовыми «коллекциями» и получали экспонаты для организуемых нами выставок.

Частный случай развития стратегии коллекционирования — храмы, в которых принесенные предметы выставляют вне основного церковного пространства: в подсобном храмовом помещении, воскресной школе, в притворе и т.п., организуя своеобразные комплексы из принесенных предметов. Так могут поступать со старыми иконами, в том числе советскими: их развешивают по стенам, формируя своеобразные «иконостасы». Эти предметы не оценивают как «старинные» или имеющие историческую ценность, их не коллекционируют намеренно (то есть здесь не срабатывает историческая семиотическая идеология), однако в них видят ресурс для организации пространства. Этот ресурс недостаточно статусный, чтобы занять место в наосе, но подходящий для организации «вспомогательного» храмового локуса. Место на стене могут занять самые хорошие из принесенных икон, в то время как другие отправятся на склады, на стол для раздачи или на утилизацию. К таким храмам относится, к примеру, церковь Всех Святых в Самаре (храм стоит при кладбище, в нем регулярно проходят отпевания, и это программирует частую «сдачу» оставшихся от покойного церковных предметов родственниками до или после похорон). В Рождественской церкви в пгт. Мухтолово (Ардатовский р-н, Нижегородская обл.) советские иконы висят в воскресной школе, а в Никольской церкви в Воронеже казначей, заведующий хозяйством, развешивает советские иконы на стенах церковного склада.

Хранение. Часто символически значимые предметы, особенно «старые», задерживаются в церковных хранилищах, копяся, но никак не используются. Большинство церковных модераторов не стремится вовлечь такие предметы из приноса во внутривхрамовую циркуляцию, не находит в них ценности, которая позволила бы включать их в новые практики. Зачастую у настоятелей не хватает времени, чтобы разобраться со старинными образами и софринскими иконками, церковными книгами и журналами, скопившимися в (при)храмовых помещениях.

Таких центров в моей полевой практике встречалось очень много. Во многих из них я оказывалась благодаря исследовательскому проекту УНЦ ВИСИНВ, посвященному советским иконам. Эти артефакты (а также иконы XIX – начала XX в.) в постсоветской России часто скапливаются в подвалах, сараях, колокольнях и т.п. подсобных помещениях, и церковные модераторы не знают, как поступать с ними. В основном речь идет о сельских храмах и монастырях в малых российских городах тех регионов, где в советские годы рукодельные иконы создавали едва ли не в каждой деревне: Нижегородская, Липецкая, Воронежская, Брянская области, республика Мордовия и др. В этом случае, из-за их обилия, иконы не будут активно обмениваться. Превратить их в ресурс для храма также сложно. В результате их либо сразу

утилизируют, либо накапливают и хранят годами. Из таких центров вещи иногда перемещаются исключительно благодаря направленному на них вниманию исследователей.

Так, в Новом соборе Казанской иконы Божией Матери г. Лебедянь (Липецкая обл.), главном городском храме, работает только летняя часть церкви. В зимней продолжается ремонт, и это же место выполняет функцию склада для всех артефактов, которые в собор приносят прихожане. Здесь мы обнаружили множество советских икон в картонных коробках, киотки XIX – начала XX в., лежащие штабелями друг на друге, чемоданы церковной литературы, пакеты с искусственными цветами, старинные киоты без образов и т.п. (см. Приложение, ил. 30). В дальнейшем зимний храм планируют отреставрировать окончательно и разобрать склад. Часть предметов будет использована в церковном обиходе (киоты), другая часть, скорее всего, будет утилизирована. Кроме того, наша исследовательская группа получила благословение на то, чтобы разобрать вещи на складе и забрать для изучения и музея то, что покажется нам важным. Это стало для храма одним из способов убрать часть ненужных вещей, передав их «в хорошие руки» – для спасения.

В других населенных пунктах на границе Липецкой и Воронежской области можно наблюдать ту же картину. Киотные иконы и другие артефакты (многие из них – кустарного производства времен СССР) здесь скорее хранят, а не утилизируют. Часто так происходит, когда в достаточно большой по размеру церкви есть инфраструктурный аффорданс – нереконструированное или неиспользуемое помещение (верхний/нижний храм, хоры, колокольня, монастырские хранилища и т.п.). Эти локусы приспособливают под склады, ожидая «лучшего момента» и откладывая разбор накопленного приноса на годы и десятилетия.

Часто от местных церковных модераторов можно услышать, что все эти вещи им жалко, но они не знают, что с ними делать. В случае советских икон может срабатывать семейная семиотическая идеология: у священника мама/бабушка делала такие иконы, молилась им, хранила и берегла их. Все похожие предметы ассоциируются с детством и родителями, и на них переносится логика сохранения.

Со сменой настоятеля эта политика по отношению к символически значимым предметам может измениться. Существует также вероятность, что найдется волонтер, готовый придумать творческий способ реализации накопленного «церковного имущества», и центр хранения трансформируется в храм с каким-то другим типом отношения к символически значимым предметам. Однако, как показывает практика, с большей вероятностью со временем они будут (ритуализированно) утилизированы.

Утилизация. Во многих храмах и монастырях разработана специальная инфраструктура, направленная на постоянную и массовую ликвидацию символически значимых предметов различной степени статусности. Здесь разрабатывают сложные правила утилизации священного

мусора, работают с предметами на разных носителях (горючими и негорючими, плавкими, жидкими). Как уже говорилось, иногда модераторы в таких центрах сортируют вещи из церковного мусора: более статусные предметы (связанные с алтарем; освященные) отделяют от менее значимых (использовавшиеся в наосе; заздравные и заупокойные записки) и утилизируют отдельно друг от друга. Самые сложные практики такого рода распространились, по нашим исследованиям, в Нижегородской области. Примеры – Свято-Никольский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, (с. Автодеево, Ардатовский р-н), Знаменский скит Серафимо-Дивеевского монастыря (с. Хрипуново, Ардатовский р-н), Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря (пос. Кутузовка, г. о. Кулебаки) и др.

Рассказы о центрах утилизации часто встречались нам при работе в городских церквях. Так как обычно в крупных городах запрещено что-либо жечь на территории храмов, все настоятели и церковные работники бывают осведомлены о том, к кому нужно обратиться в случае, если требуются услуги по благочестивой утилизации. Специализирующиеся на этом храмы часто находятся ближе к черте города или за его пределами. Часто это кладбищенские церкви или крупные монастырские хозяйства. Иногда утилизация вытесняется из храмов и монастырей на частные территории, которым приходы делегируют эти задачи, как это произошло в уже упоминавшейся д. Обход (Ардатовский р-н, Нижегородская обл.). Сельские приходы, не имеющие подобных административных проблем, практически всегда сами организуют и проводят утилизацию собственного священного мусора.

В центрах утилизации бывает развита сложная система оценки разных носителей благодати. Кроме того, здесь нередко присутствует человек/люди с исторической или антикварной оптикой, которые контролируют постоянный поток вещей и отбирают те, которые могут иметь некую ценность.

Наконец, *практики «вытеснения»* развиваются в тех храмах, в которых символически значимые предметы не благословляется принимать. Если прихожане все же жертвуют что-то в такие церкви (иногда – незаметно подбрасывают), вещи оттуда быстро удаляют, перемещая в прицерковные локусы, отправляя на утилизацию или перераспределяя по другим приходам, часовням и т.п. Даже старинные церковные предметы нередко вытесняются из храмового пространства из-за господства модернизирующей семиотической идеологии в конкретном приходе.

Очень часто крупные и богатые храмы, которые работают как центры накопления и демонстрации в случае с вотивными дарами и цветами, а иногда и с записками святым, оказываются центрами вытеснения по отношению ко всем остальным символически значимым объектам. Иногда такие церкви, к примеру некоторые кафедральные соборы, вовсе оказываются лишены каких-либо типов церковного приноса: за исключением редких букетов с цветами,

принесенных прихожанами, здесь не находится места символически значимым предметам. Будучи статусным местом, центром притяжения паломников и туристов, публичным «лицом» епархии и города, такие храмы строго подходят к организации своей инфраструктуры, исключая из нее те церковные предметы, которые заранее отмечены как ненужные, низкостатусные, несоответствующие облику собора и мешающие выполнять его основные задачи. Практики вытеснения ярко проявляются в некоторых кафедральных соборах, в том числе: храм Христа Спасителя в Москве, Успенский собор в Смоленске, Троицкий собор в Брянске, Воскресенский собор в Твери, собор Христа Спасителя в Калининграде и др. В этих соборах существует практика приноса, туда попадают различные материальные объекты, но их последовательно вытесняют (в притворы, в нижние храмы, в прицерковные и другие локусы). Принос туннелируют, ограничивая его виртуальными финансовыми переводами и физическими денежными пожертвованиями, которые нужно опускать в специальные ящики.

Часто тенденция к вытеснению ненужных, по мнению настоятеля, предметов оборачивается тем, что для «приноса» используют не храмы, а другие связанные с церковью локусы – часовни (городские, сельские, кладбищенские или у источников) или святые родники.

Примером храма, в котором развиты практики вытеснения, является кафедральный Казанский собор Санкт-Петербурга. В нем сочетаются стратегии демонстрации и вытеснения. Именно благодаря взаимодействию этих стратегий формируется особая материальная среда храма. Одни объекты вытесняются, другие проходят жесткую цензуру и демонстрируются.

Инфраструктура Казанского собора определяется его значимостью для культурного пространства митрополии, города и России в целом. Это одновременно храм-музей, памятник архитектуры, охраняемый ЮНЕСКО³⁵⁷ и кафедральный собор епархии и митрополии (с 2000 г.), «центр церковной жизни Санкт-Петербурга» [Толоконникова 2012: 31] и т.д.³⁵⁸ Кроме того, он воспринимается как символ преодолевшего гонения и возрожденного православия. Именно здесь с 1932 г. находится Музей религии и атеизма ([Никитин 2012: 150], который только в начале 2000-х гг. был окончательно, по выражению одной из наших собеседниц, «изгнан» из здания храма.

Другой важной чертой собора в честь Казанской иконы Богоматери является его статус крайне значимого туристического аттрактора. Находясь в центре Петербурга, кафедральный храм функционирует в условиях перманентного массового потока посетителей, в значительной

³⁵⁷ О соборе // Официальный сайт Казанского кафедрального собора в Санкт-Петербурге. URL: <https://kazansky-spb.ru/texts/history> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵⁸ Также собор позиционируется в публичном дискурсе как «памятник российской воинской славы». См., например: [Толоконникова 2012: 31].

степени состоящего из невоцерковленных людей³⁵⁹. Это создает повышенную нагрузку на инфраструктуру и персонал. Соответственно, ключевыми приоритетами церковных акторов становятся сохранение физического порядка в храме, необходимого для его функционирования в качестве публичной репрезентации церковной власти.

Вот мы в три часа начинаем чистить, и до шести часов мы должны вычистить все подсвечники. Каждый день это. **В других храмах этого нет. А это ж – кафедральный собор!**³⁶⁰

В условиях такой постоянной перегрузки – и физической, и психологической – у сотрудников собора сформировался специфический режим восприятия пространства, практик, а также предметов, которые появляются в соборе. Их экспертиза и внимание сфокусированы на узком круге обязанностей (уборка, работа в лавке, ответы на вопросы посетителей и т.п.) и официальных нарративах (история собора, его архитектуры, центральная святыня). Такой профессиональный фокус оборачивается «слепотой» ко всему, что выходит за рамки рабочих обязанностей. Многие окказиональные практики прихожан и посетителей становятся для них невидимыми или малозначимыми: «Я не слежу», «Мы все – бегом на работу, бегом с работы, я не замечала», «Я как-то не придавал этому значения», «Если честно, я не слежу» и т.д. (Впрочем, некоторая часть таких высказываний может быть связана с тем, что многие практики приноса оценивают здесь негативно, и разговор об этом некомфортен для сотрудников, задача которых – убирать то, что посетители могут подсунуть под иконы или в щели киотов).

Уникальный контекст Казанского собора безусловно влияет на то, как здесь осуществляется модерирование символически значимыми предметами. Практики вытеснения здесь дополняются практиками коррекции: церковные работники перенаправляют по легитимным каналам и перекодируют принесенные в собор предметы постфактум. В отличие от вотивной традиции (см. раздел 3.1.1.), многие предметы и практики посетителей – туристов и «захожан», – связанные с приносом, в Казанском соборе остаются вне наблюдения и контроля со

³⁵⁹ В основном приходят люди, которые невоцерковлённые. Которые в первый раз пришли в храм. Некоторые даже не знают, вот зашли в храм и не знают, куда идти и что делать. <...> [Это потому, что это символ города и сюда много приходят тех, кто хочет просто посмотреть?] Всё время! Здесь – да! [В других храмах тоже так?] Нет. Ну вот он центральный храм, на Невском. Центр города и вот – кафедральный собор. Здесь всегда очень много народу. Это вот сейчас пока более-менее. А если праздник, тут вообще не войдёте в храм. [ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.].

³⁶⁰ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.

стороны церковных модераторов. Они не могут быть отслежены или искоренены, поэтому уже после их принесения подвергаются систематической корректировке.

Так, я заметила рубль на уступе храмовой стены у иконы «Благовещение». Обратившись к «консультанту по религиозным вопросам» – эта должность была учреждена в соборе, чтобы авторитетный человек отвечал на вопросы многочисленных туристов и захожан – я не получила никакого пояснения. Мой собеседник, псаломщик с высшим богословским образованием, удивился (по крайней мере, на словах) этой практике и не смог найти ей никакого (религиозного) обоснования. Другие сотрудники собора оставленные у икон монеты интерпретируют не как местный обычай, а как случайность или индивидуальное «поверье» (иностраннх) туристов: «Положил – вернешься».

После обнаружения явно «лишнего» предмета у реликвий их перемещают в локусы, которые являются нормативными для объектов такого типа – в ящики для пожертвований. «Чужие» для данного места и контекста, неинституционализированные ритуальные практики символически и дискурсивно обесцениваются.

Похожая ситуация наблюдается и в отношении записок святым. Практика подкладывания записок напрямую к образам оценивается негативно («не есть хорошо», «не приветствуется», «не благословляется»). Этому может быть множество объяснений: эта практика не свойственна церковной культуре; она не вписывается в «официальный» образ собора; записки загрязняют пространство, которое тщательно вычищают и др. Одна из причин – экономический фактор. Тайно написанная и оставленная у икон записка, в интерпретации церковных модераторов в Казанском соборе, обходит нормативную процедуру подачи записок и сопутствующее денежное пожертвование.

Оплаченные записки попадают в алтарь и зачитываются на литургии. Однако записки святым – предмет совершенно другого рода. Они предполагают прямое обращение к божественному агенту, без обязательного прочтения в алтаре. Поэтому и оставляют их у святынь, а не отдают через лавку: не предполагается, что их будут зачитывать на молебне или панихиде. Адресант не подразумевает, что его обращение к Господу, Богородице или святому будет прочитано кем-либо из «земных» агентов. У него совершенно иные интенции.

Однако модераторы практики подачи записок не принимают во внимание мотивации дарителя. Такая практика не рассматривается как самоценная, ее оценивают как случайную или ошибочную вариацию традиционной подачи записок. Для работников этого собора церковные записки и записки святому оказываются изоморфными объектами, поэтому последние проходят церковную цензуру и к некоторым из них, где перечислены имена для поминовения, применяют стандартные практики – собирают и передают для чтения на службе. Так даже «неправильный» материальный объект может обрести «правильное» назначение.

Строгий контроль пространства оборачивается особыми настройками цензуры. Она способна перенаправлять практики, убирать «неверные» предметы. Тем самым происходит символическое очищение церковного пространства от «чуждых» ритуалов и материальных объектов. Их превращают в «свои» путем физического перемещения или (в случае некоторых записок) символического уравнивания с «правильными» предметами.

Для «возвращаемых» храму (сохранных) вещей или церковного мусора, как кажется, инфраструктура собора вовсе не настроена. Все старые и выглядящие непрезентабельно вещи обычно удаляют из храма, как только они появились в его пространстве и оказались замечены кем-то из церковных работников.

Таким образом, управление приносом в Казанском соборе основано не на создании специализированной и детализированной инфраструктуры для разных типов приноса, а на формализации высокостатусных практик, мягкой корректировке низкостатусных и «профессиональном игнорировании» периферийных. Эта стратегия позволяет собору поддерживать порядок и имидж в условиях непрерывного массового потока посетителей. Церковная инфраструктура интегрирует некоторые стихийные и «не благословляемые» практики, но символически нейтрализует их, перенаправляя в легитимные церковные каналы (монеты отправляются в ящики для пожертвований, некоторые записки – к официально поданным). Этот пример показывает, что храмовая инфраструктура может реагировать и на те вещи из приноса, которые не востребованы и которые не поощряются церковным руководством. Такая стратегия показывает себя эффективной для управления хаотичной материальностью церковного приноса, в формирование которого участвуют многочисленные туристы и окказиональные посетители.

* * *

Перечисленные стратегии задают общие координаты, в которых могут быть описаны разные приходы. Однако повторим, что ни одна из них не существует в чистом виде – в конкретных инфраструктурных решениях они сосуществуют, взаимодействуют, по-разному определяя специфику каждого прихода. То, как именно храм накапливает, распределяет, коллекционирует или уничтожает вещи, зависит от множества локальных факторов: статуса и экономики прихода, позиции настоятеля, состава прихожан, наличия работников-энтузиастов. Как работают эти стратегии мы разберем, обратившись к анализу конкретных кейсов.

3.3. Инфраструктурные стратегии приходов: кейс-анализ

3.3.1. Храм-витрина: стратегия демонстрации

В качестве примера мы остановимся на соборе Александра Невского и рассмотрим, как практики с символически значимыми предметами зависят от инфраструктуры храма и как они могут работать на имидж и статус прихода.

Кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде. Кафедральные храмы играют особую роль в жизни епархии. Именно здесь правящий архиерей совершает службы. Кроме того, это основной локус публичной репрезентации епархии – для городских администраций, для туристов, для вышестоящего церковного руководства и т.д. Этот локус часто становится местом встречи важных гостей, а также мероприятий, связанных с историей города и/или церкви.

Часто кафедральные соборы отражают благосостояние епархий/митрополий. В них в первую очередь появляются различные нововведения. Кроме того, в связи с тем, что обычно такие храмы располагаются в главном городе епархии, они включаются в инфраструктуру современных мегаполисов и малых городов, в проекты благоустройства среды, в туристические маршруты и проч. Они являются примером/образцом для других городских храмов и священников епархии. Поэтому и внутренний порядок, и публичный образ соборов обычно хорошо продуманы и олицетворяют общекультурную программу и политику епархии. Здесь разрабатывается и поддерживается своя визуальная организация пространства, установлен четкий порядок культурных, туристических практик, а также треб (торжественных свадеб, официальных отпеваний), выработана особая инфраструктура и т.д.

Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского оказывается показательным по всем этим параметрам. С 2009 г. он является кафедральным храмом Нижегородской и Арзамасской епархии³⁶¹, а с 2012 г. – также центральным храмом новообразованной Нижегородской митрополии. Сейчас он представляет собой интересный с точки зрения организации материальной культуры кейс.

Здесь сходятся множество практик, включающих символически значимые вещи с неопределенным статусом, о которых мы писали выше. Многие иконы собора украшены драгоценными вотивными дарами. Живые цветы здесь постоянно стоят в вазах у реликвий – цветы продают в храме, чтобы прихожане и туристы включались в предложенную практику и своими усилиями поддерживали заранее продуманную организацию пространства. Существует также практика оставлять записки в сундучке у иконы Матроны Московской, которой мы, однако, в данной случае касаться не будем. Несмотря на формальный запрет приносить сюда

³⁶¹ Вместо Спасского Староярмарочного собора.

вещи на обмен и утилизацию (см. Приложение, ил. 31), собор, как всякая церковь, притягивает вещи, для которых дарители больше не находят места в своей религиозной повседневности. И если вотивы, цветы и записки (условно «новые» вещи) занимают свое законное место в пространстве храма, а их количество постоянно прирастает, то предметы из категории «старых», наоборот, из этого пространства вытесняют. На это направлены и распоряжения священноначалия, и действия церковных работников.

Через рассмотрение инфраструктуры собора и того, как в нее вплетены символически значимые вещи, мы можем проанализировать более широкий комплекс явлений и ответить на ряд вопросов. Как современный кафедральный собор с помощью реликвий и других материальных объектов может выстраивать свой публичный образ? Если он расположен в крупном городе, как он включается в современные светские практики мегаполиса? Как он выстраивает (если выстраивает) границы между «своим» и «чужим», допустимым и запрещенным, пользуясь доступными инфраструктурными стратегиями? Как практики, направленные на публичную репрезентацию, сочетаются с внутренними приходскими задачами? Наконец, как практики приноса могут быть реализованы в таком статусном и значимом для епархии пространстве как кафедральный храм? Все эти аспекты мы рассмотрим подробнее.

Полевая работа и сбор данных в кафедральном соборе Александра Невского проводились несколько раз, в 2023, 2024 и 2025 гг. Основными собеседниками стали, во-первых, работницы этого собора – ризничная, уборщица и продавщица церковной лавки, а также экскурсовод, которая включает этот храм в свои туристические маршруты. Интервью с посетителями были проведены всего дважды, что было, насколько возможно, компенсировано изучением отзывов о соборе на сайте «Яндекс.Карты» (на момент написания этого раздела диссертации их было около 4000). Также была привлечена информация и визуальные материалы, опубликованные на официальных сайтах собора³⁶² и Нижегородской митрополии³⁶³. Еще одним источником послужил альбом об Александро-Невском соборе, выпущенный в 2020 г. по заказу прихода издательством «Деком» к 800-летию святого благоверного князя, совпавшего с 800-летним юбилеем города (1221–2021 гг.) [Матвеев 2020].

Чтобы понять, как символически значимые вещи функционируют в комплексе культурных практик собора Александра Невского, обратимся к более широкому контексту и рассмотрим, какое место занимает этот храм в культурном пространстве города.

³⁶² Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁶³ Нижегородская митрополия // Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. URL: <https://nne.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

Собор и город. Значимость собора Александра Невского, который стоит в знаковом городском месте – на Стрелке, где сливаются Ока и Волга – определяется не только его положением в иерархической структуре организаций РПЦ, но и его ролью в повседневности и культурном образе Нижнего Новгорода. Как неоднократно подчеркивали наши информанты, а также высказывающиеся на сайте «Яндекс.Карты», собор воспринимается как одна из «доминант» города³⁶⁴.

И щас, как бы, собор Александра Невского, если посмотреть, это действительно **доминанта**, да? Вот, особенно в Нижней части города.³⁶⁵

... И храм – **архитектурная доминанта нескольких районов города**. <...> **А виды на Нижний от него – восхитительные!**³⁶⁶

Огромный собор с шатровыми куполами, внутри богато украшен фресками. Явная **доминанта** этого места. <...> **Вид на Кремль на противоположном берегу симпатичный**³⁶⁷.

³⁶⁴ Здесь играют роль несколько факторов. Одну из ключевых – размер собора. Он возвышается над открытым пространством, контрастируя с низкими соседними постройками. Масштаб подчеркивается архитектурными и цветовыми решениями. После реставрации здание восстановили по фотографиям и документам [Матвеев 2020: 26] как пятикупольное шатровое, с выдающимся вверх центральным барабаном, и выбрали яркий желтый цвет для внешней отделки. Такой оттенок редко встречается в православной архитектуре. Он выделяет собор на фоне не только других религиозных построек города, но и других объектов в окружающей среде: **«Его трудно не увидеть в Нижнем Новгороде. Александро-Невский Новоярмарочный собор – православный храм. <...> Яркий и красивый. Местные говорят, что он всегда был такого необычного цвета, так как его сделали из местной глины»**³⁶⁴ Источник: Отзыв пользователя «Анна Каст» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=dt522hk7ckgb3rduuy9a2vq7qr&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация. Во-вторых, важную роль играет пространственный фактор – храм стоит на Стрелке. При этом, находясь в Нижней части города, он хорошо заметен и с «Верхнего Нижнего», то есть из исторического центра – основного места прогулок горожан и туристов. Хороший обзор на него открывается и с рек, причем и в дневное, и в ночное время (благодаря подсветке): **«Мне кажется, что да, этот собор щас доминанта. Его отовсюду видно, всё. И тут получается, что от храма мы хорошо видим Нижний Новгород, да?»** ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁶⁵ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁶⁶ Отзыв пользователя «Андрей Захарченко» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=andreyzakharchenko25&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

³⁶⁷ Отзыв пользователя «Дарья» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: <https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=nqtyqykn55y4kd2t8r6wm>

В публикациях о храме, а также в экскурсиях постоянно подчеркивается факт, что это не только крупнейший собор области³⁶⁸, но и третий по высоте собор России, который уступает только храму Христа Спасителя в Москве и Исаакиевскому собору в Санкт-Петербурге³⁶⁹. Кроме того: «Это самый большой храм в мире, который посвящён ... Александру Невскому»³⁷⁰.

Сама Стрелка с середины 2010-х гг. начала играть новую роль в городском ландшафте благодаря реновации территории и возведению на ней новых объектов³⁷¹. Со временем город менялся, приобретал все больший культурно-туристический потенциал, и теперь Стрелка – не закрытое пространство, огороженное заборами³⁷², а одно из главных мест притяжения нижегородской публики. Сейчас это витальная многопрофильная зона рекреации и пространство

[8cdkm&si=ywpqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review](https://www.sobaka.ru/nn/city/urbanistics/202017) (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

³⁶⁸ Существует путаница относительно высоты собора. Обычно транслируется цифра 87 метров, однако по чертежам она составляет 78 метров. «Вот старший священник, который там был на тот момент, когда мы делали альбом <[Матвеев 2020]>, он говорил: семьдесят восемь метров. Вот. Но при этом он всегда смеялся, он говорил: “Кто-то перепутал цифры, и стал <собор> типа восемьдесят семь”. Вот. Потом, когда у нас там была как раз тоже аттестация, но они тогда очень кстати, всё правильно, хорошо, деликатно сделали. Мы договорились говорить: восемьдесят метров». ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁶⁹ На самом деле, в России построен ряд православных храмов, которые превышают по величине собор Александра Невского, но уступают храму Христа Спасителя (103 м) и Исаакиевскому собору (101,5 м): Благовещенский кафедральный собор в Воронеже (97,5 м), Спасо-Преображенский собор в Хабаровске (96 м), Храм Воскресения Христова (главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации) в Кубинке, Московской обл. (95 м), Смольный собор Санкт-Петербурга (93,7 м) и др.

³⁷⁰ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁷¹ К Чемпионату мира по футболу, который проходил в нескольких городах России в 2018 г., на Стрелке возвели спортивный стадион. Территория подверглась «временному благоустройству». Здесь создали рекреационную зону с местами для прогулок, фотографий и любования закатами. После реконструкции Стрелки Собор был включен в «единый горизонт» [Петров, Гардер 2019: 188] этого места. Комплекс «доминант» на Стрелке расширился до ряда достаточно крупных сооружений: храм Александра Невского, стадион, (строящаяся) ледовая арена, отреставрированные здания пакгаузов и т.д. Тем не менее, городские проектировщики, как кажется, заботятся о сохранении гармонии в этом соцветии сооружений, отличающихся друг от друга не только временем возведения, но и функциями, и стилистическими решениями. Показателен в этом плане пример с расположением новогодней ёлки на Стрелке в декабре 2025 – январе 2026 г.: место для нее было выбрано так, чтобы она была заметна издали на фоне других крупных объектов Стрелки и не терялась между ними.

³⁷² «Когда-то здесь был край географии: Горьковский порт, место разгрузки судов, жил технической жизнью. Много раз за свою историю он передавался из рук в руки и в конечном счете был закрыт. Глобальные изменения на территории Стрелки начинаются с подготовкой к чемпионату мира по футболу: место расчищается от непрофильных активов (кооперативов, гаражей и пр.)». Источник: Макаров, Т. «Отвечаем на вопрос скептиков – при иконах можно пить кофе!» // НН.Собака.ru. 10.07.2025. URL: <https://www.sobaka.ru/nn/city/urbanistics/202017> (дата обращения: 26.02.2026).

креативных индустрий, место проведения выставок, концертов, фестивалей, праздников и т.д. Как локус спектакля и визуальных эффектов, Стрелка стала притягательным и для горожан, и для туристов объектом современного городского ландшафта: здесь постоянно много гуляющих [Дуцев 2023]. Все эти градостроительные трансформации 2010-х гг. затронули и собор.

[Храм считается больше туристическим храмом или здесь много местных?] Ну вот, здесь видите, как уже тут сделали. Тут и <стадион к> «FIFA» сделали. Потом ещё залили ледовый дворец. Здесь же была у нас... Такой тихий уголок. Вот, а щас стало такое место... Что туристические всякие разные. [Это из-за того, что построили <стадионы>?] <...> Здесь просто место уже такое сделали, чтобы для отдыха и для... всего [смеётся]. Досуга всякого. Здесь же народа всегда полно³⁷³.

Значение кафедральному храму Александра Невского придает и то, что его история плотно сплетена с историей Нижнего Новгорода, а также знаменитой Нижегородской ярмарки [Матвеев 2020]³⁷⁴. В XXI столетии собор постепенно выходил на культурную сцену, а сейчас пользуется статусом объекта-символа, одного из брендов Нижнего Новгорода³⁷⁵. Преобразуется он и в значимое туристическое пространство [Пепеляева 2025] – усилиями инициативных горожан, предпринимателей, администрации и руководства епархии³⁷⁶. История собора вплетается и в более масштабный – общероссийский – исторический нарратив. Его строительство

³⁷³ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

³⁷⁴ Собор был возведен в XIX в. на деньги нижегородских купцов как второй (и главный) православный храм ярмарки (До недавнего времени горожане даже называли собор Александра Невского «Новоярмарочный», однако сейчас это название выходит из употребления). Почти весь XX в. он находился на закрытой территории. С храма сняли шатры, и во время Великой Отечественной войны на центральном барабане установили зенитную батарею для обороны города от воздушных налетов. В разные годы здание собора использовали под склады и как жилые помещения.

³⁷⁵ В январе 2026 г. за Нижним Новгородом в Роспатенте были официально зарегистрированы товарные знаки «Столица закатов» и «100% настоящая Россия». См. подробнее: Газизуллин, М. Нижний Новгород стал официальной «Столицей закатов» // Российская Газета. 19.01.2026. URL: <https://rg.ru/2026/01/19/reg-pfo/nizhnij-novgorod-stal-oficialnoj-stolicej-zakatov.html> (дата обращения: 26.02.2026). Примечательно, что губернатор Глеб Никитин в официальном телеграм-канале разместил новость об этом, используя в посте фотографию собора Александра Невского в закатных лучах. См.: Никитин, Г. Роспатент закрепил за Нижним Новгородом туристические бренды... // Глеб Никитин. Телеграм. 19.01.2026. URL: https://t.me/glebnikitin_nn/8490 (дата обращения: 26.02.2026).

³⁷⁶ Высоцкая, С. Главный собор епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 12.10.2009. URL: <https://nne.ru/glavnyi-sobor-eparkhii/> (дата обращения: 26.02.2026).

«благословлял» император Александр II. Пределы собора были освящены в честь небесных покровителей членов императорской фамилии³⁷⁷.

Играет здесь свою роль и посвящение собора святому князю Александру Невскому, который в конце XX – начале XXI в. стал одной из культовых фигур в различных российских (государственных³⁷⁸, церковных и др.) контекстах [Шенк 2007]. В Нижнем Новгороде³⁷⁹, Нижегородской и Владимирской областях (в частности, в Городце) идет «борьба культурной памяти» за присвоение имени этой исторической фигуры [Кузнецов 2020]. Кафедральный собор, освященный в его честь, играет здесь ключевую роль. Он становится местом памяти [Нора 1999] об Александре Невском, притягивает к себе объекты и события (памятник и другие мемориальные объекты (см. ниже), праздники, годовщины³⁸⁰), связанные с его именем, материально выражает права сообщества на святого-князя. «Бренд» Александра Невского, в свою очередь, сказывается на имидже собора³⁸¹.

Все эти факторы сыграли свою роль в том, как выстроилась инфраструктура собора к 2020-м гг. Сейчас собор Александра Невского – приходской храм, выполняющий все его обычные функции. Однако как культурный памятник собор оказался значимым игроком в поле

³⁷⁷ История собора // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/istoriya-sobora/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁷⁸ В 2008 г. государственный телеканал «Россия» завершил свой проект «Имя Россия» – выбор значимых для страны персоналий. По итогам зрительского голосования, святой благоверный князь Александр Невский был признан «национальным символом» [Борусяк 2008].

³⁷⁹ Нижний Новгород претендует на имя исторической личности на том основании, что Александр Невский – ровесник города (1221), а также прямой родственник основателя города (тоже святого князя) – Георгия (Юрия) Всеволодовича. Этими фактами часто обосновывают претензии нижегородцев на имя святого князя [Кузнецов 2020].

³⁸⁰ Например, в 2009 г. в Нижнем Новгороде и области прошли «Александровские дни» – около 150 мероприятий, посвященных памяти святого-князя. В сентябре этого же года город посетил патриарх Кирилл, который и присвоил собору статус кафедрального. По некоторым источникам, Нижний Новгород стал центром этой общероссийской акции: «Александровские дни» в Нижегородской области – признание нашей исторической связи с «именем России» // «ВремяН». 07.09.2009. URL: https://www.vremyan.ru/interviews/aleksandrovskie_dni_v_nizhegorodskoj_oblasti_priznanie_nashej_istoricheskoy_svjazi_s_imenem_rossii.html (дата обращения: 26.02.2026).

³⁸¹ «А потом тут ещё, понимаете, какой момент очень важный. Это то, что касается вообще основания города у нас. Потому что у нас практически, ну, скажем, очень мало городов, не то, что в России, вообще в мире, которые были бы основаны святыми. Мы с вами говорим про город. Не про монастырь, из которого может там город вырос, а про город. Вот. То есть, в принципе, это большая редкость. И тут Нижний Новгород – это как бы особая тема. Вот. И, значит, тут связь, конечно, кровная, да? Георгий Всеволодович – Александр Невский его племянник, <...> **эту значимость собор как бы постоянно подчеркивает.** И ставится, в двадцать первом году ставится <рядом с собором> этот памятник <Александру Невскому>, но **вы его тоже в любом случае видели**, да? То есть **стоит памятник человеку, которому, по сути, посвящён храм.** ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

идентичности и экономики города. Соответственно, к приходской инфраструктуре начали подтягиваться необходимые элементы городской и туристической среды (см. ниже), а сам храм стал своего рода выставочной площадкой города и епархии. В эти процессы оказались включены и символически значимые объекты (главным образом вотивы и цветы), интересные нам.

Материальная инфраструктура собора: практики демонстрации. Теперь обратимся к внутрихрамовой материальной среде, которая модерируется его руководством. Сфокусируемся на том, с помощью каких механизмов, а также объектов выстраивается публичный образ собора и, во многих смыслах, репрезентируемой им нижегородской митрополии.

Репрезентация собора (и епархии) – в городской среде, в аналоговых и цифровых медиа – это результат некоторых культурных стратегий, определяемых главой епархии, митрополитом Нижегородским Георгием³⁸². Он занимает кафедру епископа Нижегородского и Арзамасского с 2003 г. Когда в 2012 г. в результате епархиальной реформы патриарха Кирилла [Абрамов, Давыдов 2025] была образована Нижегородская митрополия, архиепископ Георгий стал ее правящим архиереем.

Вступление митрополита Георгия на митрополичью кафедру совпало с этапом внутренней отделки здания храма и развернулось в масштабное (в соответствии с размерами самой постройки) иеротопическое творчество. Мы уже указывали, что именно на этапе наполнения пространства храма реликвиями его инфраструктура становится уникальной. Поэтому именно с 2012 г. началась новая история собора. Благодаря усилиям епископа, а затем митрополита Георгия собор приобрел и статус, и облик кафедрального³⁸³.

³⁸² В миру – Василий Тимофеевич Данилов. См.: Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский (Данилов Василий Тимофеевич) // Московский патриархат Русской православной церкви. Официальный сайт. URL: <https://www.patriarchia.ru/person/47> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁸³ По свидетельствам наших собеседников, с середины 2000-х гг. храм постепенно, но сравнительно быстро наполнился реликвиями и иконами. Тогда же начали складываться новые практики, оформлялась культурная и экономическая программа собора, принципы взаимодействия с городом, с посетителями и т.д. В течение 2010-х гг. собор приобретал свой современный вид, который окончательно сформировался в начале 2020-х гг., когда были завершены основные проекты его внутреннего оформления и реконструкция прихрамовой территории Стрелки. Периоды интенсификации работ по наполнению собора реликвиями, его росписи, по организации помещений и внешней среды были приурочены к важным для истории города и собора датами: 2009 г. – юбилей Александра Невского, 2012 г. – 400-летие ополчения, 2014 г. – 290-летие перемещения мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург, 2018 г. – обустройство города к Чемпионату мира по футболу, 2021 г. – 800-летие Нижнего Новгорода и святого князя. Это мы видим из интервью: 1) «Вот он [собор. – А.З.] ремонтировался в двухтысячных годах. Здесь всё было – <когда в 2011 году> я сюда пришла – здесь всё было розово-серо, вся... все грязные стены. Его только начали <внутри> восстанавливать» (ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.). 2) Поэтому тут сразу, вот надо просто вот эти вот даты, к которым как бы делалось максимальное, да? То есть это вот две тыщи двенадцатый,

Потом начинается вот этот процесс очень сложный в 1980-е годы. Там субботники проводились. То есть просто нужно было как-то вот привести более-менее в порядок всё это дело, потому что это действительно казалось чем-то таким абсолютно нереальным. **Очень большой масштаб, очень большая площадь.** Вот. И просто неравнодушные приходили там, как-то помогали, чё-то делали. Потом передают епархии. Это, наверное, год восемьдесят девятый. **И... Ну, тогда работы, они такие были, всё равно не очень большие,** <...> сам храм, где вы были, вот этот вот, он был в жутком состоянии. То есть там и полы были все вскрыты. Ну, понятно, что ни иконостаса, ничего – об этом даже речь не шла. Вот. А потом к нам прислали – это две тысячи третий год уже был – вот того человека, кто щас возглавляет нашу епархию, это щас митрополит Георгий. Тогда его прислали, он, естественно, епископом был. И вот **он сразу как-то сказал, что вот этот храм у нас будет кафедральным. То есть самый главный храм.** <...> В общем, работы вот уже в двадцать первом веке в Невском соборе начались такие активные³⁸⁴.

12 сентября 2009 г., в день памяти Александра Невского и престольный праздник собора, патриарх Кирилл дал собору свое благословение: «Некоторое время назад **ваш правящий архиерей владыка Георгий попросил** у меня благословения сделать собор в честь святого благоверного князя Александра Невского кафедральным. **Сейчас, увидев, насколько облик этого храма изменился к лучшему, насколько он прекрасен и величественен,** я даю это благословение. Отныне собор в честь Александра Невского является кафедральным во славу Божию и святого князя»³⁸⁵.

В этом перформативном высказывании мы видим, какими характеристиками должен обладать собор, чтобы претендовать на статус кафедрального. В первую очередь внешне, визуально и материально, он должен транслировать *величественность*. Представления о достойном облике кафедрального собора Александра Невского отразились в множественных объектах и практиках, через которые эта величественность/статусность демонстрируется – и воспринимается. Рассмотрим составляющие такого облика собора³⁸⁶.

восемнадцатый и двадцать первый. Потому что это даты, и под это как-то есть, о чём говорить уже, видимо. И с какими-то властными структурами, и всё вот это вот (ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.).

³⁸⁴ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁸⁵ Собору в честь святого благоверного князя Александра Невского в Нижнем Новгороде присвоен статус кафедрального // Нижегородская митрополия русской православной церкви. Официальный сайт. 12.09.2009. URL: <https://nne.ru/news/soboru-v-chest-svyatogo-bлагоvernogo-knyazya-aleksandra-nevskogo-v-nizhnem-novgorode-prisvoen-status-kafedralnogo/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁸⁶ Отдельным интересным вопросом является репрезентация различных типов храмов в цифровой среде. Сайт кафедрального собора Александра Невского, на наш взгляд, соответствует

Помимо уже упомянутого масштаба самого здания, весь комплекс религиозно-административных построек, относящихся к собору, занимает значительное место на Стрелке. Этот комплекс включает³⁸⁷: 1) сам храм; 2) здание церковной лавки³⁸⁸; 3) дом причта (включающий склад), 4) архиерейскую резиденцию, 5) воскресную школу (там же – библиотека, катехизические курсы) и ряд других объектов.

К ансамблю построек примыкают также мемориальные объекты. Это памятник Александру Невскому³⁸⁹, стоящий справа от собора и глядящий на реку, а также 64-тонный «Соборный» колокол с рельефным изображением связанных с Нижегородчиной святых³⁹⁰, в число которых включен и Александр Невский. Оба установлены к юбилейным датам в истории города.

Неформально, но символически, пространственно и, во многих случаях, экономически³⁹¹ к собору относятся и другие близлежащие постройки, которые можно охарактеризовать как рекреационно-туристические: ларьки с сувенирной продукцией и с выпечкой («Пирог. Чай»), находящиеся у входа в собор, а также кофейня «ТП-РП №2820» (или «Искра») в здании бывшей трансформаторной подстанции речного порта³⁹² [Остапенко 2025] и платный общественный туалет. Также на прилегающей к собору территории в большом количестве установлены

его «аналоговой» материальной репрезентации. Так, сайт предлагает виртуальную 3D-экскурсию по собору: 3D экскурсия // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/an2/index.html> (дата обращения: 26.02.2026). Та же технология используется для цифровой репрезентации Епархии через музей ее истории: Церковно-Археологический Музей Нижегородской епархии // Вознесенский Печерский мужской монастырь, Нижегородская епархия. URL: <https://www.pecherskiy.nne.ru/czerkovno-arheologicheskij-muzej-nizhegorodskoj-eparxii/?ysclid=mm3nkiz7qn418136662> (дата обращения: 26.02.2026). Такую технологию могут себе позволить далеко не все храмы, даже если это кафедральные соборы митрополий РПЦ.

³⁸⁷ Кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде, прилегающие постройки и объекты // Яндекс.Карты. URL: <https://yandex.ru/maps/-/CPqeMUln> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁸⁸ На «Яндекс.Картах» она обозначена как «Паломнический центр», однако вывески с таким названием на постройке сейчас нет.

³⁸⁹ Установлен в 2021 г. к 800-летию юбилею города и Александра Невского.

³⁹⁰ Установлен в честь 400-летия Нижегородского ополчения под руководством Минина и Пожарского.

³⁹¹ Кофейня ТП-РП находится «на балансе» митрополии. Источник: Варсегова, Н. Иконопись и беспроводные зарядки: в здании бывшей подстанции открыли кофейню в стиле монастырской трапезной с «кельями» // Комсомольская правда. 06.04.2024. URL: <https://www.kp.ru/daily/27588/4913730/> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁹² Отсюда и аббревиатура в названии кофейни. Название «Искра» венчает стену у конька крыши на входе в кофейню и воспринимается как второе, неформальное название заведения. Подробнее: Концепция сохранения и развития бывшей подстанции на территории Стрелки // Институт развития городской среды Нижегородской области. URL: <https://irgsno.ru/projects/tp-rp-2820/realizaciya> (дата обращения: 26.02.2026).

материальные знаки «туристичности»: баннеры, указатели, электронные панели и т.п. Эти постройки формируют, в описании работников собора, единую храмовую инфраструктуру.

Есть склад – это не в храме. Это за храмом, есть специальное, отдельное у нас здание – **дом**, называется, **причта**. <...> Ещё есть у нас есть хвосты зданий **Воскресной школы**, где есть библиотека. Тоже отдельное здание. [Всё относится к храму?] **Да, это всё наше, храмовое.** И ещё у нас вот здесь [*показывает*] **есть жёлтое здание – архиереечный дом.** <...> Дом его [Владыки Георгия. – А.З.], у него там всё: и отдых, и... залы для работы... конференц-залы³⁹³.

Там на самом деле, целая инфраструктура есть, просто на неё никто внимания не обращает никогда. Вот, но там есть специальное здание, там... Там же, ну, секретариат, условно говоря, да, находится, собора. Вот, а так – там есть здание просто, и когда там какие-то рабочие совещания епархиальные, владыка, бывает, проводит. Там, по монастырям или ещё почему-то, когда народу не очень много, потому что там небольшое помещение. <...> Вот, ещё там есть здание тоже там, где-то, библиотека, где курсы катехизические занимаются³⁹⁴.

Столь обширный инфраструктурный комплекс позволяет собору справляться с теми задачами, которые перед ним ставит его месторасположение и роль для города, а также с внутренними задачами церковного обихода (епархиальными собраниями, административными и хозяйственными задачами, социальными проектами, катехизацией, образованием и т.д.).

Хотя собор – это единый механизм, его пространства и службы также можно разделить на те, что занимаются внутренней деятельностью храма и епархии, а также те, которые отвечают за культурно-туристическую активность этой единицы РПЦ.

К внутренней деятельности относятся: три церковные лавки, куда поставляется товар с епархиальных складов (две из них находятся внутри собора, в наосе), просфорня, ризничная, воскресная школа «Надежда», школа колокольного искусства³⁹⁵, паломнический центр, библиотека³⁹⁶, хозяйственный склад.

³⁹³ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

³⁹⁴ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

³⁹⁵ Школа колокольного искусства // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/shkola-kolokolnogo-issusstva.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁹⁶ Библиотека работает с 1991 г. На сайте собора подчеркнуто, что начало собранию дала практика приноса: «Православная библиотека при кафедральном соборе ведёт свою историю с 1991 года – тогда прихожанами были пожертвованы первые книги, а вся библиотека умещалась

Деятельность, направленную вовне, осуществляют такие структуры собора как экскурсионное бюро, организующее платные экскурсии по собору и аккредитующее экскурсоводов для работы внутри храма. Без соответствующего разрешения экскурсионная деятельность в здании храма запрещена³⁹⁷. В подклети собора оборудовано пространство для проведения православно-ориентированных выставок. Также собор является «режимным» объектом: при входе посетителей встречает пост охраны.

Материальная инфраструктура является средой для множества видов деятельности, которые осуществляют священники и работники собора. Это место оказывается мощной индустрией, производящей и предлагающей религиозные, туристические, рекреационные практики. Такая развитая инфраструктура внутренних служб является следствием высокого статуса храма. Сейчас эта инфраструктура довольно статична по сравнению с годами реставрации собора и оформления территории Стрелки, однако новшества могут быть введены в любой момент. Процесс создания инфраструктуры не может быть завершен, так как кафедральный храм является подвижной, адаптивной и живой средой³⁹⁸.

Проект иеротопии храма тоже сложился и успешно функционирует, но так же как вся инфраструктура, он является подвижным, меняется в деталях и не может быть «окончательно зафиксирован». В нем также отчетливо выделяются объекты и практики, которые связаны с демонстративной величественностью.

Можно сказать, что суммарный размер внутренних помещений храма – это аффорданс для иеротопических практик. Большие пустые пространства приглашают думать об их заполнении. В результате собор оказывается наполнен соответствующими ему по масштабу объектами.

Величина резного деревянного иконостаса, содержащего 118 икон, составляет 23 метра [Матвеев 2020: 28]. Посетителей не оставляет равнодушными его необычное – темное – оформление и, конечно, высота.

Меня очень сильно удивило количество икон, которые... какие же они там были? Они были Богородичные или нет? Я сейчас совсем чё-то не могу вспомнить само изображение, но помню, что **они** **прямо по всему периметру церкви**. Вот просто всё в иконостасах. Ну,

в сторожке при входе на территорию». Подробнее: Библиотека // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/biblioteka.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁹⁷ Экскурсионное бюро // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/ekskursionnoe-byuro.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁹⁸ Это хорошо прослеживается по фотографиям собора 2000–2020 гг., распространившимся в интернете. Менялось расположение киотов, в наосе и в притворе добавлялись новые объекты, прослеживается даже увеличение количество votivных даров с течением времени.

большой иконостас, просто огромнейший, я никогда такого не видела, по ощущениям. <...> сделала одну общую фотографию с иконостасом. Потому что реально он сумасшедший какой-то³⁹⁹.

Другой впечатляющий размерами объект – икона Всемилоственного Спаса. Это копия другого, известного почитаемого образа из г. Тутаева: «Икона Спасителя была написана в 2008 году соборными иконописцами и является точной копией иконы XIV века, которая находится в храме Воскресения Христова в г. Тутаев Ярославской области»⁴⁰⁰. Под иконой соорудили специальный лаз – такой же, который сделан под чудотворной иконой в Воскресенском тутаевском храме⁴⁰¹.

Практика пролезания под иконой была перенесена в храм Александра Невского вместе с самой копией образа, и тоже вызывает удивление посетителей, как показало включенное наблюдение. При мне группа туристов подговаривала друг друга пролезть под иконой, громким шепотом восторгаясь необычностью «обычая» и обсуждая, что никогда не видели ничего подобного в церквях.

Установка иконы Спаса и учреждение практики пролезать под ней – также личная инициатива митрополита:

...это благочестивый обычай: <...> под иконой Спасителя нужно пролезать оттуда сюда с Иисусовой молитвой: «Господи, помилуй». <...> **Откуда-то наш митрополит... Это вот где-то увидел. И решил, что и у нас так же будет.** В Ярославле, где может... Не помню. [А как икону выбирали, под которой нужно так сделать? Под самой большой?] Икону выбирали, икону выбирали – вот с той копию делали, с той, откуда он... Вот это вот всё. <...> Единственная была. Единственная в России⁴⁰².

«Год назад [в 2008 г. – А.З.] **архиепископ Георгий**, посещая Ярославскую епархию, побывал в Воскресенском соборе города Тутаева. Древний чудотворный **образ Всемилоственного Спаса произвёл на Владыку огромное впечатление.** Именно тогда

³⁹⁹ ПМА. Ж., 2002 г.р., студентка, посетительница кафедрального собора Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 13.06.2025 г.

⁴⁰⁰ Святыни собора // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/svyatyini-sobora.html> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁰¹ О пролезании под иконой из Воскресенского собора Тутаева см. к примеру: [Антонов 2018: 28–31; Антонов, Завьялова 2026].

⁴⁰² ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

родилась идея выполнить список с этой иконы для крупнейшего в Нижегородской епархии собора»⁴⁰³.

Другой производящий эффект на посетителей элемент иеротопии храма – богородичные иконы⁴⁰⁴, размещенные на всех стенах собора в соответствии с особой программой⁴⁰⁵.

И вот по... **на каждой стене иконы в киотах**, то есть не просто как бы там изображения, к которым можно подойти, а прям вот всё – такой **большой единый ансамбль**. <...> Я тогда была в шоке, и хотелось всё сфотографировать. <...> они были большими именно за счёт вот этого вот обрамления, которое у них было⁴⁰⁶.

Эта «визуальная программа» также была предложена митрополитом Георгием – так об этом говорят служители, работники собора, экскурсоводы и медиа-источники. Инициативу реализовала мастерская «Традиция», относящаяся в то время к собору, и другие российские иконописцы. Проект развивался постепенно в 2009–2016 гг.⁴⁰⁷ Сейчас в соборе находится 190 икон Богородицы⁴⁰⁸ (всего в храме около 700 икон). Источники подчеркивают уникальность этого проекта.

«Такого больше нигде нет, – подчеркнул правящий архиерей. – Некоторые иконы будут освящаться от первообраза, например, икону Божией Матери "Иерусалимская" мы будем освящать на Святой Земле, Тихвинскую икону – в Тихвине и так далее...»⁴⁰⁹.

⁴⁰³ В иконописной мастерской «Традиция» собора Александра Невского продолжается работа над списком иконы Всемилоствитого Спаса // Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. Новости. URL: <https://nne.ru/news/v-ikonopisnoj-masterskoj-traditsiya-sobora-aleksandra-nevskogo-prodolzhaetsya-rabota-nad-spiskom-ikony-vsemilostivogo-spasa/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁰⁴ Это также можно проследить по отзывам на «Яндекс.Картах».

⁴⁰⁵ Иконы Божией Матери. Схема расположения киотов // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁰⁶ ПМА. Ж., 2002 г.р., студентка, посетительница собора Александра Невского. Зап. 20.01.2026 г.

⁴⁰⁷ В Нижнем Новгороде вышла в свет книга «Иконы Божией Матери» // Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. Новости. 29.02.2020. URL: <https://nne.ru/news/v-nizhnem-novgorode-vyshla-v-svet-kniga-ikony-bozhiej-materi/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁰⁸ На сайте собора представлено 182 из них: Иконы Божией Матери. Схема расположения киотов // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁰⁹ Собор Александра Невского в Н. Новгороде украсят 187 икон Божией Матери // НТА-Приволжье. Нижний Новгород. 13.04.2010. URL: https://nta-pfo.ru/news/culture/2010/news_450261/ (дата обращения: 26.02.2026).

«**Уникальный проект** реализуется в главном храме Нижнего Новгорода. В кафедральном соборе Александра Невского изготавливаются 36 киотов, в которые поместят 188 списков икон Богородицы. Часть образов уже освящены и установлены в храме. Над остальными еще работают иконописцы со всей России»⁴¹⁰.

[Почему тут так много образов Богородицы?] А это **митрополит Георгий так распорядился**. [Чтобы сделать храм особенным?] Ну, **особенный, да. Он у нас и есть особенный**⁴¹¹.

Для нас особый интерес представляет то, что в основе многих практик демонстрации в соборе Александра Невского лежат инициативы жертвователей, поддержанные и развитые священноначалием. Даже проект со списками Богородичных икон начался с пожертвования:

[Как начался проект с таким количеством Богородичных икон?] Вы знаете, как? Он начался... Вот не наврать бы. Мне кажется, году в две тысячи пятом, наверное. **Владыке икону подари...** Ну, купили в Москве где-то тоже **благодетели**, чуть ли не в магазине... ну, в ломбарде или... какой-то такой магазин. А икона оказалась из Серафимо-Понетаевского монастыря – это монастырь, который основан по благословию Серафима Саровского. Вот. Ну и как-то икону привели в порядок, всё. И вот после этой иконы владыка решил, что – а давайте-ка мы вот иконы Богородицы здесь соберём⁴¹².

С иконы Серафимо-Понетаевской Божией Матери «Знамение» начался проект кафедрального собора Александра Невского. Три года назад ее выкупили на аукционе в Москве и преподнесли в дар храму⁴¹³.

Идея написания **такого количества икон** богородицы возникла в 2007 г. Тогда в собор передали список старинной Понетаевской иконы Божией Матери «Знамение». Совершая одно из

⁴¹⁰ В кафедральном соборе Александра Невского изготавливаются 36 киотов, в которые поместят 188 списков икон Богородицы // Россия. ГТРК Нижний Новгород. 27.05.2011. URL: <https://vestinn.ru/news/society/12917/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴¹¹ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

⁴¹² ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

⁴¹³ В кафедральном соборе Александра Невского изготавливаются 36 киотов, в которые поместят 188 списков икон Богородицы // Россия. ГТРК Нижний Новгород. 27.05.2011. URL: <https://vestinn.ru/news/society/12917/> (дата обращения: 26.02.2026).

богослужений, архиепископ, а ныне митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий дал благословение на написание наиболее чтимых икон нижегородским мастерам⁴¹⁴.

Проект пространственной организации собора был реализован в сотворчестве с богатыми дарителями. Этот факт отражен в материальном облике собора: на многих киотах можно увидеть ктиторские таблички с вкладными надписями, в которых значатся благотворители, вложившие средства в конкретную святыню.

[То есть с одной иконы всё началось?] Ну, может быть, и раньше были какие-то предпосылки, ещё что-то. Но тогда это было озвучено. Понимаете? **Мы же знаем: когда вот это озвучено и выложено в информационное поле, тогда это вот уже <по-настоящему начинается>.** [И начали как бы заказывать, дарить, да?] Постепенно, постепенно. Там была своя система. Ведь вы не можете написать и сказать: я хочу подарить икону. Там же придумывалась **концепция целая**. Где какие иконы, где они будут стоять, какого размера <...> И потом, **находили благотворителей**, которые вкладывались в это. **Там на каких-то иконах есть подписи**, что там «Дар, – условно говоря, – Иванова, Петрова, Сидорова»...⁴¹⁵

В общий ряд предметов, размещенных в пространстве храма, чтобы производить впечатление, встраиваются дары-привесы и цветы. И то, и другое аккумулируется и демонстрируется в Александро-Невском соборе в больших количествах. Как и ктиторские таблички, они являются материальным выражением жертв вкладчиков (но менее состоятельных).

Вотивы и цветы в практиках демонстрации. По нашим наблюдениям, большой объем вотивных привесов не характерен для столь значимых храмов, как кафедральные соборы митрополий. Их руководство старается поддерживать репутацию места и всячески избегает негативно окрашенных событий, а наличие драгоценных украшений в храме может становиться причиной их возникновения (см. раздел 3.1.1). Поэтому обычно кафедральные соборы становятся скорее центрами «вытеснения» по отношению к символически значимым предметам. В Александро-Невском храме, напротив, их намеренно и показательно накапливают у икон.

Украшение икон драгоценными дарами – также одна из идей митрополита Георгия. Однако она не могла бы быть реализована без инициальных дарителей.

⁴¹⁴ 188 икон Божьей Матери для собора в Н. Новгороде // YouTube-канал телеканала «Союз». 30.05.2012. URL: https://youtu.be/8_KLwdyRyL0?si=dYzDQDSI67Ft4ziD&t=88 (дата обращения: 26.02.2026).

⁴¹⁵ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

[У вас тут икон так много одариваемых] Это тоже митрополит наш, **Георгий**, он тоже вот **такую идею подбросил**. Чтобы вот так вот. <...> [Какие-то украшения, которые приносят, принимаете все?] Принимаем, да. Ну, из драгоценных металлов. <...> **Это жертвует народ**. Те, которому... какую-то помощь получили. Вот они жертвуют-то все эти украшения-то, для икон-то. [А потом их куда-то... переплавляется?] Никуда. А это – вот сколько храм стоит, это вот всё будет украшение стоять, находиться здесь. [А что они показывают?] **Они показывают благодарность – Господу, Божией Матери, от нас, грешных**. Вот от чего? В знак благодарности. Знак... Кто-то исцелился, кому, вот, в каких-то нуждах помощь была⁴¹⁶.

По фотографиям собора, появившимся в социальных сетях и цифровых медиа в 2000–2020-е гг., можно проследить, что пик вотивной традиции пришёлся на конец 2000-х – начало 2010-х гг. В этот период в соборе активно появлялись новые образа и другие реликвии, и одновременно верующие начинали нести к ним свои дары. У новых икон Богородицы, созданных в рамках проекта, они появлялись вслед за установкой киотов. Эти же выводы подтверждаются рассуждениями информантов. У самых первых значимых храмовых икон, например, у образа Александра Невского, подаренного собору патриархом Алексием II в 2009 г. [Матвеев 2020: 32], дары появились «почти сразу»:

[А когда новые иконы Богородицы украшениями нательными начали украшать, не знаете?] Вы знаете, как? **Мне кажется, наверное, почти сразу**<зу>... А их же, это что касается икон Богородицы, их ведь только три, по-моему, таких вот. [Сейчас, мне кажется, больше] Нет... если мы говорим про иконы Богородицы. А те иконы, которые перед иконостасом стоят, где святые с частичками мощей, вот... **Мне кажется, это всё практически сразу же было**. [Сразу развесили?] Ну нет, не сразу, но это не вот какое-то вот долгое время. Мне кажется, это как-то вот... Это же люди приносили сами, да? И это не вот как-то долго тянулось, нет. Достаточно так быстро⁴¹⁷.

На сегодняшний день в соборе 19 образов, у которых размещены дары⁴¹⁸, и новые привесы добавляются постоянно. Верующие продолжают приносить в храм Александра Невского

⁴¹⁶ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

⁴¹⁷ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

⁴¹⁸ Богородичные иконы: Казанская, Владимирская (Оранская), Феодоровская, Всецарица, Знамение, Нечаянная радость, Жировицкая, «Не радай Мене, Мати», Брефократуса, Кассиопея. На иконах Брефократуса и Кассиопея висят только священнические кресты. Также украшены вотивными дарами иконы: Александра Невского, Георгия Владимирского, Николая Мирликийского, Петра и Февронии Муромских, Матроны Московской, Серафима Саровского,

драгоценные украшения, а ризничная собора, которая назначена ответственной за эту практику, продолжает их накапливать. Развешивают дары редко, потому что большинство икон собора очень большие по размеру, и вскрывать стекла в их киотах – трудоемкий и опасный процесс. Поэтому украшения к более маленьким иконам добавляются чаще, чем к крупным.

Но проблема в том, что очень сложно её открыть. Вот **они украшаются**, ну наверное, **раз в пять лет, не... не раньше, потому что вот никто, например, не берётся открыть Казанскую – это такая махина. Так всё, опасно.** <...> [А какую икону вы последней украшали? Недавно, может быть?] Пойдёмте [*отводит к иконе*] Последнюю вот. Вот на той неделе Спиридону Тримифунтскому принесли вот такой образ [подвеску на цепочке – А.З.], серебряный с позолотой. <...> Вот, например, они принесли и сказали, что мы бы хотели отдать в дар к иконе. А девочки сказали: «У нас нет такой иконы. У нас “Спиридон Тримифунтский” нет иконы, он только с кем-то у нас. В двух местах, трёх, но только с кем-то». Он говорит: «Мне... мне всё равно, отдайте, пожалуйста, на украшение Спиридона Тримифунтского». Вот, всё что мне передали. <...> **[Вы, наверное, из этих трех открыли ту, которую легче открыть?]** Ну конечно, да, здесь-то очень просто, здесь раз, два, её открыли, сразу повесили. Здесь маленькие <стёкла>⁴¹⁹.

В целом, никаких регламентаций приема votивных даров в соборе нет. В дар можно принести любое драгоценное украшение, отдать в храм его можно через церковную лавку. Каких-либо объяснений или рассказов от дарителей не требуют: всё отданное неизбежно воспринимается как благодарность и принимается без оценок.

Церковная цензура, работающая на прием приношений к иконам, в данном случае ослаблена. Легкость вхождения в практику и отсутствие жесткого контроля над ней говорит о том, что церковные власти ценят такого рода жертвы. В отличие от храмов с более строгой цензурой приёма даров, здесь мотивация жертвователя в расчет не принимается и роли в рамках этой практики почти не играет. Исключение касается только развески. В соответствии с просьбами жертвователей, если таковые следуют, дары вешают к конкретным иконам. Украшения, отданные без точных указаний, ризничная распределяет между образами по своему усмотрению.

Люди приносят в дар, они **отдают, как правило, в церковную лавку.** <...> И они мне их...

Отдают-передают, и я их храню в сейфе. А когда накапливается какой-то иконе, какое-то

Киприана и Иустины, Германа Аляскинского, одна из икон, на которой изображен Спиридон Тримифунтский.

⁴¹⁹ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

определённое количество, то этой иконе... Я эту икону украшаю. <...> [Как священники объясняют, зачем нужно принимать дары?] Да никак, **они вообще никак не объясняют**. Вообще никак. Когда я пришла на работу, мне сказали: «<Обращение>, это твоя обязанность, хранить дары, накапливать их в определённом количестве, и потом украшать иконы». Всё, всё. **Раз люди принесли, значит они, говорит, благодарны, значит в благодарность, в благо-дар-ность**. Вот, вот это вот единственное, <что мне сказали>. <...> [С каким намерением люди приносят? Иногда ведь приносят с просьбой, не в благодарность, а чтобы им помогли] Понятно. Либо так, либо так. [Можно так?] В данном случае, **он просто так принёс <в церковную лавку> и всё**. Он сказал: «Вот я купил, был за границей, где-то купил, хочу, вот, отдать к иконе». **Ничего не просил** <...> [Даже не сказал, зачем?] **Да, даже не благодарил**. Просто сказал: «Повесьте, пожалуйста». Даже не видел эту икону, он даже не знает, куда. Он, говорят <в лавке>, просто отдал и ушёл. <...> [А если приносят дар Богородице, то говорят, самой Богородице? Или конкретной иконе, Божией Матери «Нерушимая Стена» или «Знамение»?] Нет, иногда пишут – всё равно кому. Иногда просто так передают. Иногда в записке пишут, что именно и какой Богородице⁴²⁰.

Важно, что на официальном сайте собора некоторые иконы демонстрируются вместе с дарами. В разделе «Иконы Божией Матери» с ними представлены изображения Всецарицы⁴²¹ и Владимирской (Оранской) Богородицы⁴²², в разделе «Святыни собора» – все другие одариваемые образы. Значимость иконы для собора, таким образом, коррелирует с наличием вотивов. А сами они становятся частью иконы – как изображения, так и связанного с ним комплекса материальных объектов в целом.

Для безопасности все киоты с вотивными дарами закрыты стеклами и опечатаны. Однако руководство собора старается не создавать ажиотажа вокруг святынь. Например, скрывают факт мироточения одной из икон.

Вот, одна икона там есть, которая мироточит – там висит тоже такое подношение, очень такое интересное. Вот, но они стараются на этом внимание не акцентировать. [На

⁴²⁰ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

⁴²¹ Икона Божией Матери «Всецарица – Пантаисса» // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/kiot-b7.html#i7-1> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴²² Икона Божией Матери «Владимирская (Оранская) с клеймами» // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/kiot-d5.html> (дата обращения: 26.02.2026).

мироточении?] Да, да, да. [А почему?] **Ну, чтоб не было ажиотажа. Потому что вы понимаете, что люди ходят разные**⁴²³.

В кафедральном соборе Александра Невского наличие даров объясняют как результат порыва души, доброй воли верующих. Однако на фоне всех других демонстративных практик украшение икон вотивами выглядит не как попытка сделать собор ближе к людям и показать, что священство откликается на их просьбы, но как одна из стратегий создания статусности места. Вотивные украшения – не только знак, что святыни храма чудотворны и потому одашиваемы. Это также драгоценные объекты, визуально подчеркивающие значимость, статусность храма.

Наличие живых цветов также работает на создание торжественности внутреннего пространства, «красоты» собора. В православном дискурсе красиво украшенный храм – признак почитания Бога, Богородицы, святых [Цеханская 2013].

[Необычно, что у каждой иконы вазы с цветами, закреплены у икон, чтобы цветы там постоянно были. Они ещё продаются в самом соборе] Да-да-да, да. [Вы ничего про эту инициативу не знаете?] Вы знаете, как? Я думаю, это в самом храме <...> они как-то сами придумали. Ну **это людям очень нравится, честно говоря.** <...> Ну и потом, понимаете, **в церкви же и должны быть живые цветы.** То есть не искусственные там, а именно живые. И украшают всегда очень **красиво, именно живыми цветами.** <...> Вот, потому что у нас **владыка – у него позиция достаточно жёсткая в этом отношении. Что все церкви должны быть... Там должно быть красиво**⁴²⁴.

Символически значимые предметы у икон – легко считываемый паствой и посетителями собора намек: приглашение к дальнейшим пожертвованиям и одариванию. Уже размещенные у икон вотивы, а также цветы, стоящие в вазах (как и пустующие вазы) – аффорданс для новых даров. Практика воспроизводит саму себя через демонстрируемые предметы: благодаря ним порядок осуществления практики схватывается интуитивно. Так, в храме около двух свечных лавок стоят два холодильника с живыми цветами, которые можно удобно и быстро приобрести за пожертвование. Обычно продают розы (см. Приложение, илл. 37–38).

Облегченный доступ к практике делает ее привлекательной для многочисленных посетителей собора. В праздничные и выходные дни количество цветов в соборе увеличивается. Сопоставляя по цвету и размеру те бутоны, что выставлены в холодильнике и те, что уже стоят у

⁴²³ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

⁴²⁴ ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.

икон в праздник Жен Мироносиц в 2023 г., я сделала вывод, что большинство цветов были куплены посетителями в самом соборе. Хотя эта практика обычно вызывает у них удивление.

[Обычай с цветами – это давно появилось?] Цветы... Ты имеешь в виду сегодня? [Это только сегодня розы стоят?] <...> Из-за того, что сегодня женский день. [А так обычно они не стоят?] <...> Обычно у нас всегда, вот видите, и цветочки, и везде. Прихожане приносят. Цветочки приносят. Но сегодня их мало <прихожан>, а обычно – много. <...> Вот эти вот вазы с цветами – они всегда⁴²⁵.

Есть **возможность** прямо в храме **купить розочку** и поставить самому к той иконе, какой хочешь)))⁴²⁶

Хорош) и памятник и собор. Роскошный иконостас. Дочка **удивилась**, что можно **не только свечу поставить, но и розу Богородице подарить**⁴²⁷.

То, что все эти предметы аккумулируются вокруг значимых образов и реликвий, показывает: как активно развивается на постсоветском пространстве тенденция превращать значимые иконы (и мощи) в комплексные объекты, как это происходило с первых веков легализованного христианства [Антонов 2024]. В соборе их несколько, но самый яркий пример – икона Богоматери Феодоровской, стоящая отдельно от других, в центре Никольского придела [Матвеев 2020, с. 123]. По информации на сайте собора, это «точный список с чудотворной иконы, находящейся в Кафедральном соборе г. Костромы. Освящена у первообраза в 2011 году при паломничестве делегации Нижегородской епархии, возглавляемой митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием»⁴²⁸. Она сразу привлекает внимание – и тем, как расположена в наосе, и тем, что окружена золотом и резьбой, и тем, что единственная в храме

⁴²⁵ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

⁴²⁶ Отзыв пользователя «Наталья Замотина» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=e5ydpzfrz5yaa8w6np553ab7dc&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴²⁷ Отзыв пользователя «Марина З.» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=7j19rckz941a4tww4v9bp3cgv8&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴²⁸ Святыни собора // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/svyatyini-sobora.html> (дата обращения: 26.02.2026).

«одета» в ризу (см. Приложение, илл. 39–40). Икону одаривают; к киоту прикреплены вышитые ленты, вазы для цветов. Чтобы подойти к иконе, нужно подняться по ступенькам. Подобным образом, но более скромно представлены иконы Александра Невского и Георгия Всеволодовича [Матвеев 2020: 1, 63–66, 128–129]. Наибольшее количество цветов, как кажется, притягивает образ Матроны Московской – у нее даже ставят дополнительную вазу (см. Приложение, ил. 23).

Материальные аффордансы собора: рекомендации и регламентации. Итак, с помощью вещей церковные акторы показывают посетителям собора, какие практики и преподнесение каких предметов в качестве дара здесь приветствуются. Однако стратегия на демонстративность неразрывно связана с запретами. Импульсы верующих направляются определенным образом – это механизм контроля, который поддерживает установленный в церкви порядок. И если цензура собора в отношении даров не строга, то другие предметы из церковного приноса могут ее не пройти.

Важную роль здесь играет сочетаемость. В кафедральном соборе уместны определенные (красивые, статусные, дорогие) вещи. При этом на их фоне, в их определенном контексте, неуместны другие. Поясним это утверждение примером.

Рассматривая розы у икон в соборе, я спросила у уборщицы, занятой уборкой воска с подсвечников:

[А со своих грядок люди могут цветы принести?] Конечно могут. **Если стоящие там** [на грядках. – А.З.] **цветочки**⁴²⁹.

Ясно, что в этом храме существуют негласные, но понятные правила сочетаемости и контекстуальности. В холодильниках предлагают розы, в вазах у икон стоят они же, значит, цветы из палисадника или полевой букет не будет здесь столь же уместен, как предлагаемая церковными модераторами (более статусная, предполагающая финансовое вложение в экономику собора) альтернатива. Через предложение определённого варианта практики – покупать цветы в храме и ставить их к иконам, а не, например, жертвовать деньги в ящик с надписью «на цветы» – руководство собора предлагает правильный ее вариант и одновременно косвенно цензурирует все остальные.

Материальные аффордансы оказываются латентными инструментами власти, молчаливо «говорящими» с посетителями. Однако их послания менее четкие, чем вербальные (устные или письменные) сообщения. Поэтому часто материальные объекты работают вместе с объявлениями и подписями, обозначающими границы допустимого в религиозном пространстве [Остапенко

⁴²⁹ ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.

2024: 97–98]. Следовательно, материальные объекты могут служить не только аффордансами, но и «анти-аффордансами», намекая посетителю, что здесь конкретные действия, поведение и практики не приветствуются.

Чтобы определенные элементы инфраструктуры работали на демонстративность, другие должны не мешать, не сбивать с толку посетителя. Для этого всё в соборе должно быть высоко регламентировано – от направления движения людей по пространству до их внешнего вида, от четкого распределения ролей и функций между церковными работниками и причтом до закрепления определенных локусов за определенными практиками. Поэтому, например, все «лишнее» должно покинуть пространство молитвы и переместиться в «хозяйственную» часть. Так, место для приноса еды на помин «вытеснено» в притвор Александро-Невского храма, в то время как в других православных церквях оно чаще всего располагается у кануна. Мы еще вернемся к обсуждению такого «вытеснения». Сейчас заметим, что на этом примере оказывается видимым механизм перенаправления «нестатусной» практики в тот локус, который, по мнению руководства собора, подходит для нее больше, чем пространство, полное чтимых реликвий и статусных даров.

Этот вывод приводит нас к следующему важному вопросу: каким образом сообщения о запрете передаются в пространстве храма и какие элементы инфраструктуры в этом участвуют? Через какие каналы связи в сети церковной инфраструктуры происходит регламентация практик? Как о границах допустимого узнают прихожане и туристы?

Иерархия приноса и инфраструктура вытеснения. Пространство собора Александра Невского представляет собой сложное поле взаимодействия различных практик, инспирированных как его священноначалием, так и прихожанами. Здесь сосуществуют практически все типы предметов приноса. Помимо уже описанных вотивов, значимых даров-реликвий и даров-образов, здесь оставляют утилитарные предметы и вещи на утилизацию. Как во многие православные храмы, приносят еду на помин, одежду нуждающимся, а также более не востребованные и уже изношенные церковные предметы. Здесь же, как в туристическом месте, можно увидеть предметы, которые оставляют окказиональные посетители – например, монеты у иконы Николая Угодника (см. Приложение, ил. 10). Однако все эти объекты включены в инфраструктуру собора на различных основаниях. Более того, некоторые из них вовсе из этой инфраструктуры системно и последовательно исключаются.

Почему так происходит? Практики вытеснения часто связаны с эстетическим регулированием пространства, что справедливо для этого практически любого кафедрального собора с его ориентацией на создание презентабельного образа и впечатления у посетителей. Предметы, которые не вписываются в такой образ собора, не могут работать на создание его статуса и даже скорее мешают этому. Поэтому они расцениваются скорее как маргинальные для

этого конкретного локуса, его иеротопии и инфраструктуры. Соответственно, для их организации либо находят приемлемые инфраструктурные решения, либо всячески напоминают прихожанам и посетителям, что в таком значимом локусе, как кафедральный собор, предметам определенного рода совершенно не место. Однако даже строгая церковная цензура порой ничего не может противопоставить спонтанности дарителей.

Батюшка у нас запрещает, <...> чтобы сюда приносили какие-то вещи, чтоб захламляли. Ну люди же ведь не понимают, они всё равно несут⁴³⁰.

Наиболее заметно инфраструктурный контроль в соборе Александра Невского проявляется в случае *поминальных пищевых приносов*. В отличие от многих храмов, где такая практика интегрирована в пространство наоса (например, у распятия), в Александро-Невском соборе она вынесена на периферию – для нее оформлено специальное, маркированное место в притворе (см. Приложение, ил. 41). Отверстия в ящиках-баках физически ограничивают размер вкладываемых пакетов с продуктами. Большие пакеты – с одеждой или старыми церковными вещами – сюда не помещаются. Как отмечает одна из информанток, это решение направлено на поддержание визуального порядка в интерьере:

[Так организовано сделали, чтобы не стояли пакеты?] Конечно, **посмотрите: культурно, вот так, культурненько**. Раз-раз, туда всё опустили, вниз и всё. И <...> в праздники, когда много бывает приноса, **всё убирается**. <...> [Если приносят не пищевое, его тоже сюда?] Это нет. Вот это для пищевого, <...> для еды. Сюда, сюда мы никаких вещей не кладём. <...> [Но тут нет надписи, что это для еды. Кидают что-то кроме еды?] Нет. <...> Обычно они очень большие, как правило, эти с одеждой, вот сюда... [Не влезают?] Не влезают, да-да⁴³¹.

Однако пространственное вытеснение не означает, что у этого типа приноса нет утилитарной ценности. О том, что на самом деле эта практика поощряется, нам говорит её институционализированность: за нее отвечает специальный человек (кладовщица), работает система сортировки, для хранения выделен отдельный локус (склад). Кроме того, существует ряд путей, которыми продукты распределяются и используются. Их направляют на трапезы, причем не только для причта и церковных работников, но и для волонтеров, помогающих в храме.

⁴³⁰ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

⁴³¹ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

Поэтому продукты, принесенные прихожанами, превращаются в важный социальный ресурс⁴³², с помощью которого поддерживаются общинные практики и привлекается трудовая помощь.

... есть человек, который ответственный. Он открывает ящички замочком, и переносит их в склад, где всё это хранится. <...> Есть специальный склад. И там вот этот **кладовщик, она разбирает**: гречу к грече, пшено к пшену, сахар к сахару, масло к маслу. [Как это используется?] **А у нас же есть трапезная, где нас кормят** <...> **мы кушаем всё это. Слава тебе, Господи, нам приносят, и мы обедаем.** <...> **они же там пишут записочку, мы читаем молитву перед едой, и поминаем их.** <...> [Люди из общины как-то помогают с хозяйством?] <...> Знаю, что после службы убираются. Очень много остаётся <людей> <...> – убираются, помогают, и цветы, и вазы, и подметают, и полы моют. Вот, знаю. Ну вот, а **потом их кормят. Они всё, убрались, и вот в трапезную, трапезничать, обедать**⁴³³.

В противоположность этому, принос старых церковных предметов (икон, религиозной атрибутики, упаковок от освященного товара и т.д.), а также принос одежды «на благотворительность» – нелегитимные здесь практики. Ключевой характеристикой этих категорий предметов является их минимальная ресурсность для общины. Но несмотря на все формальные запреты – в частности, объявление, висящее в притворе (см. Приложение, ил. 31), поток вещей не пресекается. Обычно такого рода предметы попадают в храм в пакетах для мусора. Они не только практически никак (за редким исключением) не могут быть преобразованы в ресурс, но и негативным образом влияют на визуальный порядок и эстетику собора.

[Никуда принесённую одежду не отдаёте?] Нет, а куда её отдавать-то? [На «помощь пострадавшим», например?] Нет, у нас нет такого. Таких **вещей хороших не приносят**. Приносят вещи, которые на тряпки, <...> мы можем взять там, для уборки. Убрался и сразу же выкинул, и не жалко⁴³⁴ ... [Иконы старые тоже приносят?] **Ничего ценного не приносят**. [Может, забирают

⁴³² О том, что для сообщества это ценный ресурс, нам говорят еще и публичные жалобы на посягательства на него. Один из отзывов на сайте собора написан с обвинения в адрес кладовщицы за неправомерное присвоение продуктов со склада: «...Повара <Имя> выгнал за то, что она поймала за руку кладовщицу <Имя>, которая прятала в свою сумку продукты...». См.: Отзыв пользователя «Екатерина Парфенычева» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=1trbbz407g1v5jftcab30bjww&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴³³ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

⁴³⁴ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

те, кому нужна иконка?]] Вот если что-то хорошее, то да. Иногда мы и в воскресную школу отдаём иконки. <...> Ну, редко бывает. В основном **это всё такое старьё...**⁴³⁵

Так как «лишние» предметы постоянно приносят (подкидывают) в собор, отслеживать эти запрещенные действия, а также конструктивно бороться с ними невозможно. Поэтому церковные модераторы выработали по отношению к ним *ad hoc* практики управления – непосредственно реагировать на появившийся предмет и сразу определять его на утилизацию. Для сакральных предметов (икон) предусмотрена ритуализированное избавление (сожжение в специальной печи «на задах»), что подчеркивает их особый статус. Одежда же, как условно благотворительный принос, не имеющий сакрального измерения, просто удаляется дежурным.

[Об одежде:] И вот здесь [*в притворе*. – А.З.], вот пакет, **вот так оставляют иногда, приходишь – здесь пакет. Вот, дежурный берёт эти пакеты и на помойку выбрасывает**⁴³⁶.

[Об образах:] Вот бабушка умрёт. Дети соберут все иконки и вот сюда принесут. Старые-старые. <...> Мы отдаём дежурной на сжигание. <...> **У нас отведено специальное место – есть специальная печка.** <...> «**На задах**», как бабушка у меня говорила...⁴³⁷

Таким образом, если пищевой принос – это ресурс для питания волонтеров и поддержания социальных связей, а иконы – потенциально ресурс для воскресной школы, то всё «старое» оказывается скорее бременем, требующее дополнительных забот и труда. На этом примере мы видим, как в инфраструктуре этого собора возникают и как совмещаются практики включения и исключения предметов из приноса. С одной стороны, налажен и контролируется поток ресурсных вещей (при вытеснении их в притвор), с другой – происходит удаление нелегитимных предметов.

Наблюдаемая в соборе Александра Невского дифференциация приноса – от демонстративного экспонирования до (ритуализированной) утилизации – свидетельствует о существовании *устойчивой иерархии ценности материальных объектов*, которая сформировалась у сообщества храма. Здесь превалирует модернизирующая семиотическая идеология, в рамках которой статус ценного закреплен за «новым», «красивым» и «дорогим».

⁴³⁵ ПМА. Ж., работница церковной лавки при входе в Собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

⁴³⁶ ПМА. Ж., работница церковной лавки при входе в Собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

⁴³⁷ ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.

Свою роль играет и способность церковных модераторов находить в вещах потенциал к использованию, а также соотносить его качества с образом храма. Эта иерархия материализуется через специфическую инфраструктуру (специально организованные места, ящики, объявления⁴³⁸), которая не просто управляет материальными потоками, но и – в ряде случаев – целенаправленно ограничивает или вытесняет определенные типы приноса из ключевых зон: статусных, сакральных пространств (наоса) или из храма в целом.

Стратегия демонстрации: «атмосфера» или коммерция? Теперь обратимся к реакциям горожан и посетителей на собор, его облик и предлагаемые в нем практики. Отзывы говорят нам о том, что курс Александро-Невского храма на демонстративность, выбранный митрополитом Георгием, воспринимается двояко.

С одной стороны, чистота, благоустроенность, выверенность и масштабность собора может вызывать восторг. Здесь ясно прослеживаются два сценария: наибольший эффект производят *красота* «божьего места», а также *удобство*, настроенность инфраструктуры собора на верующих (туристов), его хороший «сервис». Пользователи отмечают особую, «божественную» атмосферу, соответствующую их ожиданиям от православного храма – величественного, торжественного, но при этом умиротворяющего места. Приведем несколько примеров такого рода комментариев (сохранена авторская пунктуация)⁴³⁹.

- (1) Когда ты стоишь перед ним, этот собор поражает тебя своей **фундаментальностью**, красотой и величием, сочетая в себе русский, романский и византийский стили. Попадая внутрь, ты ощущаешь спокойствие и умиротворение. Я был в Главном Храме Вооруженных сил, но этот... намного **красивее** и **величественнее** Роспись просто божественная. Особенно **поразила коллекция икон** Божией Матери, которых здесь более 100⁴⁴⁰.
- (2) Очень **красивый** собор, внутри поражает своим **превосходством**, это один из не многих соборов, где вся красота не заканчивается на одном золоте Все вывешено и

⁴³⁸ Любой объект в храме является материальным отражением распоряжений церковной власти, как и вербальные объявления, обозначающие границы допустимого в религиозном пространстве. Пример см. в: [Остапенко 2024: 97–98 и др.].

⁴³⁹ Заметно, что отзывы о соборе часто оставляют после его посещения с экскурсиями, в которых гиды наверняка транслируют определенные паттерны. Однако отзывы не ограничиваются пересказом фактов, наполнены описаниями психологических эффектов, которые производит собор, поэтому они представляются ценным источником при изучении религиозной эмоциональности и реакций.

440 Отзыв пользователя «Alex Vendigo» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=vuutk7ffym48h0u2bnbn0bzgrm&si=yqwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

расписано картинами, золотого обрамления минимум **Возле каждой иконы есть своя молитва и описание**, что для большей части православных очень **удобно и правильно**⁴⁴¹.

(3) Кафедральный собор, **большое количество икон** и мощей в хороших **дорогих** окладах. **Видно, что в Нижнем живут боголюбивые люди**. Пространство и процесс организованы **как надо**⁴⁴².

(4) Очень **величественный** храм. Дом Господа!⁴⁴³

(5) **Намоленное, красивое, сделано с душой**. Есть своя большая церковная лавка, большая парковка, рядом большая детская площадка. Звон колокола поражает! Невероятно красивое место на берегу двух рек. **Чем ближе подходишь к собору тем сильнее дух захватывает, это не описать**. Советую почитать историю этого места и вы еще больше проникнитесь его **величественностью**. Заходишь и понимаешь, **вот он - дом Божий!** Какой-то особый трепет вызывает картина, когда женщины при входе угощают детишек просвирками, словно родные⁴⁴⁴.

На другом полюсе находятся негативные отзывы. Основные повторяющиеся претензии в них – коммерциализированность места, которое, по мнению оставивших их людей, должно быть более «человечным». Подчеркивается дух стяжательства, внешняя демонстративность при наличии внутренних проблем. Второй паттерн негативных отзывов – злобливость церковных работников, которые настраивают посетителей против конкретного храма или Церкви и Бога вообще.

⁴⁴¹ Отзыв пользователя «Александра» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=53jcwaky5jmg9f8vt24x6kv9n4&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴² Отзыв пользователя «alex6707» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=adrex46azywuduvbyb9tju9h9m&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴³ Отзыв пользователя «Петр» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=qxvfky75zc43d3qe36rq070258&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴⁴ Отзыв пользователя «Екатерина Т.» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=uqxr5gndc51f30ftcct6vuuj3w&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

(1) Невероятной красоты деревянный резной алтарь. Очень красивые фрески в византийском стиле. По залу курсируют **злые тети**, которые не дадут вам обсудить красоту изображений⁴⁴⁵.

(2) Собор очень красивый, **много туристов** в этом месте, поэтому служащим данного Собора стоит быть добрее и вежливее. Жаль, но **я столкнулась с неприятными людьми**. Женщина служащая в данном Соборе очень громко и живо негативно обсуждала детей, которые видимо до моего прихода были на экскурсии в Соборе. Сделала ей замечание, просто попросила потише, невозможно было сосредоточиться возле иконы, на что мне ответили, что я не вовремя пришла, хотя храм был полон туристов, я пришла не целенаправленно, но зашла для молитвы и поставить свечку. **Жаль, этот Собор духовное лицо города НН и такие люди портят впечатление о духовных местах нашего города!!!** Собор красивейший и ухоженный обязателен для посещения⁴⁴⁶.

(3) Родители привели школьный класс, пытались завести детей в собор, приобщать с младых ногтей к духовности, так сказать. А местные в соборе воспротивились, говорят, **покупайте экскурсию, иначе не пустим**. И не пустили. Скажите, как же тогда приобщать новое поколение к духовности? **Мздоимцы заступают путь к вере**⁴⁴⁷.

(4) **Насквозь коммерческий**. Крайне неприятные впечатления после посещения этого **алья'бутика....**⁴⁴⁸

(5) ... Новоделный храм, снаружи красиво, внутри - неуютно, **бездуховно**. По периметру - **плотным слоем ларьки**: торговый центр дешевых китайских икон. **Бездуховность и разочарование**⁴⁴⁹.

⁴⁴⁵ Отзыв пользователя «Ольга Богданова» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=ca4ut6c9b2z6zgnc4d31wixf54&si=yprwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmk&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴⁶ Отзыв пользователя «Наталья Як» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: <https://clck.ru/3Sc2Xq> (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴⁷ Отзыв пользователя «sugena» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=gqcdrxn27uek42rx0vya763gwr&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴⁸ Отзыв пользователя «Андрей» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=u5z8p9a4dpng42ebg3x6gy2qzw&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

⁴⁴⁹ Отзыв пользователя «michizhi» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=k6h52w4zz0djpq10rra7dxpgw0&utm_source=review (дата обращения: 26.02.2026). Сохранена авторская пунктуация.

В целом, по комментариям посетителей и отзывам наших собеседников, усилия митрополита Георгия, руководства и работников собора оправдываются – во множестве оценок подчеркивается, что собор поражает, производит эффект и при этом остается для посетителей локусом божественного присутствия. Однако при целенаправленной установке на создание такого эффекта появляются и соответствующие запретительные практики (отсюда, например, замечания церковных работников о неподобающем внешнем виде и поведении в храме; отсюда – помимо коммерческой стороны – и недовольство неорганизованными группами детей без экскурсовода). Так выстраиваются и обозначаются границы допустимого в пространстве собора.

Однако столкновение с как бы чрезмерно «земным» измерением этого места – денежными операциями, строгими работниками, а также с ситуативными «перегибами» в модерировании поведения людей – оборачивается «поломкой»: трансцендентное измерение религиозной инфраструктуры «исчезает» в восприятии некоторых посетителей, о чем нам и говорят приведенные отзывы.

* * *

Собор Александра Невского – значимое в системе РПЦ место, которое функционирует в режиме «витрины»: символически презентует епархию, митрополию – с одной стороны, и город – с другой. Будучи активным актором, он должен вписываться в очень широкие контексты публичного поля, и это определяет его облик и инфраструктуру. Собор открыт светской культуре и поддерживает свои собственные границы религиозного пространства. Символически значимые предметы – votivные привесы и цветы – здесь встраиваются в общий сценарий масштабности и торжественности. Принесенные прихожанами и подаренные посетителями, эти вещи говорят не только о намерениях своих дарителей и не только о намерениях общины. Ведь кафедральный собор намного больше, чем только община. Также такого рода предметы выражают отношение церковных иерархов к тому, как должна выглядеть церковь в публичном поле, как она должна себя презентовать, какой диалог выстраивать с городской, туристической культурой.

Кроме того, это место, будучи главным храмом епархии и митрополии, несет перед этими структурами большую финансовую ответственность, поэтому многие культурные практики соборов призваны стимулировать увеличение епархиальной казны. Отсюда – стремление сделать часть практик комфортными и доступными для любого посетителя (покупка цветов прямо в храме) и одновременно конвертируемыми в материальный доход. Собор стремится быть удобным, привлекательным для туристов, используя практики демонстрации с низким порогом входа, но с определенной экономической ценностью. Уже имеющееся и демонстрируемое богатство способно притягивать богатство потенциальное. Votivы приглашают дарить, пустые вазы – заполнять себя, цветы, продающиеся здесь же – сделать конвенциональный дар.

Такая настройка внутренней инфраструктуры собора говорит нам о сознательной ориентации на то, чтобы включать не только прихожан, но и многочисленных посетителей в церковные практики. Храм – это сотворчество церковных акторов и прихожан, а также горожан и туристов, и экономический аспект, финансовая поддержка здесь высокосущественны. Поэтому даже такое высоко цензурируемое место, как кафедральный собор Нижнего Новгорода, открыт тому, чтобы реализовывать и поддерживать желания паствы. Многие действия митрополита из такой перспективы выглядят как стремление сделать собор таким, каким дом Бога хотят видеть люди (подобно тому, как общественное/туристическое место организуют, анализируя запросы пользователей и модерируя их в соответствии с целями модераторов). Направленность во вне обеспечивают собору не только стабильность и автономность, но и постоянное развитие.

Наконец, подчеркнем, что в практиках демонстрации должны быть границы, которые обеспечиваются практиками регуляции и рестрикции. Запретами и предписаниями собор наполнен также, как и предметами, призванными впечатлять. При внешней открытости это место с жесткими внутренними правилами, сложной и детализированной инфраструктурой, иерархией и властными отношениями. Поэтому в храме-витрине стратегия демонстрации часто работает в сочетании со практиками «вытеснения».

Кейс Александро-Невского кафедрального собора показывает, что развитие в храме практик демонстрации таких символически значимых объектов, как votivные дары и цветы, зависит от многих факторов. Среди них – статус храма, его способность к финансовой самостоятельности, стратегия создания публичного образа, выбранная настоятелем. Наконец, поддержка «пользователей»: если практики предлагаются «сверху», готовы ли люди (работники церкви, прихожане, туристы и др.) включаться в них?

Не менее важным фактором оказывается способность церковного руководства рассмотреть в такого рода объектах потенциал для экономической поддержки прихода и/или епархии; для создания определенного впечатления от пространства храма; для демонстрации любви членов общины к Богу и святым посредством материальных объектов, которые они дарят и приносят в церкви. Для решения такого рода задач votивы и цветы оказываются наиболее перспективными среди других изучаемых нами предметов. Соответственно, церковные акторы часто организуют и поддерживают практики, связанные именно с ними.

Нужно учитывать, однако, что в данном случае драгоценные украшения, развешенные у почитаемых икон, – объекты, легко конвертируемые из символического капитала в экономический. А это может быть как желанным, так и нежелательным фактором для храма. Практики демонстрации таких объектов не будут развиваться, если церковные модераторы не могут обеспечить защиту от воровства (например, вкладываться в сигнализацию или охрану) или в принципе не хотят идти на риск, связанный с возможным ограблением.

Алекسانдро-Невский собор придерживается стратегии демонстрации, ориентированной вовне – на туристов, паломников, городскую публику. Иной принцип организации практик и иные стратегии складывается там, где в фокусе оказывается не формирование престижного образа епархии, а сохранение и изучение церковной старины. Таким примером служит Воскресенский храм в Воронеже, где наличие маленького приходского музея и фигура хранителя-энтузиаста радикально меняют логику работы с приносом.

3.3.2. Музей в храме. Стратегия коллекционирования

Храм Воскресения Христова в Воронеже. Воскресенская церковь – городской приход, располагается в Центральном районе г. Воронежа. Впервые здание было отстроено в камне в XVIII в⁴⁵⁰. Храм имеет два придела: верхний освящен в честь Рождества Крестителя Господня Иоанна, нижний – в честь Казанской иконы Божией Матери. В начале 1930-х гг. церковь была закрыта и ее здание передали под склад предприятий легкой промышленности [Акиншин, Коровин 2019: 12]. В годы войны храм был значительно разрушен и к концу XX в. находился в аварийном состоянии. В 1993 г. его передали Воронежской епархии, в 1994 г. начали восстанавливать. В 1995 г. указом президента РФ Воскресенский храм был признан памятником истории и культуры федерального значения. Нынешний настоятель о. Василий (Володько) служит здесь с 2004 г.

Основные работы по реконструкции храма прошли уже в 1990-е гг., а с середины 2000-х гг. он наполнялся реликвиями, происходило благоустройство окружающей его территории и формирование той инфраструктуры⁴⁵¹, которая и будет нас интересовать.

Комплекс зданий, относящихся в настоящий момент к приходу Воскресения Христова, включает саму церковь и расположенные рядом с ней часовню и здание воскресной школы (здесь находятся собственно школа, а также церковная лавка, бухгалтерия, кабинет краеведческого клуба (см. ниже) и его библиотека, склад и гараж).

Воскресенская церковь – это не совсем типичный приходской храм, потому что при нем функционирует музей. В 2013 г. благодаря инициативе прихожан, интересующихся церковной стариной, по благословению настоятеля был открыт «Кабинет-музей им. священника М.М. Девицкого»⁴⁵². Находится он непосредственно в здании храма, на втором этаже, в бывшей ризничной [Акиншин, Коровин 2019: 12]. Музей задумывался для экспонирования церковных предметов: «раритетных книжных изданий, предметов культа, меморий, а также научно-вспомогательных материалов, переданных гражданами РФ в виде добровольных пожертвований»⁴⁵³. Популяризация знаний о «предметах церковной старины» была одной из задач организации выставочного зала.

⁴⁵⁰ Является памятником архитектуры федерального значения.

⁴⁵¹ История храма // Воскресенский храм Воронеж. URL: <https://voskresenskiy.prihod.ru/istoriya-xrama/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁵² Был настоятелем Воскресенского храма до революции 1917 г. и во время гражданской войны. Канонизирован Русской Православной Церковью за границей как священномученик. Источник: История храма // Воскресенский храм Воронеж. URL: <https://voskresenskiy.prihod.ru/istoriya-xrama/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁵³ Кабинет-музей М. Девицкого // Воскресенский храм Воронеж. URL: <https://voskresenskiy.prihod.ru/kabinet-muzej-imeni-m-m-devickogo/> (дата обращения: 26.02.2026).

Полевая работа проводилась в этом храме несколько раз. Я контактировала главным образом с двумя акторами: В. – хранителем музея, исследователем, и М. – его супругой, книжным реставратором, которая ведёт занятия с подростками в рамках краеведческого клуба «Наследие», открытого при церкви. В. и М. – специалисты с профессиональным гуманитарным образованием – провели первоначальное научное описание и систематизацию «музейных фондов». Сейчас они занимаются пополнением коллекции, организацией мини-выставок на ее основе, а также консервацией и реставрацией некоторых предметов. Их деятельность носит добровольный характер: они не являются штатными сотрудниками Воскресенской церкви. Такая ситуация типична для современных церковных музеев [Кириянова 2022: 8].

По оценкам В., 20% экспонатов оказались в кабинете-музее путем намеренных закупок, еще 20% составляют пожертвованные музеем частные коллекции, которые «волею судеб, промыслительно, попали в этот музей»⁴⁵⁴. Оставшиеся 60% предметов попали в коллекцию благодаря прихожанам, которые «жертвовали» вещи в храм – оставляли их в церковном приносе или отдавали лично. При этом Воскресенская церковь никогда специально не ориентировала прихожан на пополнение музейных фондов: «объявлений о приеме вещей никаких не делали, стихийно»⁴⁵⁵. Коллекция продолжает пополняться благодаря многим жертвователям, дарителям⁴⁵⁶, церковным работникам, а также хранителю музея В., реставратору М. и настоятелю храма.

Как отмечает хранитель В., открытие музея существенно преобразовало хозяйственный быт прихода – сама инфраструктура Воскресенского храма претерпела изменения. Она начала разрастаться, дифференцироваться и усложняться, и сейчас приняла довольно стабильный вид в той сфере, которая касается циркуляции вещей.

По словам хранителя В., настоятель минимально участвует в работе музея. Главным образом он откликается на интерес хранителя, поддерживает реставрационные работы и передает в коллекцию предметы. При этом он не занимается собиранием специально. От него музеем достаются вещи, которые вышли из богослужебного употребления. Их могла бы ждать утилизация, но для настоятеля они всё-таки представляют ценность, которую можно продолжить реализовывать в музейном пространстве.

⁴⁵⁴ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁵⁵ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Из личной переписки.

⁴⁵⁶ Пост-новость о пополнении коллекции музея и библиотеки новыми книжными изданиями: Дары музею // Воскресенский храм. 21.05.2021. URL: https://vk.com/wall446823944_743 (дата обращения: 26.02.2026).

Попытаемся показать особенности инфраструктуры этого храма, описав пути, которыми различные символически значимые предметы попадают в Воскресенский храм и в местное «приходское древлехранилище». Этот приход – яркий пример работы церковной цензуры и инфраструктуры, где в ходе социальной практики выработались своя типология предметов и методы работы с ними, установившиеся среди церковных модераторов.

Церковные приносы в Воскресенском храме г. Воронежа

Нигде не написано никаких объявлений. Единственное, на гараже, по-моему, есть объявление, что... по поводу вещей <...> таких, тряпок, да, тряпичных вещей. Может быть, это является маркером, что надо вот здесь... сюда можно как бы не только одежду оставлять. <...> А вот там на окне нет ничего. Нет. Ну, **как-то все привыкли**⁴⁵⁷.

Так хранитель В. пытался объяснить мне, почему на территории храма дарители оставляют разные вещи в разных местах. На первый взгляд, работники самой Воскресенской церкви это не регламентируют. В храме нет объявлений о том, что при нем функционирует музей, для которого можно приносить вещи, или что здесь ведется прием вещей на утилизацию и т.д. Объявление на гараже, о котором упоминает В., в момент моего посещения было снято. Только на входной двери храма я обнаружила листок, который говорил о сборе вещей для нищих «Центром гуманитарной помощи» при Воскресенской церкви (см. Приложение, ил. 42). Но он висит на внутренней стороне двери, и не каждый способен обратить на него внимание. Кроме того, никакой информации о правилах приноса старых вещей в Воскресенский храм нет и в социальных сетях прихода⁴⁵⁸. Таким образом, весь порядок обращения церковных предметов – это свод неписаных правил церковной общины, о которых осведомлены постоянные посетители-дарители. «Захожане» могут получить эту информацию только от храмовых работников.

Однако в разговоре с хранителем В. оказалось, что ставший привычным порядок вещей не сложился стихийно, но оказался результатом взаимодействия церковных модераторов и дарителей. И хотя письменных правил все же не существует, коммуникация между верующими и церковными акторами по поводу вещей действительно оформилась, воплотившись в цепочки понятных действий. Теперь в Воскресенском храме существует несколько мест, которые воспринимаются как церковный принос, и разные категории вещей дарители обычно оставляют в разных точках.

⁴⁵⁷ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁵⁸ Группа прихода Воскресенской церкви г. Воронежа в социальной сети ВКонтакте: Воскресенский храм // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/id446823944> (дата обращения: 26.02.2026).

Принос I. Церковные работники следят за одним из типов предметов – дарами к иконам: votivными привесами и цветами (о традиции записок святым в этом храме мне ничего не известно). В храме есть почитаемая Казанская Богородичная икона, которая находится в нижнем (Казанском) приделе храма⁴⁵⁹. К иконе люди регулярно просят повесить украшения. В 2025 г. настоятель храма собирался заказать ризу для Казанской иконы и использовать для нее все пожертвованные прихожанами драгоценности.

Принос II. Внутри церкви на одном из подоконников люди, по словам хранителя В., «сбрасывают» ряд вещей – то есть оставляют их анонимно (см. Приложение, ил. 43). Объявлений здесь не висит и никогда не висело, принос действительно возник стихийно. Обычно в этом локусе оказываются вещи, которые самим дарителям кажутся достаточно ценными. Это предметы в хорошей сохранности, которые могут пригодиться каким-то другим верующим и/или более-менее ценные в историческом или художественном плане. Хранитель В. обычно находит на окне объекты, которые, как он выражается, «в хорошем сохране»: старинные иконные «доски» и медальоны, медно-литые кресты и складни, фотографии с видами воронежских храмов XIX – начала XX в., редко – советские и дореволюционные книги церковного содержания и т.д. Иногда здесь же оставляют буклеты или новые богослужебные брошюры. Все эти предметы больше не интересуют своих владельцев, таким образом они избавляются от хороших, но невостребованных церковных предметов, «возвращая» их церкви.

Кто-то приносит **тайно, подбрасывая** в храм. <...> Вот, значит, индивидуальные вещи, да. Когда приносят тайно, подбрасывают, в основном это делают <...> на первом этаже есть подоконник, и туда всё складывают. То есть нет специально здесь стола, нет объявления: «Вещи для приноса». Как правило... **Почему-то утвердилось, что на окнах надо здесь оставлять.** Ну вот, оставляют. Без подписи. Редко когда бывают подписи, в основном **безымянно** <...> просто **подбросили, и как бы неважно, куда дальнейшая судьба**⁴⁶⁰.

В «оконном приносе» не попадают, например, пакеты с одеждой или с церковным мусором – бутылочками от лампадного масла, прошлогодними календарями и проч. На окно кладут вещи, которые, как кажется дарителям, впишутся в современную богослужебную практику, в интерьер храма или пригодятся кому-то из прихожан. Таким образом они предоставляют решить судьбу вещей местным знатокам.

⁴⁵⁹ Святыни // Воскресенский храм Воронеж URL: <https://voskresenskyi.prihod.ru/svyatyni/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁶⁰ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

Ещё же как, люди могут сомневаться: **а действительно это имеет какую-то историческую, духовную ценность или нет?** Дай-ка я пока на окно положу, а там типа **за меня всё решат**. <...> Вот, сегодня медальон принесли. Иконный такой медальон <...> Он лежал на окне⁴⁶¹.

Этот принос сложился именно внутри церкви, в ее стенах – там, где предметы не могут случайно пострадать от плохих погодных условий, где за ними есть присмотр и, соответственно, их вряд ли присвоят посторонние или корыстно настроенные люди.

Почему-то так утвердилось, что вот такую икону, как бы редкую, да, писанную надо в храм... оставить, **чтобы она там не попортилась**, её там никто... **случайный прохожий, может быть, не забрал**⁴⁶².

Наличие контролируемого и безопасного, стихийно возникшего «оконного приноса» подтверждает слова хранителя В. о том, что местным жертвователям важно пристроить свою вещь в достойное место. Таким «правильным» локусом оказываются те редкие городские храмы, которые специально, целенаправленно организуют работу с символически значимыми церковными предметами. Обычно городские церкви в этом не заинтересованы, в отличие от сельских. Однако здесь сказывается наличие церковного музея, и принос оказывается важным источником предметов музейного значения.

...для людей это очень важно, пристроить свою домашнюю святыню в правильном месте. Откажешь – ну, потом, нехорошие всякие реакции могут пойти. Как в плане имиджевых, так и, ну, просто человек... можно как бы... обидеть, да? Типа: «Разбирайтесь <...> сами со своим мусором». Поэтому, ну я... стараюсь брать всё. Вот всё, что приносят, – а там дальше уже разберёмся. И вот разбираемся⁴⁶³.

Сентиментальная привязанность к вещи играет свою роль в том, что дарители приходят удостовериться, что она обрела достойное место. Хранитель В. вспоминает следующий случай:

[Не приходят потом, не интересуются, где моя вещь?] Бывает, да, как-то кто-то поинтересовался. Принесли один раз крест... Такое литьё художественное, медное литьё.

⁴⁶¹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁶² ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁶³ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

Вот, и <потом> ... Ну, без меня было, это мне уже передали <...>. **Пришёл даритель и сказал:** «Слушайте, а где же мой крест? Тут его нет в витрине». <...> И вот мы этого человека успокоили, показали ему <...>, что, дескать, всё, всё на месте⁴⁶⁴.

Возможно, дело также в подозрительности. Дарители часто не представляют, насколько отданная «старинная вещь» действительно ценна, и могут заподозрить, что ею распорядились не так, как им хотелось бы. Например, что ее не поместили в музей, а утилизировали, обменяли, продали или отдали кому-то случайному.

Принос III. Когда люди узнают о существовании музея при Воскресенском храме, они могут действовать другим образом: не анонимно подбрасывать старые вещи, так или иначе связанные с Церковью, на подоконник, а отдавать от своего имени или прямо в руки церковным работникам. Так, в музей передают старинные церковные книги, кресты, иконы, открытки на христианскую тематику или с видами значимых монастырей и т.д. Дарители подразумевают, что их вещь положат к другим экспонатам, и стараются сопроводить предметы сведениями о них и об их владельцах.

Оставить «церковные древности» могут на том же самом подоконнике, но в таком случае их маркируют — как-то подписывают пожертвованный предмет: что, кем подарено, кому принадлежало и для чего было отдано в храм (см. Приложение, ил. 44).

...когда люди узнают, что здесь проходят воскресные беседы, что есть экспозиция, — **приносят целенаправленно вещи, чтобы положили в витрину.** <...> зная, что есть такой... объект [музей. — А.З.], **приносят с подписями** <...> — пишут, кому принадлежал. <...> Ну, приблизительно датировку могут даже написать. <...> **иногда пишут:** «Для В.». **Ну, если знают, кто этим занимается.** Или: «Для музея». Иногда, бывает, подписывают иконы⁴⁶⁵.

Кроме того, некоторые прихожане приносят вещи с религиозной символикой или связанные с церковным бытом для музея и отдают их в руки лично — работницам свечной лавки, чтобы их дар точно оказался в витрине. Наконец, иногда вещи жертвуют в музей по предварительной договоренности с работниками:

⁴⁶⁴ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁶⁵ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

Иногда **просто входят в сношение с церковными служками**, там, как-то, телефон <...> Пересылают сначала фотографию. Типа: «А вам такая икона нужна?» Мне эту фотографию показывают. <...> Я всё беру⁴⁶⁶.

Когда вещь целенаправленно приносят «в музей», она рассматривается дарителем как потенциальный ресурс для храма и общины, который может сыграть значимую роль в работе музея. С другой стороны, отдать вещь в церковный музей – значит расстаться с ней правильным образом – благочестиво и с пользой для других, для прихода.

Принос IV. Еще один локус – гараж в здании воскресной школы, где находится мастерская храмового завхоза. Это, пожалуй, самый интересный из приносов.

До недавнего времени на воротах гаража висело объявление (дверь недавно покрасили и сняли его). Работники храма обозначили это место специально, чтобы прихожане могли оставлять «тряпичные вещи» для нуждающихся, чтобы завхоз, хранитель В. или казначей храма разобрались с ними, когда появится на это время. Однако люди оставляют здесь не только пакеты с одеждой. Вместе с ненужными кофтами и сапогами у дверей гаража работники храма находят и пакеты с различными церковными предметами. Обычно они в плохом состоянии, и скорее всего их сдали на сожжение.

...в храм и вот ближе к гаражу <...> подбрасывают пакеты с церковной всякой атрибутикой. И эти пакеты у нас тут... Завхоз есть <...> Он их обычно заносит к себе в гараж. Там есть техническая... ну, его мастерская техническая. Комната. И там они ждут своего урочного часа, когда кто-нибудь грамотный придёт и их начнёт разбирать⁴⁶⁷.

Как это описывает хранитель В., тут оказываются старые церковные вещи, в судьбе которых бывшие владельцы не слишком заинтересованы. Они считают эти предметы мусором и не хотят разбираться в их возможной ценности. Часто это также крупногабаритные вещи, которые в иных местах для приноса – в храме или в церковной лавке – мешали бы. Так, здесь оставляют старые киотные иконы (в том числе советских лет) больших размеров.

Устраивать «разборы» оставленных у гаража пакетов с «церковным мусором» – также задача, которой занимается хранитель музея В.: «кроме меня там никто не копается»⁴⁶⁸. Другими предметами из приноса занимаются другие церковные акторы, а христианской атрибутикой

⁴⁶⁶ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁶⁷ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁶⁸ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Из личной переписки.

именно В., как человек достаточно компетентный («грамотный»⁴⁶⁹), чтобы осуществлять цензуру в отношении таких вещей.

Он занимается сортировкой «пакетного приноса» (так В. называет вещи из гаража) и привносит в это занятие свои методы оценивания материальности объектов. Его оценки и действия определяет историческая семиотическая идеология, поэтому многие предметы из «отречёнки» – так он называет вещи из пакетов – оказываются в его глазах бесценными сокровищами. Так, В. сам, из личного научного интереса, коллекционирует фольговые иконы XIX и XX вв., тетради с рукописными молитвами и синодики (помянники). Другие предметы, которые, на его взгляд, будут хорошо дополнять музейную экспозицию, он тоже отбирает для сохранения.

Следующий отрывок интервью был записан в стенах музея, и В. демонстрировал мне вещи, которые он извлек из оставленных у гаража пакетов и поместил в витрины.

Это юбилейная <...> медаль, памятная... Тысячелетие Крещения Руси тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Вот это в одном из приносов, как раз, в таких **пакетных приносах**, было обнаружено. <...> Ну и в этих пакетиках иногда бывают вот такие художественные... Медно-литые крестики <...> Но, как правило, немного. В основном, да, пакеты с <советскими фолежными> иконами. <...> С маленькими иконами бывают. <...> Вот такие кресты само... Ну, не самодельные, советские <...>. Распятая фотографические. Снимок вот этот фотографический [имеется в виду фотография видов церквей Воронежа начала XX в. – А.З.]. <...> И в одном <...> пакете была целая коллекция рукописных книг. Рукописей. Церковных рукописей, да. <...> Вот эти вот книги – помянники. Это тоже из пакета. <...> [То есть, гараж – это место, куда всё на утилизацию?] Я думаю, да. Я думаю, да, есть такое, подспудно⁴⁷⁰.

Есть несколько путей перемещения вещей из гаража, которые открываются после «разборов». Какие-то из предметов окажутся в музее (ценное) – например, памятная монета 1988 г., подаренная некому священнику в честь тысячелетия Крещения Руси. Другие переместятся в запасники (ценное, но пока неактуальное для выставки) и будут ждать своего экспозиционного часа: старинные киоты, детали от фолежных икон, хромофотографические образа и др. Предметы третьего типа – достаточно хорошо сохранившиеся, но скорее современные, – останутся лежать в гараже. Самое ветхое и непотребное (переставшее быть ценным), или ненужное (неценное)

⁴⁶⁹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁷⁰ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девецкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

оставят завхозу, чтобы он это ритуальным образом утилизировал в маленькой бочке на территории храма (в ней же жгут церковные записки после богослужений).

Некоторые вещи из «пакетных приносов» могут пригодиться храму. Такое бывает редко – Воскресенский храм сейчас уже снабжен всеми нужными для богослужебной практики предметами. К ценному для храма относятся потенциально реализуемые экономически вещи – например, украшения из драгоценных металлов, которые иногда попадают в «пакетных приносах». Хранитель, в ведении которого находятся предметы других категорий ценности, отдает такие вещи священнику, чтобы он занимался их реализацией по своему усмотрению.

...я перебираю сумки, смотрю – крестики. И надпись, типа: «На переплавку», или что-то такое. <...> я их сдаю сразу, мне не интересно. А чё... [В ломбард?] Нет. Сразу <...> **священнику отдаю**. Я как бы этим... Мне это не интересно. Серебряные. В основном серебро. Кольца, цепочки, кресты⁴⁷¹.

Принос V. Вещи попадают в церковный музей не только через «принос», но и через «привоз». Тут играют роль научные интересы В. Он совершает специальные выезды в отдельные храмы Воронежской области⁴⁷² – стихийно или «по наводке местных жителей»⁴⁷³. Опрашивает старожилов, записывает устную историю прихода, анализирует местные рукодельные иконы советского времени, пополняет свои коллекции и учитывает, что из найденного могло бы хорошо дополнить экспозицию в кабинете-музее. Потом все эти предметы оказываются в Воскресенском храме – в запасниках или в витринах.

Обычно В. интересны вещи, которые для местных общин уже не представляют никакой практической ценности или вышли из употребления.

Приехали в храм <название села>. Мы книгу писали. Был заказ от местного прихода. <...> И там есть гараж, такой, на территории храма, церковный гараж. <...> И вот в одном, из одного пакета высыпались, вот буквально, я помню, высыпались вот эти помянники. Высыпались на стол. Я знал, что это такое, потому что у меня дома вот такой вот хранится помянник семейный. <...> Ну и сразу там пошли как бы интересные экземпляры – дореволюционные. Пару книжечек – <они> на верхней полочке [показывает на полку музейной витрины] <...> Сразу было понятно, что это старинное. <...> И вместе с ним – вот

⁴⁷¹ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

⁴⁷² Пост в социальной сети ВКонтакте о находках хранителя В.: Находки // Воскресенский храм. ВКонтакте. 27.07.2024. URL: https://vk.com/wall446823944_1641 (дата обращения: 26.02.2026).

⁴⁷³ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

эти вот **рукоделья**. Зачем я их взял? Я не могу сказать. У меня нет... как бы... рационального объяснения <...> На каком-то интуитивном уровне я почувствовал, что это очень интересно. В плане вот какого-то исторического прошлого. Такой исторический срез. <...> Я их забрал. С тем, чтобы... Чтобы что – не знаю. [Тайно или попросили?] Нет, я сказал: «Куда это?» – «Сгорит». – «Можно?» – «Нужно. <...> Забирайте, **вывозите этот мусор**»⁴⁷⁴.

Помимо того, В. установил контакты со многими храмами Воронежа, куда люди приносят интересные ему предметы. Работники этих церквей, обнаруживая что-то потенциально интересное В., звонят ему и передают вещи из своих приносов.

Добавим, что все описанные символически значимые вещи и локусы, организованные для них, существуют в храме параллельно с другими традиционными церковными приносами – едой на помин (ее дарители приносят на канун, а разбирают женщины-свечницы), одеждой (за нее ответственна казначей Д.). И хотя «старые вещи» музейного значения оставляют в пакетах у гаража – там же, где и «утилитарные» предметы (одежду и обувь для местного «церковного секонд-хенда»), в одних пакетах они никогда не оказываются. Два приноса – символически значимых предметов и предметов для бытового использования – существуют параллельно. Так же не взаимосвязаны обязанности хранителя В. и служительницы-казначей по разбору, сортировке и распределению этих различных категорий вещей.

* * *

Таким образом, различные виды деятельности, которыми занимается Воскресенский храм, включают целенаправленную работу с разными типами символически значимых предметов с неопределенным статусом. Прихожане могут оставлять вещи спонтанно. Однако наличие музея модерирует жертвование. Целенаправленно организованные церковными модераторами места для разных типов вещей появились в ответ на то, что прихожане жертвовали храму совершенно разные предметы. Справляясь с их потоком, церковные акторы приложили усилия для пространственного разнесения разных типов вещей. Эти типы они выделили сами – старинные церковные предметы, вещи для ритуализированной утилизации, votивные «привесы», а также вещи для нуждающихся и пищевой принос оказались в разных категориях – и в разных локусах. Инфраструктура Воскресенской церкви переформатировалась и усложнилась, откликаясь на нужды и желания прихожан, которые жертвовали и «сбрасывали» множество различных ненужных вещей в церковь. В итоге сортировка церковных предметов вошла в привычку у самих дарителей, хотя ее правила не были публично эксплицированы.

⁴⁷⁴ ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девицкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.

При другом варианте развития событий – если бы в храме не было музея, специального человека, готового заниматься сортировкой вещей, и благословения настоятеля на такую работу, – церковные акторы могли бы отреагировать на поток вещей по-другому, к примеру, жестким запретом (что нередко происходит в городских храмах). Однако здесь сошлись условия, в которых люди и вещи гармонично сосуществуют и модерируют друг друга, и существенную роль в этом сыграло наличие музейной коллекции, энтузиаста-хранителя и одобряющего эту деятельность настоятеля.

Возникновение музея внесло порядок в разрозненные и неструктурированные мотивации дарителей, которые изначально приносили в храм всё подряд, никак не разделяя вещи по их (исторической, символической) ценности. Предметы из приноса приобрели дополнительные значения, потому что в прихрамовой среде сложился – благодаря музею и хранителю В. – определенный набор критериев оценки. В первую очередь оказалась значима историчность предметов, которая формулируется в контексте музейной оптики.

* * *

Итак, в третьей главе мы перешли от анализа факторов, влияющих на судьбу вещей в церкви, к рассмотрению того, как именно эта судьба складывается в конкретных практиках и инфраструктурных решениях. В фокусе внимания оказались действия церковных модераторов по фильтрации, сортировке, хранению, демонстрации, распределению и утилизации пяти типов символически значимых предметов: вотивных даров, цветов, записок святым, возвращенных церковных атрибутов и священного мусора.

Мы установили, что символически значимые предметы с неопределенным статусом не просто попадают в храмы, но становятся активными участниками различных приходских практик. Каждый из указанных типов предметов требует от церковных модераторов особых подходов и решений по их включению в церковную инфраструктуру или принципиальному исключению из нее.

При этом для разных категорий объектов предполагаются как схожие, так и радикально отличные практики. Вотивы, как и цветы, часто накапливают у реликвий и демонстрируют. Однако по отношению к цветам церковная цензура обычно настроена менее подозрительно – их не оценивают, не разделяют на категории; в благочестивости самой практики не сомневаются. Записки святым в большинстве приходов воспринимаются как нелегитимные и вытесняются из храмового пространства. То же нередко происходит со старыми вещами, ассоциирующимися с православием: их не принимают во многих храмах как ненужные и невостребованные в этом контексте объекты. Однако ни одна из этих стратегий не проявляет себя как устойчивое правило: от прихода к приходу принципы включения объектов в инфраструктуру отличаются.

Тем не менее, разнообразие культурных практик, которые существуют в православных приходах России, может быть систематизировано. На основе анализа того, как различные символически значимые предметы встроены в приходской обиход, мы ввели типологию инфраструктурных стратегий: демонстрация, распределение, коллекционирование, хранение, утилизация и вытеснение. Эти стратегии редко встречаются в чистом виде; в рамках конкретного прихода они чаще взаимосвязаны, а иногда вступают в противоречие. В ряде случаев можно наблюдать, что в одном приходе разные стратегии применяются к разным типам предметов: вотивы демонстрируют, цветы – распределяют, записки вытесняют, исторически ценные предметы, относящиеся к Церкви, коллекционируют, старые вещи – хранят.

Каждая стратегия опирается на специфические инфраструктурные комплексы, которые позволяют реализовывать определенные практики. Чтобы демонстрировать украшения у икон, нужны киоты со стеклом, крепления, натянутые цепочки и т.п.; для цветов – вазы с водой, холодильники для хранения и продажи, столы для раздачи, помещения для хранения и печи для утилизации; для записок – ящики и печи. Для возвращенных предметов требуются столы и ящики для приема, полки и столы для обмена и помещения-склады для хранения; наконец, для священного мусора – инфраструктура для ритуализированной утилизации (помещения для сортировки и временного складирования, колодцы, печи, ямы и т.п.). Что касается вытеснения объектов из ключевых локусов храма, то для этого тоже нужны специальные инфраструктурные каналы.

В то же время одни и те же предметы могут функционировать в принципиально разных инфраструктурных логиках. На примере двух приходов, где отчетливо проявляются стратегии демонстрации и коллекционирования, мы показали, как по-разному могут настраиваться церковная цензура и инфраструктура под объекты одного типа.

Кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде – пример церкви, в которой доминирует стратегия демонстрации, основанная на модернизирующей семиотической идеологии ключевых акторов. Анализ показал, что инфраструктура этого собора ориентирована на создание «храма-витрины», где вотивные дары и цветы встраиваются в общий сценарий масштабности и торжественности, работая на формирование престижного образа епархии и включение храма в туристическую и городскую среду. При этом достаточно строгая иерархия значимости материальных объектов, закрепляющая ценность за «новым», «красивым» и «дорогим», ведет к вытеснению всех остальных типов приноса из ключевых зон собора. Развита инфраструктура (отдельные локусы для разных категорий приноса, система хранения, делегирование ответственности) позволяет управлять потоками вещей, поощряя одни практики и вытесняя другие.

В случае Воскресенской церкви Воронежа отчетливо прослеживается стратегия коллекционирования, направленная на сохранение «церковной старины» и реализуемая благодаря наличию приходского музея и фигуре хранителя-энтузиаста. Открытие музея существенно преобразовало быт прихода: инфраструктура усложнилась и дифференцировалась; сложилась неписаная, но устойчивая система зонирования разных типов вещей (вотивы – у икон, старинные предметы – на подоконнике, «пакетный принос» – у гаража). Историческая семиотическая идеология, доминирующая в оценках хранителя, позволяет выявлять ценное в том, что другие приходы воспринимают как обузу или мусор. При этом стратегия коллекционирования не отменяет других практик: часть предметов редко, но все же отправляется на утилизацию, часть – на внутриприходской обмен. Этот кейс показывает, что наличие энтузиаста, благословение настоятеля и сложившаяся инфраструктура могут превратить поток приноса из проблемы в ресурс, а сам храм – в значимый центр сохранения и исторического означивания вещей.

Сопоставление этих двух довольно полярных кейсов иллюстрирует центральный тезис работы: статус вещи в церковном пространстве формируется и трансформируется в конкретных практиках и инфраструктурных решениях, которые зависят от множества локальных факторов. То, что в одном храме становится демонстрируемым вотивом, в другом отправляется на переплавку; то, что в одном приходе хранится как «церковная старина» или семейная реликвия, в другом сжигается как священный мусор. Эта вариативность – сама суть церковной инфраструктуры, которая локально настраивается под конкретные условия и под потоки разнородных вещей, постоянно поступающих в храм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше диссертационное исследование было посвящено символически значимым предметам с неопределенным статусом (вотивные дары, цветы, записки святым, предметы, символически связанные с Церковью и «возвращенные» ей и «священный мусор»), которые часто оказываются в современных православных храмах России. На основе полевых материалов, собранных в православных приходах различных регионов, мы проанализировали, как такого рода объекты могут встраиваться в материальную среду, участвовать в различных культурных практиках, которые складываются вокруг них, и со своей стороны формировать многие элементы храмовой инфраструктуры. Мы показали, что ценность этих объектов и значения, которыми они наделяются, формируются в процессе их циркуляции и находятся в зависимости от контекста их существования.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд общих выводов.

Концепции материальной религии и инфраструктурного подхода позволяют комплексно исследовать материальную повседневность религиозных сообществ. Материальная среда, в которой разворачиваются различные приходские практики, представляет собой не статичную систему сакральных объектов, религиозных образов или набора литургических предметов, но динамичную инфраструктурную сборку. В этой сборке конституирующую роль играют не только реликвии, изображения, архитектура и т.д., но и менее очевидные инфраструктурные элементы (предметы из церковного приноса, в том числе вещи с неопределенным семиотическим статусом, ящики для пожертвований, киоты, объявления и проч.). Основываясь на этом тезисе, *в первой главе работы* было введено понятие церковной инфраструктуры для определения совокупности социотехнических условий, в которых функционирует конкретный приход и которые определяют обращение вещей.

Опираясь на теории обмена и культурно-биографический подход, мы использовали понятие циркуляции, чтобы анализировать не только перемещение вещей в пространстве (в частности, из домашнего пространства в церковное), но и смену культурных контекстов их существования, а также связанные с этим трансформации статусов и значений. Благодаря этому нам удалось рассмотреть обмен в приходской среде как зону конфликта разных культурных допущений о ценности объекта – режимов ценности (А. Аппадураи), в которой рождается новая оценка вещи. На примере средневековых реликвий (П. Гири) было показано, что даже сакральные объекты, которые по определению должны быть изъяты из социального обращения (М. Годелье), в действительности активно участвуют в процессах обмена. При этом они меняют статус в зависимости от способа приобретения и требуют переподтверждения своей ценности в новом контексте.

Особое значение для формирования современной материальной культуры православных приходов имели трансформации в отношениях между людьми и вещами, которые произошли при переходе от советской эпохи к постсоветской. Если для дефицитной экономики Советского Союза были характерны долгие жизненные циклы вещей, то в современном российском обществе материальные объекты функционируют в рамках концепции новизны, ускоренного обновления и массового производства. Это создало условия для включения православных приходов в современную экономику циркуляции и постоянное обновление предметного мира российских храмов. Как мы показали, в таком модернизационном режиме «старые» вещи, символически связанные с Церковью, могут утрачивать свое значение и ценность. Это приводит к необходимости периодически выводить их из обращения или изобретать иные способы модерирования и регулирования их постоянного потока.

Решающее значение для определения статусности, значимости, ценности вещи в православной культуре имеют представления о благодати, распространившиеся в христианской культуре с первых веков ее возникновения. Эта сакральная сила, по христианским представлениям, не только заключена в святом предмете, но и распространяется в пространстве вокруг него; она изменяет статус вещей, прикоснувшихся к святыне или находившихся недалеко от нее. В современных контекстах эти представления могут динамично и гибко проявляться в конкретных ситуациях. Так, в православных сообществах очень многие предметы могут наделять особым статусом и воспринимать как носители благодати. Круг таких вещей чрезвычайно широк и подвижен: он включает не только освященные предметы и реликвии, но и бытовые объекты, находившиеся в храме (от флористических губок для создания цветочных композиций до инвентаря для уборки), и множество предметов с христианской символикой и текстами. При этом вопрос о том, какие из этих предметов пригодны для дальнейшего использования в качестве контактных святынь, а какие нет («сакральный мусор») всегда остается дискуссионным, решается не на доктринальном, а на практическом уровне и затрагивает как духовенство, так и мирян. Эти решения зачастую воплощаются в конкретных приходских практиках – через выработку локальных правил приема, хранения и утилизации, через создание или, напротив, демонтаж инфраструктурных элементов (локусов приноса, обмена; печей, колодцев и т.д.), через действия конкретных людей, наделенных авторитетом и способных принимать значимые для приходской жизни решения.

Прибегнув к концепциям аффордансов и семиотических идеологий, мы обосновали, что физические характеристики вещей также играют значимую роль в том, как люди их оценивают и как встраивают в культурные практики. Аффордансы предметов создают возможности для действий, но их актуализация зависит от способов видения и интерпретации (материальных) знаков. Понятие аффордансов позволило объяснить, почему одни религиозно значимые

предметы становятся объектами почитания, а другие отправляются на утилизацию. Для разрешения семиотического противоречия, которое создают руинированные, но богатые предметы, православные сообщества вырабатывают различные способы их ритуализированной утилизации.

Предметы с неопределенным семиотическим статусом – вотивы, цветы, записки святым, «возвращаемые» храмам символически связанные с Церковью предметы, священный мусор – оказываются теми узлами, вокруг которых выстраиваются сложные сети отношений между людьми, материальными объектами и трансцендентными агентами. Их «мерцающий» статус – между сакральным предметом и мусором, ценной и ненужной вещью, ресурсом и обузой – оказывается одним из стимулов, побуждающих сообщество постоянно переопределять границы ценного, правильного, допустимого, и вырабатывать новые практики.

Во второй главе, исследовав контексты существования православных приходов в современной России, мы выявили те факторы, которые непосредственно влияют с циркуляцию вещей в храмах. Исходным пунктом стало понимание многозначности самого термина «приход», который в исследовательской литературе и церковном дискурсе может обозначать одновременно территориальную единицу, юридическое лицо, экономического агента, религиозную общину и само храмовое здание. Опираясь на теоретические рамки, заданные в первой главе, мы рассматривали приход как *место* и как инфраструктурную сборку – локализованную и ограниченную в пространстве социотехническую сеть, в которой участвуют люди, материальные объекты и трансцендентные агенты.

Было установлено, что функционирование современного российского прихода определяют по меньшей мере три фактора. Во-первых, это постсекулярная современная ситуация, характеризующаяся плюрализацией ценностных ориентиров и дискурсов о религии. В современной мире как клирики, так и миряне ориентируются на множество ценностных матриц и семиотических систем, заимствованных как из православной традиции, так и из нерелигиозных сфер – экономики, политики, массовой культуры. Во-вторых, православный приход подчиняется определенным юридическим и административным нормам. В соответствии с этими правилами, с одной стороны, приходы подчинены епархиальному руководству, а с другой – должны самостоятельно поддерживать свою автономность, в экономической, хозяйственной и других сферах. В-третьих, хозяйственная самостоятельность прихода формируется на пересечении трех логик – реципрокных отношений, иерархического перераспределения ресурсов и рыночной экономики, в которой приход неизбежно выступает игроком на рынке религиозных услуг. Это пересечение создает зону напряжения, что может непосредственно влиять на то, как приходское сообщество оценивает и использует поступающие в храм вещи.

Практики оценки и использования вещей менялись в постсоветской России под влиянием процессов реставрации православной инфраструктуры и современной экономики циркуляции, связанной с постоянным обращением и потреблением вещей, в том числе религиозных атрибутов. Если в 1990-е гг. материальная среда разных приходов обладала схожими чертами, то на современном этапе инфраструктурные сборки приходов значительно различаются. Мы выделили несколько типов современных приходов, учитывая их статус в церковной иерархии, территориальную локализацию, экономическую автономность и различия в их инфраструктурах: кафедральные соборы, монастыри, городские церкви, пограничные храмы и сельские церкви. Это позволило зафиксировать корреляцию между инфраструктурными возможностями прихода и его стратегиями работы с церковным приносом.

Различие в этих стратегиях было предложено осмыслять как результат работы церковной цензуры, специфический вариант которой вырабатывается в каждом приходе. Вводя понятие церковной цензуры, мы отталкивались от дискуссий о «народном» и «институциональном» православии: было показано, что норма всегда иллюзорна и представляет собой объект конфликтующих интерпретаций. Соответственно, под церковной цензурой мы понимали совокупность локально специфичных правил и практик, воплощающих эти правила, с помощью которых приходское сообщество оценивает и контролирует деятельность прихожан и окказиональных посетителей. Это касается также оценки, фильтрации и регулирования потоков вещей из церковного приноса.

Церковная цензура – не некий регламентированный свод правил или институт «официальных» представителей православия, а вернакулярная, локально настраиваемая система «фильтров». Она уникальна для каждого прихода, является результатом (открытых или латентных) переговоров и конфликтов, в которых участвуют как духовенство, так и прихожане. Настройки церковной цензуры зависят от множества факторов, включая тип прихода (см. выше), состав прихожан, финансовое положение общины и, в значительной степени, личные установки настоятеля. На последние влияют в том числе различные культурные установки по отношению к вещам, характерные для современного российского общества – семиотические идеологии. Наши полевые исследования позволили выделить пять таких идеологий, которые касаются различий в оценке «старых» и «новых» вещей: историческую (ценность артефакта как древности и свидетельства прошлого), антикварную (ценность предмета как экономического ресурса), семейную (ценность объекта как памяти о родственниках), модернизирующую (ценность нового, необходимость замены старого) и идеологию «опасной вещи» (страх перед чужими и бесхозными вещами). Эти идеологии редко существуют в чистом виде; они не привязаны жестко к конкретным социальным группам, а сосуществуют и конкурируют в сознании одних и тех же

актеров, создавая сложную, многослойную картину ценностных ориентаций у разных представителей одного прихода.

Помимо этого, были выявлены акторы, которые играют значимую роль в осуществлении церковной цензуры и в обращении вещей в храме. Ключевая роль в большинстве случаев принадлежит настоятелю, который выступает главным модератором, задающим общие правила приема, оценки и утилизации вещей. Однако повседневная реализация этих правил чаще осуществляется «младшими» распорядителями – диаконами, алтарниками, церковными работниками (продавщицами свечных лавок, уборщицами, сторожами) и прихожанами-волонтерами. Было показано, что распределение функций между этими акторами, степень их автономии и характер взаимодействия с настоятелем варьируются от прихода к приходу, и это непосредственно сказывается на том, насколько организованным или стихийным будет церковный принос.

Кроме того, мы выявили механизмы циркуляции вещей – способы их перемещения между светским и церковным пространствами. Так, вещи оказываются в храмах благодаря дарителям, в число которых включены не только постоянные и активные прихожане, но и периферийные верующие, «захожане», а также паломники, туристы и другие окказиональные посетители. Практики этих дарителей могут различаться, как и их мотивации, и типы предметов, которые они оставляют в церквях. При этом мотивация дарителя далеко не всегда определяет дальнейшую судьбу вещи: церковные распорядители могут переопределять ее статус, исходя из собственных критериев оценки. На основе совокупности показателей (тип предмета, его физическое состояние, способ передачи, наличие/отсутствие коммуникации с дарителем) были выделены три основных механизма поступления вещей в храм: дар (осознанное и маркированное приношение, чаще всего вотивов и цветов), символическое возвращение (передача ненужных, но сохранных и связанных с православием предметов, основанная на представлении о Церкви как о «доме» для всего церковного) и передача на утилизацию (принос священного мусора, не имеющего утилитарной ценности, но требующего ритуализированного уничтожения).

Человеческих агентов, которые, напротив, способствуют тому, что предметы выводятся из обращения в храме и возвращаются в мир, мы охарактеризовали как пользователей. В их число входят: прихожане и паломники, забирающие из храмов вещи как брандеа и/или евлогии; антиквары, приобретающие церковные предметы для перепродажи; расхитители, действующие криминальными методами и похищающие ценные объекты из церквей; ученые, получающие доступ к предметам из церковного приноса для спасения и музеефикации тех религиозных артефактов, которые представляют историческую ценность. Все эти акторы также (но в разной степени) ориентируются в своих практиках на разные семиотические идеологии, а также на представления о благодати.

Церковная цензура не является продуктом действий и представлений исключительно церковных модераторов. Она может реагировать на запросы дарителей и пользователей, трансформироваться, адаптироваться к новым типам приноса, что свидетельствует о том, что церковная инфраструктура формируется в диалоге, рождается из сотворчества различных акторов.

Исходя из подвижного характера приходских практик, связанных с символически значимыми предметами, а также из перформативного характера церковной цензуры, *в третьей главе* мы последовательно рассмотрели пять типов объектов с «мерцающим» семиотическим статусом, а также практики, в которых значимость и ценность этих объектов воплощается и трансформируется.

Вотивные дары, представляющие собой, чаще всего, драгоценные объекты, как правило, принимаются и накапливаются, служат наглядным свидетельством чудотворности образа и становятся важным символическим капиталом храма. Вотивная практика может инициироваться «сверху» (вывешиванием под стекло киота священнических крестов или епископской панагии) и быстро подхватываться прихожанами. Вокруг вотивов формируются сложные правила фильтрации: по материалу (только драгоценные металлы), по мотивации (только благодарность, а не просьба). В исключительных случаях цензура требует документального подтверждения чуда, для того чтобы дар был принят в храме и размещен у чудотворного образа. Вотивы могут оставаться в киотах годами, формируя визуально узнаваемый и тиражируемый образ святыни, превращаясь в символический капитал и храма, но могут и переплавляться на ризы или литургическую утварь, тем самым превращаясь из индивидуальных даров в коллективную жертву. В ряде случаев их снимают из-за угрозы краж или из-за того, что настоятель усматривает в них нечто неверное («суеверное», «излишне материальное»), что демонстрирует подвижность статуса даже этих, казалось бы, ценных для храма предметов.

Анализ циркуляции цветов показал иную динамику, обусловленную коротким жизненным циклом этих объектов. Букеты выполняют несколько функций в церковном пространстве – они одновременно и дар, и украшение; их наличие маркирует особую чтимость святыни. Цветочные приношения могут быть инициированы как «сверху» (заказные композиции на средства из ящиков «на цветы»), так и «снизу» (стихийно оставленные прихожанами букеты). Цветы часто воспринимают как носители благодати, поэтому их обычно ритуализированно утилизируют. Однако в некоторых храмах (самые яркие примеры – Покровский монастырь в Москве, Смоленская церковь в Петербурге) цветы становятся основой для дистрибуции святости – их раздают прихожанам и паломникам как брандеа. В целом для церковной цензуры цветы – это наиболее однозначный, понятный и оттого наименее проблематичный тип приношения. Для

контроля цветочной традиции со стороны церковных модераторов требуется минимальное вмешательство.

Записки святым – практика, по сути, вотивная (материализованная просьба или благодарность святому). Однако церковные модераторы часто рассматривают ее в качестве (неверной с их точки зрения) альтернативы институционализированной подаче церковных записок через лавку. Отношение к ней варьируется от полного запрета до осторожной легитимации и даже поощрения. В большинстве храмов записки воспринимаются как «народный обычай», с которым либо борются, либо условно мирятся, создавая для их «приема» специальные локусы (сундучки, ящики). Особый интерес представляет кейс храма на Болвановке в Москве, где записки начали функционировать аналогично вотивам: их накапливают у иконы, они становятся аффордансом, привлекающим новые просьбы, и их ритуализированно сжигают по мере накопления.

Предметы, символически связанные с Церковью (возвращенные атрибуты) – книги, иконы, кресты, паломнические сувениры, – попадают в храм не как дар в полном смысле слова. Их «сдача» / «возвращение» в храм рассматривается как благочестивый способ расстаться с сохранным, но ненужным имуществом. Судьба этих вещей зависит от инфраструктурных возможностей прихода: такие предметы могут перераспределять между прихожанами через столы для обмена; складировать годами; использовать как ресурс (продажа за пожертвование) или, при наличии музея, отбираться в коллекцию.

Священный мусор оказывается наиболее парадоксальной категорией. В нее включен широкий круг предметов, не имеющих утилитарной ценности, но требующих особого обращения в силу представления о них как о носителях благодати. Существует три основных способа ритуализированной утилизации: сжигание, захоронение в «непопираемом месте» и утопление в воде. Материал Нижегородской области показывает, что здесь формируются сложные инфраструктурные системы с разделением мусора – и бытовых предметов, которые в будущем станут мусором (тряпок, веников, ведер) – на разные «фракции» по степени сакральности; с созданием двух отдельных печей, колодцев, сараев и т.п. Для городских храмов священный мусор часто становится проблемой. Широкий круг предметов здесь регулярно вывозят в центры утилизации, а приток старых вещей пытаются остановить запретами. Между тем в сельских приходах священный мусор составляет основную массу приноса и воспринимается как естественная часть приходской жизни.

Инфраструктура выступает не пассивным вместилищем, а активным агентом селекции и классификации. Проектируя инфраструктуру, церковное сообщество символически и физически регулирует потоки поступающих в храмы символически значимых вещей. При этом материальные элементы церковной среды (киоты, вазы, ящики, столы, печи) также могут

выступать активными агентами, формирующими практики. Их конструктивные особенности – размер отверстий, наличие или отсутствие стекла, место расположения – делают определенные действия физически возможными или невозможными, «приглашают» к одним практикам и блокируют другие, зачастую действуя эффективнее вербальных предписаний. При этом инфраструктурные решения всегда локальны: они не копируются автоматически, а вырабатываются в каждом приходе «под себя», отражая его специфику – тип, историю, активность общины, позицию настоятеля и доминирующие семиотические идеологии. Эта локальная вернакулярность объясняет, почему в разных храмах складываются принципиально разные конфигурации практик.

На основе анализа отдельных категорий символически значимых объектов с подвижным статусом мы выделили шесть стратегий обращения с ними: демонстрация (размещение ценных предметов возле реликвий), распределение (дистрибуция святости через бренда; внутриприходской обмен), коллекционирование (отбор предметов, представляющих историческую и экспозиционную ценность), хранение (пассивное складирование без использования), утилизация (создание инфраструктуры для ритуализированного уничтожения) и вытеснение (удаление или перенаправление нежелательных приносов в другие локусы). При этом в одном приходе эти стратегии могут сосуществовать, развиваться параллельно или взаимосвязанно; в чистом виде они встречаются редко.

Детальный анализ двух кейсов продемонстрировал реализацию этих стратегий в конкретных условиях. Мы обратились к двум приходам, в которых наиболее ярко развиваются стратегия демонстрации и стратегия коллекционирования, включающие специфический набор культурных практик.

На примере кафедрального собора Александра Невского в Нижнем Новгороде было показано, как стратегия демонстрации, основанная на логике модернизирующей семиотической идеологии и ориентированная вовне (на формирование публичного образа епархии, репрезентации города в публичном поле и т.п.) определяет инфраструктурный облик храма. Вотивы и цветы здесь намеренно накапливают и экспонируют, включают в масштабные иеротопические проекты и продуманную систему создания приходских доходов. В то же время другие категории приноса в случае этого прихода систематически вытесняются. Анализ отзывов посетителей показал эффективность этой стратегии: многие восторженно высказываются по поводу благоустроенности собора и «душевного сервиса». С другой стороны, у некоторых это вызывает обратную реакцию – недовольство и обвинение храма в коммерциализации.

Воскресенский храм в Воронеже – пример реализации стратегии коллекционирования: здесь она сложилась благодаря наличию приходского музея и фигуры хранителя-энтузиаста. Вокруг музея сложилась сложная, но не эксплицированная письменно система приема вещей;

дарители, ориентируясь на неписанные правила, начали интуитивно сортировать предметы еще до передачи в храм; хранитель, руководствуясь исторической семиотической идеологией, отбирает из приноса все, что представляет историческую ценность, меняя тем самым статус вещей, которые в иных условиях были бы утилизированы.

Предложенная в работе типология стратегий обращения с вещами (демонстрация, распределение, коллекционирование, хранение, утилизация, вытеснение) и детальный анализ двух контрастных кейсов продемонстрировали, что многообразие приходских практик поддается систематизации. Выбор той или иной стратегии зависит не только от объективных факторов (тип прихода, его местоположение, экономическое положение), но и от наличия акторов-энтузиастов и семиотических идеологий, которые они привносят в приходскую жизнь, предлагая альтернативные способы видения и оценки вещей. Такие акторы – инициативный священник, хранитель музея, местный антиквар, приезжий исследователь – играют ключевую роль в переопределении статуса предметов и, в конечном счете, в формировании уникального инфраструктурного облика каждого конкретного храма. Анализ конфигураций культурных практик, а также сосуществования и конфликтов между разными стратегиями дает нам возможность выявлять многие актуальные процессы и явления, которые происходят в современных приходах.

Таким образом, проведенное исследование позволило предложить концептуальный аппарат, позволяющий описывать и интерпретировать сложные, динамичные и часто противоречивые процессы, происходящие в сфере обращения вещей в приходах РПЦ МП. Результаты работы могут быть использованы исследователями православия в полевой практике, а также в музейной и образовательной деятельности. Перспективным представляется также более детальный анализ региональной и этнической специфики практик приноса религиозно значимых вещей – сравнительное изучение приходов в разных областях и республиках России, а также в других странах, где существуют приходы РПЦ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Перечень цитируемых информантов

1. ПМА. Ж., 1979 г.р., музейный работник, экскурсовод, жительница г. Нижний Новгород. Зап. 20.01.2026 г.
2. ПМА. Ж., 2002 г.р., студентка, посетительница кафедрального собора Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 13.06.2025 г.
3. ПМА. Ж., 2002 г.р., студентка, посетительница собора Александра Невского. Зап. 20.01.2026 г.
4. ПМА. Ж., ок. 40 лет, работница церковной лавки в Благовещенском кафедральном соборе, г. Воронеж. Зап. 04.04.2025 г.
5. ПМА. Ж., ок. 45 лет, ризничная в кафедральном соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.
6. ПМА. Ж., ок. 50 лет, работница одной из церковных лавок в Храме Христа Спасителя, г. Москва. Зап. 17.01.2025 г.
7. ПМА. Ж., ок. 60 лет, продавщица церковной лавки Казанского кафедрального собора, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.
8. ПМА. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при Благовещенском кафедральном соборе, г. Воронеж. Зап. 04.04.2025 г.
9. ПМА. Ж., ок. 65 лет, работница при Спасо-Преображенском соборе Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря, пос. Валаам, Сортавальский г. о., рес. Карелия. Зап. в 2022 г.
10. ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица-волонтер в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.
11. ПМА. Ж., ок. 70 лет, уборщица в соборе Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 30.04.2023 г.
12. ПМА. Ж., работница церковной лавки при входе в Собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Зап. 21.10.2024 г.
13. ПМА. М., 1980 г.р., псаломщик, консультант по религиозным вопросам в Казанском кафедральном соборе, г. Санкт-Петербург. Зап. 29.11.2023 г.
14. ПМА. М., 1982 г.р., хранитель кабинета-музея им. М.М. Девяцкого при Воскресенской церкви, г. Воронеж. Зап. 06.04.2025 г.
15. ПМЦ. Ж., 1942 г. р., монахиня, Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, с. Кутузовка, г. о. Кулебаки, Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.
16. ПМЦ. Ж., 1947 г.р., г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.

17. ПМЦ. Ж., 1951 г.р., работница церкви Святой Животворящей Троицы, с. Троицкая Слобода, Переславский р-н, Ярославская обл. Зап. в 2022 г.
18. ПМЦ. Ж., 1955 г.р., заведует часовней, пос. Октябрьский, Вязниковский р-н, Владимирская обл. Зап. в 2023 г.
19. ПМЦ. Ж., 1965 г.р., с. Ломовка, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
20. ПМЦ. Ж., 1967 г.р., руководительница воскресной школы, пгт. Гремячево, г. о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
21. ПМЦ. Ж., 1972 г.р., с. Черепянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.
22. ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
23. ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.
24. ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, работница при храме Воскресенья Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской Сретенского монастыря, г. Москва. Зап. в 2021 г.
25. ПМЦ. Ж., ок. 30 лет, флористка, преподавательница курсов храмовой флористики «Отрада» при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
26. ПМЦ. Ж., ок. 35 лет, продавщица церковной лавки храма Богоматери Знаменской, пгт. Ардатов, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
27. ПМЦ. Ж., ок. 40 лет, работает в церковной лавке Троицкой церкви, с. Тёплово, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
28. ПМЦ. Ж., ок. 40 лет, работница церковной лавки, храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке, г. Москва. Зап. в 2021 г.
29. ПМЦ. Ж., ок. 45 лет, работница церковной лавки Успенской Адмиралтейской церкви, г. Воронеж. Зап. в 2025 г.
30. ПМЦ. Ж., ок. 55 лет, работница храма Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, г. Москва. Зап. в 2022 г.
31. ПМЦ. Ж., ок. 55 лет, работница церковной лавки Смоленского собора, пгт. Выездное, Нижегородская обл. Зап. в 2022 г.
32. ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки храма Николая Чудотворца в Подкопаях, г. Москва. Зап. в 2021 г.
33. ПМЦ. Ж., ок. 60 лет, работница церковной лавки при храме Николая Чудотворца в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
34. ПМЦ. Ж., ок. 65 лет, продавщица в церковной лавке храма Успения Пресвятой Богородицы, с. Суворово, Дивеевский р-н, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
35. ПМЦ. Ж., ок. 65 лет, работница Храма Всех Святых на Кулишках, г. Москва. Зап. в 2021 г.

36. ПМЦ. Ж., ок. 70 лет, работница лавки церкви Преображения Господня, с. Вельяминово, Московская обл. Зап. в 2021 г.
37. ПМЦ. Ж., работница Высоко-Петровского монастыря, г. Москва. Зап. в 2022 г.
38. ПМЦ. Ж., работница церковной лавки при храме Спаса Преображения на Болвановке, г. Москва. Зап. в 2024 г.
39. ПМЦ. М., 1946 г. р., сельский староста, с. Тёплово, г. о. Кулебаки, Нижегородская обл. Зап. в 2021 г.
40. ПМЦ. М., 1948 г.р., настоятель церкви Преображения Господня, с. Вельяминово, Московская обл. Зап. в 2021 г.
41. ПМЦ. М., 1964 г.р., священник, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.
42. ПМЦ. М., 1998 г.р., алтарник при церкви святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
43. ПМЦ. М., ок. 25 лет, семинарист Сретенской духовной академии, церковь Воскресения Христова и новомучеников и исповедников Церкви Русской при Сретенском монастыре, г. Москва. Зап. в 2021 г.
44. ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, г. Первомайск, Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.
45. ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, настоятель Преображенской церкви, г. Лебедянь, Липецкая обл. Зап. в 2023 г.
46. ПМЦ. М., ок. 45 лет, священник, радиоведущий, г. Москва. Зап. в феврале 2022 г.
47. ПМЦ. М., ок. 50 лет, помогает в церкви Пророка Божия Илии, Владикавказ. Зап. в 2021 г.
48. ПМЦ. М., антиквар, г. Переславль-Залесский, Ярославская обл. Зап. в 2024 г.
49. ПМЦ. М., священник в Успенском соборе, г. Дмитров, Московская обл. Зап. в 2024 г.

Текстовые источники

1. Библия 2000 – Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – Минск : Библейская лига, 2000. – 296 с.
2. Дронов 1994 – *Дронов, М. (прот.)* Настольная книга священнослужителя. Т. 7 / прот. М. Дронов. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 1994. – 800 с.
3. Акиншин, Коровин 2019 – Воскресенский храм в Воронеже : вехи истории / А. Н. Акиншин ; сост. и прим. В. Ю. Коровина. – Воронеж : АО «Воронежская обл. типография», 2019. – 56 с. – [Серия : Святые земли Воронежской].
4. Матвеев 2020 (ред.) – Кафедральный собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. Альбом / ред. коллектив : прот. С. Матвеев, иер. С. Мороз, архимандрит Т. Затекин, Я. Гройсман, М. Храповицкий, Н. Григорьева ; отв. за вып. Н. Григорьева ; фотограф М. Храповицкий. – Нижний Новгород : Изд-во «Деком», 2020. – 140 с.

5. Никитин 2012 – *Никитин А. (архим.)*. Казанский собор Санкт-Петербурга. К 200-летию юбилею / Архим. А. (Никитин) // Христианское чтение. – 2012. – № 1. – С. 98–160.
6. Островский 2017 – *Островский, К. (прот.)*. Умереть нам не удастся. Записки и проповеди / прот. К. Островский. – 5-е изд., доп. – Нижний Новгород : Изд-во «Христианская библиотека» ; Красногорск : Успенский храм, 2017. – 400 с.
7. Толоконникова 2012 – *Толоконникова, К.* Казанский собор (собор в честь Казанской иконы Божией) / К. Толоконникова // Православные храмы. Путешествие по святым местам. – 2012. – №7. – 33 с.
8. Хопко 1991 – *Хопко, Ф. (прот.)*. Основы православия / прот. Ф. Хопко ; пер. с англ. под ред. прот. А. Трегубова. – Вильнюс : Ална Литера, 1991. – 344 с.
9. Азы православия 2014 – Азы православия. Руководство обретшим веру. – СПб. : Сатись, 2014. – 80 с.

Интернет-источники

1. 188 икон Божьей Матери для собора в Н. Новгороде // YouTube-канал телеканала «Союз». 30.05.2012. – URL : https://youtu.be/8_KLwdyRyL0?si=dYzDQDSI67Ft4ziD&t=88 (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
2. 3D экскурсия // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/an2/index.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
3. «Александровские дни» в Нижегородской области – признание нашей исторической связи с «именем России» // «ВремяН». 07.09.2009. – URL : https://www.vremyan.ru/interviews/aleksandrovskie_dni_v_nizhegorodskoj_oblasti_priznanie_nashej_istoricheskoy_svjazi_s_imenem_rossii.html (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
4. Библиотека // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/biblioteka.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
5. *Варсегова, Н.* Иконопись и беспроводные зарядки: в здании бывшей подстанции открыли кофейню в стиле монастырской трапезной с «кельями» // Комсомольская правда. 06.04.2024. – URL : <https://www.kp.ru/daily/27588/4913730/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
6. В иконописной мастерской «Традиция» собора Александра Невского продолжается работа над списком иконы Всемилоственного Спаса // Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. 13.02.2009. – URL: <https://nne.ru/news/v->

- ikonopisnoj-masterskoj-traditsiya-sobora-aleksandra-nevskogo-prodolzhaetsya-rabota-nad-spiskom-ikony-vsemilostivogo-spasa/ (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
7. В Нижнем Новгороде вышла в свет книга «Иконы Божией Матери» // Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. Новости. 29.02.2020. – URL : <https://nne.ru/news/v-nizhnem-novgorode-vyshla-v-svet-kniga-ikony-bozhiej-materi/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 8. В кафедральном соборе Александра Невского изготавливаются 36 киотов, в которые поместят 188 списков икон Богородицы // Россия. ГТРК Нижний Новгород. 27.05.2011. – URL : <https://vestinn.ru/news/society/12917/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 9. Воскресенский храм Воронеж. Официальный сайт храма. – URL : <https://voskresenskyi.prihod.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 10. Воскресенский храм // ВКонтакте. – URL : <https://vk.com/id446823944> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 11. *Высоцкая, С.* Главный собор епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 12.10.2009. – URL : <https://nne.ru/glavnyi-sobor-eparkhii/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 12. *Газизуллин, М.* Нижний Новгород стал официальной «Столицей закатов» // Российская Газета. 19.01.2026. – URL : <https://rg.ru/2026/01/19/reg-pfo/nizhnij-novgorod-stal-oficialnoj-stolicej-zakatov.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 13. Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский (Данилов Василий Тимофеевич) // Московский патриархат Русской православной церкви. Официальный сайт. URL: <https://www.patriarchia.ru/person/47> (дата обращения: 26.02.2026).
 14. Главный храм Вооруженных сил украсили подсветкой в виде флага России // Москва24. 22.08.2020. – Обновляется в течение суток. – URL : https://www.m24.ru/news/obshchestvo/22082020/130240?utm_source=CopyBuf (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 15. *Гуликова, Е.* Цветы от Матронушки. Воспоминания одной паломницы // Паломнический отдел Чувашской митрополии. 25.03.2015. – URL : <https://putnik.cerkov.ru/2015/03/25/cvety-ot-matronushki-vospominaniya-odnoj-palomnicy/> (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.
 16. *Давыдов, А. Г.* «Церковь не может быть источником дохода» // Медиапроект «С-Т-О-Л». 20.10.2023. – URL : <https://s-t-o-l.com/material/47963-puteshestvie-prihodskogo-ustava/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

17. Дары музею // Воскресенский храм. ВКонтате. 21.05.2021. – URL : https://vk.com/wall446823944_743 (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
18. Зачем Раздают Цветы Людям у Мощей Матроны в Покровском Монастыре / Миры Марты // Яндекс.Дзен. – URL : https://dzen.ru/a/ZrsiU_VmK198vMdh (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.
19. Икона Божией Матери «Владимирская (Оранская) с клеймами» // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/kiot-d5.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
20. Икона Божией Матери «Всецарица – Пантаисса» // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/kiot-b7.html#i7-1> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
21. Икона прп. Сергия Радонежского с частицей плата, освященного на его мощах // Дивеевские товары. – URL : <https://clck.ru/3S8Jdn> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
22. Иконы Божией Матери. Схема расположения киотов // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/ikonyi-bozhiej-materi/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
23. История собора // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/istoriya-sobora/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
24. История храма // Воскресенский храм Воронеж. – URL : <https://voskresenskyi.prihod.ru/istoriya-xrama/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
25. Кабинет-музей М. Девицкого // Воскресенский храм Воронеж. – URL : <https://voskresenskyi.prihod.ru/kabinet-muzej-imeni-m-m-devickogo/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
26. Казанский кафедральный собор, Санкт-Петербургская епархия. Официальный сайт. – URL : <https://kazansky-spb.ru/> (дата обращения: 26.02.2026). – Текст : электронный.
27. Как вы чувствуете силу икон? // Яндекс.Кью. – URL : <https://clck.ru/3S6Wcu> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
28. Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского, Нижегородская митрополия. Официальный сайт. – URL: <https://nevskiy-nne.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

29. *Кирьянова, О. Г.* Музейные учреждения Русской Православной Церкви : современное состояние и перспективы. Доклад на XXVII Международных Рождественских образовательных чтениях. 29.01.2019 // Московский Патриархат. Патриарший совет по культуре. – URL : <https://psk-mp.ru/119660.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
30. Концепция сохранения и развития бывшей подстанции на территории Стрелки // Институт развития городской среды Нижегородской области. – URL : <https://irgsno.ru/projects/tp-rp-2820/realizaciya> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
31. *Котрелев, Ф. (диак.)* Что делает приход общиной? Опыт пастырей и прихожан // Нескучный сад. 07.01.2012. – URL: <https://www.nsad.ru/articles/chto-delaet-prihod-obshhinoj> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
32. *Лавданский, А.* Зачем на иконы вешают ювелирные украшения? // Православный журнал «Фома». 31.03.2016. – URL : <https://foma.ru/zachem-na-ikonyi-veshayut-yuvelirnyie-ukrasheniya.html> (дата обращения : 03.06.2025). – Текст : электронный.
33. *Макаров, Т.* «Отвечаем на вопрос скептиков – при иконах можно пить кофе!» // НН.Собака.ru. 10.07.2025. – URL : <https://www.sobaka.ru/nn/city/urbanistics/202017> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
34. Московский патриархат Русской православной церкви. Официальный сайт. – URL : <https://www.patriarchia.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
35. Мощи святых // Православный портал «Азбука веры». – URL : <https://azbyka.ru/moshhi-svyatux> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
36. Музей открылся! // Храм прп. Сергия Радонежского в Крапивниках. 17.10.2017. – URL : http://krapivniki.ru/activity/2017_10_15_muzey_otkrytie.html (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.
37. Находки // Воскресенский храм. ВКонтakte. 27.07.2024. – URL: https://vk.com/wall446823944_1641 (дата обращения: 26.02.2026).
38. Непопираемое место // Православный портал «Азбука веры». – URL : <https://azbyka.ru/nepopiraemoe-mesto> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
39. Нижегородская митрополия Русской православной церкви // Официальный сайт. –URL: <https://nne.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
40. *Никитин, Г.* Роспатент закрепил за Нижним Новгородом туристические бренды... // Глеб Никитин. Телеграм. 19.01.2026. – URL : https://t.me/glebnikitin_nn/8490 (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

41. О евхаристическом поминании верных и неверных // Православный портал «Азбука веры».
– URL : <https://azbyka.ru/video/130-liturgicheskoe-prinoshenie/> (дата обращения : 26.02.2026).
– Текст : электронный.
42. Отзыв пользователя «Александра» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=53jcwaky5jmg9f8vt24x6kv9n4&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
43. Отзыв пользователя «Андрей» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=u5z8p9a4dpng42ebg3x6gy2qzw&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
44. Отзыв пользователя «Андрей Захарченко» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=andreyzakharchenko25&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
45. Отзыв пользователя «Анна Каст» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=dt522hk7ckgb3rduuy9a2vq7qr&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). Текст : электронный.
46. Отзыв пользователя «Дарья» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=nqtyqykn55y4kd2t8r6wm8cdkm&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
47. Отзыв пользователя «Екатерина Парфенычева» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=1trbbz407g1v5jftc-ab30bjww&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
48. Отзыв пользователя «Екатерина Т.» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=uqxr5gndc51f30ftc-ct6vuuj3w&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

49. Отзыв пользователя «Ж Ж» на кафедральный собор Александра Невского // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=j0kh4yk9dueneatru78jxttrvg&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
50. Отзыв пользователя «Наталья Губерт» на кафедральный собор Александра Невского в г. Нижний Новгорода // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=cye3k0ugz9qjxq93948rh9rg&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.
51. Отзыв пользователя «Наталья Замотина» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=e5ydpzfrz5yaa8w6np553ab7dc&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
52. Отзыв пользователя «Наталья Як» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : <https://clck.ru/3Sc2Xq> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
53. Отзыв пользователя «Марина З.» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=7j19rckz941a4tww4v9bp3cgv8&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
54. Отзыв пользователя «Ольга Богданова» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=ca4ut6c9b2z6zgnc4d31wjxf54&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
55. Отзыв пользователя «Петр» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=qxvfky75zc43d3qe36rq070258&si=ypwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
56. Отзыв пользователя «Ульяна Штина» на кафедральный собор Александра Невского // Яндекс.Карты. – URL :

- https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=epw2vm7m2r9emg7egvarrmheww&si=yprwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
57. Отзыв пользователя «alex6707» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=adrex46azywuduvbyb9tju9h9m&si=yprwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
58. Отзыв пользователя «Alex Vendigo» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=vuutk7ffym48h0u2bnbn0bzgrm&si=yprwqv93z23z7ghqx7eqmk9qmkm&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
59. Отзыв пользователя «muchizhi» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=k6h52w4zz0djpq10rra7dxpgw0&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
60. Отзыв пользователя «sugenar» на «Кафедральный собор во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского» // Яндекс.Карты. – URL : https://yandex.ru/maps/org/1061156993/reviews?reviews%5BpublicId%5D=gqcdrxn27uek42rx0vya763gwr&utm_source=review (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
61. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского». – URL : <http://prokudin-gorskiy.ru/index.php> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
62. Плужников, А. Церковная лавка «не от епархии» : возможно ли? // Ахилла. 17.05.2019. – URL : <https://ahilla.ru/tserkovnaya-lavka-ne-ot-eparhii-vozmozhno-li/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
63. Сбор вещей в храме закрыт // Воскресенский храм. – URL : https://vk.com/wall446823944_1127 (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
64. Свечников, Д. Почему в церкви идёт торговля иконами, свечами, книгами и молебнами? // Интернет-издание «Православие и мир». – URL : <https://www.pravmir.ru/vopros-otvet/pochemu-v-cerkvi-idyot-torgovlya-ikonami-svechami-knigami-i-molebnyami/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
65. Святыни // Воскресенский храм Воронеж. – URL : <https://voskresenskiy.prihod.ru/svyatyni/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

66. Святыни собора // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL : <https://nevskiy-nne.ru/svyatyini-sobora.html> (дата обращения: 26.02.2026).
67. Собор Александра Невского в Н. Новгороде украсят 187 икон Божией Матери // НТА-Приволжье. Нижний Новгород. 13.04.2010. – URL : https://nta-pfo.ru/news/culture/2010/news_450261/ (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
68. Собору в честь святого благоверного князя Александра Невского в Нижнем Новгороде присвоен статус кафедрального // Нижегородская митрополия русской православной церкви. Официальный сайт. 12.09.2009. – URL : <https://nne.ru/news/soboru-v-chest-svyatogo-blagovernogo-knyazya-aleksandra-nevskogo-v-nizhnem-novgorode-prisvoen-status-kafedralnogo/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
69. Церковно-Археологический Музей Нижегородской епархии // Вознесенский Печерский мужской монастырь, Нижегородская епархия. – URL : <https://www.pecherskiy.nne.ru/czerkovno-arxeologicheskij-muzej-nizhegorodskoj-eparxii/?ysclid=mm3nkiz7qn418136662> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
70. Церковнослужители // Православный портал «Азбука веры». – URL : <https://azbyka.ru/cerkovnosluzhiteli> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
71. Церковные музеи // Московский Патриархат. Патриарший совет по культуре. – URL : <https://psk-mp.ru/407/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
72. Церковный «Эрмитаж»: музей, в котором обязательно стоит побывать // Православный журнал «Фома». – URL : <https://foma.ru/tserkovnyi-ermitazh-muzey-v-kotorom-obyazatelno-stoit-pobyivat.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
73. Церковный торговый дом «Софрино». – URL : <https://sofrino.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
74. Цуканов, И. Почему в Церкви берут деньги? // Православный журнал «Фома». 25.05.2021. – URL : <https://foma.ru/pochemu-v-cerkvi-berut-dengi.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
75. Что делать с цветами от Матроны Московской // ЕлицыЗаписки. 08.01.2025. – URL : <https://zapiski.elitsy.ru/news/chto-delat-s-tsvetami-ot-matrony-moskovskoy> (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.
76. Что можно делать с цветами от Матроны Московской / Всё о цветах... // Яндекс. Дзен. – URL : <https://dzen.ru/a/X6QSp0ejSBLOclZq> (дата обращения : 02.06.2025). – Текст : электронный.

77. Школа колокольного искусства // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/shkola-kolokolnogo-isusstva.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
78. Школа храмовой флористики «Отрада». – URL : <https://otradaflowers.ru/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст: электронный.
79. Экскурсионное бюро // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. – URL : <https://nevskiy-nne.ru/ekskursionnoe-byuro.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст: электронный.

Литература

1. Абрамов, Давыдов 2025 – *Абрамов, П. С.* Пастыри и постройки. Как устроена жизнь православных приходов / П. С. Абрамов, А. Г. Давыдов. – М. : Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» ; Common Place, 2025. – 336 с.
2. Агаджанян 2011 – *Агаджанян, А. С.* Приход и община в русском православии : современные процессы в ретроспективе последнего столетия / А. С. Агаджанян // Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности / Под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. – С. 15–36.
3. Агаджанян 2019 – *Агаджанян, А. С.* Рецензия на : Smolkin, Victoria (2018) A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism. Princeton & Oxford : Princeton University Press. – 339 p. / А. С. Агаджанян // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 4 (37). – С. 285–292.
4. Агафонова 2011 – *Агафонова, А. А.* Бюджетное финансирование деятельности религиозных организаций: опыт европейских государств / А. А. Агафонова // Правовые проблемы укрепления российской государственности / ред. М. М. Журавлев, А. М. Барнашов, В. М. Зуев. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2011. – Вып. 53. – С. 152–154.
5. Антонов 2014 – *Антонов, Д. И.* Видеть и знать / Д. И. Антонов // Сила взгляда : глаза в мифологии и иконографии : Сб. науч. статей / отв. ред., сост. Д. И. Антонов. – М. : РГГУ, 2014. – С. 7–13.
6. Антонов 2014а – *Антонов, Д. И.* У святых очи вертел? Фигуры без глаз на русских миниатюрах / Д. И. Антонов // Сила взгляда : глаза в мифологии и иконографии : Сб. науч. статей / отв. ред., сост. Д. И. Антонов. – М. : РГГУ, 2014. – С. 15–43.
7. Антонов 2018 – *Антонов, Д. И.* Два «тела» иконы : общение с сакральным образом как апроприация силы / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 7. – С. 9–34.

8. Антонов 2020 – *Антонов, Д. И.* Иконы и мощевики : об актуальных тенденциях в формировании российского храмового пространства / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 3. – С. 102–114.
9. Антонов 2021 – *Антонов, Д. И.* Апроприация силы : незримое «тело» святыни в христианских традициях / Д. И. Антонов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39 (3). – С. 7–25.
10. Антонов 2022 – *Антонов, Д. И.* Апроприация силы и незримое «тело» святыни : исследования актуальных религиозных практик в постсоветской России / Д. И. Антонов // Живая старина. – 2022. – № 1 (113). – С. 20–21.
11. Антонов 2022а – *Антонов, Д. И.* Вотивные дары на Руси : предметы и практики / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 50–69.
12. Антонов 2022б – *Антонов, Д. И.* Колодцы и печи : ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 2. – С. 30–43.
13. Антонов 2022в – *Антонов, Д. И.* Священный мусор : практики ритуализованной утилизации в современной церковной традиции / Д. И. Антонов // Живая старина. – 2022. – № 1 (113). – С. 21–24.
14. Антонов 2022г – *Антонов, Д. И.* Советские иконы как исследовательский проект / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 9. – С. 155–164.
15. Антонов 2023 – *Антонов, Д. И.* Вотивные дары в постсоветской России / Д. И. Антонов // Живая старина. – 2023. – № 1 (117). – С. 28–31.
16. Антонов 2023а – *Антонов, Д. И.* Вотивные дары в современной России : религиозная практика в динамике ее развития / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 2. – С. 10–31.
17. Антонов 2023б – *Антонов, Д. И.* Нимб и крест : как читать русские иконы / Д. И. Антонов. – М. : АСТ, 2023. – 304 с.
18. Антонов 2023в – *Антонов, Д. И.* Религиозные практики : воскресшие и исчезающие / Д. И. Антонов // Живая старина. – 2023. – № 1 (117). – С. 26–27.
19. Антонов 2023г – *Антонов, Д. И.* Религиозные практики и храмовое пространство в современной России / Д. И. Антонов // Визуальная теология. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 93–105.

20. Антонов 2024 – *Антонов, Д. И.* Икона-«гнездо». История комплексных святынь : от храмовых икон до советских «киоток» / Д. И. Антонов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 60–99.
21. Антонов 2024а – *Антонов, Д. И.* Иконопись как (не)каноническое искусство : «цензура коллектива» или «канон» / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2024. – № 2. – С. 12–34.
22. Антонов 2024б – *Антонов, Д. И.* Новогодняя елка и фолежная икона : неочевидное родство и социальные биографии / Д. И. Антонов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 232–248.
23. Антонов 2024в – *Антонов, Д. И.* Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма / Д. И. Антонов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 7–26.
24. Антонов 2025 – *Антонов, Д. И.* Фольговые иконы XIX в. : к вопросу о стратегиях мастеров / Д. И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 4. – С. 55–69.
25. Антонов, Доронин 2021 – *Антонов, Д. И.* Отпечаток на стекле : контактные реликвии на постсоветском пространстве / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39 (3). – С. 209–243.
26. Антонов, Доронин 2022 – *Антонов, Д. И.* Иконы советской эпохи : лики традиции / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин. – М. : Индрик, 2022. – 184 с.
27. Антонов, Доронин 2022а – *Антонов, Д. И.* Советская икона : от рождения до «похорон» / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин // Живая старина. – 2022. – № 1 (113). – С. 29–33.
28. Антонов, Доронин 2023 – Антонов, Д. И. Советские иконы и деревенские святыни / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин // Шаги / Steps. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 320–333.
29. Антонов, Доронин 2023а – *Антонов, Д. И.* Советские иконы : история и этнография Нижегородской традиции / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин. – М. : Индрик, 2023. – 264 с.
30. Антонов, Доронин 2025 – *Антонов, Д. И.* Тверские и Вологодские иконы XIX – начала XX в. : генезис и география фолежных традиций / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве : материалы III всероссийской с международным участием научной конференции, Москва, 21–22 ноября 2025 года / ред. и сост. А. И. Завьялова. – М. : РГГУ, 2025. – С. 14–20.

31. Антонов, Доронин, Завьялова 2024 – *Антонов, Д. И.* Советские иконы : методическое пособие по организации исследовательских работ / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова. – М. : Индрик, 2024. – 63 с.
32. Антонов, Доронин, Завьялова 2025 – *Антонов, Д. И.* Всероссийская конференция «Изображение и культ : сакральные образы в христианских традициях» (РГГУ, 28–30 ноября 2024 года) / Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 5 (195). – С. 417–428.
33. Антонов, Завьялова 2023 – *Антонов, Д. И.* «Мы не засекали, сколько золотишка» : современные нарративы о вотивных дарах / Д. И. Антонов, А. И. Завьялова // Живая старина. – 2023. – № 1 (117). – С. 31–35.
34. Антонов, Завьялова 2024 – *Антонов, Д. И.* Советские иконы и семиотические идеологии : что руководит людьми, когда они руководят иконами / Д. И. Антонов, А. И. Завьялова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 136–163.
35. Антонов, Завьялова 2026 – *Антонов, Д. И.* Храмовое пространство и туристские практики / Д. И. Антонов, А. И. Завьялова // Сервис plus. – 2026. – Т. 20. – № 2. – С. 127–137.
36. Антонов, Сукина 2025 – *Антонов, Д. И.* Русское Средневековье : люди, храмы и экономика спасения / Д. И. Антонов, Л. Б. Сукина. – М. : Слово, 2026. – 336 с.
37. Антонов, Тюнина 2022 – *Антонов, Д. И.* Постсоветская судьба «советских икон» / Д. И. Антонов, С. М. Тюнина // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 94–109.
38. Антонов, Тюнина 2022a – *Антонов, Д. И.* Утилизация освященных предметов : тексты и комментарии / Д. И. Антонов, С. М. Тюнина // Живая старина. – 2022. – № 1 (113). – С. 24–29.
39. Антропология денег 2013 – Фетиш и табу : Антропология денег в России. Сборник научных статей / сост. А. С. Архипова*, Я. Фрухтманн. – М. : ОГИ, 2013. – 528 с.
40. Архипова*, Кирзюк 2024 – *Архипова, А. С.*.* Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР / А. С. Архипова*, А. А. Кирзюк. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 536 с.
41. Астахова 2013 – *Астахова, Л. С.* Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца : религиозные практики как сети значений / Л. С. Астахова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 3 (31). – С. 162–177.
42. Байбурин 1981 – *Байбурин, А. К.* Семиотический статус вещей и мифология / А. К. Байбурин // Материальная культура и мифология (Сборник МАЭ; Т. 37)

- / отв. ред. Б. Н. Путилов. – АН СССР. ИЭ. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. – С. 215–226.
43. Байбурин 1996 – *Байбурин, А. К.* О жизни вещей в традиционной культуре / А. К. Байбурин // Живая старина. – 1996. – № 3. – С. 2–3.
 44. Байбурин 2004 – *Байбурин, А. К.* Этнографический музей : Семиотика и идеология / А. К. Байбурин // Неприкосновенный запас – 2004. – № 1. – С. 81–86.
 45. Байбурин 2024 – *Байбурин, А. К.* Вещь в музейных диалогах / А. К. Байбурин // Кунсткамера. – 2024. – № 3 (25). – С. 6–15.
 46. Баранов 2016 – *Баранов, Д. А.* О чем молчат вещи / Д. А. Баранов // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 25–39.
 47. Бахманн-Медик 2017 – *Бахманн-Медик, Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. С. Ташкенова – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
 48. Баше 2005 – *Баше, Ж.* Средневековые изображения и социальная история : Новые возможности иконографии / Ж. Баше ; пер. с франц. И. Г. Галковой // Одиссей : Человек в истории. Время и пространство праздника. – 2005. – С. 152–190.
 49. Баше 2021 – *Баше, Ж.* Образ-объект / Ж. Баше ; пер. с фр. М. Р. Майзульса // Vox medii aevi. – 2021. – №. 1 (8). – С. 94–130. – URL : <https://voxmediiaevi.com/2021-1-baschet/> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
 50. Беглов 2021 – *Беглов, А. Л.* Православный приход на закате Российской империи : состояние, дискуссии, реформы / А. Л. Беглов. – М. : Индрик, 2021. – 1048 с. – [Серия : Церковные реформы].
 51. Бельтинг 2002 – *Бельтинг, Х.* Образ и культ : История образа до эпохи искусства / Х. Бельтинг ; науч. ред. О. Е. Этингоф ; пер. с нем. К. А. Пиганович. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 752 с.
 52. Бельтинг 2018 – *Белтинг, Х.* К антропологии образа / Х. Белтинг ; пер. с англ. А. А. Зеликовой, Н. Н. Мазур // Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / ред.-сост. Н. Н. Мазур ; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге – СПб. ; М. : Новое издательство, 2018. – С. 534–543.
 53. Бергер 2019 – *Бергер, П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер ; пер. с англ. Р. Сафронова. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с. – [Studia religiosa].
 54. Бернштам 2007 – *Бернштам, Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии / Т. А. Бернштам. – 2 изд. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та ; Петербургское Востоковедение, 2007. – 311 с. – [Ethnographica Petropolitana].

55. Бодрийяр 2001 – *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и сопр. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Рудомино, 2001. – 220 с.
56. Бодрийяр 2006 – *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с. – [Мыслители XX века].
57. Бойм 2023 – *Бойм, С.* Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – 3-е издание. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 320 с. – [Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»].
58. Борусяк 2008 – *Борусяк, Л. Ф.* Проект «Имя Россия» как новый учебник истории / Л. Ф. Борусяк // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 5 (97). – С. 58–66.
59. Бредникова, Кутафьева 2004 – *Бредникова, О. Е.* Старая вещь как персонаж блошиного рынка / О. Е. Бредникова, З. Р. Кутафьева // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 34 (2). – С. 91–96.
60. Бремон Д’арс 2006 – *Бремон Д’арс де, Н.* Религиозные практики во Франции и их изучение : подходы и методы / Н. де Бремон Д’арс ; пер. с фр. А. С. Агаджаняна // Религиозные практики в современной России : Сборник статей / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 33–49.
61. Бурдье 2001 – *Бурдье, П.* Символический капитал // Практический смысл / П. Бурдье ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 219–237.
62. Вахштайн** 2006 – *Вахштайн, В. С**.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. С. Вахштайн** // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 7–39.
63. Вахштайн** 2015 – *Вахштайн, В. С**.* Три «поворота к материальному» / В. С. Вахштайн** // Антропологический форум. – 2015. – № 24. – С. 22–37.
64. Веселовский 1941 – *Веселовский, С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. / С. Б. Веселовский // Исторические записки. Т. 10. – Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – С. 95–116.
65. Вещь XX века 2001 – XX век : Эпоха. Человек. Вещь. Сборник статей / сост. О. А. Соснина, науч. ред. Н. Н. Мамонтова. – М. : Изд-во «Новый индекс», 2001. – 266 с.
66. Виноградов 2003 – *Виноградов, В. В.* Почитаемое место у деревни Колмыково / В. В. Виноградов // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 28–30.

67. Виноградов 2019 – *Виноградов, В. В.* Северорусские почитаемые места : топики святынь : избранные статьи, диссертация / В. В. Виноградов ; ред.-сост., вступ. статья, коммент. Е. В. Хаздан ; науч. ред. А. Ф. Некрылова. – СПб. : Пропповский центр, 2019. – 432 с.
68. Волков 1996 – *Волков, В. В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы : советская цивилизация и повседневность сталинского времени / В. В. Волков // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213.
69. Волкова 2019 – *Волкова, Н. А.* Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму» : от препозиций к аффордансам / Н. А. Волкова // Социология власти. – 2019. – № 31 (2). – С. 92–115.
70. Габричевский 2002 – *Габричевский, А. Г.* Морфология искусства / А. Г. Габричевский ; сост., введ., прим. и коммент. Ф. О. Стукалова-Погодина. – М. : Аграф, 2002. – 864 с.
71. Гирц 2004 – *Гирц, К.* Интерпретация культур / К. Гирц ; науч. ред. А. Л. Елфимов, А. В. Матешук ; пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова, Г. М. Дашевского, Е. М. Лазаревой, В. Г. Николаева. – М. : Российская политическая энциклопедия («РОССПЭН»), 2004. – 560 с. – [Серия «Культурология. XX век»].
72. Годелье 2007 – *Годелье, М.* Загадка дара / М. Годелье ; пер. с франц., примеч., указ. А. Б. Щербаковой ; статья и коммент. А. А. Белика. – М. : Вост. лит., 2007. – 295 с. – [Этнографическая библиотека].
73. Голубев 2022 – *Голубев, А.* Вещная жизнь : материальность позднего социализма / А. Голубев ; пер. с англ. Т. Пирусской. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 328 с. – [Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»].
74. Гончаров 2024 – *Гончаров, Н. С.* Связывая пространство : практики и стратегии жизнеобеспечения северных сообществ Республики Саха (Якутия) / Н. С. Гончаров ; отв. ред. В. Н. Давыдов. – СПб. : МАЭ РАН, 2024. – 416 с.
75. Горюшкина 2021 – *Горюшкина, Л. П.* Украшение икон : Люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) / Л. П. Горюшкина // Деревенские святыни : Сборник статей, интервью и документов / публ. подгот. Е. В. Воронцова, А. Н. Алленов, В. С. Елагина, Е. А. Коршикова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2021. – С. 59–66.
76. Граматчикова 2024 – *Граматчикова, Н. Б.* «А нашему-то брату еще лучше, пускай три, пять храмов будет!» : Никольские храмы Медногорска / Н. Б. Граматчикова // Фольклор и антропология города. – 2024. – Т. VI. – № 3. – С. 8–29.
77. Громов 2024 – *Громов, Д. В.* Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина / Д. В. Громов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2024. – № 4. – С. 92–111.

78. Громов, Ипполитова 2011 – *Громов, Д. В.* Карта человеческих желаний, или записки у стен московского монастыря / Д. В. Громов, А. Б. Ипполитова // Традиционная культура. – 2011. – № 2. – С. 76–87.
79. Гурова 2004 – *Гурова, О. Ю.* Продолжительность жизни вещей в советском обществе : заметки по социологии нижнего белья / О. Ю. Гурова // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 2 (34). – С. 78–84.
80. Гурова 2005 – *Гурова, О. Ю.* Идеология потребления в советском обществе / О. Ю. Гурова // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 117–131.
81. Гурова 2018 – *Гурова, О. Ю.* Время и мода : Продолжительность жизни вещей в советском и постсоветском обществе / О. Ю. Гурова // Шаги/Steps. – 2018. – Т. 4. – № 3–4. С. 68–96.
82. Давыдов, Боброва 2024 – *Давыдов, В. Н.* Продовольственная автономность на Таймыре : инфраструктура, снабжение, мобильность // Журнал Сибирского Федерального университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17. – № 7. – С. 1234–1246.
83. Давыдов, Березницкий, Шульгина 2025 – *Давыдов, В. Н.* Меняющаяся материальность Арктики и Сибири : технологии, инновации, инфраструктура / В. Н. Давыдов, С. В. Березницкий, О. М. Шульгина. – СПб. : МАЭ РАН, 2025. – 352 с.
84. Давыдова 2015 – *Давыдова, А. С.* Строительство православных храмов : легенды и представления жителей малых городов Мурманской области (на примере г. Кировска) / А. С. Давыдова // Ситуация постфольклора : городские тексты и практики / ред. коллегия : М. В. Ахметова, С. Ю. Неклюдов, Н. В. Петров, Е. П. Шумилова ; сост.: М. В. Ахметова, Н. В. Петров. – М. : ФОРУМ, 2015. – С. 154–165.
85. Данилов 2025 – *Данилов, Д. Д.* Государственное финансирование религиозных организаций. Хронологический и международный аспект. Россия и зарубежье / Д. Д. Данилов // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.) / сост. и ред. А. И. Завьялова. – М. : РГГУ, 2025. – С. 25–31.
86. Дёготь 2005 – *Дёготь, Е. Ю.* От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета / Е. Ю. Дёготь // Логос. – 2005. – № 5 (50). – С. 201–210.
87. Деланда 2018 – *Деланда, М.* Новая философия общества : Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда ; пер. с англ. К. С. Майоровой. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
88. Долак 2018 – *Долак, Я.* Вещь в музее. Музейная коллекция как структура / Я. Долак // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2018. – № 24 (2). – С. 25–35.

89. Доронин 2022 – *Доронин, Д. Ю.* Религиозный синкретизм и ненасильственный иконоклазм в народном православии тоншаевских мари / Д. Ю. Доронин // Марийская культура : История, обряды, традиции, кухня, танцы, народные инструменты, промыслы, творчество. – Шахунья : б. и., 2022. – С. 52–67.
90. Доронин 2022а – *Доронин, Д. Ю.* Святыня как семиотический комплекс : распространенная благодать / Д. Ю. Доронин // Живая старина. – 2022. – № 1. – С. 33–38.
91. Доронин 2023 – *Доронин, Д. Ю.* «Советская икона» как социокультурный феномен (по материалам Нижегородского региона). Дисс. ... канд. ист. наук / Д. Ю. Доронин. – М., 2023. – 225 с.
92. Доронин 2024 – *Доронин, Д. Ю.* Массовая крестьянская икона в России : история критики и семиотические идеологии / Д. Ю. Доронин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2024. – № 2. – С. 35–60.
93. Доронин 2024а – *Доронин, Д. Ю.* Сияющие святыни : промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Д. Ю. Доронин / Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 100–135.
94. Доронин, Завьялова 2022 – *Доронин, Д. Ю.* Келья, могилка, храм : распространение и апроприация благодати в топографии дунюшкиной святыни / Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 110–141.
95. Доронин, Завьялова 2022а – *Доронин, Д. Ю.* Распространенная благодать : тексты и комментарии / Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова // Живая старина. – 2022. – № 1 (113). – С. 39–43.
96. Доронин, Завьялова 2023 – *Доронин, Д. Ю.* Цветы Липовки : ардатовская фолежная икона советского времени / Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 2. – С. 32–55.
97. Дубин 2006 – *Дубин, Б. В.* «Легкое бремя» : массовое православие в России 1990-2000-х годов / Б. В. Дубин // Религиозные практики в современной России : Сборник статей / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 69–86.
98. Дубовка 2020 – *Дубовка, Д. Г.* В монастырь с миром : в поисках светских корней современной духовности. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2020. – 208 с.
99. Дуцев 2023 – *Дуцев, М. В.* Архитектурная среда Нижнего Новгорода – диалоги с идентичностью : Часть 2. Обновленные рекреационные пространства / М. В. Дуцев // Приволжский научный журнал. – 2023. – № 1 (65). – С. 187–192.

100. Дьяконова, Молодякова 2010 – *Дьяконова, Е. Д. Эма / Е. Д. Дьяконова, Э. В. Молодякова* // Боги, святилища, обряды Японии – энциклопедия синто / под ред. И. С. Смирнова. – М. : Изд. центр РГГУ, 2010. – С. 153–154.
101. Елютина, Ивахнова 2014 – *Елютина, М. Э.* Повседневные практики использования и утилизации вещей / М. Э. Елютина, А. Д. Ивахнова // Социологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 107–115.
102. Емельянов 2018 – *Емельянов, Н. Н. (прот.)* Парадокс религиозности : откуда берутся верующие? / прот. Н.Н. Емельянов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 2. – С. 32–48.
103. Емельянов, Юдин*** 2018 – *Емельянов, Н. Н. (прот.)* Структурная позиция священника в системах дарообмена / прот. Н. Н. Емельянов, Г. Б. Юдин*** // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 9–29.
104. Забаев 2005 – *Забаев, И. В.* Православие и хозяйство. Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ за период XIX – начало XXI вв. / И. В. Забаев // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 5. – С. 108–144.
105. Забаев 2012 – *Забаев, И. В.* Основные категории хозяйственной этики современного русского Православия. Социологический анализ / И. В. Забаев. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. – 168 с.
106. Забаев, Зуева, Колошенко 2018 – *Забаев, И. В.* Смирение и дар : избирательное сродство институтов и этики на приходах Русской православной церкви / И. В. Забаев, А. В. Зуева, Ю. А. Колошенко // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 33–62.
107. Зависка 2006 – *Зависка, Дж.* Этика полевой работы в этнографии // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – С. 169–193.
108. Завьялова 2026 – *Завьялова, А. И.* Материальная жизнь православных сообществ : «церковный принос» как культурная практика / А. И. Завьялова // Вестник Казанского государственного института культуры. – 2026. – № 1. – С. 46–51.
109. Завьялова 2026а – *Завьялова, А. И.* Реставрация советских фольговых икон и исследование артефактов / А. И. Завьялова // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2026. – № 1. – С. 136–147.
110. Завьялова 2026б – *Завьялова, А. И.* Цветы как дар : туристские практики в современных православных храмах России / А. И. Завьялова // Сервис plus. – 2026. – Т. 20. – № 1. – С. 126–136.

111. Зарубина 2001 – *Зарубина, Н. Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры / Н. Н. Зарубина // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 5. – С. 100–112.
112. Зиммель 1996 – *Зиммель, Г.* Как возможно общество? // *Зиммель Г. Избранное: В 2 т. Т. 2.* / Г. Зиммель ; пер. с нем. А. Ф. Филиппова. – М. : Юрист, 1996. – С. 509–526.
113. Иванов 2003 – *Иванов, С. А.* Благочестивое расчленение : парадокс почитания мощей в византийской агиографии / С. А. Иванов // *Восточнохристианские реликвии* / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 121–130.
114. Каллон 2017 – *Каллон, М.* Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё / М. Каллон // *Логос*. – 2017. – Т. 27 – № 2. – С. 49–94.
115. Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2008 – *Каллон, М.* Экономика качеств / М. Каллон, С. Меадель, В. Рабехарисоа // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2008. – Т. XI. – № 4. – С. 59–87.
116. Кастру 2025 – *Кастру, Э. В. де.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. В. де Кастру ; пер. с франц. Д. Кралечкина. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. – 2-е изд. – 216 с.
117. Квале 2003 – *Квале, С.* Исследовательское интервью / С. Квале ; пер. с англ. М. Р. Мироновой ; науч. ред. и пред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2003. – 301 с.
118. Кизей 2014 – *Кизей, И. В.* История и современные традиции храмовой флористики / И. В. Кизей // *Царскосельские чтения*. – 2014. – № 18. – Т. 1. – С. 199–203.
119. Кирьянова 2022 – *Кирьянова, О. Г.* Церковные музеи Центральной России / О. Г. Кирьянова. – М. : Институт Наследия, 2022. – 198 с.
120. Кнорре 2012 – *Кнорре, Б. К.* От «церковной десятины» к «церковной экономике». Размышления о проблеме доверия, самоорганизации и некоторых аспектах деловой культуры в церкви / Б. К. Кнорре // *Религия и право*. – 2012. – № 3. – С. 16–27.
121. Кнорре, Мурашова 2019 – *Кнорре, Б. К.* Реципрокность «по благословению» : дискуссионные вопросы дарообмена в церковном социальном пространстве / Б. К. Кнорре, А. А. Мурашова // *Социологическое обозрение*. – 2019. – Т. 18. – № 4. – С. 186–211.
122. Кнорр-Цетина 2006 – *Кнорр-Цетина, К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // *Социология вещей. Сборник статей* / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 267–306.

123. Колесов 1986 – *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
124. Копытофф 2006 – *Копытофф, И.* Культурная биография вещей : товаризация как процесс / И. Копытофф ; пер. с англ. Н. Эдельмана // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 134–166.
125. Кормина 2003 – *Кормина, Ж. В.* Пещёрка / Ж. В. Кормина // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 25–28.
126. Кормина 2006 – *Кормина, Ж. В.* Религиозность русской провинции : к вопросу о функции сельских святынь / Ж. В. Кормина // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии // под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2006. – С. 130–150.
127. Кормина 2011 – *Кормина, Ж. В.* Режимы православной социальности в современной России : прихожане, паломники, сетевики (на примере о. Залита) / Ж. В. Кормина // Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Издательство «Весь Мир», 2011. – С. 189–211.
128. Кормина 2012 – *Кормина, Ж. В.* Номадическое православие : о новых формах религиозной жизни в современной России / Ж. В. Кормина // *Ab Imperio*. – 2012. – № 2. – С. 195–227.
129. Кормина 2019 – *Кормина, Ж. В.* Паломники : этнографические очерки православного номадизма / Ж. В. Кормина. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 349 с. – [Монографии ВШЭ. Гуманитарные науки].
130. Кормина 2022 – *Кормина, Ж. В.* Царская дорога : невидимая инфраструктура и благочестивый труд в современном российском православии / Ж. В. Кормина // Антропологический форум. – 2022. – № 55. – С. 167–194.
131. Кормина, Панченко, Штырков 2017 – *Кормина, Ж. В.* Социальные исследования религии : теория, методы и опыт / Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков // Антропологический форум. – 2017. – № 35. – С. 129–166.
132. Кормина, Хонинева, Штырков 2022 – *Кормина, Ж. В.* Поварешка Марфы : антропология религиозной инфраструктуры / Ж. В. Кормина, Е. А. Хонинева, С. А. Штырков // Антропологический форум. – 2022. – № 55. – С. 9–27.
133. Кормина, Штырков 2008 – *Кормина, Ж. В.* Письма верующих как реклама : «всенародная приемная» св. Ксении Петербургской / Ж. В. Кормина, С. А. Штырков // Антропологический форум. – 2008. – № 9. – С. 154–184.
134. Кормина, Штырков 2011 – *Кормина, Ж. В.* Православные версии советского прошлого : политики памяти в ритуалах коммеморации / Ж. В. Кормина, С. А. Штырков

- // Антропология социальных перемен : сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. – М. : Российская политическая энциклопедия («РОССПЭН»), 2011. – С. 389–413.
135. Кормина, Штырков 2015 – *Кормина, Ж. В.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться» : предыстория постсоветской десекуляризации / Ж. В. Кормина, С. А. Штырков // Изобретение религии : десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2015. – С. 7–45.
 136. Коровин 2025 – *Коровин, В. Ю.* «Продать нельзя, а выбросить жалко» : практики обращения с руинированными киотными иконами в конце XIX – начале XXI в. / В. Ю. Коровин // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.) / сост. и ред. А. И. Завьялова. – М. : РГГУ, 2025. – С. 61–63.
 137. Кузнецов 2020 – *Кузнецов, А. А.* Противоречия нижегородского обретения Александра Невского / А. А. Кузнецов // Палеороссия. Древняя Русь : во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. – 2020. – № 1 (12). – С. 219–230.
 138. Куксин 2024 – *Куксин, Я. К.* Место веры или центр услуг? Как московские православные выбирают храм / Я. К. Куксин // Фольклор и антропология города. – 2024. – Т. VI. – № 3. – С. 30–55.
 139. Ларкина, Юдин*** 2015 – *Ларкина, Т. Ю.* Теория дарообмена и формирование сообществ / Т. Ю. Ларкина, Г. Б. Юдин*** // ПСТГУ. Серия 2221–7320 «Материалы исследовательского семинара “Социология религии”». – 2015. – 29 с.
 140. Латур 2006 – *Латур, Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур ; пер. с англ. Н. С. Мовниной // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 199–222.
 141. Латур 2006а – *Латур, Б.* Когда вещи дают отпор : возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б. Латур ; пер. с англ. О. Е. Столяровой // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 342–362.
 142. Латур 2006б – *Латур, Б.* Об интеробъективности / Б. Латур ; пер. с англ. А. Смирнова // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 169–198;

143. Латур 2014 – *Латур, Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с. – [Социальная теория].
144. Лебина 2015 – *Лебина, Н. Б.* Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 482 с.
145. Левин 2004 – *Левин, И.* Двоеверие и народная религия в истории России / И. Левин ; пер. с англ. А. Л. Топоркова, З. Н. Исидоровой. – М. : Индрик, 2004. – 216 с.
146. Леви-Стросс 2000 – *Леви-Стросс, К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса / К. Леви-Стросс // Мосс. М. Социальные функции священного / Избранные произведения. Перевод с фр. под общей редакцией И. В. Утехина; науч. ред. И. В. Утехина, Н. М. Геренко ; сост. В. Ю. Трофимов. – СПб. : «Евразия», 2000. – С. 409–434.
147. Леонтович 2011 – *Леонтович, О. А.* Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.
148. Лидов 2000 – *Лидов, А. М.* Священное пространство реликвий / А. М. Лидов // Христианские реликвии в Московском Кремле / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Радуница, 2000. – С. 3–12.
149. Лидов 2009 – *Лидов, А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М. : Феория, 2009. – 352 с.
150. Лидов 2009а – *Лидов, А. М.* Иеротопия : создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования / А. М. Лидов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 60–71.
151. Лидов 2013 – *Лидов, А. М.* Икона. Мир святых образов в Византии и Древней Руси / А. М. Лидов. – М. : Феория, 2013. – 406 с.
152. Липатова 2006 – *Липатова, А. П.* «Центр» и «периферия» в сакральной географии : соотношение нарративов (на материале Ульяновского Присурья) / А. П. Липатова // Традиционная культура. – 2006. – Т. 7. – № 4 (24). – С. 25–32.
153. Липатова 2018 – *Липатова, А. П.* Сакральная география как система : вопрос о статусе сакрального объекта / А. П. Липатова // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 103–112.
154. Липатова 2018а – *Липатова, А. П.* Сакральная география Ульяновского Присурья / А. П. Липатова // Традиционная культура. – 2018. – Т. 19. – № 5. – С. 154–165.
155. Липатова 2019 – *Липатова, А. П.* Почитание святых : поворот в сторону человека / А. П. Липатова // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 116–120.

156. Ло 2006 – *Ло, Дж.* Объекты и пространства / Дж. Ло ; пер. с англ. В. С. Вахштайна** // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 223–243.
157. Лосев 1993 – *Лосев, А. Ф.* Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханьковой. – М. : Мысль, Российский открытый ун-т, 1993. – 958 с.
158. Лосев 1994 – *Лосев, А. Ф.* Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханьковой. – М. : Мысль, 1994. – 919 с.
159. Лотман 1992 – *Лотман, Ю. М.* Куклы в системе культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры / М. Ю. Лотман. – Таллинн : Александрия, 1992. – С. 377–380.
160. Лотман 1994 – *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / М. Ю. Лотман. – СПб. : «Искусство–СПб», 1994. – 399 с.
161. Лютаева 2023 – *Лютаева, М. С.* «Живая религия» и «вернакулярная религия». Проблема концептуализации терминов / М. С. Лютаева // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 119–127.
162. Майзульс 2021 – *Майзульс, М. Р.* Прикосновение взглядом : паломнические зеркала и апроприация сакральной «силы» / М. Р. Майзульс // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39 (3). – С. 7–43.
163. Майзульс 2023 – *Майзульс, М. Р.* Идол, защищайся! Культ образов и иконоборческое насилие в Средние века / М.Р. Майзульс. – М. : Альпина нон-фикшн, 2023. – 360 с.
164. Майзульс 2024 – *Майзульс, М. Р.* Святой коллаж : образы, реликвии и риторика небесного присутствия / М. Р. Майзульс // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 27–59.
165. Майзульс, Зотов, Антонов 2022 – *Майзульс, М. Р.* Восковые ноги и железные глаза : votивные практики от Средневековья до наших дней / М. Р. Майзульс, С. О. Зотов, Д. И. Антонов. – М. : Слово / Slovo, 2022. – 368 с.
166. Малиновский 2015 – *Малиновский, Б.* Избранное : Аргонавты западной части Тихого океана / Б. Малиновский ; пер. с англ. В. Н. Поруса. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 552 с. – [Серия «Книга света»].
167. Митрохин 2000 – *Митрохин, Н. А.* Русская православная церковь как субъект экономической деятельности / Н. А. Митрохин // Экономическая деятельность РПЦ и ее теневая составляющая / под ред. Л. Тимофеева. – М. : РГГУ, 2000. – С. 55–120.

168. Митрохин 2001 – *Митрохин, Н. А.* Экономика Русской православной церкви / Н. А. Митрохин // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 144–155.
169. Митрохин 2006 – *Митрохин, Н. А.* Русская православная церковь : современное состояние и актуальные проблемы / Н. А. Митрохин. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 648 с.
170. Михайлов 2014 – *Михайлов, К. Н.* Реформы системы церковного управления Русской православной церкви 2009–2013 годов : ход и результаты / К. Н. Михайлов // Социум и власть. – 2014. – № 1 (45). – С. 5–11.
171. Мол 2018 – *Мол, А.* Множественное тело : Онтология в медицинской практике / А. Мол ; пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ) ; под науч. ред. А. А. Писарева, С. М. Гавриленко. – М. : Гиле Пресс, 2018. – 254 с.
172. Мол, Ло 2017 – *Мол, А.* Воплощенное действие, осуществленные тела : пример гипогликемии / А. Мол, Дж. Ло // Логос. – 2017. – Т. 27 – № 2. – С. 233–262.
173. Мороз 2006 – *Мороз, А. Б.* Народный культ преподобного Никиты Столпника, переславского чудотворца / А. Б. Мороз // Религиозные практики в современной России / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 290–310.
174. Мороз 2008 – *Мороз, А. Б.* Заметки «инквизитора» : к вопросу об этике полевой работы / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2008. – № 1 (57). – С. 32–34.
175. Мороз 2009 – *Мороз, А. Б.* «Тетрадь для записей людей, посещающих часовенку...» / А. Б. Мороз // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2009. – № 9. – С. 179–195.
176. Мороз 2013 – *Мороз, А. Б.* Сакральный адресат – профанный адресант. Записки святым как средство исполнения желаний / А. Б. Мороз // Традиционная культура. – 2013. – № 3 (51). – С. 83–89.
177. Мороз 2014 – *Мороз, А. Б.* Почитание могилы Ивана Яковлевича Корейши в Москве / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2014. – № 1. – С. 9–12.
178. Мороз 2015 – *Мороз, А. Б.* Сакральные места в городском и сельском пространстве: традиционные и новые практики / А. Б. Мороз // Ситуация постфольклора : городские тексты и практики / ред. кол. : М. В. Ахметова, С. Ю. Неклюдов, Н. В. Петров, Е. П. Шумилова ; сост.: М. В. Ахметова, Н. В. Петров. – М. : ФОРУМ, 2015. – С. 89–100.
179. Мороз 2019 – *Мороз, А. Б.* О почитании источников / А. Б. Мороз // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 106–108.

180. Мороз 2020 – *Мороз, А. Б.* Себежский «идол» Пестун : семейные ценности и музейная мифология / А. Б. Мороз // Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. – М. : Институт славяноведения РАН, Центр «Сэфер», 2020. – С. 294–312.
181. Мороз 2021 – *Мороз, А. Б.* Животворящий крест в селе Годеново : между двух сакральных центров и за их пределами / А. Б. Мороз, Э. С. Семиврагова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39 (3). – С. 184–208.
182. Мороз 2024 – *Мороз, А. Б.* Выносной крест и переходящая икона : реплики богослужебных практик в зоне католическо-православного пограничья и их динамика в позднесоветское и постсоветское время / А. Б. Мороз // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 204–231.
183. Мосс 2011 – *Мосс, М.* Опыт о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. – М. : КДУ, 2011. – 416 с.
184. Мягкова 2007 – *Мягкова, Е. М.* «Народная культура»: От истории ментальностей к исторической антропологии / Е. М. Мягкова // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – 389–400.
185. Недзьведзь 2016 – *Недзьведзь, А.* От «народной религиозности» к «проживаемой религии» : дискуссия в польской антропологии религии / А. Недзьведзь // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 172–188.
186. Налётова 2006 – *Налётова, И. В.* Современные православные ярмарки как выражение православной веры вне храма / И. В. Налётова // Религиозные практики в современной России : Сборник статей / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе, – М. : Новое издательство, 2006. – С. 178–198.
187. Новик 1998 – *Новик, Е. С.* «Вещь-знак» и «вещь-жест» : к семиотической интерпретации фетишей / Е. С. Новик // Вестник РГГУ. – 1998. – Вып. 2. – С. 79–97.
188. Новые церкви 2007 – Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. – М. ; СПб. : Летний сад, 2007. – 416 с.
189. Нора 1999 – *Нора, П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–48. – [Новая петербургская библиотека : Коллекция «Память века»].

190. Орлова 2004 – *Орлова, Г. А.* Апология странной вещи : «маленькие хитрости» советского человека / Г. А. Орлова // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 2 (34). – С. 84–90.
191. Осокина 2018 – *Осокина, Е. А.* Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920-1930-е годы / Е. А. Осокина. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 664 с.
192. Остапенко 2024 – *Остапенко, Д. В.* Стильно, модно, православно : опыт исследования кофейни «АНТИПА» / Д. В. Остапенко // Фольклор и антропология города. – 2024. – Вып. VI (3). – С. 92–106.
193. Остапенко 2025 – *Остапенко, Д. В.* О чём говорят кофейные стаканчики : новые формы пространственной репрезентации религиозной организации / Д. В. Остапенко // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.) / сост. и ред. А. И. Завьялова. – М. : РГГУ, 2025. – С. 83–85.
194. Островская 2020 – *Островская, Е. А.* Ритуалы в дискурсах цифрового православия : методология и направления исследования / Е. А. Островская // Концепт : философия, религия, культура. – 2020. – № 4 (1). – С. 105–120.
195. Панков 2023 – *Панков, И. А.* Антропология религиозной организации : пример прихода мечети «Ихлас» в Татарстане / И. А. Панков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2023. – № 41 (3–4). – С. 449–490.
196. Панченко 1998 – *Панченко, А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. – СПб. : Алетей, 1998. – 305 с.
197. Панченко 2001 – *Панченко, А. А.* Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы / А. А. Панченко // Живая старина. – 2001. – № 1 (29). – С. 7–9.
198. Панченко 2002 – *Панченко, А. А.* Христовщина и скопчество : фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – М. : ОГИ, 2002. – 544 с.
199. Панченко 2012 – *Панченко, А. А.* Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности : «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени / А. А. Панченко. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 448 с.
200. Панченко 2019 – *Панченко, А. А.* «Местные святыни» : «материальная религия», агентность и медиальность / А. А. Панченко // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 108–112.
201. Панченко 2022 – *Панченко, А. А.* Религия (для) религиоведов? / А. А. Панченко // Антропологический форум. – 2022. – № 53. – С. 233–239.

202. Панченко 2024 – *Панченко, А. А.* Разговоры о сакральном / А. А. Панченко // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (4). – С. 7–21.
203. Панченко, Хонинева 2019 – *Панченко, А. А.* «Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии / А. А. Панченко, Е. А. Хонинева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 37 (4). – С. 7–18.
204. Пепеляева 2025 – *Пепеляева, С. В.* Объекты религиозной архитектуры как фактор формирования геокультурного образа города (на примере Нижнего Новгорода) / С. В. Пепеляева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения : Гуманитарные исследования. – 2025. – № 1 (24). – С. 68–74.
205. Петров, Гардер 2019 – *Петров, Н. В.* Бренды, символы и дизайн-код Нижнего Новгорода / Н. В. Петров, М. О. Гардер // Фольклор и антропология города. – 2019. – № 2 (3–4). – С. 180–190.
206. Подорога 2016 – *Подорога, В. А.* Вопрос о вещи : Опыты по аналитической антропологии / В. А. Подорога. – М. : Изд-во «Грюндриссе», 2016. – 348 с.
207. Поланьи 2002 – *Поланьи, К.* Великая трансформация : политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи ; пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2002. – 320 с. – [Рах Britannica].
208. Приход и община 2011 – Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. – 368 с.
209. Радченко 2021 – *Радченко, Д. А.* Пасха онлайн : конструирование соприсутствия в медиатизированном ритуале / Д. А. Радченко // Шаги / Steps. – Т. 7. – № 4. – 2021. – С. 173–197.
210. Радченко 2025 – *Радченко, Д. А.* Памятники святым : противоречия и неопределенности сакрального ландшафта российских городов / Д. А. Радченко // Этнографическое обозрение. – 2025. – № 1. – С. 23–45.
211. Разумова 1999 – *Разумова, И. А.* Семейные реликвии / И. А. Разумова // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Сборник МАЭ, Т. LVII. СПб. : «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 63–70.
212. Реконструирование практик 2025 – (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.) / сост. и ред. А. И. Завьялова. – М. : РГГУ, 2025. – 104 с.

213. Религиозные практики 2006 – Религиозные практики в современной России : Сб. статей / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – 400 с. – [Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 3].
214. Рехт 2014 – *Рехт, Р.* Верить и видеть : Искусство соборов XII–XV веков / Р. Рехт ; пер. с фр., науч. ред. О. С. Воскобойникова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 352 с.
215. Рогозин, Ипатова, Галиева 2020 – *Рогозин, Д. М.* Этнографическое интервью / Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова, Н. И. Галиева. – М. : Изд. дом «Дело», 2020. – 170 с.
216. Розанова 2005 – *Розанова, Н. М.* Экономический анализ института церкви / Н. М. Розанова // Terra Ecomomicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2005. – Т. 3. – № 3. – С. 24–35.
217. Российская антропология 2017 – Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2017. – 404 с. – [Инновации в антропологии. Вып. 2].
218. Русселе 2011 – *Русселе, К.* Об отношениях между священниками и мирянами : послушание и благословение / К. Русселе ; пер. с фр. М. Р. Майзульса // Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. – С. 298–316.
219. Рязанова 2022 – *Рязанова, С. В.* Трансформация православного прихода : от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь) / С. В. Рязанова // Концепт : философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 41–54.
220. Салинз 1999 – *Салинз, М. Д.* Экономика каменного века / М. Д. Салинз ; пер. с англ. О. Ю. Артемовой, Ю. А. Огородновой, Л. М. Огороднова; науч. ред. и прим. О. Ю. Артемовой. – М. : ОГИ, 1999. – 296 с.
221. Салинс 2018 – *Салинс, М. Д.* Бедняк, богач, бигмен, вождь : политические типы в Меланезии и Полинезии / М. Д. Салинс ; пер. с англ. С. С. Будзинского, И. А. Кирпичникова // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 18–41.
222. Сальникова 2025 – *Сальникова, А. А.* История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку / А. А. Сальникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2025. – 240 с. – [Культура повседневности].
223. Сергазина 2006 – *Сергазина, К. Т.* Динамика возрождения русской религиозной культуры / К. Т. Сергазина // Религиозные практики в современной России / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 106–125.

224. Серто 2013 – *Серто, М. де*. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб : Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2013. – 330 с.
225. Сибирева 2006 – *Сибирева, О. А.* Современный священник и «народное православие» / О. А. Сибирева // Религиозные практики в современной России / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 149–177.
226. Сивков 2022 – *Сивков, Д. Ю.* Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе / Д. Ю. Сивков // Логос. – 2022. – Т. 32. – № 2. – С. 193–225.
227. Сивков 2023 – *Сивков, Д. Ю.* Исследования инфраструктур / Д. Ю. Сивков // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2023. – № 1 (147). – С. 121–124.
228. Смолкин 2021 – *Смолкин, В.* Свято место пусто не бывает : история советского атеизма / В. Смолкин ; пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с. – [Studia religiosa].
229. Снеговая 2011 – *Снеговая, М. В.* Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов (на примере Украины). Дисс. ... канд. экон. наук / М. В. Снеговая. – М., 2011. – 193 с.
230. Соколовский 2016 – *Соколовский, С. В.* К самым вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) / С. В. Соколовский // Этнометодология : проблемы, подходы, концепции. Т. 21. – М. : Наследие ММК, 2016. – С. 9–33.
231. Соколовский 2016а – *Соколовский, С. В.* Материальная семиотика и этнография материальной культуры / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 103–115.
232. Соколовский 2017 – *Соколовский, С. В.* Теории вещей и этнографии материальности / С. В. Соколовский // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. – М. : ИЭА РАН, 2017. С. 3–30.
233. Социология вещей 2006 – *Социология вещей. Сборник статей* / под ред. В. С. Вахштайна**. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 392 с. – [Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»].
234. Ссорин-Чайков 2012 – *Ссорин-Чайков, Н. В.* Медвежья шкура и макароны : о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара / Н. В. Ссорин-Чайков // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13. – № 2. – С. 59–81.

235. Сукина 2022 – *Сукина, Л. Б.* Святой & исторический деятель : монументы «двойного назначения» в культуре памяти современной России / Л. Б. Сукина // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 2. – С. 10–29.
236. Сулейманова 2017 – *Сулейманова, О. А.* Переезд на новое место жительства : к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья) // Арктика и Север. – 2017. – № 27. – С. 30–51.
237. Сэмпсон 2024 – *Сэмпсон, Э.* Зачем изучать изношенность: несовершенство, воплощение и потенциал изношенного / Э. Сэмпсон ; пер. с англ. С. В. Абашевой // Теория моды. – 2024. – № 72 (2). – С. 11–26.
238. Сэмпсон 2024а – *Сэмпсон, Э.* Обувь, эмоциональная привязанность и аффекты ношения / Э. Сэмпсон ; пер. с англ. С. В. Абашевой. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 288 с.
239. Тарабукина 2000 – *Тарабукина, А. В.* Фольклор и духовная культура «церковных людей» : Опыт исследования современного фольклора. Дисс... канд. филолог. наук / А. В. Тарабукина. – СПб. : Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), 2000. – 222 с.
240. Тарасов 1995 – *Тарасов, О. Ю.* Икона и благочестие : Очерки иконного дела в императорской России / О. Ю. Тарасов. – М. : Прогресс-Традиция, 1995. – 498 с.
241. Токарев 1970 – *Токарев, С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры / С. А. Токарев // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 3–17.
242. Топоров 1993 – *Топоров, В. Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе / В. Н. Топоров // Aequinox. – М., 1993. – С. 70–94.
243. Топоров 1995 – *Топоров, В. Н.* Апология Плюшкина : Вещь в антропоцентрической перспективе : Исследования в области мифопоэтического / Миф. Ритуал. Символ. Образ. / В. Н. Топоров ; ред. В. П. Руднев. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 7–111.
244. Тошева 2011 – *Тошева, Д.* От восстановления храма к созданию общины : самоограничение и материальные трудности как источники приходской идентичности / Д. Тошева // Приход и община в современном православии : корневая система российской религиозности / Под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. – С. 277–297.
245. Трубина, Саид 2020 – *Трубина, Е. Г.* От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности : понятие «живой религии» / Е. Г. Трубина, Л. Саид // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 11. – С. 185–188.
246. Узланер 2020 – *Узланер, Д. А.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке / Д. А. Узланер. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. – 416 с.

247. Успенский 1998 – *Успенский, Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 680 с.
248. Успенский 2002 – *Успенский, Б. А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Этюды о русской истории / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2002. – С. 313–360.
249. Успенский 2006 – *Успенский, Б. А.* Крест и круг: Из истории христианской символики / Успенский, Б. А. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 488 с.
250. Утехин 2004 – *Утехин, И. В.* Любимые вещи / И. В. Утехин // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 1 (33). – С. 95–99.
251. Филичева 2003 – *Филичева, О. Н.* Почитаемые источники Восточной Новгородчины / О. Н. Филичева // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 19–21.
252. Филичева 2006 – *Филичева, О. Н.* Записки для Ксении Блаженной : позиция церковнослужителей и народный обычай / О. Н. Филичева // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2006. – С. 171–183. – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/filicheva2.htm> (дата обращения: 26.02.2026). – Текст : электронный.
253. Филичева 2006а – *Филичева, О. Н.* «Народное православие» в городе и деревне : священник и ожидания паствы (религиозные праздники в 2001–2004 годах) / О. Н. Филичев // Религиозные практики в современной России / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 254–272.
254. Флоренский 1993 – *Флоренский, П.* Иконостас : Избранные труды по искусству / П. Флоренский ; сост. А. Г. Наследников. – СПб. : МИФРИЛ ; Русская книга, 1993. – 365 с. – [Классика искусствоведения].
255. Форум 2006 – Форум : этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – С. 6–166.
256. Форум 2022 – Форум : материальный поворот и антропология религии / под ред. Ж. В. Корминой, Е. А. Хониневой, С. А. Штыркова // Антропологический форум. – 2022. – № 55. – С. 31–152.
257. Фридберг 2026 – *Фридберг, Д.* Сила образа : восприятие искусства в Средние века и раннее Новое время / Д. Фридберг ; пер. с англ. Е. Николаевой, П. Соколова, С. Михелевой. – М. : Изд-во АСТ, 2026 – 512 с. – [История и наука Рунета. Страдающее Средневековье].

258. Фуллертон 1996 – *Фуллертон, М. Д.* О чудотворных образах в античной культуре / М. Д. Фуллертон // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / сост. А. М. Лидов. – М. : Мартис, 1996. – С. 11–18.
259. Харви 2020 – *Харви, Г.* Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь / Г. Харви ; пер. с англ. К. Колкуновой, науч. ред. А. Рахманин. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 368 с. – [Studia religiosa].
260. Церковные музеи 2019 – Опыт создания церковных музеев. Лучшие практики : Методическое пособие. – М. : Патриарший совет по культуре, 2019. – 149 с. – URL : <https://psk-mp.ru/121408.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
261. Цеханская 2013 – *Цеханская, К. В.* Почитание православных святых в России / К. В. Цеханская. – М. : Паломник, 2013. – 400 с.
262. Чеснокова 2005 – *Чеснокова, В. Ф.* Тесным путем : Процесс воцерковления населения России в конце XX века / В. Ф. Чеснокова. – М. : Академический Проект, 2005. – 304 с. – [Окна и зеркала].
263. Чиркова 2016 – *Чиркова, Н. В.* Вещи и предметы быта в контексте культуры повседневности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S14. – С. 46–50.
264. Чистяков 2006 – *Чистяков, П. Г.* Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) / П. Г. Чистяков // Религиозные практики в современной России : Сборник статей / под ред. А. С. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 273–289.
265. Шеваренкова 2001 – *Шеваренкова, Ю. М.* Народные рассказы о святых камнях в Нижегородском крае / Ю. М. Шеваренкова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия : Филология. – 2001. – №1. – С. 159–165.
266. Шеваренкова 2001a – *Шеваренкова, Ю. М.* Святые Серафима Саровского в Нижегородском крае. Культ Канавки / Ю. М. Шеваренкова // Традиционная культура. – 2001. – № 1. – С. 93–98.
267. Шеваренкова 2003 – *Шеваренкова, Ю. М.* Камни Серафима Саровского в Нижегородском крае / Ю. М. Шеваренкова // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 254–257.
268. Шевкунов 2015 – *Шевкунов, Т.* Церковный древлехранитель : Методическое пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства / Т. Шевкунов [и др.]. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 264 с.

269. Шенк 2007 – *Шенк, Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
270. Шпаковская 2000 – *Шпаковская, Л. Л.* Общественная ценность антиквариата / Л. Л. Шпаковская // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 70–84.
271. Шпаковская 2004 – *Шпаковская, Л. Л.* Старые вещи. Ценность : между государством и обществом / Л. Л. Шпаковская // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 1 (33). – С. 87–94.
272. Штырков 2003а – *Штырков, С. А.* Опыт изучения сельских святынь / С. А. Штырков // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 18.
273. Штырков 2006 – *Штырков, С. А.* После «народной религиозности» / С. А. Штырков // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2006. – С. 7–15.
274. Штырков 2021 – *Штырков, С. А.* Религия, или Узы благочестия / С. А. Штырков. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2021. – 172 с. – [Азбука понятий].
275. Штырков 2022 – *Штырков, С. А.* «Материальная религия» как метод социальной антропологии и проблема доступа исследователя к «реальному» религиозному опыту (заключение) / С. А. Штырков // Антропологический форум. – 2022. – № 55. – С. 153–164.
276. Щедрина 2019 – *Щедрина, О. М.* Цифровой свет как средство сакрализации церковных пространств : проблемы современности / О. М. Щедрина // Тезисы международной конференции «От Цвета к свету : проблемы взаимодействия искусств на рубеже тысячелетий» (17–18 октября, 2019). – С. 74.
277. Щепанская 1995 – *Щепанская, Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Т. Б. Щепанская // Русский Север : К проблеме локальных групп / ред.-сост., авт. введения Т. А. Бернштам. – СПб. : МАЭ РАН, 1995. – С. 111–174.
278. Щепанская 2003 – *Щепанская, Т. Б.* Полевик : фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) / Т. Б. Щепанская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том VI. – № 2. – С. 165–179.
279. Щепанская 2011 – *Щепанская, Т. Б.* Диалоги с вещами : конструирование виртуального партнера в рамках инструментальной деятельности / Т. Б. Щепанская // Вестник Челябинского государственного университета : Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 57. – № 24 (239). – С. 293–298.

280. Щепанская 2019 – *Щепанская, Т. Б.* Маркер в системе распределения знания / Т. Б. Щепанская // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 113–116.
281. Akrich, Latour 1992 – *Akrich, M.* A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies / M. Akrich, B. Latour. – Cambridge, MA : The MIT Press. – 261 p.
282. Appadurai 2013 – *Appadurai, A.* Introduction : Commodities and the politics of value / A. Appadurai // The social life of things : Commodities in cultural perspective / ed. by A. Appadurai. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 3–63.
283. Asad 2001 – *Asad, T.* The Construction of Religion as an Anthropological Category // A Reader in the Anthropology of Religion / T. Asad. – Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2001. – P. 110–126.
284. Baert 2018 – *Baert, B.* Art and Mysticism as Horticulture : Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries in an Interdisciplinary Perspective / B. Baert // Art and Mysticism : Interfaces in the Medieval and Modern Periods. – New York : Routledge, 2018. – P. 104–127.
285. Baert, Iterbeke, Watteeuw 2017 – *Baert, B.* Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries : Mixed Media, Remnant Art, Récyclage and Gender in the Low Countries (Sixteenth Century Onwards) / B. Baert, H. Iterbeke, L. Watteeuw // The Agency of Things in Medieval and Early Modern Art : Materials, Power and Manipulation. – New York : Routledge, 2017. – P. 33–47.
286. Blewett, Wayne 2016 – *Blewett, C.* Actant affordances : a brief history of affordance theory and a Latourian extension for education technology research / C. Blewett, H. Wayne // CriSTaL : Critical Studies in Teaching & Learning. – 2016. – Vol. 4. – Is. 1. – P. 55–73.
287. Burchardt 2023 – *Burchardt, M.* Infrastructuring Religion : Materiality and Meaning in Ordinary Urbanism / M. Burchardt // Space and Culture. – 2023. – Vol. 26. – Is. 2. – P. 180–191.
288. Caldwell 2005 – *Caldwell, M. L.* A New Role for Religion in Russia's New Consumer Age : the Case of Moscow / M. L. Caldwell // Religion, State & Society. – 2005. – Vol. 33. – Is. 1. – P. 19–34.
289. Chidester 2014 – *Chidester, D.* The Accidental, Ambivalent, And Useless Sacred / D. Chidester // Material Religion. – 2014. – Vol. 10. – Is. 2. – P. 239–240.
290. Death of Sacred Texts 2010 – The Death of Sacred Texts : Ritual Disposal and Renovation of Texts in World religions / ed. by K. Myrvold ; Lund University, Sweden. – Farnham ; Burlington: Ashgate, 2010. – 172 p.
291. Doronin 2018 – *Doronin, D. Yu.* The 'soft iconoclasm' in vernacular orthodoxy of Volga Finns / D. Yu. Doronin // IKON. – 2018. – Vol. 18. – P. 197–204.

292. Dubovka 2018 – *Dubovka, D.* Struggling Bodies at the Crossroads of Economy and Tradition. The Case of Contemporary Russian Convents / D. Dubovka // *Praying with the Senses : Contemporary Orthodox Christian Spirituality in Practice* / ed. by S. Luehrmann. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 2018. – P. 192–211.
293. Empire of Things 2001 – *The Empire of Things : Regimes of Value and Material Culture* / ed. by F. R. Myers. – Santa Fe : School of American Research Press ; Oxford: James Currey, 2001. – 356 p. – [School of American Research advanced seminar series].
294. Geary 2013 – *Geary, P.* Sacred commodities : the circulation of medieval relics / P. Geary // *The social life of things : Commodities in cultural perspective* / ed. by A. Appadurai. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – P. 169–191.
295. Hanganu 2010 – *Hanganu, G.* Eastern Christians and religious objects : personal and material biographies entangled / G. Hanganu // *Eastern Christians in anthropological perspective* / ed. by Ch. M. Hann, H. Goltz. – Berkeley : Univ. of California Press, 2010. – P. 33–55.
296. Harland 1996 – *Harland, P. A.* Honours and Worship : Emperors, Imperial Cults and Associations at Ephesus / P. A. Harland // *Studies in Religion. Sciences Religieuses*. – Toronto, 1996. – Vol. 25. – Is. 3. – P. 319–334.
297. Hazard 2013 – *Hazard, S.* The Material Turn in the Study of Religion / S. Hazard // *Religion and Society : Advances in Research*. – 2013. – Is. 4. – P. 58–78.
298. Hoelzchen, Kirby 2020 – *Hoelzchen, Y. M.* Introduction : Conceptualising Religious Infrastructures : Paper presented at workshop «Conceptualising Religious Infrastructures» at Frobenius Institute, Goethe University, Frankfurt, 24 September 2020 / Y. M. Hoelzchen, B. Kirby – URL : https://www.researchgate.net/publication/344370240_Introduction_Conceptualising_Religious_Infrastructures. (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
299. Hoelzchen, Kirby 2024 – *Hoelzchen, Y. M.* Religious infrastructure : establishing a research agenda / Y. M. Hoelzchen, B. Kirby // *Religion, State & Society*. – 2024. – Vol. 52. – Is. 2–3. – P. 88–95.
300. Hooper 2014 – *Hooper, S.* Bodies, Artefacts and Images. A Cross-cultural Theory of Relics / S. Hooper // *Matter of Faith : An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration in the Medieval Period* / ed. by J. Robinson, L. De Beer, A. Harnden. – London : The British Museum Press, 2014. – P. 190–199.
301. Keane 2003 – *Keane, W.* Semiotics and the Social Analysis of Material Things / W. Keane // *Language & Communication*. – 2003. – Vol. 23. – Is. 3–4. – P. 409–425.

302. Keane 2014 – *Keane, W.* Affordances and reflexivity in ethical life : an ethnographic stance / W. Keane // *Anthropological Theory*. – 2014. – Vol. 14 – Is. 1. – P. 3–26.
303. Keane 2014a – *Keane, W.* Rotting Bodies : The Clash of Stances toward Materiality and Its Ethical Affordances / W. Keane // *Current Anthropology*. – 2014. – Vol. 55. – P. 312–321.
304. Key Terms 2015 – *Key Terms in Material Religion* / ed. by S. B. Plate. Bloomsbury Academic. – London : Bloomsbury Publishing, 2015. – 284 p.
305. Kirby 2024 – *Kirby, B.* Religious infrastructure : designations, transformations, entanglements / B. Kirby // *Religion, State & Society*. – Vol. 52. – Is. 2–3. – P. 96–113.
306. Köllner 2011 – *Köllner, T.* Built with Gold or Tears? Moral Discourses on Church Construction and the Role of Entrepreneurial Donations / T. Köllner // *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia* / ed. by J. Zigon. – N. Y. : Berghahn Books, 2011. – P. 191–213.
307. Köllner 2013 – *Köllner, T.* Businessmen, Priests and Parishes : Religious Individualization and Privatization in Russia / T. Köllner // *Archives de Sciences Sociales des Religions*. – 2013. – Vol. 162. – Is. 2. – P. 37–53.
308. Kormina, Shtyrkov 2011 – *Kormina, J.* St. Xenia as a Patron of Female Social Suffering : An Essay on Anthropological Hagiology / J. Kormina, S. Shtyrkov // *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia* / ed. by J. Zigon. – New York : Berghahn Books, 2011. – P. 168–190.
309. Lackenby 2024 – *Lackenby, N.* Have you visited our monasteries? Serbian monastic heritage as religious infrastructure / N. Lackenby // *Religion, State & Society*. – Vol. 52. – Is. 2–3. – P. 176–194.
310. Larkin 2013 – *Larkin, B.* The Politics and Poetics of Infrastructure / B. Larkin // *Annual Review of Anthropology*. – 2013. – Vol. 42. – P. 327–343.
311. Material Religion. The Journal of Objects, Art and Belief // Taylor & Francis Online. – URL : <https://www.tandfonline.com/journals/rfmr20> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
312. Meyer 2009 – *Meyer, B.* Introduction. From Imagined Communities to Aesthetic Formations : Religious Mediations, Sensational Forms, and Styles of Binding / B. Meyer // *Aesthetic Formations : Media, Religion, and the Senses* / ed. by B. Meyer. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 1–28.
313. Meyer 2011 – *Meyer, B.* Mediation and immediacy : sensational forms, semiotic ideologies and the question of the medium / B. Meyer // *Social Anthropology*. – 2011. – Vol. 19. – Is. 1. – P. 23–39.
314. Meyer 2020 – *Meyer, B.* Religion as Mediation / B. Meyer // *Entangled Religions*. – 2020. – Vol. 11. – Is. 3. – URL : <https://doi.org/10.13154/er.11.2020.8444> – Текст : электронный.

315. Meyer et al. 2010 – *Meyer, B.* The origin and mission of Material Religion / B. Meyer, D. Morgan, C. Paine, B. Plate // Religion. – 2010. – Vol. 40. – P. 207–211.
316. Meyer, Houtman 2012 – *Meyer, B.* Introduction : Material Religion – How Things Matter / B. Meyer, D. Houtman // Things : religion and the question of materiality / ed. by B. Meyer, D. Houtman. – New York : Fordham Univ. Press, 2012. – P. 1–23.
317. Myzelev 2021 – *Myzelev, A.* Loud Feminism : Pussy Riot's Presumed Violations / A. Myzelev // Women and Nonviolence / ed. by A. Hamling. – Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2021. – P. 24–41.
318. Paine 2013 – *Paine, C.* Religious Objects in Museums : Private Lives and Public Duties / C. Paine. – London : Routledge, 2013. – 192 p.
319. Paine 2014 – *Paine, C.* Sacred Waste / C. Paine // Material Religion. – 2014. – Vol. 10. – Is. 2. – P. 241–243.
320. Panchenko 2014 – *Panchenko, A.* How to Make a Shrine with Your Own Hands : Local Holy Places and Vernacular Religion in Russia / A. Panchenko // Vernacular Religion in Everyday Life. Expression of Belief / ed. by M. Bowman, Ü. Valk. – N. Y. : Routledge, 2014. – P. 27–37.
321. Pels, Hetherington, Vandenberghe 2002 – *Pels, D.* The Status of the Object : Performances, Mediations, and Techniques / D. Pels, K. Hetherington, F. Vandenberghe // Theory, Culture & Society. – 2002. – Vol. 19. – Is. 5–6. – P. 1–21.
322. Primiano 1996 – *Primiano, L. N.* Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife / L. N. Primiano // Western Folklore. Reflexivity and the Study of Belief / ed. by D. J. Hufford. – 1996. – Vol. 54. – Is. 1. – P. 37–56.
323. Radchenko 2022 – *Radchenko, D.* Mediated Easter : Constructing Religious Rituals In A Lockdown / D. Radchenko // Folklore (Estonia). – 2022. – Vol. 87. – P. 105–124.
324. Schmitt 2002 – *Schmitt, J.-Cl.* Le corps des images. Essais sur la culture visuelle au Moyen Âge / J.-Cl. Schmitt. – Paris : Gallimard, 2002. – [Collection «Le temps des images»].
325. Scott 1976 – *Scott, J. C.* The Moral Economy of the Peasant : Rebellion and Subsistence in Southeast Asia / J. C. Scott. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1976. – 246 p.
326. Social Life of Things 2013 – The Social Life of Things : Commodities in Cultural Perspectives / ed. by A. Appadurai. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 342 p.
327. Ssorin-Chaikov 2013 – *Ssorin-Chaikov, N.* Gift/knowledge relations at the exhibition of gifts to Soviet leaders / N. Ssorin-Chaikov // Laboratorium : Russian Review of Social Research. – 2013. – Vol. 5. – Is. 2. – P. 166–192.
328. Stengs 2014 – *Stengs, I.* Sacred Waste / I. Stengs // Material Religion. – 2014. – Vol. 10. – Is. 2. – P. 235–238.

329. Tocheva 2011 – *Tocheva, D.* An Ethos of Relatedness : Foreign Aid and Grassroots Charities in Two Orthodox Parishes in North-Western Russia / D. Tocheva // Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia / ed. by J. Zigon. – New York : Berghahn Books. – P. 67–91.
330. Tocheva 2014 – *Tocheva, D.* The Economy of the Temples of God in the Turmoil of Changing Russia / D. Tocheva // European Journal of Sociology. – 2014. – Vol. 55. – Is. 1. – P. 1–24.
331. Triplett 2017 – *Triplett, K.* The Making and Unmaking of Religious Objects : Sacred Waste Management in Comparative Perspective / K. Triplett // Materiality in Religion and Culture / ed. by S. S. Morishita ; Tenri Univ. ; Marburg Univ. – Zürich : Lit Verlag, 2017. – P. 143–154.

Энциклопедические и справочные издания

1. Агапкина 2012 – *Агапкина, Т. А.* Троица / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : В 5 т. Т. 5. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – С. 321–325.
2. Белова 2004 – *Белова, О. В.* Обет / О. В. Белова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : В 5 т. Т. 3. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 446–448.
3. Валенцова, Виноградова 2004 – *Валенцова, М. М.* Мусор / М. М. Валенцова, Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : В 5 т. Т. 3. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 337–340.
4. Виноградова 2012 – *Виноградова, Л. Н.* Уничтожение ритуальное / Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : В 5 т. Т. 5. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – С. 371–373.
5. Ионин 2010 – *Ионин, Л. Г.* Культура материальная и духовная / Л. Г. Ионин // Новая философская энциклопедия. Т. 2 ; Институт философии РАН ; Национальный общественно-научный фонд; председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – С. 348.
6. Красноглазов 2007 – *Красноглазов, А.Б.* Артефакт / А. Б. Красноглазов // Культурология. Энциклопедия. Т. 1. – М. : «Российская политическая энциклопедия» («РОССПЭН»), 2007. – С. 122.
7. Ткаченко 2008 – *Ткаченко, А. А.* Евлогия / А. А. Ткаченко // Православная энциклопедия. Т. 17. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2008. – С. 178–179. – URL : <https://www.pravenc.ru/text/187216.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

8. Церковный музей // Российская музейная энциклопедия. – URL : <https://clck.ru/3LmLBv> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
9. Цыпин 2020 – *Цыпин, В. А. (прот.)*. Приход / прот. В. А. Цыпин // Православная энциклопедия. Т. 58. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2020. – С. 245–251. – URL : <https://www.pravenc.ru/text/2660892.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
10. Цыпин 2020а – *Цыпин, В. А. (прот.)*. Причт / прот. В. А. Цыпин // Православная энциклопедия. Т. 58. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2020. – С. 252. – URL : <https://www.pravenc.ru/text/2660898.html> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
11. Эпштейн 2003 – *Эпштейн, М. Н.* Реалогия / М. Н. Эпштейн // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. – СПб. : Алетея, 2003. – С. 346–350.
12. Brandeum 1981 – Brandeum // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IVa. – СПб. : 1891. – С. 590 – URL : <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/Brandeum> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

Нормативно-правовые документы

1. Типовой устав прихода 2009 – Типовой Устав Местной религиозной организации православного прихода 2009 г. // Православный портал «Азбука веры». – URL : <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/tipovoj-ustav-mestnoj-religioznoj-organizatsii-pravoslavnogo-prihoda/> дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.
2. Устав РПЦ 2000 – Устав Русской православной церкви 2000 г. (исправления и добавления 2008, 2011, 2013, 2016, 2017 гг.). – URL : <https://www.patriarchia.ru/article/98935> (дата обращения : 26.02.2026). – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение. Иллюстрации

Ил. 1. Контактная реликвия – брандея: «Шапочка, освященная на мощах преп. Серафима Саровского». Надпись мелким шрифтом: «Изделие, освященное на мощах, является святыней. Можно с молитвой надевать его при душевных и телесных недугах, прикладывать к больным местам. Хранить у икон или с другими святынями». Церковная лавка Кафедрального собора Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, октябрь 2024 г.

Ил. 2. «Большой» камень Серафима Саровского с выщерблинами. Царский скит, пос. Прибрежный, Первомайский р-н, Нижегородская обл. Фото Д.Ю. Доронина, июнь 2021 г.

Ил. 3. Предупреждающее объявление в церковной лавке, надписи на трех языках: «Иконы освящены, не прикасайтесь!». Храм Христа Спасителя, г. Москва. Фото А.И. Завьяловой, январь 2025 г.

Ил. 4. Объявление на двери церковной лавки: «Церковная утварь освящена. Возврату и обмену не подлежит». Благовещенский кафедральный собор, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 5. Контейнеры для раздельной сортировки бытового мусора. Кафедральный собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 6. Оплата пожертвования по QR-коду. Кафедральный собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 7. Табличка с ктиторской надписью на камнях Голгофы. Текст: «Сооружена на средства р.б. Сергея Колесникова 1999 года марта 19». Казанский кафедральный собор, г. Санкт-Петербург. Фото А.И. Завьяловой, ноябрь 2023 г.

Ил. 8. Чайные ложки, помещенные в качества дара к иконе Богоматери Знамение. Знаменская церковь, пгт. Ардатов, Нижегородская обл. Фото А.И. Завьяловой, июнь 2021 г.

Ил 9. Купюры под стеклом киота. Храм Пророка Илии, г. Владикавказ. Фото С.М. Тюниной, 2021 г.

Ил. 10. Исторические вотивные монеты размещены под стеклом киота иконы Николая Чудотворца. На стекле лежат пятирублевые и другие современные монеты. Кафедральный собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Илл. 11–14. Объявления на ящиках для пожертвований, отдельных для различных храмовых нужд: «на благоустройство собора», «воинам, находящимся в зоне боевых действий», «на нужды собора», «на изготовление новых ковчегов для мощей». Благовещенский кафедральный собор, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 15. Коллаж. Два ящика для пожертвований в Преображенском храме с. Вельяминово (Домодедовский р-н, Московская обл.). На ящиках надписи: «Пожертвование людям, находящимся в зоне проведения специальной военной операции» и «Пожертвование на благоустройство храма». Фото А.И. Завьяловой, март 2026 г.

Ил. 16. Вотивные дары разных типов (сережки, крестики, медальоны, кольца) отделены друг от друга и развешены на разные цепочки. Смоленский собор, пгт. Выездное, Арзамасский р-н, Нижегородская обл. Фото Д.И. Антонова, июнь 2022 г.

Ил. 17. Коробочки для сбора пожертвований в церковной лавке. Одна из них – для пожертвований «на цветы к Празднику». Никольская церковь, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 18. Корзинки и ящики для пожертвований. Среди них – корзинка для «Пожертвования на Цветы для украшения Икон Богородицы». Кафедральный храм Христа Спасителя, г. Калининград. Фото А.И. Завьяловой, август 2024 г.

Ил. 19. Флористический венок снят с Феодоровской иконы Божией Матери. Архиерей раздает цветы от него присутствующим на службе верующим. Источник: В Городце проводили чудотворную икону Божией Матери «Феодоровская» // Официальный сайт Нижегородской митрополии. 14.07.2024. URL: <https://nne.ru/news/v-gorodtse-provodili-chudotvornuyu-ikonu-bozhiej-materi-feodorovskaya/> (дата обращения: 26.02.2026).

Ил. 20. Букетики из засохших цветов и веточек от флористической композиции, снятой с Распятия после праздника Крестовоздвижения. Поднос с букетиками стоит на столике в притворе храма, где их могут свободно забирать прихожане. Церковь Иоанна Богослова и Андрея Первозванного в Житенном монастыре, г. Осташков, Тверская обл. Фото А.И. Завьяловой, октябрь 2023 г.

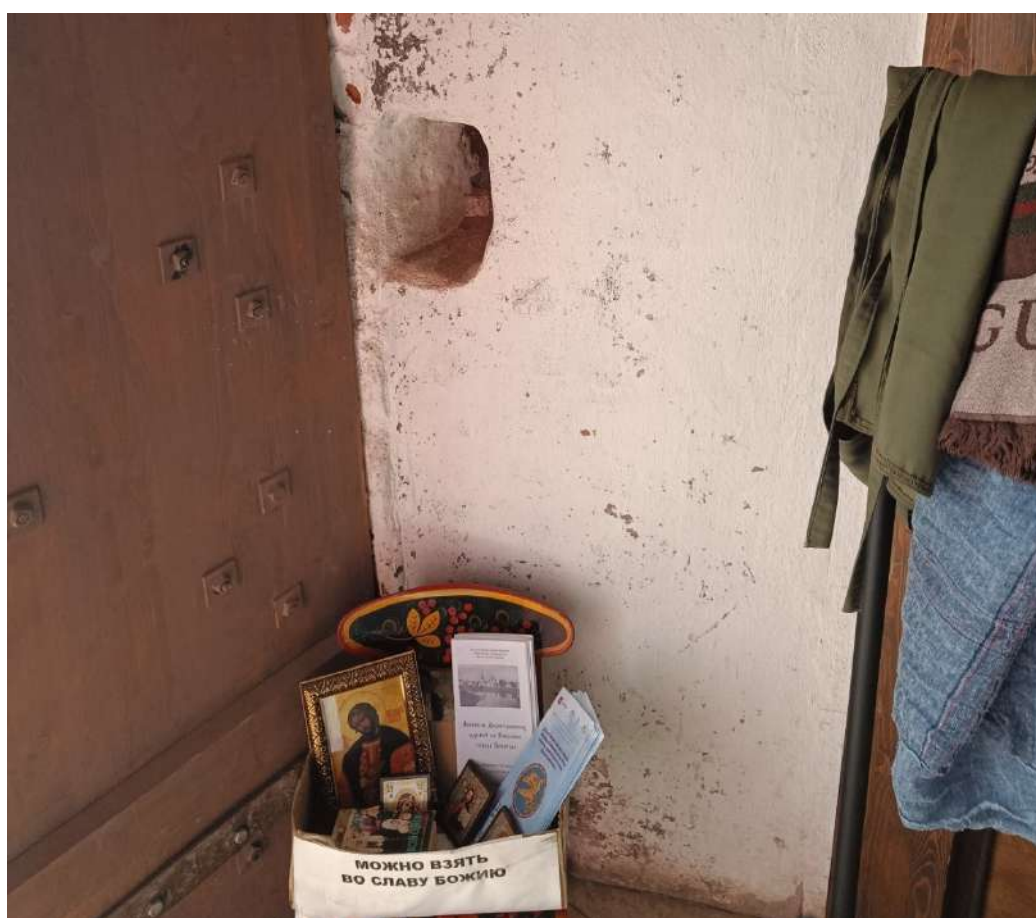
Илл. 21–22. Стекланный ящик для записок, установленный под скульптурным изображением Николая Чудотворца (Можайского). Богоявленский монастырь, пгт. Мстёра, Вязниковский р-н, Владимирская обл. Фото А.И. Завьяловой, май 2023 г.

Илл. 23–24. Храмовая икона Матроны Московской. Справа на фотографии – сундучок для записок святой. Кафедральный собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г., июнь 2025 г.

Ил. 25. Столик для приноса. Собор Казанской иконы Божией матери, г. Кириллов, Вологодская обл. Фото: А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 26. Коробка с вещами из церковного приноса с надписью «Можно взять во славу Божию» в притворе Церкви Успения Пресвятой Богородицы на Наволоке, г. Вологда. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 27. Столики и полки для обмена церковной атрибутикой в притворе Никольской церкви, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 28. Столик для приноса в церкви Параскевы Пятницы, г. Семилуки, Воронежская обл. Фото А.И. Завьяловой, июль 2023 г.

Ил. 29. Столик для приноса в притворе Собора Тихвинской Богоматери, г. Данков, Липецкая обл. Фото А.И. Завьяловой, июль 2023 г.

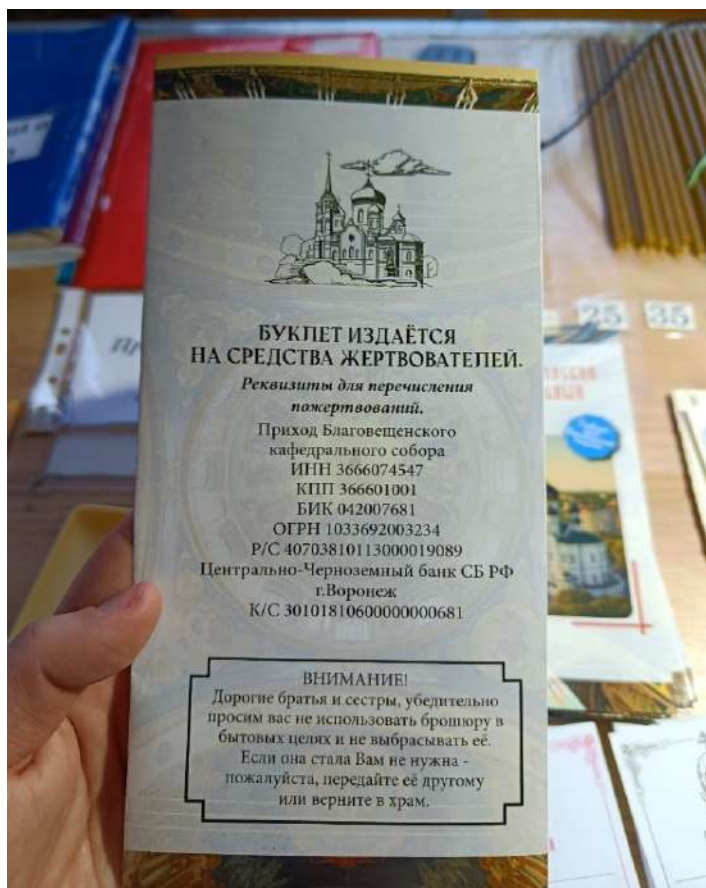
Ил. 30. Склад предметов из церковного приноса в неотреставрированном приделе Нового собора Казанской иконы Божией Матери, г. Лебедянь, Липецкая обл. Фото А.И. Завьяловой, июль 2023 г.

Ил. 31. Объявление: «Кафедральный собор не принимает книги, иконы, пакетики, газеты, журналы для сжигания и утилизации. Также Собор не ведет прием вещей для нуждающихся...». Притвор, кафедральный собор Александра Невского, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 32. Письменная просьба не приносить старые (церковные) вещи на доске объявлений в Спасо-Преображенской (Карповской) церкви, г. Нижний Новгород. Фото А.И. Завьяловой, май 2023 г.

Ил. 33. Буклет с надписью: «Внимание! Дорогие братья и сестры, убедительно просим вас не использовать брошюру в бытовых целях и не выбрасывать её. Если она стала Вам не нужна – пожалуйста, передайте её другому или **верните** в храм». Церковная лавка Благовещенского кафедрального собора, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2025 г.

Ил. 34. Две церковные печи – для мусора из наоса и из алтаря. Свято-Никольский скит Серафимо Дивеевского монастыря, с. Автодеево, Ардатовский р-н, Нижегородская обл. Фото Д.Ю. Доронина, сентябрь 2021 г.

Ил. 35. Два церковных колодца – для освященной воды и для воды после мытья церковных полов. Знаменский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, с. Хрипуново, Ардатовский р-н, Нижегородская обл. Фото Д.Ю. Доронина, сентябрь 2021 г.

Ил. 36. Два церковных колодца – для воды из церкви и из алтаря, помечены соответствующими буквами. Меляевский скит Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, д. Меляево, г.о. Кулебаки, Нижегородская обл. Фото А.И. Завьяловой, октябрь 2023 г.

Ил. 37. Розы в холодильнике в кафедральном соборе Александра Невского в Нижнем Новгороде. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 38. Холодильник для роз во внутренней церковной лавке в кафедральном соборе Александра Невского в Нижнем Новгороде. Источник: 3D-тур по собору. URL: // Официальный сайт Кафедрального собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. URL: <https://nevskiy-nne.ru/an2/index.html> (дата обращения: 26.02.2026).

Ил. 39. Икона Богородицы «Феодоровская» в киоте, кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 40. Вотивный украшения под стеклом киота Богородицы «Феодоровская», кафедральный собор Александра Невского в Нижнем Новгороде. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 41. Локус для «пищевого приноса» в притворе кафедрального собора Александра Невского в Нижнем Новгороде. Фото А.И. Завьяловой, апрель 2023 г.

Ил. 42. Объявление о приёме вещей для нуждающихся на внутренней стороне входной двери в Воскресенский храм г. Воронежа. Фото А.И. Завьяловой, июль 2023 г.

Ил. 43. Окно в притворе храма, место стихийного приноса церковных предметов. Воскресенский храм, г. Воронеж. Фото В.И. Коровина, апрель 2025 г.

Ил. 44. Мешок от предметов из церковного приноса. Подпись от «жертвователя»: «Иконы. Для Виктора Коровина». Воскресенский храм, г. Воронеж. Фото А.И. Завьяловой, февраль 2025 г.